В. ШКЛОВСКІЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВИКТОРЪ ШКЛОВСКІЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОСПОМИНАНІЯ 1917 — 1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА/БЕРЛИНЪ
1923

Published by *Antiquary*
ORANGE, Conn. USA – DUSSELDORF, West Germany

ВИКТОРЪ ШКЛОВСКІЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОСПОМИНАНІЯ
1917 — 1922

Петербургъ — Галиція — Персія — Саратовъ — Кіевъ — Петербургъ — Днѣпръ — Петербургъ — Берлинъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА / БЕРЛИНЪ
1923

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

РЕВОЛЮЦІЯ И ФРОНТЪ

Передъ революціей я работалъ какъ инструкторъ Запаснаго Броневого Дивизіона — состоялъ на привилегированномъ солдатскомъ положеніи.

Никогда не забуду ощущенія того страшнаго гнета, которое испытывалъ я и мой братъ, служившій штабнымъ писаромъ.

Помню воровскую побѣжку по улицѣ послѣ 8 часовъ и трехмѣсячное безвыходное сидѣнье въ казармахъ, а главное трамвай.

Городъ былъ обращенъ въ военный лагерь. «Семишники», такъ звали солдатъ военныхъ патрулей за то, что они — говорилось — получали по двѣ копейки за каждаго арестованнаго, ловили насъ, загоняли во дворы, набивали комендантство. Причиной этой войны было переполненіе солдатами вагоновъ трамвая и отказъ солдатъ платить за проѣздъ.

Начальство считало этотъ вопросъ — вопросомъ чести. Мы, — солдатская масса, отвѣчали имъ глухимъ озлобленнымъ саботажемъ.

Можетъ быть это ребячество, но я увѣренъ, что сидѣніе безъ отпуска въ казармахъ, гдѣ забранные и оторванные отъ дѣла люди гноились безъ всякаго дѣла на нарахъ, казарменная тоска, темное томленіе и злоба солдатъ на то, что за ними охотились по улицамъ, все это больше революціонизировало Петербургскій гарнизонъ, чѣмъ постоянныя военныя неудачи и упорные, всеобщіе толки объ «измѣнѣ».

На трамвайныя темы создавался спеціальный фольклоръ, жалкій и характерный. Напримѣръ: сестра милосердія ѣдетъ съ ранеными, генералъ привязывается къ раненымъ, оскорбляетъ и сестру; тогда она скидываетъ плащъ и оказывается въ мундирѣ великой княгини; такъ и говорили: «въ мундирѣ». Генералъ становится на колѣни и проситъ прощенія, но она его не прощаетъ. Какъ видите — фольклоръ еще совершенно монархическій.

Разсказъ этотъ прикрѣпляется то къ Варшавѣ, то къ Петербургу.

Разсказывалось объ убійствѣ казакомъ генерала, который хотѣлъ стащить казака съ трамвая и срывалъ его кресты. Убійство изъ-за трамвая, кажется, дѣйствительно случилось въ Питерѣ, но генерала я отношу уже къ эпической обработкѣ; въ ту пору на трамваяхъ генералы еще не ѣздили, — исключая отставныхъ бѣдняковъ.

Агитаціи въ частяхъ не было и, по крайней мѣрѣ, я могу это сказать про свою часть, гдѣ я проводилъ съ солдатами все время съ пяти-шести утра до вечера. Я говорю про партійную агитацію; но и при ея отсутствіи все же революція была какъ-то рѣшена, — знали, что она будетъ, думали, что разразится послѣ войны.

Агитировать въ частяхъ было некому, партійныхъ людей было мало, если были, такъ среди рабочихъ, которые почти не имѣли съ солдатами связи; интеллигенція, — въ самомъ примитивномъ смыслѣ этого слова, т.-е. всѣ, имѣющіе какое-нибудь образованіе, хоть два класса гимназіи, — была произведена въ офицеры и вели себя, по крайней мѣрѣ, въ Петербургскомъ гарнизонѣ, не лучше, а можетъ быть — хуже кадрового офицерства; прапорщикъ былъ не популяренъ, особенно тыловой, зубами вцѣпившійся въ запасный батальонъ. О немъ солдаты пѣли:

Прежде рылся въ огородѣ
Теперь ваше благородіе.

Изъ этихъ людей многіе виноваты лишь въ томъ, что слишкомъ легко поддались великолѣпно поставленной муштровкѣ военныхъ училищъ. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи искренно были преданы дѣлу революціи, правда такъ же легко поддавшись ея вліянію, какъ прежде легко одержимордились.

Исторія съ Распутинымъ была широко распространена. Я не люблю этой исторіи; въ томъ, какъ разсказывалась она, было видно духовное гніеніе народа. Послѣ, революціонные листки, всѣ эти «Гришки и его дѣлишки» и успѣхъ этой литературы показали мнѣ, что для очень широкихъ массъ Распутинъ явился своеобразнымъ національнымъ героемъ, чѣмъ-то въ родѣ Ваньки Ключника.

Но вотъ въ силу разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ однѣ прямо царапали нервы и создавали поводъ для

вспышки, а другія дѣйствовали изнутри, медленно измѣняя психику народа, ржавые, железные обручи, стягивающіе массу Россіи — натянулись.

Продовольствіе города все ухудшалось, по тогдашнимъ мѣркамъ оно стало плохо. Ощущалась недостача хлѣба, у хлѣбныхъ лавокъ появились хвосты, на Обводномъ каналѣ уже начали бить лавки, и тѣ счастливцы, которые сумѣли получить хлѣбъ, несли его домой, держа крѣпко въ рукахъ, глядя на него влюбленно.

Покупали хлѣбъ у солдатъ, въ казармахъ исчезли корки и куски, прежде представляющіе вмѣстѣ съ кислымъ запахомъ неволи «мѣстные знаки» казармъ.

Крикъ «хлѣба» раздавался подъ окнами и у воротъ казармъ, уже плохо охраняемыхъ часовыми и дежурными, свободно пропускавшими на улицу своихъ товарищей.

Казарма, разувѣрившаяся въ старомъ строѣ, прижатая жестокой, но уже неувѣренной рукой начальства, забродила. Къ этому времени кадровый солдатъ, да и вообще солдатъ 22—25 лѣтъ былъ рѣдкостью. Онъ былъ звѣрски и безтолково перебитъ на войнѣ.

Кадровые унтеръ-офицеры были влиты въ качествѣ простыхъ рядовыхъ въ первые же эшелоны и погибли въ Пруссіи, подъ Львовымъ и при знаменитомъ «великомъ» отступленіи, когда русская армія вымостила всю землю своими трупами. Питерскій солдатъ тѣхъ дней — это недовольный крестьянинъ или недовольный обыватель.

Эти люди, даже не переодѣтые въ сѣрыя шинели, а просто наспѣхъ завернутые въ нихъ, были сведены въ толпы, банды и шайки, называемыя запасными батальонами.

Въ сущности говоря, казармы стали просто кирпичными загонами, куда все новыми и новыми, зелеными и красными бумажками о призывахъ — загонялись стада человѣчины.

Численное отношеніе командного состава къ солдатской массѣ было по всей вѣроятности не выше, чѣмъ надсмотрщиковъ къ рабамъ на невольничьихъ корабляхъ.

А за стѣнами казармы ходили слухи, «что рабочіе собираются выступить», что «Колпинцы 18 февраля хотятъ итти къ Государственной Думѣ».

У полукрестьянской, полумѣщанской солдатской массы было мало связей съ рабочими, но всѣ обстоятельства складывались такъ, что создавали возможность нѣкоторой детонаціи.

Помню дни наканунѣ. Мечтательные разговоры инструкторовъ-шофферовъ, что хорошо было бы угнать броневикъ, пострѣлять въ полицію, а потомъ бросить броневикъ гдѣ-нибудь за заставой и оставить на немъ записку: «Доставить въ Михайловскій манежъ». Очень характерная черта: забота о машинѣ осталась. Очевидно у людей еще не было увѣренности въ томъ, что можно опрокинуть старый строй, хотѣли только пошумѣть. А на полицію сердились давно, главнымъ образомъ, за то, что она была освобождена отъ службы на фронтѣ.

Помню недѣли за двѣ до революціи, мы, идя командой (приблизительно человѣкъ въ двѣсти), улюлюкали на отрядъ городовыхъ и кричали: «фараоны, фараоны».

Въ послѣдніе дни февраля народъ буквально рвался на полицію, отряды казаковъ, высланные на улицу, никого не трогая, ѣздили добродушно посмѣиваясь. Это очень

поднимало бунтарское настроеніе толпы. На Невскомъ стрѣляли, убили нѣсколько человѣкъ, убитая лошадь долго лежала недалеко отъ угла Литейнаго. Я запомнилъ ее, тогда это было непривычно.

На Знаменской площади казакъ убилъ пристава, который ударилъ шашкой демонстрантку.

На улицахъ стояли нерѣшительные патрули. Помню сконфуженную, пулеметную команду съ маленькими пулеметами на колесикахъ (станокъ Соколова), съ пулеметными лентами на вьюках лошадей; очевидно, какая-то вьючнопулеметная команда. Она стояла на Бассейной, уголъ Басковой улицы; пулеметъ, какъ маленькій звереньшъ, прижался къ мостовой, тоже сконфуженный, его обступила толпа, не нападающая, но какъ-то напиравшая плечомъ, безрукая.

На Владимірскомъ стояли патрули Семеновскаго полка — каиновой репутаціи.

Патрули стояли нерѣшительно: «Мы ничего, мы какъ другіе». Громадный аппаратъ принужденія, приготовленный правительствомъ — буксовалъ. Въ ночь не выдержали волынцы, сговорились, по командѣ «на молитву», бросились къ винтовкамъ, разбили цейхгаузъ, взяли патроны, выбѣжали на улицу, присоединили къ себѣ нѣсколько маленькихъ командъ, стоящихъ вокругъ и поставили патрули въ районѣ своей казармы — въ Литейной части. Между прочимъ волынцы разбили нашу гауптвахту, находящуюся рядомъ съ ихъ казармой. Освобожденные арестованные явились въ команду по начальству; офицерство наше заняло нейтралитетъ, оно было тоже въ своеобразной оппозиціи «Вечерняго Времени». Казарма

шумѣла и ждала, когда придутъ выгонять ее на улицу. Наши офицеры говорили: «Дѣлайте, что сами знаете».

На улицахъ, въ моемъ районѣ уже отбирали оружіе у офицеровъ какіе-то люди въ штатскомъ, кучками выскакивая изъ воротъ.

У воротъ, несмотря на одиночные выстрѣлы, стояло много народа, даже женщины и дѣти. Казалось, что ждали свадьбы, или пышныхъ похоронъ.

Еще за три, четыре дня до этого наши машины были приведены по приказанію начальства въ негодность. Въ нашемъ гаражѣ инженеръ-вольноопредѣляющійся Бѣлицкинъ отдалъ снятыя части на руки солдатамъ-рабочимъ своего гаража. Но броневыя машины нашего гаража были переведены въ Михайловскій манежъ. Я пошелъ въ манежъ, онъ былъ уже полонъ людьми, угоняющими автомобили. На броневыхъ машинахъ не хватало частей. Мнѣ показалось необходимымъ поставить на ноги прежде всего пушечную машину Ланчесторъ. Запасныя части были у насъ въ школѣ. Пошелъ въ школу. Встревоженные дежурные и дневальные были на мѣстахъ. Это меня тогда удивило. Впослѣдствіи, когда въ концѣ 1918 года я подымалъ въ Кіевѣ панцырный дивизіонъ противъ гетмана, я увидѣлъ, что почти всѣ солдаты называли себя дежурными и дневальными, и уже не удивился.

Въ школѣ меня очень любили; солдатъ, открывшій мнѣ двери, спросилъ меня: «Вы, Викторъ Борисовичъ, за народъ?»—и на утвердительный отвѣтъ сталъ цѣловаться. Мы всѣ много цѣловались тогда. Мнѣ дали части и даже обѣщали, что не скажутъ, кто взялъ. Я пошелъ въ команду. До сихъ поръ не знаю, — пришли снимать ее или она

снялась и разошлась сама? Люди бродили вокругъ казармы. Взялъ двухъ бригадировъ гаража: Гнутова и Близникова, инструменты и пошелъ съ ними ремонтировать машину. Все это было днемъ, черезъ два-три часа послѣ выступленія волынцовъ — день первый.

Не понимаю, какъ утѣснилось столько событій въ этотъ день.

Броневикъ мы взяли и буксиромъ приволокли въ гаражъ на Ковенскій, гдѣ и начали ремонтировать, занявъ помѣщеніе и порвавъ телефоны; возились до вечера. Оказалось, что въ бензиновый бакъ была налита вода. Вода замерзла, пришлось выкалывать ледъ и высушивать бакъ концами.

Въ перерывѣ работы, забѣжалъ къ одному знакомому литератору.

У него въ комнатахъ было тѣсно и жарко, столъ былъ заставленъ ѣдой, табачный дымъ стоялъ стѣной, всѣ играли въ «тетку» и играли еще не вылазно два дня.

Этотъ человѣкъ потомъ очень скоро и очень искренно сталъ партійнымъ большевикомъ; коммунистами стали и почти всѣ сидѣвшіе тогда за столомъ.

А я такъ четко и сейчасъ помню еще ихъ высокомѣрную иронію къ «безпорядку на улицѣ!»

Еще раньше всего этого въ городѣ была объявлена забастовка. Трамваи не ходили. Останавливали тѣхъ извозчиковъ, которые не присоединились къ забастовкѣ. На углу Садовой и Невскаго встрѣтилъ знакомаго доцента, талантливѣйшаго и сумбурнѣйшаго человѣка, который прежде стоялъ близко къ академистамъ, кажется, по пья-

ному дѣлу. Онъ кричалъ и командовалъ группой, останавливающей экипажи. Этотъ человѣкъ былъ трезвъ, но совершенно внѣ себя.

Районъ вокругъ Государственной Думы уже охватило возстаніе. Близость Волынскихъ казармъ къ Таврическому Дворцу, который вообще находился въ районѣ казармъ — Волынскія, Преображенскія, Литовскія, Саперныя казармы (на Шпалерной) и память о думскихъ рѣчахъ (въ послѣднюю очередь) дѣлали Думу центромъ возстанія.

Кажется, первый отрядъ былъ приведенъ въ Думу товарищемъ Линде, впослѣдствіи убитымъ солдатами Особой арміи, гдѣ онъ былъ комиссаромъ. Это тотъ Линде, который вывелъ Финляндскій полкъ въ апрѣлѣ и пытался арестовать Временное Правительство послѣ знаменитой ноты Милюкова.

Нашъ броневикъ вышелъ и началъ метаться по городу. Темныя улицы были оживлены не густыми группами людей. Говорили, что стрѣляютъ городовые, то тутъ, то тамъ.

Были на Сампсоньевскомъ мосту, видали городовыхъ, но стрѣлять по нимъ не успѣли, всѣ они разбѣжались. Кое-гдѣ уже разбивали винные погреба, товарищи мои хотѣли взять вино, которое раздавали, но когда я сказалъ, что этого дѣлать не надо, они не стали спорить.

Въ это же время броневики съ Дворянской улицы тоже вышли съ товарищемъ Анардовичемъ и Огопіянсомъ во главѣ, они сразу заняли Петербургскую сторону и пошли къ Думѣ. Не знаю, кто сказалъ намъ, чтобы мы ѣхали тоже къ Думѣ.

У подъѣзда ея стоялъ уже, кажется, броневикъ Гарфордъ.

Въ дверяхъ Думы встрѣтилъ стараго товарища по военной службѣ, вольноопредѣляющагося, тогда уже прапорщика артиллериста, Л. Поцѣловались другъ съ другомъ. Было хорошо. Рѣка несла всѣхъ, и вся мудрость состояла въ томъ, чтобы отдаваться теченію.

Наступила ночь. Въ Таврическомъ Дворцѣ былъ полный хаосъ. Привозили оружіе, приходили люди, пока еще одиночные, тащили провизію реквизированную гдѣ-то; въ комнатѣ у подъѣзда были сложены мѣшки. Уже приводили арестованныхъ. Въ Думѣ какая-то барышня, утвердила меня въ должности командира машины и даже дала какую-то боевую задачу. Снаряды для пушки у меня были, не знаю гдѣ я ихъ досталъ, кажется, еще въ манежѣ. Боевыхъ задачъ я, конечно, не выполнилъ, да ихъ и никто не выполнилъ.

Спалъ часъ или два на шубѣ за колонной. Въ Думѣ встрѣтилъ Суханова. Я зналъ его по редакціи «Лѣтописи», въ литературномъ отдѣлѣ которой я сотрудничалъ (помѣщалъ библіографическія замѣтки). Но я читалъ въ редакціи докладъ по поэтикѣ, гдѣ разсматривалъ искусство, какъ чистую форму, и ожесточенно спорилъ съ марксистами. Вотъ, по всей вѣроятности, почему Сухановъ удивился мнѣ; я и вооруженное возстаніе не вязались въ его сознаніи. А я удивился ему, по своей политической наивности; я и не зналъ, что уже собрались и сорганизовались политическіе центры. Конечно, они въ тотъ моментъ еще не вліяли на событія. Масса шла, какъ сельдь или вобла, мечущая икру, повинуясь инстинкту.

Ночью же привозили арестованнаго поручика Д., командира броневых мастерских.

Конвойные чувствовали себя не очень увѣренно; арестованный же обратился ко мнѣ съ упреками: «Что Вамъ было плохо у капитана Соколихина, что Вы пошли противъ него?» Я отвѣтилъ ему, что ничего не имѣю противъ капитана Соколихина.

Через полчаса поручикъ вышелъ веселый. Военная Комиссія при Государственной Думѣ, поручила ему, какъ одному изъ первыхъ «прибывшихъ» автомобильных офицеровъ организовать все автомобильное дѣло въ Петербургѣ.

Этотъ человѣкъ, хитрый и по своему умный, съ аппетитомъ если не къ власти, то къ мѣсту, впослѣдствіи ходилъ въ анархистахъ-коммунистахъ. Я остановился на немъ потому, что онъ былъ первымъ жокеемъ на скачкахъ, на мѣстами котораго я увидалъ. Впослѣдствіи я видалъ толпы такихъ людей.

Раннимъ утромъ выѣхали опять въ городъ. Кто-то далъ мнѣ какую-то боевую задачу и даже артиллериста-руководителя; я потерялъ этого руководителя или онъ меня потерялъ и влился въ веселый оралашъ возставшаго народа. Подъѣхалъ къ Преображенскимъ казармамъ, что на Милліонной. Кто-то сказалъ, что преображенцы сопротивляются.

Подъѣхали. Было дивное, синее солнечное утро. Съ веселой стрѣльбой, выбѣгали изъ казармъ, возставшіе преображенцы въ новыхъ шинеляхъ съ очень яркими красными петлицами.

По мѣстамъ пытались сопротивляться. Отстрѣливались, кажется, учебныя команды 6. Саперного батальона и Московскаго полка. Самокатчики въ Лѣсномъ держались довольно долго. Я думаю, что это произошло отъ того, что къ нимъ пришли одни рабочіе безъ солдатъ и они боялись присоединиться.

На нихъ послали броневые «Фіаты» и отбили уголъ деревянной казармы вмѣстѣ съ людьми.

Ночью погибъ одинъ изъ нашихъ броневиковъ Федоръ Богдановъ. Онъ, на машинѣ съ открытой броней, въѣхалъ въ засаду городовыхъ (единственную, правильно поставившую пулеметъ въ окнѣ подвала, а не на крышѣ, откуда пулеметъ только такаетъ, такъ его огонь не имѣетъ тогда никакой настильности).

Тѣло Богданова не лежитъ на Марсовомъ полѣ, родные взяли трупъ и увезли куда-то за городъ.

Теперь о пулеметахъ на крышахъ. Меня вызывали сбивать ихъ въ продолженіи чуть ли не двухъ недѣль. Обычно, когда казалось, что стрѣляютъ изъ окна, начинали безпорядочно стрѣлять по дому изъ винтовокъ и пыль отъ штукатурки, подымающуюся въ мѣстахъ попаданій, принимали за отвѣтный огонь. Я убѣжденъ, что главная масса убитыхъ во время февральской революціи, убита нашими же пулями, прямо падающими на насъ сверху.

Команда моя обыскала почти весь районъ Владимирскій, Кузнечный, Ямской и Николаевскій, и я не имѣю ни одного положительнаго заявленія о находкѣ пулемета на крышѣ.

А вотъ въ воздухъ мы стрѣляли очень много, даже изъ пушекъ. У меня на машинѣ перебывало очень много пушкарей. Помню особенно перваго, ранёнаго въ руку и оставшагося у пушки. Это былъ жандармъ изъ казармъ на Кирочной. Онъ говорилъ, что жандармы перешли на сторону возставшихъ одними изъ первыхъ. И всѣ пушкари просомъ просили у меня позволенія выстрѣлить, чтобы показать, что у насъ даже пушки есть, и стрѣляли на Невскомъ въ воздухъ.

Въ этотъ день я пробылъ почти все время въ дежурствѣ у Николаевскаго вокзала. Вокзалъ не охранялся никѣмъ, я предлагалъ (въ воздухъ — предлагать было некому), занять верхній этажъ Сѣверной и Знаменской гостинницы, чтобы держать весь вокзалъ подъ обстрѣломъ, но у насъ не было никакихъ силъ. Если ставили изъ забѣжавшихъ солдатъ караулъ, то караулъ или уходилъ или стоялъ до обморока и все же не дожидался смѣны. Комендантами были—или я принималъ ихъ за комендантовъ—безрукій студентъ и очень старый флотскій офицеръ въ формѣ, кажется, мичмана. Онъ былъ страшно утомленъ. Приходили поѣзда съ какими-то эшелонами, они куда-то, откуда-то ѣхали; мы подъѣзжали къ нимъ съ броневой машиной и 4-мя или 5-ью пѣхотинцами и усталый мичманъ говорилъ офицерамъ эшелоновъ:

«Городъ находится въ рукахъ возставшаго народа, желаете ли вы присоединиться къ возставшему народу?» Изъ вагоновъ таращились на насъ люди и лошади. Офицеры отвѣчали, что они — «ничего», они ѣдутъ мимо; солдаты смотрѣли на насъ, и мы не знали: слѣзутъ или не слѣзутъ они изъ высокаго вагона.

Приходили на помощь броневыя машины со знакомыми шофферами. Стояли, потомъ уходили.

А по городу метались музы и эринніи февральской революціи — грузовики и автомобили, обсаженные и обложенные солдатами, ѣдущими неизвѣстно куда, получающими бензинъ неизвѣстно гдѣ, дающіе впечатлѣніе краснаго звона по всему городу.

Они метались и кружились, и жужжали, какъ пчелы.

Это было продолжено избіеніе машинъ. Безчисленныя автомобильныя школы навыпускали, для заполненія автомобильныхъ ротъ, цѣлыя тучи шофферовъ съ получасовой практикой. И вотъ теперь радовались эти полушофферскія души, дорвавшись до машины.

Хряскъ шелъ по городу. Я не знаю, сколько случаевъ столкновенія видалъ я за эти дни въ городѣ. Однимъ словомъ, всѣ мои ученики въ два дня научились ѣздить.

Потомъ городъ наполнился, брошенными на произволъ судьбы, автомобилями.

Питались мы въ питательныхъ пунктахъ, гдѣ изъ натащеннаго матеріала, изъ гусей и колбасы варили чудовищно жирную пищу.

Я былъ счастливъ вмѣстѣ съ этими толпами. Это была Пасха и веселый масленичный наивный безалаберный рай.

Къ этому времени почти всѣ вооружились, отобраннымъ у офицеровъ, а главнымъ образомъ, арсенальнымъ оружіемъ. Оружія было много, оно ходило по рукамъ, не продавалось, а передавалось свободно. Было много прекрасныхъ «Кольтовъ».

Боевой силы мы не представляли никакой, но мы какъ-то не думали надъ этимъ. Были ночи паники, ночи, когда

ждали нападенія какихъ-то эшелоновъ. А петербургскій гарнизонъ все увеличивался и увеличивался. Пришли, ведя за собой на веревочкахъ пулеметы, везя пулеметы безъ станковъ, наваленные, какъ дрова, на грузовикъ, пришли, обвитые пулеметными лентами солдаты пулеметныхъ полковъ и школъ Стрѣльны и Ораніенбаума.

Около Стрѣльны передовая группа идущихъ встрѣтила какого-то полковника, ѣдущаго на автомобилѣ. Полковникъ слегка былъ похожъ на Николая. Онъ былъ встрѣченъ бурнымъ, изступленнымъ восторгомъ, пока ошибка не выяснилась.

Пулеметы прибыли въ Питеръ негодными къ дѣйствію, главная масса ихъ была, напримѣръ, безъ сальниковъ, и въ нихъ нельзя было налить воды. Ихъ было слишкомъ много, но число нашу боевую силу не увеличивало. Помню, какъ вокругъ Балтійскаго и Варшавскаго вокзала разставили пулеметы буквально черезъ шагъ. Конечно, при такомъ расположеніи стрѣлять было бы страшно неудобно. Но боевая сила была не важна. Начинало выясняться, что сейчасъ у возставшаго Питера нѣтъ противника. На сторонѣ возставшихъ появились офицеры, пришло строемъ Михайловское артиллерійское училище. Немного позже присоединился 1-й запасный полкъ вмѣстѣ съ офицерами. Нашихъ офицеровъ собралъ по квартирамъ одинъ очень энергичный еврей-инженеръ, вольноопредѣляющійся, фактически уже года полтора управляющій школой. Офицеры собрались. Достали командира дивизіона; временныхъ командировъ за это время перебывало у насъ уже штуки три, но они, получивъ бумажку отъ Государственной Думы, куда-то исчезали.

Собрались. Нерѣшительно рѣшили присоединиться къ возставшимъ, даже оказывать сопротивленіе правительственнымъ войскамъ. Временное Правительство уже существовало. Рѣшили также, въ отличіе отъ не возставшихъ — надѣть красныя — сначала хотѣли малиновыя — повязки на рукавъ. Фактически воинскія части въ это время не существовали. Даже не варился обѣдъ. Команды были распылены. Михайловскій манежъ занятъ. Машины разъѣхались неизвѣстно куда.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи была наша команда. Взводы поочередно несли дежурство и являлись на вызовы, даже ночные.

Были поставлены патрули, которые начали ловить, безъ дѣла бѣгающіе по городу автомобили и собирать ихъ во дворъ части. Такимъ способомъ было спасено много машинъ. Но съ брошенныхъ и замороженныхъ машинъ уже были сняты магнето, которыя сильно подешевѣли послѣ революціи.

Команда пріобрѣла, благодаря странному, разнокалиберному вооруженію, пестрый видъ вооруженія гимназистовъ.

Отъ того времени сохранились двѣ кинематографическихъ фильмы. На одной изображено кормленіе голубей на дворѣ команды, на другой — боевой выходъ команды съ броневымъ «Остиномъ» во главѣ, и съ солдатами, идущими сзади съ офицерскими шашками наголо.

Съ офицерами у насъ дѣло обстояло не очень остро. Нашего начальника капитана Соколихина всѣ любили, за то, что онъ не тянулъ команду и исправно хлопоталъ о ботинкахъ для нея. Ему въ первый день революціи дали

шофферскую шубу безъ погонъ, и вооруженную охрану изъ пяти человѣкъ, чтобы чужіе не обидѣли. У другого офицера не отобрали на улицѣ оружія, потому что оно было георгіевское. Начались перевыборы офицеровъ, команда мастерскихъ заявила отводъ противъ стараго командира дивизіона. Начались интриги и добываніе мѣста при помощи солдатъ.

А къ Таврическому Дворцу все шли и шли войска, отъ топота ногъ чуть не проваливались мостовыя, и отъ краснаго цвѣта шло непрерывное сверканіе.

Совѣтъ уже засѣдалъ, но еще не было приказа № 1, и Родзянко былъ популяренъ въ частяхъ. А Совѣтъ засѣдалъ въ вооруженіи, съ крикомъ и съ наступомъ.

Для многихъ частей, приходившихъ въ Таврическій Дворецъ, рѣчи Чхеидзе и др. были первыя революціонныя рѣчи, ими услышанныя.

Что думали про войну? Мнѣ кажется, вѣрили въ то, что она сама кончится; вѣра эта была всеобщей до промены воззванія къ народамъ всего міра. Помню, что пріѣхавшіе съ Монзунской позиціи, говорили, что тамъ уже сговорились съ нѣмцами; ни мы, ни они стрѣлять не будутъ. Въ общемъ преобладало пасхальное настроеніе, было хорошо и вѣрилось, что это только начало всего хорошаго.

Приказъ № 1 былъ привезенъ и разбросанъ по рядамъ въ манежѣ во время парада. Стали отвѣчать «Здравствуйте господинъ полковникъ!» и отвѣчали очень удачно, умѣло, дружно. Я думаю, что приказъ № 1 — хотя онъ, казалось, и предупреждалъ событія — комитетовъ въ частяхъ еще не было — былъ своевременнымъ и необхо-

димымъ. Нельзя было держать части съ одними офицерами, только что вернувшимися изъ долговременной отлучки. Хотя комитеты совершенно невозможны въ арміи — даже менѣе, чѣмъ выборное начальство, — но они были единственнымъ, на чемъ хоть какъ-нибудь держалась армія.

Самое плохое въ комитетахъ было то, что они страшно скоро отрывались отъ своихъ выборщиковъ. Да и делегаты Совѣта не являлись въ свои части чуть ли не мѣсяцами. Солдаты были совершенно не освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Совѣтахъ. Помогало дѣлу только то громадное довѣріе, еще не растраченное, которое имѣло «свое» солдатское представительство. Въ первый Совѣтъ въ большомъ количествѣ прошли вольноопредѣляющіеся и интеллигентные солдаты, конечно, это способствовало отрыву.

Съ другой стороны, по казармамъ почти никто не работалъ, интеллигенція оказалась въ бѣгахъ, людей, пожелавшихъ работать въ области просвѣщенія почти не оказывалось. Въ Саперномъ, — кажется шестомъ — батальонѣ, изъ нѣсколькихъ сотенъ вольноопредѣляющихся менѣе десяти подписали листъ о согласіи работать въ школахъ грамотности. Большинство же пользовалось революціей, какъ неожиданнымъ отпускомъ. Въ нашей части въ комитетъ прошли заводные и старшіе мастеровые — онъ имѣлъ дѣловой характеръ.

А полки за полками все шли черезъ Екатерининскій валъ Таврическаго Дворца. На плакатахъ было еще «Довѣріе Временному Правительству» и даже «Война до полной побѣды». Но воевать мы уже не могли. Пока

пишу только о Петербургскомъ гарнизонѣ. Громадныя — до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ — запасныя части, которыя уже не отсылали эшелоновъ на фронтъ, и въ то же время не имѣли никакого дѣла въ городѣ, такъ какъ онѣ не могли защищать революцію за неимѣніемъ оружія, прѣли и разлагались въ своихъ казармахъ. Еще никто не говорилъ словъ: «миръ во что бы то ни стало». Еще не пріѣхалъ Ленинъ, еще большевики говорили, что винтовку нужно держать на изготовкѣ, но гарнизона уже не было, былъ только складъ солдатъ. Массы еще сверкали пламенемъ революціи, но это не было жаркое пламя кокса, а жидкій огонь разлитаго спирта, сгорающаго, не успѣвая зажечь дерево, которое онъ облилъ.

Такимъ огнемъ былъ Керенскій. Я увидѣлъ въ первый разъ Керенскаго на его генеральной истерикѣ; когда онъ послѣ статьи въ «Извѣстіяхъ», направленной противъ него, вбѣжалъ въ Солдатскій Совѣтъ спрашивать — «довѣряютъ ли ему?» Онъ бросалъ мятыя фразы и, дѣйствительно, казался сверкающимъ сухими, длинными, трещащими искрами.

Съ измученнымъ лицомъ человѣка, дни котораго уже кончаются, кричалъ онъ и въ изнеможеніи, наконецъ упалъ въ кресло. Это произвело страшное впечатлѣніе.

Въ другой разъ я увидѣлъ Керенскаго, когда уже былъ назначенъ комиссаромъ. Ловилъ его для переговоровъ и изловилъ у Морского корпуса. Нашелъ его сѣрый «Локомобиль» и сталъ ждать, разговаривая съ шофферомъ.

«Сейчасъ вынесутъ», сказалъ шофферъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ изъ дверей корпуса вынесли Керенскаго. Онъ сидѣлъ въ обычной усталой позѣ

на стулѣ, высоко поднятомъ надъ толпой. Я сѣлъ къ нему въ автомобиль и началъ говорить. Съ сухими безкровными губами, съ худымъ и отекшимъ лицомъ и съ охрипшимъ голосомъ, онъ сказалъ, слабо сжавъ руки: «Главное — воля и настойчивость». Мнѣ онъ показался человѣкомъ, уже сорвавшимъ свои силы, человѣкомъ, который знаетъ, что онъ обреченъ уже.

Тороплюсь закончить писать о томъ, что извѣстно всѣмъ и спѣшу перейти къ фронту.

Какъ я попалъ на фронтъ. Пріѣхалъ Ленинъ. Въ мастерскихъ дивизіона были партійные большевики; они предоставили Ленину броневикъ для проѣзда съ вокзала во дворецъ Кшесинской, который былъ занятъ нашей частью подъ квартиру. Опредѣленная часть дивизіона была рѣзко за большевиковъ. Я находился тогда въ дивизіонномъ комитетѣ и со своей школой представлялъ оборонческое крыло дивизіона.

Здѣсь я долженъ ввести новое лицо — Максимиліана Филоненко. Когда-то онъ былъ начальникомъ броневыхъ мастерскихъ и велъ себя широко, по своему гуманно, потомъ охотой поѣхалъ на фронтъ. Тамъ успѣха не имѣлъ, былъ какъ-то затертъ, озлобился и рвался оттуда.

Онъ пріѣхалъ уже послѣ революціи и застрялъ. То, что совершалось въ Питерѣ гораздо болѣе интересовало его, чѣмъ скромное мѣсто на фронтѣ.

Это былъ маленькій человѣкъ въ кителѣ, съ волосами коротко остриженными, съ головой довольно большой и круглой, что дѣлало его слегка похожимъ на котенка. Инженеръ по образованію, онъ зналъ четыре или пять

иностранных языка, но болѣе всего былъ доволенъ своимъ французскимъ произношеніемъ. Сынъ крупнаго инженера, онъ неоднократно занималъ отвѣтственныя мѣста на крупныхъ судостроительныхъ заводахъ и неизмѣнно уходилъ, испортивъ положеніе. Это былъ человѣкъ хорошихъ умственныхъ способностей, но не обладающій ароматомъ талантливости.

Нервный ученикъ, желающій стать геніемъ. Я не знаю его сердца, меня онъ любилъ и былъ хорошимъ товарищемъ. Но цѣлью для него была — его цѣль, его звѣзда — онъ самъ. Звѣзды же въ его небѣ не было, и онъ ее тщетно искалъ.

Сперва онъ началъ приходить въ дивизіонный комитетъ въ качествѣ гостя и на русскомъ безлюдьи среди уже апатичныхъ, какъ рыбы, комитетчиковъ, конечно, казался совершенно блестящимъ. Потомъ онъ сталъ брать работы по увѣщеванію какой-нибудь команды, чаще всего броневыхъ мастерскихъ, гдѣ его цѣнили по прежней службѣ и сносили отъ него многое, что не стерпѣли бы ни отъ кого другого. Въ мрачной сборочной мастерской, гдѣ стояли чудовищныя машины, а на машинахъ въ угарномъ воздухѣ отработанныхъ газовъ громоздились люди, которые послѣ 3-го—5-го бросили свои машины при первомъ признакѣ неудачи. Филоненко ткалъ свои діалектическія плетенки, умныя и осторожныя со всякими крючками и закорючками. Потомъ Максимиліанъ Максимиліановичъ сумѣлъ сдѣлаться старшимъ офицеромъ по технической части. На фронтъ, несмотря на вызовы, онъ не хотѣлъ возвращаться. На фронтѣ у него была исторія, какъ потомъ я узналъ — высѣченный солдатъ; тамъ онъ

былъ мертвый человѣкъ. Здѣсь же онъ поставилъ правильный «уголъ атаки» и собирался взлетѣть аэропланомъ.

Въ дивизіонномъ комитетѣ онъ получилъ фантастическій мандатъ — въ Совдепъ, не отъ части, а отъ комитета. Это былъ, конечно, не самый странный мандатъ въ Совѣтѣ. Я тамъ разъ встрѣтилъ одного довольно талантливаго еврея віолончелиста Ч., служившаго раньше въ музыкальной командѣ Преображенскаго полка, въ качествѣ представителя донскихъ казаковъ.

Въ Совѣтѣ Филоненко имѣлъ нѣсколько удачныхъ выступленій какъ оппонентъ Зиновьева, а на гарнизонномъ собраніи, послѣ апрѣльскаго выступленія Финляндскаго полка, защищалъ коалиціонное министерство.

У него было одно большое достоинство — онъ имѣлъ контуръ, былъ четокъ, имѣлъ волю. И ясно было, что онъ сыграетъ роль. Въ это время онъ занималъ относительно Совѣта въ высшей степени лойяльную позицію. Но ему нужна была новелла, патентъ; такимъ патентомъ было предложеніе послать въ армію комиссаровъ, которые лично принимали бы участіе въ бою. Съ предложеніемъ этимъ онъ обратился ко мнѣ и къ товарищу Линдовичу. Я согласился. Я тосковалъ и жаждалъ опредѣленнаго дѣла, а Филоненко представлялся мнѣ человѣкомъ толковымъ и къ революціи корректнымъ.

Теперь объ Линдовичѣ. Товарищъ Линдовичъ, впослѣдствіи комиссаръ Особой арміи, былъ Сормовскимъ рабочимъ, раненымъ на баррикадахъ 1905 года. Правовѣрный эс-еръ, онъ имѣлъ вліяніе на команду мастерскихъ и вывелъ 16—17 броневыхъ машинъ въ бой, въ то время, когда товарищи, бывшіе впослѣдствіи лѣвѣе его,

още вообще не раскачались на какіе-либо поступки. Этотъ горбоносый человѣкъ съ энергичнымъ лицомъ былъ трогательно простъ и элементаренъ. Писалъ стихи подъ Надсона, вѣрилъ въ дорогу перваго Совѣта, какъ сельскій священникъ въ требникъ, и революціи былъ преданъ безъ страха и колебанія. Любимое выраженіе его было: «Просто и ясно». Говорить онъ могъ не переставая три или четыре часа, и ничто не сбивало его. Съ массою, какъ я впослѣдствіи убѣдился, онъ справлялся превосходно, совершенно не боялся толпы и увѣренно противопоставлялъ ея напору свое рѣшеніе.

Я останавливаюсь на немъ между прочимъ потому, что среди компаніи военныхъ комиссаровъ Анардовичъ былъ дѣйствительно единственнымъ коренным рабочимъ, рабочимъ, взятымъ отъ станка.

Предложеніе послать въ армію людей, обязанныхъ лично принимать участіе въ войнѣ, какъ живыхъ свидѣтелей оборончества русской демократіи, было внесено въ дивизіонный комитетъ и принято имъ. Ѣхать вызвались всѣ дивизіонные не-большевики. Помню, какъ стоялъ я съ опущенной головой и упавшимъ сердцемъ. Ощущеніе у меня было какъ у рабочаго, который чувствуетъ, что его захватило ремнемъ за края платья и потащило; онъ еще сопротивляется, но сердце уже сдалось неизбѣжности смерти. Я былъ посланъ на фронтъ по списку третьимъ: Филоненко, Анардовичъ, Шкловскій.

Дивизіонъ все время до послѣднихъ дней октября считалъ насъ своими посланными, имѣющими отъ него мандатъ. Такъ же считался и я. Филоненко же быстро оторвался отъ дивизіона, помогшаго ему выдвинуться.

Началась сложная канитель проведенія нашего посланничества черезъ не всё согласное Временное Правительство и черезъ несогласный, но не знающій вообще, что ему надо, Исполнительный Комитетъ перваго созыва — почтенную Академію имени Фабія Кунктатора.

А Исполнительный Комитетъ совершенно не зналъ, что ему дѣлать съ арміей. Противопоставивъ себя Временному Правительству или — вѣрнѣе — выдумавъ Временное Правительство и противопоставивъ его себѣ, онъ не могъ ни распоряжаться, ни не распоряжаться, вся фактическая власть была въ его рукахъ, но — неизвѣстно, что было въ головѣ его. Армія же не могла понимать этого сложнаго и глубоко-научно-соціалистическаго положенія; она требовала власти, приказанія.

Въ Исполнительный Комитетъ Чхеидзе прибѣгали толпы людей изъ разныхъ частей и требовали, чтобы имъ приказывали. Поэтому Исполкомъ былъ уже приготовленъ къ воспріятію идеи о двухъ-мандатномъ комиссаріатѣ.

Когда я вспоминаю это положеніе, то Филоненко представляется мнѣ организаторомъ Военнаго Коммиссаріата. Очень быстро перешелъ онъ отъ мысли о людяхъ, показывающихъ примѣръ, къ мысли о людяхъ приказывающихъ, — къ мысли комиссара.

Почему Военная Секція Исполкома пошла на кандидатуру Филоненко? — Я думаю, изъ-за полнаго безлюдья, ей пришлось прищуриться и пропустить его мимо себя, кажется, онъ былъ когда-то эсъ-эромъ, но до революціи связи съ партіей не сохранилъ. Кандидатура его была принята, Анардовичъ поѣхалъ его помощникомъ, другимъ помощникомъ поѣхалъ инженеръ Цыпковичъ, когда-то

бывшій въ П. С. Р., а теперь, въ сущности говоря, человѣкъ «внѣ политики». О Цинкевичѣ я еще не говорилъ. Буду говорить послѣ. Я впослѣдствіи убѣдился въ громадномъ организаціонномъ талантѣ Цинкевича.

Это былъ инженеръ-организаторъ производства. Революція безпокоила его, путая всѣ схемы и расписанія, и онъ думалъ отрегулировать ее, какъ моторъ или желѣзную дорогу. Я же былъ посланъ, какъ отвѣтственный агитаторъ.

Теперь отвѣчу на вопросъ, изъ-за чего я поѣхалъ на фронтъ, зачѣмъ мнѣ нужно было наступленіе, и зачѣмъ я наступалъ.

Я былъ за наступленіе потому, что считалъ самую революцію за наступленіе. Наступать по моему тогдашнему убѣжденію было можно. Нужно было или наступать или воткнуть штыки въ землю и пойти, посвистывая, домой. Въ братаніе я не вѣрилъ и былъ правъ. Ошибка моя была въ томъ, что нельзя было наступать, имѣя за собой сирену — демократическое правительство съ буржуазнымъ хвостомъ. Нельзя драться, имѣя драку въ тылу. Наступленіе — по моему было необходимо потому, что побѣда войскъ республики быстро создала бы революцію въ Германіи. Болѣе веселую, чѣмъ революція подъ прессомъ реванша. Нужно было наступать, пока была еще армія, но нужно было однородное правительство съ быстрымъ проведеніемъ программы минимума.

И еще одно — союзники, будь они прокляты, не давали согласія на наше опредѣленіе мира «безъ аннексій и контрибуцій», а эти, въ газетахъ затрепанныя слова, — я знаю, какъ священны они были въ душѣ каждаго окоп-

ника, которому вода траншеи глодала ноги, а вши грызли шею. Эти слова были поистинѣ священны среди босыхъ солдатъ.

Тѣ, кто отвергъ ихъ, виновны въ крови, грязи и ожесточеніи. О, если бы передъ іюньскими полками мы смогли развернуть священное знамя правой войны, — мнѣ не хотѣлось бы плакать сейчасъ надъ вашими могилами, бѣдные мои товарищи!

Но я измѣнилъ себѣ, — я не хочу быть критикомъ событій, я хочу дать только немного матеріала для критика.

Я разсказываю о событіяхъ и приготовляю изъ себя для потомства препаратъ.

Итакъ — мы поѣхали.

Мнѣ жалко было разставаться со своей командой, съ нашей школой, которую мы довели до невиданнаго въ Россіи совершенства. Команда моя осталась, подгнивая вмѣстѣ со всѣмъ революціоннымъ гарнизономъ. Чуть медленнѣе остальныхъ частей. Цейхгауза она не раздѣлила.

Теперь еще одно воспоминаніе о Петербургѣ.

Малый совѣтъ солдатской секціи, борясь своей весьма благонравной газетой съ пріѣхавшимъ Ленинымъ, помѣстилъ въ ней свою резолюцію, что онъ считаетъ Ленинскую пропаганду столь же вредной, какъ всякую контръреволюціонную пропаганду. Ленинъ пріѣхалъ объясняться въ Совѣтъ. Это былъ день смятенія. Залъ заполнился комитетчиками. Предсѣдательствовалъ вольноопредѣляющійся Завадье. Ленинъ говорилъ рѣчь съ элементарной стремительностью, катя свою мысль, какъ громадный

булыжникъ; когда онъ говорилъ о томъ, какъ просто устроить соціальную революцію, онъ сминалъ передъ собою сомнѣнія, точно кабанъ тростникъ.

Залъ во время его напора былъ согласенъ съ нимъ, и въ немъ водворилось что-то похожее на отчаяніе. Помню бородатаго солдата, кричавшаго по адресу малаго совѣта — «буржуйчики», «маменькины сынки», и требующаго «Чхеидзу председателемъ, Чхеидзу!».

Представляю себѣ, какой заворотъ мозговъ былъ въ головѣ у этого солдата.

Ленину возражалъ Либеръ. Говорилъ прекрасно и одушевленно. Но слова его летѣли, какъ отруби, а не падали, какъ сѣмена. Съ этимъ ощущеніемъ стремительной, слѣпой, всѣхъ топчущей силы я и уѣхалъ на фронтъ. Это было въ первыхъ числахъ іюня. Мы уже отпраздновали первое мая своей революціи. Городъ весь жилъ ею. Улицы кипѣли летучими митингами. Личная жизнь казалась блѣдной. И вотъ я уѣхалъ и попалъ въ другой міръ.

Поѣхали мы впятеромъ: Филоненко, Ципковичъ, Анардовичъ, я и, въ качествѣ секретаря, одинъ веселый и очень дѣльный одесситъ, тов. Вонскій.

Пріѣхали въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ воевалъ съ дезертирами и украинцами. «Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» среди живыхъ не значилось, такъ какъ въ Кіевѣ, кромѣ арсенала и завода Гретера, крупныхъ фабрикъ нѣтъ.

Надъ городомъ развѣвался желто-блакитный флагъ, думу охраняли солдаты украинцы, а на улицахъ были митинги: русскіе спорили съ украинцами, евреи дулись и ждали, когда ихъ будутъ бить.

Положеніе было скверное, эшелоны, направляемые через Кіевъ, въ Кіевѣ обращались въ украинцевъ и осѣдали плотно.

Проѣхали дальше. За Кіевомъ дорога приняла уже фронтовой характеръ. Люди, какъ фрукты въ декоративныхъ корзинахъ, горами громоздились на крыши вагоновъ. Всѣ мѣста на буферахъ были заняты. Нашъ маленькій вагонъ-микстъ, отчаянно болтающійся въ хвостѣ поѣзда, былъ переполненъ.

Пріѣхали въ Каменецъ-Подольскъ, тамъ въ зданіи гимназіи стоялъ Искомитюзъ, т.-е. Исполнительный Комитетъ Юго-Западнаго фронта. Здѣсь мы встрѣтили раньше назначеннаго комиссаромъ Моисеенко... Старшимъ помощникомъ его былъ Линде. Это были уже усталые люди. Революція сильно посмыляла ихъ.

Разсказывали про Савинкова. Савинковъ въ арміи распоряжался, какъ власть имѣющій. Завелъ дни пріема и бралъ на себя иниціативу дѣйствія. Моисеенко считалъ себя только консультантомъ комитета и думалъ, что едва комитеты окрѣпнутъ — комиссаръ станетъ ненужнымъ. Но похоже было, что когда-нибудь комиссаръ будетъ не нуженъ Искомитюзу. Вольноопредѣляющіеся, довольно робкіе, преподаватели, случайно попавшіе въ строй, врачи, — все это были люди, не думавшіе ни о какихъ своихъ выгодахъ, но очень мало приспособленные для овладѣнія бурей революціи.

Составъ ихъ былъ случаенъ. Массы послали тѣхъ людей, которые были не скомпрометированы и въ то же время могли что-нибудь сказать, что-нибудь сдѣлать.

Всякій хорошо грамотный человѣкъ и въ то же время не офицеръ, почти автоматически переходя изъ комитета въ комитетъ, попадалъ въ комитетъ фронта.

Отсюда большое количество евреевъ въ комитетахъ, такъ какъ изъ всей интеллигенціи именно интеллигенты евреи были къ моменту революціи солдатами.

Въ общемъ комитетчики были людьми безъ рѣшеній, людьми, сознающими невозможность строительства своими силами, поэтому они были настроены охранительно. Тыла они боялись. Но связанный по рукамъ и ногамъ нѣмцами, отъ которыхъ некуда было уйти на фронтѣ, какъ нельзя уйти отъ атмосфернаго давленія, тылъ въ то время раскачивалъ фронтъ, раскалывалъ его и разстраивалъ грандіозную фабрику, называемую арміей.

На такой фабрикѣ каждый обыкновенно дѣлаетъ очень мало, но если онъ перестанетъ дѣлать это малое, то результатъ становится ужаснымъ.

Въ это время шли разговоры про наступленіе. Наступленіе казалось столь неизбѣжнымъ, какъ наступленіе вечера послѣ дня, и не потому, что этого хотѣлъ Керенскій, хотя Керенскій и былъ воплощеніемъ для солдатъ энтузіазма революціи, а потому — это чувствовалось всѣми, что нельзя собрать всѣхъ мужчинъ подъ ружье, оторвать отъ дѣла и такъ стоять, замахнувшись. Армія должна была или воевать, или разбѣжаться — пока она рѣшила воевать.

Всѣ знали, что наступленіе какъ-будто будетъ даже тогда, если всѣ скажутъ:

— «А я не хочу!»

Среди комитетчиковъ попадались и партійные люди, бундисты, эсъ-еры и меньшевики. Послѣдніе, главнымъ образомъ, Плехановскаго толка. Комитетчикъ большевикъ еще не появился, изрѣдка въ комитетъ проникалъ какой-нибудь солдатъ, находящійся внѣ круга интеллигентско-соціалистической мысли, и этотъ «звѣрь изъ бездны» говорилъ мрачныя слова, запутанныя, но понятныя. Эти люди называли себя большевиками, масса ихъ состояла, главнымъ образомъ, изъ шкурниковъ, т.-е. людей, настроенныхъ на жертвенно, а поэтому люди невозможные на фронтѣ, — гдѣ всѣ были жертвами. Если бы попытаться опредѣлить ихъ настоящую сущность, то точнѣе всего ихъ можно было бы назвать штирнеровцами. Въ солдатской массѣ они уже имѣли вліяніе, но уважаемы не были. Большевизмъ массъ явился позже, какъ результатъ отчаянья, какъ словесная мотивировка отказа даже отъ обороны. Я говорю про большевизмъ военный.

Но пока полки еще держались на наивно-революціонной идеологіи, на марсельезѣ, красномъ знамени и, главное, на великой инерціи столь огромнаго скопленія людей, какъ армія, на остаткахъ и навыкахъ армейскаго быта.

Выразителями этой компромиссной основы революціонной арміи были комитеты, особенно высшіе. Задачей комитетчиковъ было прежде всего сохраненіе арміи. Какъ ее сохранить — они не знали и ждали бури, и боялись ее, и не знали, нужно ли съ ней бороться, они не умѣли сами выразить то, что лежитъ въ этой бурѣ, поэтому они были робки и старались сохранить хотя бы основанную на компромиссѣ, но все же обороноспособную армію.

Наступленіе висѣло въ воздухѣ, какъ позже ожиданіе большевистскаго переворота. Мы торопились на фронтъ.

Мимо старой турецкой крѣпости выкатилъ нашъ автомобиль на шоссе и оставилъ за собой Каменецъ, окруженный красивымъ кольцомъ воды. Дорога металась извивами, взбираясь на крутые холмы. Высокій и узкій мостъ висѣлъ надъ рѣкой. Я зналъ эту дорогу. Когда-то я велъ и разбилъ на ней автомобиль, а сейчасъ заснулъ на днѣ автомобиля.

Ѣхали смертоубійственно быстро, къ утру были у Черновицъ. Бѣлый городъ у горъ на холмахъ, слегка похожій на Кіевъ, но сильно польскій, бойко торгующій, былъ мѣстомъ нахожденія штаба и комитета восьмой арміи. Командующимъ арміей былъ генералъ Корниловъ.

Намъ отвели хорошую, совершенно неограбленную квартиру. Я съ интересомъ взялъ мѣстный военный листокъ. Выглядѣлъ онъ очень забавно. Изъ него можно было понять, что главный вопросъ сейчасъ — это борьба гарнизоннаго комитета Черновицъ съ Аркомомъ (армейскимъ комитетомъ) на почвѣ требованія подкрѣпленія на фронтъ. Политическая группировка была, домашняя и упрощенная. Кадеты, стоящіе на платформѣ Петербургскаго Совѣта, т.-е. кадеты циммервальдонцы, большевики-оборонцы, меньшевики съ эсеровской земельной программой и — какъ вѣнецъ — даже соціалисты-индивидуалисты.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ арміи ничего не значили всѣ эти кустарныя группы, такъ же какъ и не кустарныя. Моральнымъ авторитетомъ пользовались не партіи, а Петербургскій Совѣтъ. Его признавали всѣ, въ него вѣрили, за нимъ шли.

Правда — онъ стоялъ, поэтому всѣ, кто за нимъ шелъ, ушли отъ него.

Въ Черновицахъ мы остановились не долго. Филоненко имѣлъ здѣсь первое свое выступленіе и у насъ произошла первая размолвка. Явившись въ Арkомъ, онъ произноситъ информаціонную рѣчь, въ которой главнымъ образомъ коснулся внѣшней политики и въ восторженныхъ краскахъ выяснилъ характеръ отношеній между союзниками и революціонной Россіей. Это было такъ недобросовѣстно и такъ даже практически невыгодно, — потому что нельзя обмануть человѣка навсегда, что я послалъ ему записку, указывая на невозможность такихъ выступленій. Тогда онъ рѣзко повернулъ въ своей рѣчи и бѣшено обрушился на буржуазію и на мысль о невозможности работать безъ нея. Все это было сдѣлано очень ярко и четко и на комитетъ произвело впечатлѣніе откровенія и полнаго выясненія вопроса. Но въ комитетѣ въ этотъ моментъ, главнымъ вопросомъ, былъ вопросъ не объ информаціи.

Всѣ знали, что наступленіе будетъ и шелъ опросъ представителей частей, пойдутъ ли ихъ части въ бой? Отвѣты были неувѣренные; особенно помню одинъ: «Я не знаю, пойдутъ ли въ бой ротные комитеты, а полковой комитетъ драться будетъ!» Но главное — не это. Жаловались на «некомплектъ» въ частяхъ, на то, что въ ротахъ по сорокъ штыковъ и эти сорокъ людей босы и больны. Только представитель такъ называемой «Дикой Дивизіи», набранной изъ горцевъ, убѣжденно отвѣтилъ: «Пойдемъ когда угодно и на кого угодно». Разъясненіе давалъ Корниловъ. Его слова сводились къ тому, что, несмотря на

«некомплектъ» въ частяхъ, мы имѣли въ мѣстѣ предполагаемаго удара пятерное превосходство надъ противникомъ, и что боевыя задачи будутъ даваться изъ расчета на фактическія силы частей. А были дивизіи въ девятьсотъ человѣкъ!

Опасенія солдатъ, что имъ будутъ давать боевыя задачи, считаясь не съ числомъ штыковъ, а съ названіемъ части — были не безосновательны. Я при старомъ режимѣ зналъ случаи, когда на позиціи пѣхотный (Семеновскій) полкъ смѣнили спѣшеннымъ кавалерійскимъ полкомъ, который по численности былъ разъ въ пять меньше.

Еще одна общая жалоба раздавалась во всѣхъ выступленіяхъ делегатовъ и на эту жалобу, конечно, Корниловъ отвѣтить ничего не могъ — это жалоба на полную заброшенность полковъ, на оторванность. Я немного зналъ уже фронтъ и представлялъ себѣ эту тоску окопника въ траншеѣ, изъ которой не видно даже противника, а только зимой — снѣгъ, лѣтомъ — стебли травы.

На засѣданіи былъ сдѣланъ докладъ очень подробный о силѣ арміи и ея вооруженіи. Не былъ указанъ только пунктъ прорыва, но всѣ знали, что дѣло идетъ о Станиславовѣ.

Странно было слушать, какъ подробно обсуждался планъ наступленія: говорили о дорогахъ, о количествѣ вооруженія на собраніи болѣе, чѣмъ въ сто человѣкъ. Демократическій принципъ обсужденія былъ доведенъ здѣсь до абсурда, но намъ удалось впослѣдствіи углубить и обработать этотъ абсурдъ. Въ Станиславовѣ, передъ самымъ наступленіемъ, были собраны всѣ члены

ротныхъ комитетовъ ударной группы, т.-е. двѣнадцатаго корпуса, и на этомъ собраніи тоже обсуждался вопросъ: наступать или не наступать? Я не говорю уже о митингахъ въ самыхъ окопахъ; иногда въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ отъ противника. Но тогда это не казалось мнѣ страннымъ. Не думаю, чтобы отчетливо понималъ безнадежность положенія и Корниловъ. Онъ былъ прежде всего военный. Генералъ, ходящій въ атаки, пробивающійся съ револьверомъ. Къ арміи онъ относился такъ же, какъ хорошій шофферъ къ автомобилю. Шофферу важно, прежде всего, чтобы машина шла, а не кто на ней ѣдетъ. Корнилову нужно было, чтобы армія дралась. Онъ удивлялся на странный революціонный способъ подготовлять наступленіе. Онъ хотѣлъ еще вѣрить, что такъ драться можно. Такъ шофферъ, недовѣрчиво пробуя новую смѣсь, очень желаетъ, чтобы на ней можно было ѣздить, какъ на бензинѣ, и способенъ увлекаться мыслью объ ѣздѣ на карбитѣ или скипидарѣ.

Корнилова въ арміи я встрѣтилъ не въ первый разъ. Я видѣлъ его еще въ апрѣльскіе дни, когда петербургскіе полки выступили противъ Милюкова. Тогда онъ по телефону потребовалъ отъ дивизіона броневыя машины; у насъ же было единогласно постановлено, что мы подчинимся непосредственно Совѣту. Поэтому резолюція была: «Не принять къ свѣдѣнію». Я ѣздилъ ее передавать. Корниловъ говорилъ очень тихо, очевидно сильно недоумѣвая, какъ это онъ, командующій, безъ войскъ, и кому нужно, чтобы онъ командовалъ? Видѣть меня въ арміи ему было непріятно; потомъ онъ примирился со мной, но сталъ считать меня за сумасшедшаго.

Армейскій Комитетъ въ тотъ моментъ очень вѣрилъ въ Корнилова и, когда тотъ явился послѣ доклада, сдѣланнаго офицерамъ штаба, его выступленіе было встрѣчено восторженно. Но корниловцевъ не любилъ никто. Корниловцами назывались люди перваго «батальона смерти», который формировался въ Черновицахъ изъ добровольцевъ, главнымъ образомъ, солдатъ техническихъ частей и военныхъ чиновниковъ, рѣшившихся итти въ строй.

Я могу засвидѣтельствовать, что батальонъ дрался не хуже лучшихъ старыхъ полковъ. Но эти ударные батальоны, уже нашивающіе на рукава черепа и кости, дробили армію и вызвали въ чутко-недовѣрчивомъ солдатѣ опасенія, что создаются въ прежде единой арміи какія-то особенныя части съ полицейскими обязанностями. Лойяльнѣйшіе комитетчики были противъ ударниковъ. Ударники раздражали, про нихъ разсказывали, что они получаютъ какое-то большое жалованіе и живутъ на привилегированномъ положеніи. Я былъ безусловно противъ ударныхъ батальоновъ, потому что для созданія ихъ обычно отрывались изъ полка люди съ подъемомъ и энтузіазмомъ, люди сравнительно — высокой интеллигентности. Ихъ гнала изъ полковъ тоска видѣть уже начавшееся гніеніе арміи. Но они нужнѣе были именно въ полкахъ, какъ соль въ солонинѣ.

На корниловцевъ нападали въ комитетѣ яростно, они же оправдывались довольно жалобно.

Кстати вспоминаю о женскихъ батальонахъ; несомнѣнно, что это было высиженное въ тылу и сознательно придуманное оскорбленіе для фронта.

Походилъ по Черновицамъ. Чистенькій, похожій на Кіевъ, городъ. Ѣли въ немъ очень хорошо, по-европейски, чище, чѣмъ у насъ. Солдаты не разорили городъ; въ квартирѣ, гдѣ я квартировалъ, на мѣстахъ были даже серебряныя вещи, подушки и ковры. Квартира была обычнаго, довольно богатаго старо-помѣщическаго типа. По городу ходили трамваи, на которыхъ не висѣли и за проѣздъ на которыхъ платили. Подкрѣпленія изъ города на фронтъ шли, хотя изъ тыла почти не прибывали, а когда прибывали, то сильно портили полки. Въ общемъ городъ съ точки зрѣнія состоянія гарнизона былъ почти хорошъ. Но все это висѣло не на сознательной волѣ, которой не могло быть у людей еще и не пережившихъ, по-настоящему, — революціи, значитъ все висѣло на добрыхъ намѣреніяхъ непрочно.

Филоненко со своимъ секретаремъ Войскимъ, веселымъ, крѣпкимъ и по своему очень хорошимъ, чрезвычайно энергичнымъ и находчивымъ мальчикомъ, остался въ Черновицахъ. Я съ Анардовичемъ поѣхалъ на фронтъ, гдѣ должно было съ часу на часъ начаться наступленіе. И вотъ опять навстрѣчу моему автомобилю побѣжали трижды знакомыя поля Галиціи съ польскими кладбищами, на которыхъ кресты по-польски, мелодраматически огромны, съ еврейскими крашеными могильными камнями, заросшими сухой травой, съ мраморными статуями, ошоршавленными дождемъ и вѣтромъ. На перекресткахъ милыя, синія, православныя, галиційскія распятія, на нихъ по діагоналямъ креста стоятъ святые. Круто поворачиваясь, дорога идетъ все тѣмъ же неширокимъ, но ровнымъ шоссе.

Иногда проѣзжаемъ мимо рощъ, и тогда мѣрный стукъ машины отдается въ деревьяхъ звукомъ, похожимъ на звукъ удара хлыста по листьямъ. Пріѣхали въ маленькое, темное мѣсточко. Здѣсь стоялъ штабъ корпуса, который былъ назначенъ дѣлать прорывъ.

Это 12-тый корпусъ. Насъ принялъ — дѣло было ночью — безумно усталый начальникъ штаба. Казалось, что онъ занимался недѣлю, недѣлю не спалъ и что у него болятъ зубы. У него не болѣли зубы, но онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, которому велятъ прыгать, а ноги парализованы, или велятъ замерзшими пальцами собирать серебряные пятачки съ каменнаго пола. Онъ началъ безнадежно говорить, о томъ, что полки отказываются копать параллели — параллелью называется траншея, которую копаютъ впереди основнаго окопа, съ нимъ она соединена ходомъ и, въ общемъ, назначеніе ея — приблизиться къ противнику, чтобы уменьшить потери при атакѣ. Въ арміи появился какой-то бродячій полкъ безъ офицеровъ и обоза, съ одной только кухней, который затесался изъ сосѣдней арміи и идетъ куда-то домой, а наступленіе черезъ нѣсколько дней. Онъ говорилъ, а въ сосѣдней комнатѣ, тоже тускло освѣщенной керосиномъ, сипѣли и слабо стукали Юзы и Морзы, тонкія бумажныя ленты медленно выползали изъ аппаратовъ.

Изъ штаба, по темной, глубокой грязи прошли къ командиру корпуса генералу Черемисову. Черемисовъ похожъ на Корнилова, тоже маленькій съ желтымъ, монгольскимъ лицомъ, съ косыми глазами, но какъ-то глаже его, менѣе сухой. Онъ казался умнѣй и талантливѣй Корнилова. Какъ Наштакоръ (начальникъ штаба корпуса)

онъ уже былъ при прошломъ наступленіи въ этихъ мѣстахъ и дѣйствительно превосходно зналъ Галицію и Буковину. Революція и война инстинктивно нравились ему тѣми широкими возможностями, которыя они ему давали. Солдатъ Черемисовъ не боялся: я знаю, какъ фактъ, что когда какая-то команда рѣшила убить его и поставила миномётъ противъ дома, онъ, выйдя на шумъ, очень спокойно доказалъ солдатамъ, что миномётъ здѣсь примѣненъ неправильно, такъ какъ фугаснымъ дѣйствіемъ снаряда будутъ разрушены сосѣдніе дома. Солдаты согласились и миномётъ убрали. Черемисовъ былъ настроенъ не очень плохо, но указалъ вещь дѣйствительно вѣрную: больше всего раздражала солдатъ газетная шумиха. Тыловые крики «въ наступленіе, въ наступленіе!» Въ данный же моментъ дѣло обстояло такъ: въ районѣ Станиславова у насъ было сосредоточено до 700 орудій и начиналось сгущеніе фронта. Полкамъ уменьшались участки позицій, отводенные имъ, а въ освободившіяся мѣста вливали новыя части. Съ этимъ и была первая заминка. Одиннадцатая дивизія, находившаяся въ хорошемъ состояніи, итти на фронтъ не хотѣла, не потому, что была противъ наступленія — прямыхъ отказовъ отъ войны я почти не встрѣчалъ — а потому, что была снята съ другого участка фронта, при чемъ ей былъ обѣщанъ отдыхъ. 61 дивизія, — кажется (не помню точно номера, знаю, что въ составъ ея входилъ Кинбургскій пѣхотный полкъ), — не хотѣла копать параллели, еще какая-то дивизія тоже чего-то не хотѣла и чего-то хотѣла. А у противника передъ нами почти ничего не было, т.-е. были проволоки, пулеметы и почти пустые окопы. Мы рѣшили ѣхать не-

медленно въ Станиславовъ. Поѣхали ночью. Еще было далеко до города, который находился непосредственно въ линіи окоповъ. Но фронтъ уже намѣтился безпрерывными взлетами ракетъ, которыя жгли нѣмцы, боясь ночного наступленія. Пушки не стрѣляли, или выстрѣлы были не слышны, автомобиль безшумно гналъ дорогу, отгоняя ее за себя и неся прямо на эти голубые огни. Мы обгоняли тихо-ѣдущія, тяжолыя повозки артиллерійскихъ парковъ, везшихъ снаряды. Потокъ повозокъ все густѣлъ, становясь непрерывнымъ по мѣрѣ приближенія къ городу. Возницы, молчаливые отъ ночной усталости, сидѣли безмолвно на тряскихъ тяжолыхъ двуколкахъ, лошади безмолвно натягивали постромки.

Пріѣхали въ городъ. Остановились въ гостиницѣ, кажется, «Асторія». Городъ Станиславовъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Русскіе и австрійцы брали его то съ правой, то съ лѣвой стороны, то спереди, то съ боку. Я въѣзжалъ въ него уже третій разъ за время войны и каждый разъ по другой дорогѣ. Городъ былъ богатъ, дома сохранились, обстрѣлъ очень мало разрушилъ ихъ. Сильнѣе всего пострадали окраины и газовый заводъ. Но это неудивительно, нѣкоторые домики окраины отстояли отъ окоповъ на нѣсколько шаговъ. Въ этихъ домикахъ жили. Наша линія шла сейчасъ же, какъ перейдешь рѣку Быстрицу Надворнянскую. Такое расположеніе позиціи было неудобно, такъ говорили всѣ. Сдѣлано же это было для донесенія, чтобы написать: «наши войска перешли Быстрицу Надворнянскую». Войска переполняли городъ.

Штабы чуть ли не всѣхъ дивизій 12 корпуса, который въ это время представлялъ изъ себя едва ли не армію,

тѣснились въ городѣ. Въ гостиницѣ, въ которой я стоялъ, жили чины оперативнаго отдѣленія штаба; на дворѣ стояла батарея, на крышѣ находился артиллерійскій наблюдательный пунктъ, внизу, въ бойко торгующемъ польскомъ кафэ, сидѣли офицеры, а въ воздухѣ висѣли двухцвѣтные, въ два дымка — коричневый и синеватый— разрывы австрійской шрапнели. Ночью особенно гулко были слышны выстрѣлы нашихъ орудій, они раздавались буквально подъ ухомъ, гулко отражались отъ стѣнъ двора. Звукъ такой, какъ будто съ размаху бросаютъ на каменный полъ большой мячъ.

Станиславовъ — единственное мѣсто на фронтѣ, гдѣ мнѣ пришлось спать на кровати и даже съ постельнымъ бѣльомъ. Въ этотъ разъ въ Станиславовѣ я прожилъ недолго. Меня вызвали въ Александропольскій полкъ. Полкъ этотъ занималъ позиціи довольно необыкновенныя.

Передъ нимъ стояли непріятельскія силы на кругловерхой лѣсистой горѣ «Космачкѣ». Полкъ тоже стоялъ на горахъ, между нашими и нѣмецкими окопами было разстояніе верстъ не менѣе трехъ. Здѣсь фактически и войны не было. Черезъ окопы были перекинуты доски, сами окопы полузасыпались. Братались долго и старательно; въ деревняхъ, расположенныхъ между позиціями, сходились солдаты, и здѣсь былъ устроенъ вольный и нейтральный публичный домъ. Въ братаніи принимали участіе и нѣкоторые офицеры, изъ нихъ выдѣлялся талантливый и боевой человѣкъ, георгіевскій кавалеръ и, кажется, бывшій студентъ, нѣкій капитанъ Чинаровъ. Я думаю, что Чинаровъ былъ человѣкъ субъективно честный, но въ головѣ его вихрился такой сумбуръ, что, какъ

намъ это сказали потомъ жители занятой нами деревни «Рассульна», Чинаровъ неоднократно ѣздилъ въ австрійскій штабъ, гдѣ кутилъ съ офицерами и катался съ ними куда-то на автомобилѣ въ тылъ.

Въ помѣщеніи австрійскаго штаба въ деревнѣ «Рассульна» мы нашли, — занявъ ее, — нѣмецкое руководство къ братанію, изданное германскимъ штабомъ на очень хорошой бумагѣ и, кажется, въ Лейпцигѣ.

Чинаровъ былъ арестованъ Корниловымъ и сидѣлъ вмѣстѣ съ нѣкимъ прапорщикомъ К., который потомъ оказался казанскимъ провокаторомъ.

Я старался освободить Чинарова, потому что наши понятія о свободѣ слова и дѣйствій каждаго отдѣльнаго гражданина были тогда анекдотически широки. Чинарова я не освободилъ, полкъ его требовалъ, я поѣхалъ его успокаивать.

Ѣхалъ долго, кажется, черезъ мѣстечко Надворное; уже начали чувствоваться Карпаты. Дорога была выложена поперечными бревнами. Надъ ней было устроено нѣчто въ родѣ тріумфальныхъ арокъ, декорированныхъ зеленью елки — способъ маскировать дороги, перенятый у австрійцевъ. Заѣхали сперва въ штабъ корпуса (16), здѣсь насъ встрѣтилъ растерянный генералъ Стоговъ. Этотъ уже ничего не понималъ. «Какіе-то большевики, меньшевики» — жаловался онъ мнѣ, — «я же васъ всѣхъ привыкъ считать, простите меня, измѣнниками». Я на него не обидѣлся. Ему было очень тяжело. Корпусъ его цѣликомъ состоялъ изъ третьеочередныхъ дивизій, изъ полковъ 600 и 700 номеровъ, сведенныхъ изъ нѣсколькихъ полковъ, при переформированіи, когда полки переходили отъ че-

тырохбатальоннаго состава къ трохбатальонному. Эти наспѣхъ составлонныя части, безъ традицій, съ враждующими между собою группами командного состава, конечно, были очень плохи. Генералъ же Стоговъ любилъ «свои войска», — и ему просто обидно было, что его солдаты такъ плохо дерутся. Вліянія на солдатъ онъ не имѣлъ, хотя они знали его и цѣнили.

Отъ Стогова поѣхалъ въ штабъ дивизіи. Тамъ тоже полная растерянность. Хотя всѣ знали, что на корпусъ и не возложена боевая задача, но все же было страшно видѣть войска въ такомъ состояніи, на нихъ нельзя было разсчитывать даже для простого занимания гарнизонами, оставленныхъ противникомъ деревень.

Поѣхалъ въ полкъ. Собралъ солдатъ, митинга не устроилъ, чтобы не накалять атмосферы, поговорилъ съ ними обычнымъ голосомъ, сказалъ, что Чинарова будутъ судить, и что я его отдать имъ не могу. Солдаты, очевидно, относились къ нему очень хорошо и торопились подсунуть мнѣ ложныя показанія о немъ.

Но полкъ все же немного успокоился, просто отъ того, что отвелъ душу съ новымъ человѣкомъ. Съ полкомъ этимъ долго потомъ возился Филоненко и армейскій комитетъ. Наконецъ онъ былъ расформированъ.

Отъ александропольцевъ вернулся въ Станиславовъ. Меня попросили ѣхать къ кинбургцамъ. Въ Кинбургскомъ полку, который стоялъ въ верстахъ въ 2-хъ отъ Станиславова, тоже было сильно неладно. Онъ стоялъ на боевомъ участкѣ и отказывался рыть параллели, — слѣдовательно, не готовился къ наступленію. Поѣхалъ опять. Это была уже не поѣздка, а полетъ на автомобилѣ по

шоссе, вдоль позицій. Шоссе было видно нѣмцамъ, они держали его подъ обстрѣломъ. Нѣмцы били по автомобилю, влетъ, но проскочить оказалось возможно, мы проскочили.

Пріѣхали. Перешли рѣчку «Быстрицу-Надворную» и скоро попали въ расположеніе полка. Собрали солдатъ, эстрадой была землянка. Одинъ солдатъ сказалъ мнѣ: «не хочу умирать». Я говорилъ съ отчаянной энергіей о правѣ революціи на наши жизни. Тогда я еще не презиралъ, какъ сейчасъ, слова. Товарищъ Анардовичъ сказалъ мнѣ, что отъ моей стремительной рѣчи у него поднялись волосы на головѣ. Аудиторія, рѣшающая вопросъ о своей смерти, смерти немедленной, необходимость требовать отъ людей отреченія отъ себя, тишина печальной тысячной толпы и смутная тревога отъ близости непріятеля натягивали нервы до обрыва.

Послѣ меня говорилъ маленькій, очень грязный солдатикъ. Весь въ казенномъ. Онъ говорилъ наставительно и просто, и самыя элементарныя вещи. Изъ словъ его я понялъ, что онъ былъ въ числѣ пяти или восьми человѣкъ, рѣшившихся прошлой ночью работать впереди нашихъ окоповъ.

Потомъ послѣ митинга я подошелъ къ нему и заговорилъ. Онъ оказался евреемъ — заграничнымъ художникомъ, который, вернувшись изъ-за границы, пошелъ въ строй. Это была почти святость. Ни солдатъ техническій, ни пѣхотный офицеръ, ни комиссаръ, ни одинъ человѣкъ, который имѣетъ запасную пару сапогъ и бѣлья, не можетъ понять всей солдатской тоски, всей тяжести солдатской ноши.

Этотъ острый интеллигентъ на своихъ сапогахъ несъ тягу земли.

Послѣ меня говорилъ Анардовичъ. Онъ говорилъ убѣжденно, онъ былъ проспиртованъ духомъ Совѣта насквозь, счастливый, не зналъ всей тяжести и сложности нашего положенія. Его убѣжденія дѣлали его простымъ и убѣдительнымъ. Въ его часовой рѣчи были собраны всѣ общія мѣста всѣхъ совѣтскихъ рѣчей. Революція въ его душѣ образовала свои нормы. Онъ былъ похожъ на ортодоксальнаго христіанина.

Потомъ пошли по какимъ-то темнымъ уличкамъ и опять говорили, обращаясь къ темной невидимой намъ толпѣ людей съ лопатами, которые не знали — итти или не итти.

Кинбурнцевъ мы убѣдили.

Ночевали гдѣ-то въ штабѣ полка. Ночью, заспанные и смятые, какъ солдатская шинель, поѣхали дальше говорить съ Малмыжскимъ полкомъ.

Опять разговоры. Здѣсь меня ожидала новость. Группа солдатъ объявила мнѣ со счастливой улыбкой: «Вы намъ не говорите, мы ничего не понимаемъ, мы мордва». Потомъ поѣхали, кажется, къ уржумцамъ. Самое тяжелое было то, что приходилось всюду являться въ видѣ послѣдняго довода и все время дѣйствовать въ самыхъ тяжелыхъ мѣстахъ.

Уржумцы, или не помню, какъ звали этотъ полкъ, — стояли въ окопахъ. Обходили узкую щель траншеи. Среди двухъ, близко другъ къ другу прижавшихся земляныхъ сѣрыхъ обрывовъ траншеи, скучали посаженные въ яму люди. Полкъ былъ растянутъ чуть ли не на версту. Окоп-

ники жили по домашнему. Кто въ маленькомъ походномъ котелочкѣ варилъ себѣ на обѣдъ рисовую кашу, кто подрывалъ въ стѣнѣ себѣ норку на ночь.

Высунешься изъ узкой траншеи, увидишь только стебли травы, да услышишь рѣдкое неторопливое посвистываніе пуль.

Обходя, говорилъ съ солдатами, они какъ-то жались.

По дну траншеи подъ поперечными досками помоста текъ узкій ручеекъ.

Мы шли по его теченію. Чѣмъ ниже становилась мѣстность, чѣмъ больше сырѣли стѣны, тѣмъ сумрачнѣе были солдаты.

Наконецъ траншея оборвалась. Мы вышли на болотце. Отъ непріятеля насъ отдѣляла только невысокая, изъ мѣшковъ съ землей и изъ дерна сложенная, стѣнка.

Рота, состоящая почти исключительно изъ украинцевъ, собралась и сидѣла. Стоять было нельзя — опасно. Стѣнка слишкомъ низка.

Полная растерянность чувствовалась среди этихъ людей. Мнѣ показалось, что они сидятъ, такъ всю войну.

Я заговорилъ съ ними объ Украйнѣ. Я думалъ, что это большой и важный вопросъ. По крайней мѣрѣ въ Кіевѣ вокругъ него шумѣли чрезвычайно. Они остановили меня:

«Намъ это не нужно!»

Для этихъ солдатъ вопросъ о самостійной или не самостійной Украйнѣ не существовалъ. Они сразу же сообщили мнѣ, что они за общину. Не знаю, что они подъ ней подразумѣвали. Можетъ быть только общій выгонъ. Солдаты были словоохотливы, очевидно, они очень радовались свѣжему человѣку, но не знали, что именно нужно спо-

рить, чтобы отвѣтъ сразу разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Умѣнье задать вопросъ, — большое умѣнье. Унтеръ-офицеръ, очевидно, популярный среди своей роты, и стоящій среди сидящихъ солдатъ какъ председатель, спросилъ меня:

«А вотъ наши ребята безпокоятся, правда ли Керенскій не соціалъ-революціонеръ, а соціалъ-демократъ, такъ что они безпокоятся?»

Я отвѣтилъ на его вопросъ. Хотя отвѣтъ, казалось, и разсѣялъ его сомнѣнія, но все же онъ не былъ удовлетворенъ краткостью его.

Казалось мнѣ, что вотъ солдаты будутъ слушать такого унтера, который и самъ не понимаетъ и говоритъ непонятно, а потомъ скажутъ: «А ну тебя» и пойдутъ въ разныя стороны.

Пошелъ въ офицерское собраніе. «Плохъ нашъ полкъ», говорили офицеры, «плохъ, ненадеженъ».

И мнѣ такъ казалось. Но что сдѣлать?

Смотрятъ тебѣ въ руки, ждутъ чуда. А я, не сдѣлавъ чуда, поѣхалъ въ Станиславовъ.

Опять тотъ же городъ. Польскій, скрытно враждебный. Чистый, разоренный. Мнѣ сказали, что нужно ѣхать въ 11 дивизію. Тамъ дѣло было еще хуже. Свѣжая, недавно пополненная дивизія не хотѣла садиться въ окопы. Вообще сажать въ окопы дѣло трудное, но здѣсь было хуже обычнаго. Поѣхалъ. Въ дорогѣ все не ладилось, лопались шины, слетали съемные обода, въ автомобилѣ чувствовался упадокъ, хотя шофферъ явно старался довести насъ во что бы то ни стало. Пріѣхали. Сперва въ штабъ, кажется, Якутскаго 41 полка. Маленькая галиційская из-

бушка, довольно чистая, внутри пестрая. Командиръ полка сообщаетъ, что его полкъ категорически не хочетъ итти. Собираемъ митингъ. Среди поля ставятъ двуколку, обставляютъ ее срубленными березками или кленами, рядомъ держатъ еще не линялое красное съ золотомъ знамя. Жара. Солнце давитъ. Въ воздухѣ высоко нѣмецкій аэропланъ приглядывается, какъ русскіе готовятъ наступленіе. Говорилъ сперва Анардовичъ. Обычная рѣчь, по «Извѣстіямъ», говоритъ безъ шапки, солнце сверкаетъ на бритой головѣ. Кто-то изъ толпы сказалъ: «Правильно!», его ткнули сосѣди, и онъ замолкъ. Полки не знали свободы слова, они разсматривали себя какъ одну голосующую единицу. За противорѣчіе — били. Въ Малмыжскомъ полку за оборонческую рѣчь такъ избили телеграфиста, что онъ ушелъ на четверенькахъ.

Послѣ Анардовича говорилъ я. У меня странная привычка, говоря, всегда улыбаться. Это дразнитъ толпу, особенно если она угрожаетъ. «Смѣется, беззубый»! Послѣ насъ говорилъ солдатъ коноводъ, говорилъ плохо, но не демагогично; его доводы были таковы: «во-первыхъ не надо трогать нѣмца, растревожимъ его, а потомъ не справимся; во-вторыхъ не надо трогать 11 дивизію, которая только что снята изъ окоповъ, при чемъ ей былъ обѣщанъ отдыхъ, а генералъ передъ посадкой сказалъ: «Поздравляю, товарищи, съ отдыхомъ». Говорили и не договорились ни до чего. Поѣхали въ слѣдующій полкъ, то же, полки стоятъ на своемъ, говорятъ, что никуда не пойдутъ. Заѣхали въ штабъ дивизіи. Тамъ на мызѣ, довольно чистой, сидитъ компанія — начальникъ дивизіи, который чувствуетъ себя виноватымъ, хотя и не знаетъ въ чемъ, сви-

щенникъ, нѣсколько штабныхъ и нѣсколько членовъ, кажется, Симферопольскаго Совдепа, которые пріѣхали на фронтъ съ подарками и сильно удивляются, какъ все это это не похоже на то, что они ожидали. Говорили и они о наступленіи, но ихъ чуть ли не избили. Мы присоединились къ этому блоку и печально пообѣдали.

Шелъ дождь, шинели мы забыли въ полку. Но дивизію нужно было двинуть во что бы то ни стало. Слова «во что бы то ни стало» такъ вертѣлись въ моемъ мозгу, что впослѣдствіи въ Персіи мнѣ казалось, что «Вочтобытонистало» — это одно слово, а «Вочтобытонисталъ» городъ въ Курдистанѣ. Поѣхали двигать дивизію. Вызвали Филоненко. Еще до его пріѣзда узнали, что пулеметныя команды, роты гренадеровъ и инженерныя за исполненіе приказанія, что онѣ стоятъ даже отдѣльнымъ лагеремъ и держатъ свое сторожевое охраненіе отъ прочей пѣхоты. Долженъ сказать, что всѣ квалифицированныя части арміи были за наступленіе, а главное — за сохраненіе порядка и организованности. Люди городской культуры, болѣе самоотверженные, у нихъ въ головѣ больше воображенія, и они не могутъ представить себѣ «11 дивизію» или «5 роту» какъ нѣчто автономное. Но намъ нужна была дивизія, а не отдѣльныя команды. Собрали черезъ полковой комитетъ всѣхъ главарей, не согласныхъ съ нами. Сказали имъ, что стоять и гнить нельзя, нужно или воевать или разбѣгаться. Вопросъ шелъ о жизни каждаго изъ говорившихъ. Обѣщали произвести слѣдствіе, отчего обманули 11 дивизію, подманивая къ окопамъ обѣщаніемъ отдыха. Разстались всѣ съ изорваннымъ сердцемъ, сильно недовольные другъ другомъ. А 11 дивизія все же «пошла».

Первыми снялись и ушли пуломотчики, водя пуломоты въ тылу и готовясь къ нападенію, потомъ ночью сбѣжала отъ полка пулеметная рота, за ней пришли къ Станиславову остальные, гдѣ и стали, держа другъ противъ друга караулъ. Но все же дивизія была передвинута. Привожу столь подробно эту исторію для того, чтобы показать, какъ рѣшались задачи средней трудности.

Мы пріѣхали въ Станиславовъ еще раньше 11 дивизіи.

Здѣсь Филоненко устроилъ въ кинематографѣ грандіозное собраніе делегатовъ всѣхъ полковыхъ и ротныхъ комитетовъ 12-го корпуса, т.-е. ударной группы. Единогласно рѣшили наступать. Изъ комитетовъ были выдѣлены боевые комитеты для помощи командирамъ, а остальнымъ комитетчикамъ — итти въ цѣпь. Всѣ, голосовавшіе за это люди, быть можетъ, и ошибались, но они ошибались жертвенно, честно, рѣшаясь на смерть, только бы разорвать на шеѣ революціи петлю, затянутую войной. Пока мы возились съ 12 корпусомъ, въ сосѣднихъ корпусахъ было не важно. Пришло извѣстіе, что Глуховскій полкъ 70 дивизіи — забылъ его номеръ, но никогда не забуду его имя, — находится въ состояніи полнаго разложенія. Офицеры разбѣжались, полковой комитетъ переизбирался три раза и сейчасъ тоже не имѣютъ довѣрія солдатъ; они запретили комитетчикамъ разговаривать въ комнатѣ, такъ что комитетъ могъ собираться только на улицѣ среди митинга. Въ сосѣднемъ полку той же дивизіи избили председателя полкового комитета, доктора Шура, стараго бундиста; предполагалась провокація присланныхъ на фронтъ городовыхъ. Избитый докторъ былъ посаженъ подъ арестъ, поѣхалъ выручать его Филоненко, ему это удалось одѣ-

лать безъ артиллеріи и кавалеріи. Къ глуховцамъ поѣхали втроемъ: Филоненко, Анардовичъ и я, оставивъ Ципкевича организовывать корпусъ къ наступленію. Ципкевичъ былъ превосходнымъ организаторомъ, нѣкогда въ боевой дружинѣ, потомъ въ Николаевскихъ Судостроительныхъ Заводахъ и, наконецъ, въ 8-ой арміи, гдѣ комитетчики передъ нимъ благоговѣли.

Схема его работы была такова. Вечеромъ командующій корпусомъ сообщилъ ему заданія арміи на завтрашній день. Ночью Ципкевичъ раздавалъ участки комитетчикамъ и разсылалъ ихъ, днемъ они телеграфировали результаты. Особенное вниманіе было обращено на переброску войскъ и проталкиваніе грузовъ. А мы — пока Ципкевичъ разгрызалъ революціонными методами желѣзнодорожныя пробки — поѣхали къ глуховцамъ.

Глуховцы стояли у насъ на лѣвомъ флангѣ въ Карпатахъ, недалеко отъ Кирли-Бабы. Еще при Николаѣ этотъ полкъ два или три раза бѣгалъ съ позиціи, — по крайней мѣрѣ, такъ хвастался онъ. Мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, глухое, бездорожное, дождливое, унылое. Дорога шла все повышаясь и понижаясь, временами открывался видъ внизъ на деревни, на холмы, ступенями опускающіеся въ долину.

Наконецъ, подъѣхали къ двумъ маленькимъ горѣлымъ городкамъ, раздѣленнымъ мелкой, но быстрой горной рѣкой. На желѣзнодорожномъ мосту узкоколейки, начинающейся отсюда, висѣлъ крохотный паровозикъ съ однимъ буферомъ на груди. Когда-то, отступая, сбросили его, онъ повисъ и висѣлъ. Городки эти зовутъ Кута и Выжница, они стоятъ уже въ воротахъ Карпатъ. Дальше дорога пошла, какъ вообще въ Карпатахъ, вдоль рѣки. По про-

тивоположной сторонѣ тихонько катился поѣздъ узкоколейки. Дорога мучительная. Крутые подъемы, бревончатая мостовая, одна выдерживающая дожди Карпатъ, все это вмѣстѣ дѣлало путь страшно труднымъ. По бокамъ склоны съ темнымъ мѣхомъ мрачныхъ елей, иногда почти вертикальная пашня, казалось, что лошадь и пахарь могли влѣзть и пахать на такой кручѣ только на четверенькахъ, да еще держась за камни зубами. По дорогѣ изрѣдка встрѣчаются старые гуцулы въ цвѣтныхъ короткихъ полушубкахъ, съ черными зонтиками въ рукахъ. Артели подростковъ-женщинъ чинили дорогу и съ готовностью улыбались автомобилю. Шелъ дождь; минутами не то, что свѣтало, а какъ-то сѣрѣло, и дождь переставалъ. На полъпути автомобиль не выдержалъ, изорвалъ шины и сталъ. Была ночь. Перешли рѣчку въ бродъ. Ночевали въ гуцульской избушкѣ. Выглядитъ-какъ жилище Перъ-Гюнта. Утромъ, на шинахъ, кое-какъ заплатанныхъ на одной покрышкѣ, набитой мохомъ, поѣхали. Пріѣхали въ полкъ. Штабъ пустуетъ. Встрѣтилъ насъ прапорщикъ. Видъ подозрительный, очевидно, что онъ въ свое время велъ кампанію противъ офицеровъ и комитетовъ и лѣзъ въ «Муравьовы», какъ я бы теперь сказалъ; но когда все раскачалось и разошлось, убоялся и сейчасъ все его честолюбіе исчерпывалось мечтой поѣхать въ отпускъ. Полкъ былъ невыносимъ. Унтеръ-офицеры изъ него почти всѣ сбѣжали въ ударные батальоны. У него не было уже ни дна, ни покрышки.

Комитетъ отговаривалъ насъ отъ митинга, но мы рѣшили митингъ собрать. Среди луга стоялъ помостъ. Собрались солдаты, пришелъ оркестръ. Когда оркестръ

игралъ марсельозу, то всѣ держали руки подъ козырекъ. Получалось впечатлѣніе, что у этихъ людей еще что-то есть, и полкъ не обратился въ сукровицу. Долгая окопная жизнь измучила полкъ, многіе ходили съ палочками, съ повадкой слѣпыхъ, у нихъ была куриная слѣпота. Измученные, оторванные отъ Россіи, они сложились въ свою республику. Исключеніе представляла опять-таки пулеметная команда. Повели митингъ. Слушали неспокойно. Прерывали криками:

«Бей его, онъ буржуй, у него карманы на гимнастеркѣ», или: «Сколько съ буржуевъ получаете»? Мою рѣчь мнѣ удалось договорить, но въ то время, когда говорилъ Филоненко, толпа, подъ предводительствомъ нѣкоего Ломакина, вбѣжала на помостъ и схватила насъ. Насъ не били, но напирали на насъ съ криками: «Мутить насъ пріѣхали»! Одинъ солдатъ снялъ сапогъ и все вертѣлся, показывая ногу и крича: «У насъ отъ окоповъ ноги, ноги попрѣли». Насъ уже рѣшили вѣшать, такъ просто — вѣшать за шею, но тутъ всѣхъ выручилъ Анардовичъ. Онъ началъ со страшной матерной брани. Опѣшили и осѣли. Для него, революціонера уже 15 лѣтъ, эта толпа казалась стадомъ безумныхъ свиней; онъ не жалѣлъ ихъ и не боялся. Мнѣ трудно передать эту рѣчь; знаю только, что онъ между прочимъ сказалъ: «Я и изъ петли скажу вамъ — сволочь вы». Подѣйствовало. Насъ начали качать и на рукахъ донесли до автомобиля. А когда мы поѣхали, бросили намъ вслѣдъ нѣсколько камней.

Съ полкомъ въ концѣ-концовъ Анардовичъ справился. Пріѣхалъ одинъ, велѣлъ отдать винтовки, построилъ поротно, семьдесятъ человѣкъ отдѣлилъ и послалъ подъ

конвоемъ одного казака въ Корниловскій батальонъ, гдѣ эти люди сказали, что они «подкрѣпленіе» и дрались не хуже прочихъ, а остальныхъ привелъ съ собою на мѣсто. Полкъ оказался не хуже другихъ. Конечно, все это въ результатѣ было безполезнымъ, мы боролись съ разложеніемъ въ отдѣльныхъ полкахъ, а это разложеніе — процессъ разумный, какъ все существующее, и происходилъ во всей Россіи.

Отъ глуховцевъ поѣхали обратно черезъ Куту въ Станиславовъ. Тамъ уже шла артиллерійская подготовка наступленія. 700 пушекъ, не торопясь, съ прицѣломъ разбивали нѣмецкіе окопы. Это для артиллеристовъ не тяжелая, а веселая работа. Можно обѣдать, пить чай, а потомъ стрѣлять снова. Не то, что непріятная стрѣльба при отбитіи атакъ противника. Несмотря на то, что авіація нѣмцевъ превосходила нашу совершенно безмѣрно, наши артиллеристы, не пользуясь воздушной развѣдкой, все же стрѣляли прекрасно. Я смотрѣлъ на обстрѣлъ съ чердака черезъ приподнятыя черепицы крыши высокаго дома, такъ какъ спеціальный наблюдательный пунктъ былъ переполненъ: ихъ было сперва два, но одинъ былъ разбитъ непріятельскимъ снарядомъ, наблюдатели погибли: для похоронъ собрали только клочья мяса.

Въ картинѣ обстрѣла чужихъ позицій поразило меня то, что шу́му очень мало, какъ-то мало гремѣли пушки или гремѣли не всѣ сразу. Изъ окоповъ противника били фонтаны земли, по высотѣ фонтана можно было догадаться о калибрѣ снаряда. А въ воздухѣ, надъ Станиславовомъ, висѣли двухцвѣтныя облачка разрывовъ австрійскихъ шрапнелей. Около часу дня, 23 іюня 1917 г., штабъ на на-

блюдательномъ пунктѣ получилъ извѣстіе, что кинбургцы устали ждать и идутъ въ атаку, не дожидаясь полнаго разрушенія непріятельскихъ проволочныхъ загражденій.

Нашъ огонь, все тотъ же, спокойный и неторопливый, былъ перенесенъ на резервы противника. Съ крыши было видно въ бинокль, какъ выбѣгали изъ нашихъ окоповъ маленькіе сѣрые люди, и бѣжали черезъ поле. Сперва наши появлялись на отдѣльныхъ участкахъ, потомъ извилистая цѣпь наступающихъ опоясала весь нашъ фронтъ. Я плакалъ на крышѣ.

Уже сообщали, что первая атака прошла черезъ три ряда непріятельскихъ укрѣпленій; атака была превосходная, успѣхъ развивался. Я слѣзъ съ крыши и отправился на фронтъ. Шелъ пѣшкомъ по шоссе, черезъ наши окопы къ австрійскимъ. Перешелъ Быстрицу. По бокамъ дороги, тамъ и сямъ, виднѣлись ямки, въ которыхъ окапывалась наша наступающая пѣхота. Австрійскіе окопы были разбиты очень сильно. Они поражали своимъ благоустроеннымъ видомъ. Сейчасъ въ нихъ копошились изрѣдка солдаты, ища сахару. Комитетчикамъ удалось уничтожить вино, иначе солдаты перепились бы. Черезъ поле, устало шагая, шла вторая и третья русская, наступающая цѣпь. Вездѣ валялось австрійское оружіе, шинели, каски. Ударъ былъ неожиданъ для непріятеля, несмотря на наши долгіе о немъ разговоры. Начальникъ австрійской артиллеріи былъ убитъ у 40 сантиметроваго орудія. Не продвинулся еще не весь фронтъ; гдѣ-то влѣво отъ шоссе, какъ-будто стучали палками о палки: то шелъ ружейный и пулеметный огонь. Я дошелъ до штаба 11 дивизіи, меня узнали, но всѣмъ было не до меня; палки стучали все чаще и

чаще, бой занимался. Пошелъ смотрѣть австрійскіе окопы. Хороши окопы! даже съ броневыми башнями для наблюдателей.

Пришло извѣстіе: австрійцы сломлены по всей линіи; перестрѣлка утихла. Пошелъ дальше. Изъ Станиславова пришли броневики, посланные для погони за противникомъ. Они стояли передъ небольшимъ, разрушеннымъ австрійцами мостомъ, и засыпали канаву. Встрѣтилъ здѣсь одного товарища, его потомъ убили въ бояхъ этого же дня. Пошелъ дальше, убитыхъ видно мало, раненые идутъ и идутъ, пока больше наши; значитъ, противникъ еще нигдѣ не отрѣзанъ. А вотъ, подъ кустомъ лежитъ у самой дороги убитый, лежитъ тихій, рядомъ съ нимъ завтракаютъ австрійскими консервами спокойные солдаты и ставятъ жестянки на трупъ.

На автомобилѣ меня догналъ довольный Филоненко. Поѣхали вмѣстѣ, нѣмецкіе аэропланы летали низко, низко, совершенно не боясь нашей стрѣльбы; я думаю, что они были бронированы, временами они опускались такъ низко, какъ будто хотѣли сбить хвостомъ нашъ автомобиль. Или бросали въ небо красную ленту, вертикально повисающую надъ нашей цѣпью, для того, чтобы корректировать стрѣльбу своей артиллеріи.

Снарядъ упалъ передъ радіаторомъ нашего автомобиля; думаю, что выстрѣлили по облаку пыли. Мы вкатили въ вихрь песку и камней, поднятыхъ взрывомъ, успѣли только закричать и уже проскочили.

Въ первый день войска достигли линій рѣки Повольчи, гдѣ и закрѣпились. Пріѣхали туда, всѣ въ превосходномъ настроеніи, хотя полкъ при наступленіи налѣзъ на полкъ

и все спуталось и перемѣшалось. Къ вечеру стали извѣстны первые результаты наступленія: фронтъ противника былъ разорванъ, мы прошли верстъ десять, взяли двѣ нѣмецкія дивизіи въ вагонахъ и болѣе трехъ тысячъ пулеметовъ.

Я пишу все это почти черезъ два года. Наше наступленіе было 23 іюня 1917 г. по старому стилю, а я пишу въ Троицынъ день 1919 года. Отъ глухихъ и далекихъ выстрѣловъ пушекъ слегка подрагиваютъ окна дачи, въ которой я живу (Лахта). Гдѣ-то, кто-то, не то финны, не то какіе-то анонимные бельгійцы, бьютъ какихъ-то мнѣ невѣдомыхъ «нашихъ».

На другой день опять поѣхалъ на фронтъ. Повельча пройдена. Наши потери были ничтожны. Знаю, что Камчатскій полкъ, который я встрѣтилъ, потерялъ 40—50 человѣкъ.

Проѣхали черезъ фронтъ, отпустили автомобиль и пошли пѣшкомъ съ развѣдчиками.

Въ продолженіе двухъ или трехъ дней мы часто выходили съ развѣдчиками за нашу линію. Наступленіе шло порядкомъ необычнымъ. Впереди всѣхъ шла наша легкая артиллерія, даже безъ прикрытія; она одна успѣвала становиться на позицію и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ уже приходилось итти дальше. Австрійцы потомъ переняли эту манеру у насъ, и при встрѣчныхъ бояхъ въ Долинскомъ направленіи намъ приходилось убѣждаться, что у нихъ артиллерія вышла непосредственно въ цѣпь. Но въ тѣ дни артиллерія гуляла и внѣ цѣпи. За артиллеріей шла пѣхота, за пѣхотой кавалерія. Дикую дивизію не удалось использовать, кажется изъ-за пересѣ-

ченной мѣстности. Вообще же она была много хуже нашей регулярной кавалеріи, которая очень хороша. Кавалеристы, впослѣдствіи, одни прикрывали наше отступленіе. Это были еще кадровые солдаты. Въ то время настроеніе у нихъ было почти шовинистическое. Они говорили: «Мы за миръ безъ аннексій и контрибуцій, но за войну до полной побѣды». Пока же преслѣдованіемъ противника занималась артиллерія.

А въ нашемъ тылу двигались и сшибались огромные, тяжелые, съ непрерывнымъ грохотомъ идущие обозы наступающей арміи.

Такъ ясна была разница между тонкой — тонкой, не цѣпью, не линіей, а ниткой русскаго фронта и огромнымъ перегруженнымъ тыломъ.

Помню одинъ нашъ переходъ. Вышли вечеромъ. Со мною милый Вонскій, энергичнѣйшій одесситъ, который умѣлъ проникать черезъ Станиславовъ неопредѣленно большое количество раненыхъ. Справа передъ нами горящая деревня. Зажгли австрійцы. Отъ пожара еще темнѣй. Издали стрѣляетъ по пламени уходящій противникъ.

Солдаты черпаютъ воду изъ колодца котелками, привязывая ихъ на телефонный проводъ.

Идемъ дальше во тьму.

Нагоняютъ броневики. Окликаютъ. Узнаетъ ученикъ шофферъ. Рѣшаемъ ѣхать дальше. Узкій однобашенный «Ланчесторъ». Душно и жарко внутри. Оклеенныя толстымъ войлокомъ стѣны украшены портретами Керенскаго и кусками кумача.

Ѣдемъ, въѣзжаемъ въ лѣсъ, въ которомъ, говорятъ, водятся австрійскія части. Никто не стрѣляетъ.

Останавливаемся. Опять горящая деревня въ боку, за лѣсомъ. Непріятель стрѣляетъ по лѣсу. Значитъ, онъ уже очистилъ его. Случайный осколокъ ложится у ногъ. Всѣ начинаютъ говорить шопотомъ. Весь лѣсъ, вся дорога усѣяна тяжелыми германскими боевыми шлемами, съ низко опускающимися назатыльниками и козырьками, винтовками... лопатами... проволокой въ моткахъ.

Утромъ нагоняетъ насъ автомобиль съ корреспондентами. Одинъ изъ нихъ Лембичъ изъ «Русскаго Слова». Помню, какъ онъ рвался въ Станиславовѣ къ телеграфу. Значитъ, ѣдетъ писать корреспонденцію изъ третьихъ рукъ, похожую на правду, какъ облака на цимбалы.

На другой день поѣхали дальше. По дорогѣ встрѣтили офицера артиллериста съ картой въ рукахъ; онъ искалъ высоту 255 и спрашивалъ о ней чуть ли не у прохожихъ. Карты читать онъ не умѣлъ. Не знаю, откуда онъ взялся.

Такъ, катясь совершенно незамѣтно, мы доѣхали до Галича. Галичъ былъ только что занятъ отрядомъ развѣдчиковъ, кажется Заамурской дивизіи — зеленые канты — и взводом броневиковъ, кажется 7-ой арміи. Крохотный городишко, котораго никто бы и не замѣтилъ, если бы не его крупное стратегическое значеніе — предмѣстное, очень сильное укрѣпленіе — былъ пустъ. Нѣмцы ушли, взорванный мостъ былъ такъ пустыненъ, какъ будто это и не мостъ, а сфинксъ въ пустынѣ. На противоположномъ берегу видны два нашихъ развѣдчика, переплывшіе рѣку или перешедшіе въ бродъ. Глубоко подъ мостомъ быстро и невнимательно пробѣгали волны Днѣстра, мимо опостылѣвшей имъ войны.

Въ городѣ домовъ десять. Въ одномъ люди, нашихъ войскъ съ комиссарами вмѣстѣ (я и Цинковичъ) человѣкъ тридцать. На высокой горѣ торчатъ развалившіяся черныя стѣны замка Даніила Галицкаго. Все то же, что я видѣлъ еще въ 1915 г., когда велъ въ снѣжную вьюгу автомобиль изъ Бродъ черезъ Галичъ на Львовъ, Станиславовъ и Коломею. А сейчасъ я заѣхалъ въ Галичъ изъ Станиславова и думалъ, что ѣду по дорогѣ въ Львовъ. Мы такъ измѣнили свои фронты, что когда находили свои старые окопы, они были намъ противъ шерсти.

Но въ Галичѣ было и кое-что новое. Это прекрасныя нѣмецкія укрѣпленія.

Были вырыты норы, укрѣпленныя двойной обшивкой изъ толстыхъ бревенъ, и подрытыя подъ самое основаніе высокой галицкой горы. Были построены громадные погреба для артиллерійскихъ снарядовъ, а вокругъ всего этого кегельбаны, души и бесѣдки изъ бѣлыхъ, съ неободранной корой, стволиковъ березы.

Обычно нѣмцы, оставляя позиціи, очищаютъ ихъ «подъ бритву», даже метутъ полъ, чтобы въ мусорѣ не оставить какія-нибудь бумаги — напримѣръ, конверты отъ писемъ, по которымъ можно было бы догадаться о составѣ занимающей части.

На этотъ разъ они поторопились и оставили и снаряды, и кое-какія неважныя бумажки. Артиллерія была увезена ими вся. Солдаты развлекались въ занятомъ городѣ, какъ обычно. Пускали ракеты, пробовали гранаты, брали снаряженіе, чтобы бросить его черезъ нѣсколько шаговъ. Было солнечно и очень мирно. И тихо, тихо, какъ въ курортѣ осенью послѣ разъѣзда.

Поѣхали обратно, и мимо разбитыхъ, догорѣвшихъ деревень, мимо лѣсовъ уже больше не шепотныхъ, мимо часовенъ, въ которыхъ днемъ желтымъ пламенемъ горѣли кѣмъ-то зажженныя свѣчи, я въѣхалъ въ Станиславовъ.

Здѣсь мнѣ сказали, что я долженъ ѣхать въ 16 корпусъ, т.-е. въ районъ дор. Надворной. Непріятеля тамъ почти не было; можетъ быть, въ окопахъ остались одни сторожевыя охраненія, а можетъ быть, только сторожевыя собаки. Противникъ уходилъ, но третье-очередныя дивизіи не рѣшались наступать, хотя передъ ними была пустота Торричелліева, которая ихъ всасывала. Меня послали передвинуть части. Поѣхалъ снова, увидѣлъ ген. Стогова, который старался скрыть позорное состояніе своихъ частей, но, конечно, не могъ. Корниловъ писалъ ему: «Занять деревню Рассульну»; онъ отвѣчалъ: «Въ деревнѣ Рассульно противникъ», на что Корниловъ очень вразумительно телеграфировалъ: «Если есть противникъ, его надо выбить», а войска не бились и не выбивали.

Пріѣхалъ. На Космачкѣ, той самой круглолѣсой горѣ, которую я видѣлъ уже изъ Александропольскаго полка, стоитъ одинокая австрійская пушка и пугаетъ. Стрѣляетъ то вправо, то влѣво, то по дорогамъ, то по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было предположить стоянку штаба и гдѣ онъ, конечно, стоялъ. Наша артиллерія молчала, не могла не молчать. Знали, что передъ нами непріятельскаго фронта нѣтъ. Бить по деревнѣ — жаль людей, бить по лѣсу — жаль снарядовъ, и били такъ, для очистки совѣсти по одной Космачкѣ. Въ полѣ стоитъ пламя, эта мѣстная неопалимая купина; нефть, зажженная еще два года тому назадъ въ буравой скважинѣ, все еще горѣла.

Проѣхали по фронту. Австрійцы уже отступили и очистили свои старые окопы.

Окопы хорошіе, сухіе, хотя мѣсто болотистое, съ рѣдкимъ ельникомъ, совсѣмъ петербургское болото. Вездѣ домики, вездѣ тѣ же бесѣдки изъ неободранной березы.

Выполъ на нашъ фронтъ. Иду лѣсомъ и все встрѣчаю одинокихъ людей съ винтовками, больше молодыхъ. Спрашиваю: «Куда?» — «Боленъ». Значитъ, бѣжитъ съ фронта. Что съ нимъ дѣлать? Хотя и знаешь, что это безполезно, говоришь: «Иди обратно, стыдно»... Онъ идетъ. Выползъ на опушку. Какіе-то обрывки. То здѣсь, то тамъ кучки. Командиръ полка докладываетъ:

«Вчера такая-то рота убѣжала, вчера такая-то въ паникѣ открыла огонь по своимъ».

Собираешь комитетъ. Комитетъ весь въ цѣпи, затыкаетъ собою дыры. Прихожу къ какой-то ротѣ, объясняюсь почти одними междометіями: «Товарищи, что же вы»... — «Мы ничего, мы стоимъ»... — «Идите въ Рассульну» — Начинаютъ объяснять, что въ Рассульну нужно идти полемъ, а пока пойдемъ, насъ перебьютъ съ Космачки. Тоска.

Взялъ винтовку и гранату. «Кто со мной въ Рассульну»?. Вызвался одинъ развѣдчикъ. Идемъ полемъ, то въ травѣ, то въ какихъ-то рѣдкихъ колосьяхъ, быть можетъ, ржи. Дошли до деревни, дорога пуста.

Идемъ въ первую избу. Перепуганныя бабы спрашиваютъ насъ шепотомъ: «Что, скоро придете?» Ничего не говоримъ. Мальчикъ лѣтъ семи или восьми, бѣлокурый и тихій, на полупонятной мнѣ галиційской мовѣ зоветъ посмотрѣть на австрійцевъ. Идемъ уже ползкомъ.

У моста въ рѣчкѣ рѣдкая цѣпь австрійцовъ ставитъ на нороносныхъ желѣзныхъ тонкихъ коляхъ-прутьяхъ насмѣхъ проволочныя однорядныя загражденія.

Одному или вдвоемъ выбить ихъ невозможно. Тоска. Взялъ съ оставленной батареи кое-какія брошенныя бумажки и пошелъ прямикомъ черезъ поле къ нашимъ. Пришелъ, оставилъ развѣдчика и ушелъ. Думаю, пусть онъ разскажетъ.

Посовѣтовалъ обстрѣлять «фронтъ» артиллерійскимъ огнемъ, пустить въ Рассульну броневики, можетъ быть, тогда сзади приплетется и наша пѣхота.

Такъ и сдѣлали, и, чуть ли не подталкивая въ спину колѣномъ, втащили войска въ Рассульну. Въ Рассульной они чуточку ободрились, страшную Космачку, при взятіи которой чудилось пролитіе моря крови (другая знаменитая гора Кирли-Баба была дѣйствительно мощена костями), обошли, но благодаря нашему промедленію австрійцами была увезена вся ихъ артиллерія.

Именно въ Рассульной нашли мы нѣмецкое штабное руководство къ братанію...

Стоило ли тащить такія войска? Почему мы не понимали, что нельзя воевать, имѣя такую слизь на фронтѣ? Потому отчасти, что мы не имѣли иного выхода изъ войны, какъ крупная побѣда надъ Германіей, которая одна — по нашему мнѣнію — могла поднять революцію въ ней. Все же вѣдь танки раздавили тронъ Вильгельма. И мы не смѣли видѣть невозможности и шли черезъ невозможность.

Кромѣ того, мы знали, что передъ нами тоже не армія, а слякоть, которая была положительно хуже нашего

16 корпуса, но много его труслившѣе; но, увы, она хоть приблизительно, но исполняла приказанія.

И вотъ мы вошли въ Рассульну.

Не помню, уѣзжалъ ли я изъ Рассульной или нѣтъ. Помню себя нѣсколько дней передъ ротой солдатъ, которая сбѣжала съ позиціи. Я ругательски ругаю ее. Она кается и потѣетъ. Идетъ дождь. Я рѣшаюсь самъ вести эту роту обратно. Фронтъ уже въ верстахъ въ 20—30 отъ Рассульны.

Съ палочками въ рукахъ мы идемъ черезъ черный, высокій подъ дождемъ, мрачный лѣсъ. Мы идемъ въ деревню Лодзяны.

Идемъ. Дорога временами перерѣзывается траншеей, засыпанной землей. Земля осѣла и образовался глубокій ухабъ, въ которомъ мучаются застревающіе обозы. И никто не слѣзетъ и не положитъ въ выбитую яму, хотя бы мѣшки съ пескомъ, которые лежатъ кругомъ тысячами, такъ какъ изъ нихъ былъ сдѣланъ брустверъ окопа.

Странная нація. Она не умѣетъ даже дорогу починить. И такъ и пройдутъ тысячи толѣгъ, проваливаясь въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и тысячу разъ вспотѣютъ тысячи лошадей и въ три раза болѣе тысячи людей.

Въ деревню Лодзяны пришли ночью. Опять жалобы. Жалуются несчастные командиры третьеочередныхъ частей. Части были пополнены городовыми, кадровыми фельдфебелями, которые развивали противовоенную агитацію со всей силой своей сравнительной интеллигентности. Городовые были еще лучше «шкуръ», среди нихъ попадались порядочные люди, которые хотѣли «заслу-

жить» и «искупить». Разжаловалъ, не имѣя на то и тѣни права, нѣсколькихъ фельдфебелей въ рядовые за бѣгство.

Настроеніе войска неважное. При сравнительно легкомъ переходѣ брошены солдатами шинели. Мерзнутъ, завертываясь въ одѣяла. Здѣсь мнѣ сказали, что ударный батальонъ 74 дивизіи отказывается занять позицію.

Для ударнаго батальона, даже мнѣ, человѣку уже привыкшему, это показалось слишкомъ трусливымъ. Пошелъ выяснить, и сразу попалъ въ толпу измученныхъ и изнервничавшихся людей. Пошли жалобы. Оказалось, что батальонъ состоялъ изъ кадровыхъ солдатъ, унтеръ-офицеровъ, сбѣжавшихъ отъ развала своихъ частей. Но и въ своей части они нашли тотъ же развалъ, уже не отъ нежеланія солдатъ, а отъ неумѣнія организоваться. Батальонъ не имѣлъ повозокъ, не имѣлъ патроновъ къ своимъ японскимъ винтовкамъ, т. е. былъ безоруженъ, если не считать гранатъ, подобранныхъ въ австрійскихъ окопахъ. И ему было приказано занять позицію.

Досталъ откуда-то черезъ пріѣхавшаго Войскаго винтовки, патроны и послалъ ихъ въ бой. Почти весь батальонъ погибъ въ одной отчаянной атакѣ.

Я понимаю ихъ. Это было самоубійство.

Легъ спать. Ночью поднялъ меня съ отчаяннымъ воплемъ хозяинъ русинъ, солдаты косили у него зеленый хлѣбъ. Поднялся и ночью бѣгалъ по росѣ. Утромъ пріѣхалъ Корниловъ и приказалъ, какъ можно скорѣй вывести всѣ снаряды, захваченные нами отъ австрійцовъ изъ деревни.

Фронтъ тянулся около послѣднихъ избъ, мѣсто было неспокойное. Днемъ солдаты убили двухъ евреевъ, про

которыхъ говорили, что они сигнализировали. Я увѣренъ, что это было не такъ. Сочетаніе трусости съ шпіономаніей невыносимо. И все же кровь эта какъ-то легла и на меня. А фронту нужно было продвинуться дальше. Наша артиллерія стрѣляла все чаще и чаще, отгоняя австрійцевъ. Тѣ держались не крѣпко, правѣе насъ, въ районѣ 42 дивизіи, гдѣ былъ въ это время Анардовичъ, они бѣжали отъ одного шрапнельнаго огня.

Съ высоты нашей деревни было видно, какъ австрійцы эвакуировали прифронтовую полосу, отправляя въ Долинскомъ направленіи поѣздъ за поѣздомъ почти безъ перерыва. Очевидно, эвакуація заканчивалась. Готовили сдачу.

На другой день разыгрался уже настоящій бой. Бой шелъ не то по Ломницѣ, не то по Новольчѣ, свѣдѣнія все время поступали самыя разнорѣчивыя и неувѣренныя, какое-то военное бормотаніе. Пошелъ на фронтъ. Въ лѣсу попадаются отдѣльные люди. Нашелъ штабъ полка, тамъ тоже почти ничего не знаютъ. Бой идетъ въ лѣсу, части то отступаютъ, то продвигаются впередъ. Связи вдоль фронта нѣтъ. Пошелъ впередъ, перешелъ рѣчку, теплая вода которой сразу залилась въ сапоги и стала пищать и хлипать въ нихъ. Черезъ рядъ полянокъ попалъ въ еловый лѣсъ, гдѣ уже свистѣли пули и тявкали деревья подъ рикошетами.

Иду лѣсомъ и сразу попадаю въ нашу цѣпь. Въ мокрой отъ ночного дождя землѣ вырыты отдѣльныя ямки и неуклюже вывернуты пни съ перерубленными корнями. Въ ямкахъ вода, въ водѣ лежатъ люди, мокрые, усталые. Два-три офицера прячутся за деревьями, но стоятъ.

Видно не знаютъ, что нужно дѣлать. Безпрерывно стрѣляютъ пулеметы и, кажется, зря. Нервно, нестройно раздаются выстрѣлы изъ винтовокъ. Отъ отдѣльныхъ солдатъ слышно ворчанье на офицеровъ.

«Развѣ они сзади должны быть, они должны на сто саженъ впередъ пойти». Мнѣ объяснили, что цѣпь не рѣшается продвигаться. Передъ ней венгры. Правый и лѣвый полкъ уже почти на версту впереди. Обращаюсь къ солдатамъ.

«Идите впередъ». Молчатъ... Такъ тоскливо было въ этомъ лѣсу, въ глухомъ углу революціоннаго фронта. Я поднялъ, лежащія рядомъ съ головой какого-то солдата, двѣ русскія жестяныя бомбы, положилъ въ карманъ и взялъ винтовку, перешагнулъ нашу цѣпь и пошелъ впередъ. Выстрѣлы передъ нами смолкли. Шелъ, кажется, шаговъ 60, канава, дорога, опять канава и сейчасъ же за ней лежала цѣпь австрійцевъ. Я почти наступилъ на нее. Бросилъ бомбу въ бокъ, впередъ не могъ, она попала уже на цѣпь. Желтое пламя вспыхнуло съ глухимъ взрывомъ, меня слегка контузило... Время было неподвижно. Такъ неподвижны иногда въ бурю тучи, когда ихъ освѣщаетъ молнія...

И сразу съ крикомъ набѣжалъ, пробѣжалъ мимо меня, въ полномъ бѣшенствѣ, нашъ полкъ.

Полкъ не выдержалъ и прибѣжалъ.

Помню атаку. Все кругомъ казалось мнѣ рѣдкимъ, не густымъ, страннымъ и неподвижнымъ.

Помню желтые на сѣромъ мундирѣ ремни нѣмецкаго лейтенанта. Лейтенантъ первый выскочилъ мнѣ навстрѣчу, послѣ секунднаго остолбененія бросился, повернулся и

упалъ, подгибая колѣно подъ грудь и какъ-будто ища мѣсто, гдѣ бы лечь на землю. Желтый ремень пересѣкалъ его спину. Но я убилъ его.

Пробѣжавши окопы, я оглянулся: какой-то нашъ солдатъ, торопясь, стягивалъ съ мертваго его офицерскую выкладку и вдругъ самъ упалъ рядомъ.

Мы шли атакой, въ сѣрый день, между мокрыми деревьями. Какой-то нѣмецъ съ крикомъ «я вашъ» палъ на колѣни и поднялъ руки. Нашъ солдатъ пробѣжалъ мимо, потомъ полуобернулся и, цѣлясь въ бокъ, выстрѣлилъ въ него.

Цѣпь бѣжала скорѣе меня, я отсталъ. Я зналъ, что нельзя итти въ атаку, стоя въ полный ростъ, но мы обезумѣли. Ненависть къ войнѣ, къ себѣ и усталость не позволяли думать о самосохраненіи.

Гдѣ-то влѣво въ ольховыхъ кустахъ заработалъ съ рѣдкимъ стукомъ нѣмецкій пулеметъ.

Въ тылу показалась група австрійцовъ, спѣшащая къ намъ въ плѣнъ.

Мы съ разбѣгу вбѣжали въ какую-то быстро текущую, почти опрокидывающую рѣчку, сбили какихъ-то людей, которые хотѣли зацѣпиться и задержать насъ, легли въ завалы.

Потомъ пустая деревушка, съ курами, бѣгающими по улицамъ. Кто-то сталъ ловить курицу. Насъ осталось мало, большинство было выбито.

За деревней было еще проволочное загражденіе, мы достигли его.

Въ этотъ моментъ оказалось, что у насъ нѣтъ патроновъ. Полкъ разстрѣлялъ ихъ, лежа въ лѣсу. Я закричалъ. — «Ложись окапываться». — Мы были уже въ глубокомъ прорывѣ.

Въ этотъ моментъ мнѣ что-то согрѣло бокъ, и я почувствовалъ себя сбитымъ на землю. Вѣрнѣе, даже почувствовалъ, что лежу на землѣ. Вскочилъ и опять закричалъ. — «Окапывайтесь, сейчасъ будутъ патроны».

Я былъ раненъ въ животъ навылетъ.

Казалось мнѣ, что главное уйти сейчасъ же отсюда. Хотя я зналъ, что раненому въ животъ нельзя шевелиться по крайней мѣрѣ часъ-два, я поползъ въ тылъ. Мнѣ хотѣлось уйти изъ-подъ пулеметовъ.

Я мечталъ не о Петербургѣ, не о деревнѣ Лодзяны. Каждое мѣсто, хотя бы въ трехъ шагахъ отсюда, казалось мнѣ желаннымъ.

Я ползъ и былъ счастливъ. Пали ручьи въ рѣки, пала въ море рѣка, я донесъ свою ношу.

Я снялъ поясъ, бросилъ винтовку, хотя это и дурной тонъ для раненаго.

Какой-то раненый въ ногу солдатъ далъ мнѣ въ шагахъ ста отъ боя бинтъ, снятый съ убитаго, и перевязалъ меня. Крови было мало. Такъ, пятнышко.

Съ нимъ мы ползли до рѣчки и говорили другъ другу все время ласковыя слова.

До Лодзяны было далеко, далеко.

За рѣчкой уже были носильщики-санитары съ палками отъ носилокъ на плечахъ.

Они сложили носилки, положили меня на нихъ, покрыли и понесли вчетверомъ на плечахъ.

Мнѣ было холодно, я вымокъ въ рѣчкахъ. Съ трудомъ шли носильщики, вдавливая ноги въ воду въ быстро бѣгущей рѣчкѣ. Я ни о чемъ не думалъ. Было почти тепло. Только темно. Вечеръ.

Когда несутъ на плечахъ раненаго, то онъ, лежа въ обвиснувшей холстинѣ, не видитъ почти ничего, кромѣ деревьевъ и неба. Мимо неба проносятъ всѣхъ.

Шли тропинками, потому что по шоссе австріецъ крылъ артиллеріей.

Принесли на перевязочный пунктъ.

Онъ былъ заваленъ ранеными. Весь полъ былъ занятъ. Меня положили у входа, но перенесли скоро, я считался раненымъ очень тяжело.

Подошелъ докторъ. Я сказалъ ему, чтобы отправили телеграмму Военскому о томъ, что я раненъ. Онъ посмотрѣлъ рану и сказалъ, что пробита S-образная нисходящая кишка и спросилъ:

— Курите?

— Нѣтъ.

— Закурите, вѣдь все равно. Икали?

— Нѣтъ.

— Ну, можетъ быть, не умрете, но дайте адресъ родныхъ.

Кромѣ раны у меня былъ сильный шокъ, пульсъ слабый. Мнѣ впрыснули камфору.

Санитаръ снялъ съ меня мокрые сапоги и куртку и попросилъ подарить. — «Я отъ крови вымою, а вамъ больше не нужно»...

Перевязочный пунктъ былъ подъ обстрѣломъ. Всѣхъ раненыхъ торопились отправить въ тылъ. Меня съ офи-

церомъ, рука котораго была размозжена отъ плеча до кисти, положили на дно патронной двуколки и отправили.

Везутъ. Все занято, все забито ранеными. Усталый возница ругается: «Куда васъ сбросить». Мы угрожаемъ ему: — «Вези дальше, мы себя не дадимъ на дорогѣ бросить». — Не знаю, чѣмъ бы это кончилось. Уже свѣтало небо. Наступало утро. По дорогѣ насъ встрѣтилъ Войскій съ автомобилемъ. Телеграмму передали ему случайно съ мотоциклистомъ, и онъ пріѣхалъ изъ 42 дивизіи на багажникѣ того же мотоциклета. Меня съ товарищемъ положили въ машину и повезли въ Надворную.

Я спрашивалъ, что на фронтѣ. Въ 42 дивизіи происходило приблизительно то же, что я уже видѣлъ. Австрійцы были слабы и бѣжали отъ одного правильнаго огня, т.-е. изъ-за сооруженныхъ пустяковъ, но наши части шли апатично, вяло или совсѣмъ не шли.

Бывало и такъ, что австрійскій полкъ выбивался одними нашими офицерами, телефонистами и полковыми саперами. Врачи ходили рѣзать проволоку, а части не поддерживали. Вся неквалифицированная Россія буксовала.

Привезли въ Надворную. Передали, положили на новыя носилки (кровати не было) и велѣли ждать. Сказали, что если у меня не будетъ перитонита, то буду живъ. Я лежалъ слабый, но уже убѣжденный, что буду жить.

Госпиталь былъ еще «здоровый», съ популярнымъ старшимъ врачемъ. Наши санитары не работали и не ухаживали за ранеными, такъ же какъ не чистили лошадей.

Лучшіе санитары были изъ плѣнныхъ австрійцевъ. Австрійцы прежде всего дорожили мѣстомъ, гдѣ ихъ кормили и гдѣ съ ними хорошо обращались, а потомъ были

болѣе культурны и не могли, не умѣли плохо работать — такъ же, какъ хорошо квалифицированный шофферъ не можетъ небрежно относиться къ своему автомобилю. Въ госпиталѣ получилъ телеграмму отъ своего дивизіона. Писали, что считаютъ меня исполнившимъ свое порученіе.

Потомъ отыскался и пришелъ ко мнѣ старый товарищъ по первымъ днямъ военной службы, вольноопредѣляющійся Долгополовъ. Онъ былъ тоже раненъ. Когда броневикъ стоялъ, затыкая дыру на фронтѣ версты въ 1½ шириной, снарядъ попалъ въ башню машины и оглушилъ всѣхъ находившихся въ ней.

У Долгополова были вдавлены барабанныя перепонки. Онъ все жаловался — чешутся тамъ, внутри уха, а почесать нельзя. Все же не лежалъ, а ѣздилъ почти каждый день въ бой. Это былъ крѣпышъ съ сильной шеей, но съ уже надломанной душой.

Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ побывалъ въ Петербургѣ. По случайности у него были знакомые Новожизненцы. Онъ сперва напалъ на нихъ, потомъ они разсказали ему, почему именно война ведется въ интересахъ имперіалистовъ всѣхъ странъ и разбили бѣдному мальчику съ шеей въ 46 сантиметровъ всю его психологію солдата изъ интеллигента, отказавшагося отъ офицерства и уже имѣющаго три Георгія.

Казалось, что всѣ правы, въ ушахъ чесались вогнутыя тула и ущемленныя между слуховыми косточками барабанныя перепонки, сердце не горѣло и тоже какъ-то ныло.

Но я еще наслаждался фактомъ жизни.

На исходѣ 8 или 10 дней пріѣхали ко мнѣ Филоненко и Корниловъ. Корниловъ привезъ георгіевскій крестъ, ко-

торому я былъ радъ, но какъ-то не могъ сумѣть продѣлать весь ритуалъ пріома съ поцѣлуомъ. Корниловъ немного огорчился. Филоненко былъ веселъ. Онъ распухалъ и золоталъ. Сейчасъ онъ ѣхалъ уже комиссаромъ румынскаго фронта. Отъ него я узналъ о тарнопольскомъ разгромѣ, о томъ, что сдѣлали наши войска въ Калушѣ, о томъ, какъ 3-го и 5-го выступили и расторлино замялись большевики. О тяжости происходящихъ событій я не догадался сразу.

Но черезъ нѣсколько дней пришелъ старшій врачъ, хромой, сѣдобородый, немного сумасшедшій кронштадтецъ и сообщилъ, что мы спѣшно эвакуируемся.

Началась упаковка, все торопливѣе и торопливѣе, и вотъ эвакуація незамѣтно обращалась въ бѣгство.

На насъ не давилъ непосредственно непріятель, но въ районѣ Тарнополя недѣли двѣ тому назадъ ушло самовольно два полка, потомъ еще одинъ, потомъ еще одинъ не пошелъ куда нужно, и подмытый фронтъ рухнулъ. Нѣмцы послали въ дыру кавалерію и ей нужно было только сторониться, чтобы ее не затоптали бѣглецы.

Есть такая дѣтская игра: ставятъ дыбкомъ другъ за другомъ деревянные кирпичики спирально, съ такимъ расчетомъ, чтобы падая, они задѣвали другъ друга, потомъ толкаютъ одинъ и разгромъ спѣшно пробѣгаетъ всю спираль. Насъ толкнула 7 армія. Нашъ правый флангъ былъ обнаженъ.

Все торопливѣе и торопливѣе собирали вещи. Земскіе и городскіе госпитали, какъ болѣе нервные, уже сбѣжали, бросивъ очень цѣнные и нужные на фронтѣ большіе шатры.

Старшій врачъ свирѣпствовалъ и держалъ солдатъ. Онъ чуть ли не самъ съ костыломъ стоялъ въ воротахъ, не давая улизнуть пустымъ двуколкамъ. Уже истекалъ третій день эвакуаціи.

Пришли ко мнѣ и спросили, могу ли я встать? Я надѣлъ шинель на бѣлье, туфли, поймалъ автомобиль, сѣлъ на него и поѣхалъ.

Нашъ госпиталь тронулся уже безъ меня. Самыхъ тяжело раненыхъ, перевозка которыхъ была невозможна, оставили съ одной старшей сестрой, которая плакала вслѣдъ повозкамъ, но осталась. Кто-нибудь долженъ былъ остаться. Уже горѣла выброшенная изъ оконъ солома, госпитальный обозъ огибалъ зданіе лазарета и вытаптывалъ и выминалъ огородъ, чтобы онъ не достался непріятелю.

Австрійцы-санитары несли раненыхъ на плечахъ, они тоже не хотѣли попасть въ плѣнъ къ своимъ. Выѣхалъ въ Надворную. Гдѣ-то раздаютъ сахаръ, сколько возьмешь.

Горятъ склады. Раненые чуть ли не оружіемъ отбиваютъ мѣста въ самомъ послѣднемъ поѣздѣ, который медленно отползаетъ... Люди на крышахъ, буферахъ, люди подвязываютъ себя подъ вагоны... Крохотный паровозикъ, надрываясь, тащитъ, пятясь задомъ напередъ, длинную нитку поѣзда и, кажется, вотъ, вотъ самъ сейчасъ разорвется.

Идетъ пѣхота. Ѣдетъ артиллерія. Мѣсто госпиталей занимаютъ перевязочные пункты. Снова слышна артиллерійская стрѣльба; говорятъ, что снаряды ложатся недалеко...

Попробовалъ распутывать обозы и подавать порожнякъ, но не могъ; стало дурно.

Положили въ переполненную санитарку и гужемъ повезли въ Коломею.

Коломея была переполнена. Пошелъ въ штабъ. Нашелъ Черемисова, который тогда былъ уже командующимъ арміей. Онъ былъ спокоенъ, но возбужденъ. Меня онъ не узналъ. Не увидалъ даже. Не до того было.

Нашелъ знакомаго, сѣлъ въ поѣздъ Командующаго, поѣхалъ въ Черновицы. Въ томъ же вагонѣ ѣхали телеграфисты штаба и мирно играли на гитарахъ, ведя свои телеграфные разговоры.

Не доѣхавъ до Черновицъ, поѣздъ сталъ. Впередъ пропускали грузы. Слѣзъ съ поѣзда, сѣлъ въ обозную телѣгу и доѣхалъ до Черновицъ. Тамъ поѣхалъ въ Кауфмановскій лазаретъ. Чистый, тихій, дисциплинированный, уже совсѣмъ городскаго типа. Мнѣ сказали, что у меня инфильтратъ. Кажется — это значитъ внутреннее кровоизліяніе. Сказали, что дѣло плохо. Лежу. Тихо въ палатѣ. Молоденькій офицерикъ съ перебитымъ позвоночникомъ ложитъ и вышиваетъ гарусомъ, онъ никогда не сможетъ ни встать, ни даже сидѣть.

Другіе раненые офицеры упрекаютъ меня, до чего мы довели Россію.

Пріѣхалъ Воискій. Онъ ѣздилъ искать меня въ Надворную, съ нимъ комитетчикъ, тихій народный учитель — мордвинъ.

Разсказываютъ, какъ идетъ отступленіе. Фронтъ расклепанъ, нѣмцевъ держатъ только броневики, зенитныя пушки на автомобильныхъ платформахъ. Броневики дер-

жались 16 часовъ. Халилъ Бекъ, мой старый товарищъ, кавказецъ, подполковникъ, 26 лѣтъ, дѣтски вѣрившій тогда въ Совѣты и даже переставшій пить послѣ воззванія о вредѣ пьянства, держался 5 часовъ во взорванной машинѣ, потомъ былъ раненъ въ 12-ый разъ и вынесенъ изъ подъ обломковъ на рукахъ. Потомъ опять ходилъ въ атаку уже съ пѣхотой.

11 кавалерійская дивизія держала нѣмцовъ въ конномъ и пѣшемъ строю; у ней не осталось цѣлыхъ солдатъ, она почти уничтожена.

Люди подхватывали рушащуюся армію на свои руки, подставляли подъ ея тяжесть свои головы. Это была такая печальная любовь.

Какъ-то моцѣе тихъ сталъ госпиталь. Я чувствовалъ, что Черновицы эвакуируютъ.

Я просилъ, чтобы мнѣ дали сопровождающаго. И вотъ, меня на носилкахъ перенесли въ санитарный поѣздъ, въ вагонъ тяжело раненыхъ.

Медленно, по фронтовому, поползъ поѣздъ. Мы ѣхали 11 верстъ 24 часа. Это было мучительно скучно...

Я слѣзъ съ носилокъ и вмѣстѣ со своимъ солдатомъ улизнулъ съ поѣзда, и мы поѣхали то съ отступающей артиллеріей, лежа на плохо сложенныхъ снарядахъ, то въ санитарныхъ вагонахъ, то съ эшелонами. И такъ по дивно красивой, идущей по верху скалистаго берега Днѣстра, дорогѣ черезъ Могилевъ я добрался въ Кіевъ. Оттуда на полу, въ купэ въ Питеръ. Въ милый, грозный городъ русской революціи.

Въ Питерѣ меня опять положили въ лазаретъ, но увидавъ, что я живъ, и очевидно не скоро умру, — отпустили.

Я былъ, какъ солдатъ, освобожденъ отъ службы.

Такъ кончился первый мой выѣздъ на фронтъ. Первый за время революціи. Теперь я бросаю на время говорить про себя и скажу о всемъ фронтѣ.

Я не люблю книги Барбюса «Въ огнѣ» — это сдѣланная, построенная книга. Про войну написать очень трудно; я изъ всего, что читалъ какъ правдоподобное ея описаніе могу вспомнить только Ватерлоо у Стендаля и картины боевъ у Толстого. Такъ же трудно, не прибѣгая къ условнымъ и ложнымъ мѣстамъ, описать настроеніе фронта. Никогда, никакой летчикъ, даже при планирующемъ спускѣ, не сможетъ услыхать словъ даже самыхъ трогательныхъ. Всякій, кто хоть разъ леталъ, знаетъ, что это невозможно. Никогда я не повѣрю, пока это мнѣ не докажутъ статистики, что на западномъ фронтѣ такъ много дрались въ штыки, или что возможно разрушить руками нѣмецкую лисью нору и затоптать дыру ногами. Никогда не повѣрю я въ эту книгу, съ окрошкой труповъ, съ концомъ размытымъ наводненіемъ и разсужденіями.

Но буду говорить. Попробую разсказать, какъ я понялъ все, что произошло.

Армія Россіи имѣла грыжу еще до революціи. Революція, русская революція, съ максимализмомъ демократизма Временнаго Правительства, освободила армію отъ принужденія. Въ арміи не осталось законовъ, не осталось даже правилъ. Но былъ составъ квалифицированныхъ людей, способныхъ на жертву и на держаніе окоповъ. Возможна была война, короткая и молніеносная, безъ принужденія. Вѣдь на фронтѣ врагъ — реальность, видно — пойдешь домой, и онъ пойдетъ сзади. Во всякой арміи ³/₄

не сражаются, если бы появились въ эту войну войска, которыя сражались бы такъ, какъ работаютъ люди на себя, они могли бы не только наступать на Германію, но идти черезъ Германію на Францію. Когда Рогатинскій полкъ, имѣвшій около 400 штыковъ, увидалъ, какъ при немъ закололи нѣмцы его полкового командира, онъ освирѣпѣлъ и избилъ въ бою до одного цѣлый нѣмецкій полкъ въ полномъ составѣ. Нѣкоторыя предпосылки для такого одушевленія были, но двѣ вещи убили его. Первая — это преступная, трижды проклятая, подлая, безжалостная политика нашихъ союзниковъ. Они не пошли на нашу программу мира и они, именно они, взорвали Россію. Это и резонировало и выдѣляло голосъ такъ-называемыхъ интернаціоналистовъ. Для выясненія ихъ роли приведу параллель. Я не соціалистъ, я фрейдовецъ.

Человѣкъ спитъ и слышитъ, какъ звонитъ звонокъ на парадной. Онъ знаетъ, что нужно встать, но не хочетъ. И вотъ онъ придумываетъ сонъ и въ него вставляетъ этотъ звонокъ, мотивируя его другимъ способомъ, — напримѣръ, во снѣ онъ можетъ увидать заутреню.

Россія придумала большевиковъ, какъ сонъ, какъ мотивировку бѣгства и расхищенія, большевики же не виновны въ томъ, что они приснились.

А кто звонилъ?

Можетъ быть, Всемірная Революція.

Но не всѣ заснули или не всѣ смогли увидѣть тотъ же сонъ. Къ моему описанію арміи необходимо внести слѣдующую поправку. У меня было каторжное занятіе: мнѣ приходилось являться въ худшихъ частяхъ и въ худшіе моменты. У насъ были цѣлыя здоровыя пѣхотныя дивизіи.

Называю первую, попавшую, ну, напримѣръ 10. Поэтому большевикамъ пришлось рѣзать и крошить армію, что и удалось сдѣлать Крыленко, уничтоживъ аппаратъ командованія и его суррогатъ — комитеты.

Почему армія наступала? Потому, что это была армія. Для арміи наступать не тяжелѣе, психологически не тяжелѣе, чѣмъ стоять на мѣстѣ. И наступленіе менѣе кровавое дѣло, чѣмъ отступленіе. Армія, чувствуя свое распаденіе, не могла не использовать шанса своей силы, своего вѣса, пытаясь ею кончить войну. Это все же была армія, и потому она наступала прежде, чѣмъ умереть, а не умерла, потому что наступала. Наступленіе могло удаться и не удалось по обстоятельствамъ политическимъ, а не военнымъ, части уже «засыпали». Они уходили въ «большевизмъ» такъ, какъ человѣкъ прячется отъ жизни въ какой-нибудь психозъ.

Я буду писать дальше; я опишу корниловщину, какъ я ее знаю и свое персидское сидѣніе, но то, что я написалъ сейчасъ, я считаю важнымъ, я написалъ это, помня о трупахъ, которые я видѣлъ.

Еще одно слово. Когда будете судить русскую революцію, не забудьте бросить въ чашу жертвы, въ чашу слишкомъ легкую, вѣсъ крови принявшихъ смерть среди галиційскихъ кукурузныхъ полей, вѣсъ крови бѣдныхъ моихъ товарищей.

КОРНИЛОВЩИНА

Я пріѣхалъ въ Петербургъ слабымъ, почти больнымъ. Пошелъ въ свою часть. Видно было, какъ она расшаталась. Тамъ, гдѣ было 30 машинъ, — ходило 5.

Пошелъ въ Таврическій дворецъ. Въ саду дежурили броневики съ буквами В. С. Р. С. Д., написанными красной краской на зеленой бронѣ. Меня просили сдѣлать Петроградскому Совѣту докладъ. Я сказалъ что-то. Не знаю, поняли-ли меня. Я хотѣлъ сказать, что армія гибнетъ и гибнетъ не только потому, что политика коснулась ея, но и потому, что коснувшись, она не передѣлала все до конца.

Большевики были разбиты, разгромлены... Но это не значило ничего, — они снова создавались.

Въ Питерѣ встрѣтилъ Савинкова и Филоненко. Главнымъ ихъ занятіемъ было презирать Керенскаго.

Послѣ нашего бѣгства-отступленія произошло засѣданіе армейскихъ комитетовъ юго-западнаго фронта, фронтового комитета и комиссаровъ въ Каменецъ Подольскѣ. Оно проходило подъ гнетомъ сознанія разгрома. И несмотря на то, что въ серединѣ засѣданія инціаторъ его Савинковъ ушелъ, оставивъ Филоненко одного, Корни-

ловъ былъ выбранъ главнокомандующимъ. Такъ вышло изъ отчаянія. Дальнѣйшая игра состояла, — насколько я это понимаю сейчасъ, — въ томъ, что Филоненко, состоящій Верховнымъ Комиссаромъ при Корниловѣ, долженъ былъ пугать Корниловымъ Временное Правительство, а не Корнилова Временнымъ Правительствомъ.

Въ это время и творились всякія государственныя совѣщанія, на которыхъ Корниловъ произносилъ рѣчи, написанныя ему Филоненко.

Характерно, что въ содержаніи этихъ рѣчей и точности описанія развала желѣзнодорожнаго транспорта такъ и чувствуется голосъ и знаніе инженера.

Всему этому способствовали разные корреспонденты, раздувая игру. Одинъ изъ нихъ сказалъ Филоненко:

«Я помогаю Вамъ, но если Васъ повѣсятъ, у меня выйдетъ изъ этого прекраснѣйшая корреспонденція».

Шло запугиваніе. Правое крыло Временнаго Правительства запугивало лѣвое. Въ то же время шли еще и другія интриги. Часть командного состава, — часть, какъ я знаю, очень небольшая, — имѣла гораздо болѣе широкіе планы, чѣмъ простое «поправѣніе» правительства. Позднѣе мнѣ пришлось увидѣть маленькія записки, которыми переписывались между собою люди этого лагеря. Писалъ командующій одной арміи, непосредственно командиру кавалерійскаго полка изъ другой арміи, о томъ, что необходимо выдѣлить надежныхъ офицеровъ и отправить ихъ въ ставку для обученія метанію бомбъ. Такихъ метальщиковъ, я думаю, отлягивали къ Могилову отовсюду, понемногу, и, думаю, неудачно. Такимъ образомъ, Корниловщина представляла изъ себя, съ одной стороны, реакцію противъ

разложенія старой арміи, съ другой же — суммированіе двухъ не совпадающихъ, но переплетенныхъ другъ съ другомъ и въ одну сторону направленныхъ интригъ. Корниловъ находился подъ вліяніемъ просто черносотенцевъ, хотя они и не имѣли много своихъ людей въ штабѣ. Группа Савинкова не хотѣла этого «мятежа»; — но ей нуженъ былъ нажимъ, нужно было воплощеніе военной необходимости въ лицѣ Корнилова, но она просчиталась. Филоненко превысилъ полномочія, — говорю предположительно. Керенскій устроилъ истерику и Корниловъ бросилъ на чашку вѣсовъ свою храбрость и три сотни своихъ текинцевъ; на другой чашкѣ лежала революціонная инерція 180-ти милліоннаго народа.

Вѣсы заколебались.

Подготовка Корниловщины прошла мимо меня. Я ея не замѣтилъ. Самый горячій моментъ я пролежалъ въ лазаретѣ, а потомъ поѣхалъ на двѣ недѣли въ Кисловодскъ, гдѣ жилъ за городомъ и ночью смотрѣлъ внизъ съ крыши. И здѣсь чувствовалась русская революція, страшная и причудливая. Въ Пятигорскѣ солдаты ходили въ незашнурованныхъ ботинкахъ и съ поясами, одѣтыми не вокругъ таліи, а черезъ плечо, какъ портупея. Я понималъ причины этого убого-страннаго костюма. Эти люди хотѣли, чтобы все было по новому.

Мнѣ не хотѣлось возвращаться на фронтъ, но нужно было возвращаться. Я оторвался отъ базара съ виноградомъ, усѣяннаго осами, отъ крутого переулка и мостовой изъ острокраеваго известняка. Оторвался, вернулся въ Питеръ, а тамъ въ Могиловъ Подольскій обратно, въ свою армію. Въ этотъ моментъ всѣ комиссары были собраны

въ Могилевъ на совѣщаніе къ Корнилову. Изъ восьмой арміи поѣхалъ Анардовичъ, т. к. Ципковичъ перешелъ съ Черемисовымъ въ девятую армію, а Филоненко былъ уже комиссаръ-верхомъ.

Я пріѣхалъ въ Могилевъ. Меня узнали на вокзалѣ и сказали: «По желѣзнодорожному проводу пришли двѣ телеграммы». Мнѣ показали ихъ: это была телеграмма Корнилова о томъ, что онъ не слагаетъ съ себя званія главнокомандующаго и приказываетъ себѣ повиноваться; въ концѣ телеграммы было обѣщаніе прибавки жалованія желѣзнодорожникамъ и телеграфистамъ, и одновременно пришла телеграмма Керенскаго, объявляющая Корнилова мятежникомъ.

Въ Могилевѣ были только хозяйственныя части штаба; оперaціонная часть штаба находилась въ Липканахъ. Я представилъ себѣ, что сейчасъ дѣлается, или вѣрнѣе, сдѣлается въ арміи, какой клинъ вбитъ въ нее, и мнѣ было страшно подумать о возможности выступленія штаба.

Бросился къ прямому проводу.

«Получена ли Вами телеграмма Корнилова, какъ Вы думаете, не провокація ли все это»?, — мнѣ отвѣчаютъ: «Сейчасъ все возможно»! Наскоро поговорилъ съ Могилевскимъ Совдепомъ. Предложилъ поставить охрану на телеграфъ и станцію. Поговорили съ армейскимъ комитетомъ и рѣшили ѣхать въ Липканы. Сѣли въ два санитарныхъ автомобиля и поѣхали. Насъ предупреждали, что возможенъ нашъ арестъ, но мы этому не вѣрили и, конечно, были правы. Во главѣ армейскаго комитета стоялъ въ то время тов. Ерофеевъ, мрачный с. р., уже не молодой; онъ былъ товарищемъ предсѣдателя армейскаго комитета.

Ѣхали всю ночь по широкимъ, какъ поле, подольскимъ дорогамъ, накатаннымъ чуть ли не въ шесть Невскихъ шириной. Къ утру остановились у деревни и въ рукахъ крестьянина нашли свѣже отпечатанное воззваніе Корнилова. Откуда оно взялось — не знаю. Искали, старались выяснить, но такъ и не добрались. Оно доказало мнѣ, что корниловская вспышка или сама была организована кѣмъ-то или была использована кѣмъ-то организованнымъ.

Пріѣхали въ штабъ. Тамъ только что получена телеграмма Корнилова съ приказаніемъ снять всѣ радіотелеграфы.

Отмѣнилъ приказаніе, поставилъ охрану на телеграфъ, разослалъ по всѣмъ корпусамъ комитетчиковъ съ правомъ корпусныхъ командировъ. Напечатали приказъ, что приказы по арміи временно должны быть подписанными мною и комитетомъ.

Нужно было торопиться, чтобы не произошло какое-нибудь выступленіе, провоцированное этой исторіей. Приказъ вышелъ аховымъ, хуже «Номера перваго». Въ нашей арміи вопросъ объ отношеніи къ командному составу былъ особенно болѣзненъ: вѣдь это была армія сперва Каледина, потомъ Корнилова.

Послалъ телеграмму, что право арестовъ принадлежитъ мнѣ и предложилъ никому не заниматься этимъ на свой рискъ.

У армейскаго комитета былъ свой списокъ ненадежныхъ офицеровъ, который, думаю я, былъ правиленъ, но комитеты хотѣли еще замѣнить этихъ людей другими, болѣе надежными. Вотъ въ надежность этихъ я не вѣрилъ.

Я предпочиталъ не трогать армію. Во всякомъ случаѣ мы настолько удачно предупредили моментъ выбора для командировъ между исполненіями приказанія главнокомандующаго и правительства, что за Корнилова не поднялся ни одинъ человѣкъ.

Впослѣдствіи, когда комитетъ былъ захваченъ большевиками, то они, ругая комитетъ, признавали его заслуги въ дѣлѣ ликвидаціи корниловщины. Моя же заслуга состоитъ въ томъ, что никто не былъ убитъ и армія, глубоко потрясенная, все же не произносла страшнаго паническаго слова объ измѣнѣ офицерства.

Судьба нашего офицерства глубоко трагична. Это не были дѣти буржуазіи и помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ, въ своей главной массѣ. Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотныхъ людей, которое было въ Россіи. Всѣ, кого можно было произвести въ офицеры, были производены. Хороши или плохи были эти люди — другихъ не было, и слѣдовало беречь ихъ. Грамотный человѣкъ не въ офицерскомъ костюмѣ былъ рѣдкость, писарь — драгоцѣнность. Иногда приходилъ громадный эшелонъ и въ немъ не было ни одного грамотнаго человѣка, такъ что некому было прочесть списокъ.

Исключеніе составляли евреи. Евреевъ не производили. Въ свое время не произвели и меня, какъ сына еврея и полуеврея по крови. Поэтому въ арміи очень большая часть грамотныхъ и болѣе или менѣе развитыхъ солдатъ — оказались именно евреями. Они и прошли въ комитеты. Получилось такое положеніе: армія въ своихъ выборныхъ органахъ имѣетъ процентовъ сорокъ евреевъ

на самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ, и въ то же время остается пропитанной самымъ внутреннимъ, «зауміымъ» антисемитизмомъ и устраиваетъ погромы.

Теперь объ офицерахъ. Эти отобранные по принципу грамотности люди, конечно, носили въ себѣ отпечатокъ русскаго режима, они были обучены имъ. Но такой отпечатокъ носили мы всѣ. Посмотрите, какъ легко переходятъ къ старымъ навыкамъ даже представители пролетарской «власти на мѣстахъ». Напримѣръ, — тѣлесное наказаніе уцѣлѣло даже при диктатурѣ пролетаріата. Въ Пермской губерніи оно представляло изъ себя прямо повальное явленіе. Точно такъ же, когда армія побѣжала послѣ тарнопольскаго прорыва, то для того, чтобы остановить бѣгущихъ, летучіе комитеты, составленные самими солдатами неразбѣжавшихся частей, ловили бѣглецовъ и, взбѣшенные тѣмъ, что дѣло происходило уже на русской землѣ, гдѣ горятъ волынскія села, пороли людей. Ни комитетъ, ни комиссаръ тутъ были не при чемъ. Дезертиру предлагался или разстрѣлъ, или порка. Изобрѣтена была какая-то чудовищная присяга, при которой онъ отрекался отъ гражданскихъ правъ и свидѣтельствовалъ, что то, что съ нимъ дѣлается, дѣлается съ его согласія...

У Россіи скривлены кости. Кости были скривлены и у русскаго офицерства. Навыки Россіи, походка ея мыслей были имъ понятны. Но революцію они приняли радостно. Война тоже измучила ихъ. Империалистическіе планы не туманили въ окопахъ и у окоповъ никого, даже генераловъ. Но армія, гибель ея застилала весь горизонтъ. Нужно было спасать, нужно было жертвовать, нужно было надрываться. Наилучшіе жертвовали и надрывались; —

такихъ было много. Положеніе офицера было, конечно, тяжелѣе положенія комитетчика: онъ долженъ былъ приказывать и не могъ уйти. «Окопная Правда» и просто «Правда» преслѣдовали его и указывали на него, какъ на лицо непосредственно виновное въ затягиваніи войны. А онъ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ. Лучшіе оставались, именно они и пострадали больше всего послѣ октября. Мы сами не сумѣли привязать этихъ измученныхъ войной людей, способныхъ на вѣру въ революцію, способныхъ на жертву, какъ это они доказали не разъ. Такова была судьба всѣхъ грамотныхъ, русскихъ имѣющихъ несчастье попасть на ту черту, гдѣ кровавой пѣной пѣнилось море — Россія.

Въ нашей арміи никто не принялъ сторону главнокомандующаго. Пришли представители дикой дивизіи отъ дагестанскаго и осетинскаго полка и сказали, что они за демократическую Россію и Керенскаго. А за-одно попросили поставить ихъ полки отдѣльно, такъ какъ кто-то изъ дагестанцовъ убилъ осетина, или наоборотъ, и сейчасъ они оказались кровниками и убивали другъ друга по-очередно. Мы исполнили ихъ просьбу. Скоро они были отправлены на Кавказъ отдыхать, къ сожалѣнію, не разоруженными. Потомъ именно эти превосходно вооруженные люди — у нихъ было по два револьвера кромѣ винтовки у каждаго — грабили наши поѣзда и жгли казачьи станицы, добывая свои исконныя земли.

Верхомъ пріѣхалъ священникъ съ крестомъ на георгіевской лентѣ, предсѣдатель комитета какой-то казачьей дивизіи. Тамъ было спокойно. Вскорѣ между мною и комитетомъ произошло нѣкоторое охлажденіе. Комитетъ

хотѣлъ провести цѣлую программу перемѣщеній и отвода командного состава. У него были свои кандидаты. Я не былъ согласенъ съ этой системой. Я думалъ, что замѣстители, изъ которыхъ нѣкоторые были мнѣ извѣстны, были ненадежны, а только болѣе услужливы, чѣмъ смѣняемые люди.

Комитетъ сердился на меня, а можетъ быть только огорчался. Мнѣ говорили очень ласково, что я не оправился еще отъ ранъ, что я работаю изъ послѣднихъ силенокъ

Изъ Могилева пріѣхалъ Анардовичъ. Мрачный, онъ разочаровался въ Петроградскомъ Совѣтѣ, который былъ за войну, и въ тоже время приходилъ въ ужасъ отъ смертной казни, разочаровался и въ Филоненко, оказавшимся «пистолетомъ».

Онъ измѣнился. Въ непромокаемомъ пальто и брезентовой шапкѣ, въ френчѣ, онъ уже не былъ тѣмъ, какимъ я его зналъ. И привычки у него были уже другія, — привычки приказывать.

Анардовичъ не принялъ дѣлъ, но пробылъ нѣсколько дней, въ ожиданіи своего назначенія. Онъ былъ переведенъ въ Особую армію на мѣсто убитаго Линде, начальника перваго отряда, пришедшаго въ Таврическій Дворецъ, предводителя Финляндскаго полка въ дни перваго выступленія его противъ Милюкова, Линде, приколотаго солдатами черезъ шею къ землѣ.

Не знаю, что стало съ Анардовичемъ дальше. Больше я о немъ ничего не слышалъ.

Я остался одинъ. Дѣла было много. Но характеръ дѣлъ измѣнился. Наступили будни.

Со всѣхъ концовъ арміи, а главнымъ образомъ изъ тыловыхъ частей, поползли ко мнѣ толстыя «дѣла» пальца въ три толщиной, написанныя чернилами или простымъ карандашемъ. Обычный типъ — жалоба кого-нибудь на кого-нибудь о покражѣ упряжи, веревки. Дѣла ползли, распухая, черезъ всѣ комитеты и слѣдственныя комиссіи взбираясь ко мнѣ. Я мало понималъ въ нихъ. Мнѣ было тяжело. Вызовешь обвиняемаго, обругаешь, а онъ уходитъ веселый. Можетъ быть его нужно было повѣсить?

Продовольствіе и квартирный вопросъ для арміи стоялъ остро. А надвигалась зима. Крупныя помѣстья, — изъ нихъ нѣкоторыя давали болѣе милліона пудовъ хлѣба каждое, — были подорваны.

Иные солдаты вели агитацію среди крестьянъ: «Не давайте намъ хлѣба, а не то мы еще пять лѣтъ будемъ воевать».

Собрали съѣздъ крестьянскихъ разнокалиберныхъ комитетовъ, такъ какъ землеустроительные комитеты не были еще организованы. Хлѣбъ достали.

Единственное воспоминаніе о нѣсколькихъ свободныхъ часахъ, во время которыхъ я отогналъ отъ себя заботу по крайней мѣрѣ на длину руки, это воспоминаніе о поѣздкѣ на автомобилѣ въ Яссы. Поѣхалъ я съ генералъ-квартирмейстеромъ для того, чтобы выяснить положеніе въ штабѣ фронта. Ѣхали через Батушаны, гдѣ стоялъ штабъ 9-й арміи. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ румынскія войска. Зналъ о нихъ только по старой памяти, что они плохи, офицеры красятся, на позиціи не бываютъ, солдаты бѣгутъ. Но тогда уже, переобученные француз-

скими инструкторами, они производили очень хорошее впечатлѣніе. Помню ихъ шагъ. На меня привыкшаго къ замедленному шагу нашей пѣхоты, ихъ маршъ произвелъ впечатлѣніе полубѣга, сильнаго и увѣреннаго.

Съ нашими войсками отношенія у нихъ были натянутыя...

Девятой арміей командовалъ Черемисовъ. Сейчасъ онъ торжествовалъ. Въ свое время Керенскій, помимо Корнилова, назначилъ Черемисова командующимъ фронта. Корниловъ обидѣлся и предложилъ Черемисову, по прямому проводу, отказаться отъ незаконно принятаго поста. Черемисовъ отвѣтилъ, что «будетъ защищать свой постъ съ бомбой въ рукахъ». Въ результатѣ оба отказались отъ командованія. Ихъ примирилъ Филоненко, и Черемисовъ занялъ мѣсто командующаго 9-й арміей. Армейскій комитетъ былъ въ него въ тотъ моментъ положительно влюбленъ.

Съ Черемисовымъ переѣхалъ въ девятую армію Ципковичъ, въ качествѣ комиссара. Но властный характеръ Ципкевича, пережившаго глубокое разочарованіе послѣ Калуша, помѣшалъ ему поладить съ аркомомъ. Онъ подалъ въ отставку. Не знаю, куда поѣхалъ потомъ. Хотѣлъ ѣхать за границу, въ Америку. Онъ говорилъ, что войну могутъ кончить только американцы, какъ спеціалисты по налаживанію крупныхъ предпріятій.

Уже была ночь. Автомобиль втягивалъ въ бѣлый снопъ лучей изъ прозрачныхъ пылинокъ, въ двойной бѣлый снопъ фонарей, дорогу, покорно бѣгущую подъ колеса. Звеня чисто и тихо, сосалъ воздухъ корбираторъ, машина стрекотала, когда одинокіе дубы замахивались надъ доро-

гой, отраженный отъ нихъ шумъ мотора острѣлъ — будто кто-то свистящими ударами хлыста стригъ листья. Мы летѣли впередъ, втягиваемые далью... Летѣли, сбившись съ дороги, неслись степью, ровной, широкой степью...

Зайцы, внезапно вырванные изъ тьмы, остолбенѣло застывали, подавившись блѣдной тѣнью. Но всталъ день. Встало утро серое и загребло меня скучной лапой снова въ дѣла.

Комиссара румынскаго фронта не было, онъ тоже застрялъ въ Ставкѣ. Кстати на румынскомъ фронтѣ было два комиссара, одинъ Временнаго Правительства, другой Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ. Это было матеріализированное двоевластіе. Правда, эти люди старались работать дружно. Только ни одного изъ нихъ не было на мѣстѣ. Завѣдывалъ всѣмъ дѣлами какой-то растерянный офицеръ для порученія. Отъ него я узналъ, что Щербачевъ — командующій фронтомъ — сперва хотѣлъ присоединиться къ Корнилову и даже далъ соотвѣтствующую телеграмму, но его удержали и переубѣдили. Не знаю, насколько это было правильно. Положеніе съ румынами было тоже острое. Король прислалъ Черемисову орденъ Михаила 1-й степени, величиной въ ладонь, но, кромѣ этого, онъ присылалъ въ штабъ фронта каждый день кипу жалобъ, толщиной въ четверть аршина.

Наши войска хотѣли произвести въ Румыніи революцію, думая сдѣлать ее самымъ простымъ способомъ, т.-е. «стащить короля сверху внизъ». Но для революціи въ Румыніи у насъ не хватало самаго главнаго: авторитета среди населенія. Военнаго авторитета у насъ тоже не было: румыны помнили наши прежнія насмѣшки надъ ними и

повадку почти побѣдителей и не прощали намъ сегодняшняго безсилія, а для авторитета революціоннаго мы слишкомъ плохо обращались съ населеніемъ, — хотя не такъ плохо, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, въ частности не такъ, какъ съ евреями или персами.

Поѣхалъ обратно.

Вернулся въ Липканы. Анардовичъ уѣхалъ. Въ качествѣ комиссара пріѣхалъ бывшій предсѣдатель армейскаго комитета той же арміи, тов. Вьенцегольскій, полякъ, называвшій себя соціалистомъ-индивидуалистомъ. Несмотря на такую причудливую фракцію, это былъ очень неглупый человѣкъ, умѣвшій подчинять себѣ людей.

На восьмую армію у него были свои взгляды. Въ частности относительно цѣлой кадрили перемѣщеній. Можетъ быть, здѣсь былъ и личный, скажемъ, безсознательно личный элементъ. Мы встрѣтились дружелюбно, такъ какъ я не сомнѣвался, что я уйду. Я и ушелъ.

Для отчета о посѣщеніи Петербурга былъ собранъ армейскій комитетъ. Вьенцегольскій разсказывалъ, что на миръ союзники не согласны, воевать мы не можемъ, и мириться тоже не можемъ, остается «стучаться у дверей союзниковъ и умолять».

Кстати, выбрали представителей на демократическое засѣданіе. Отправили все оборонцевъ, хотя я и предлагалъ отправить пропорціонально и большевиковъ. Большевики въ армейскомъ комитетѣ были. Это были люди съ психологіей не классовой борьбы, а политическаго саботажа. Изъ практическихъ предположеній у нихъ было одно: «обратиться съ воззваніемъ къ народамъ всего міра».

Я говорилъ что-то, сейчасъ не помню что; только помню, что смертельно уставши, ушолъ съ засѣданія, легъ на чужую кровать и спалъ, долго, ожесточенно долго, какъ-то сознательно вцѣпившись въ сонъ, чувствуя, что у кровати стоитъ отчаяніе, и что оно заговоритъ со мною, какъ только я открою глаза.

Я былъ выбранъ делегатомъ для посылки на совѣщаніе въ числѣ другихъ, послали еще товарища предсѣдателя Комитета, Ерофеева, человѣка крѣпкаго, но не знающаго что дѣлать, одного учителя мордвина, одного меньшевика офицера и еще кого-то. Я выѣхалъ вмѣстѣ съ ними, рѣшивъ искать себѣ новаго ярма и обратно не возвращаться.

ПЕРСІЯ

Начинаю писать опять. Итакъ, я остановился на отчаяніи. Иду дальше. Пріѣхалъ въ Петербургъ, началось совѣщаніе.

Побѣда большевиковъ выясняется. Правда, они на совѣщаніи въ меньшинствѣ, но это благодаря тому, что созваны разные представители ученыхъ и другихъ обществъ. Армейскіе комитеты не большевистскіе, но я знаю, какъ мало связаны эти комитеты съ массой. А средній солдатъ усталъ и не видитъ цѣли войны; ему нужна перемѣна правительства, какъ пѣшеходу переобуться.

Усталый Чхеидзе, съ видомъ старика-купца, смотрящаго на погромъ своего дѣла и пытающагося смѣяться, — усталый Чхеидзе ведетъ засѣданіе. Люди говорятъ, говорятъ. Представитель Латгатскаго народа требуетъ правъ самоопредѣленія, а мы не знаемъ, гдѣ живетъ этотъ народъ. Оказывается, въ Петербургской губерніи.

Ярусы театра обвисаютъ подъ тяжестью людей.

Пріѣхалъ Керенскій, — волшебникъ, оставленный духами. Онъ бросаетъ мятыя, сухія слова, стараясь воспла-

мениться и воспламенить. Наконецъ, вспыхиваетъ слабая истерика въ партерѣ. Кричатъ, кричатъ. Губы Керенскаго сухи и потрескались.

Потомъ было знаменитое собраніе о коалиціи.

Коалиція или не нужно коалиціи? Какой-то хитрый человѣкъ предложилъ коалицію безъ кадетовъ. Онъ говорилъ длинную рѣчь, отъ которой сѣрѣло въ воздухѣ.

Голосовали. Списокъ воздержавшихся отъ голосованія открылъ хитрый, старый Черновъ.

Я голосовалъ противъ коалиціи. Я считалъ, что коалиціонное правительство лопнетъ. Конечно, министры-капиталисты помогали выводить на улицу такъ неохотно идущіе изъ казармъ большевистскіе полки.

Но, конечно, не въ этомъ дѣло.

Былъ на засѣданіи дивизіоннаго комитета своей части. На засѣданіе пріѣхалъ представитель Военнаго Министерства и Черновъ. Черновъ говорилъ свои рѣчи. Съ такими рѣчами хорошо бабамъ пряники продавать или заговаривать женщину, раздѣвая ее.

Комиссаромъ дивизіона былъ изумительно тупой и паническій человѣкъ, М. (изъ фельдфебелей), онъ все добивался производства въ прапорщики. И добился... передъ октябремъ. Онъ тоже говорилъ что-то, иногда останавливаясь и обалдѣло соображая, — что же онъ говоритъ?

Засѣданіе происходило въ нашей школѣ-шофферовъ, въ залѣ которой мы устроили для учениковъ амфитеатръ. На верхнихъ скамьяхъ сидѣли, положивши головы на столы, солдаты одной команды. Ихъ было шестеро, изъ нихъ трое были пьяны такъ, что не могли поднять голову.

А Черновъ пѣлъ, пѣлъ, съ присвистами и перекатами.

Въ концѣ засѣданія былъ скандалъ. Пьяныхъ выводили. Я пошелъ въ Военное Министерство, въ Совѣтъ и сказалъ, что я хочу ѣхать куда угодно, но только подальше. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ комнатѣ, въ которой лампы коптятъ уже 48 часовъ.

Въ это время въ Военномъ Министерствѣ буксовалъ Верховскій. Вы знаете, какъ буксуетъ автомобиль? Происходитъ это такъ. Попадаетъ автомобиль колесомъ въ грязь или на ледъ и не можетъ тронуться съ мѣста. Моторъ даетъ полные обороты, машина реветъ, цѣпи, намотанныя на колеса, гремятъ и выбрасываютъ комья грязи, а автомобиль ни съ мѣста.

Такъ буксовалъ ген. Верховскій. Это былъ человѣкъ рѣшительный, инниціативный, съ нервами, съ напоромъ.

Его идея сократить армію на 40 % была смѣлой мыслью. Но провести ее уже было нельзя. Ткани страны переродились.

Ахъ кстати! Сколько разъ я получалъ отъ Керенскаго телеграмму: «Немедленно ввести въ арміи желѣзную дисциплину и объ исполненіи телеграфировать!»

Въ Военномъ Министерствѣ я еще прежде встрѣтилъ комиссара, отправляющагося въ Персію; это былъ бывшій председатель Кіевскаго Совѣта, меньшевикъ Таскъ. О немъ я буду писать много. Въ Персію меня отпустили, хотя и удерживали. Но тоска меня вела на окраины, какъ луна лунатика на крышу. Сѣлъ въ поѣздъ, поѣхалъ въ Персію. Тогда это было очень просто. До Тифлиса 5 сутокъ безъ пересадки и отъ Тифлиса до Тавриза двое сутокъ, тоже безъ пересадки. Поѣхалъ. Въ районѣ Минеральныхъ Водъ чеченцы уже устраивали крушенія. Ничего, проѣхали.

Подъ Баку увидалъ Каспійское море, холодно-зеленое, но похожее ни на одно море. И верблюдовъ, идущихъ мягкой походкой.

Со мной ѣхали офицеры на Кавказскій фронтъ.

Одинъ изъ нихъ, раненый въ животъ разрывной пулей и полукастрированный ею, все время пѣлъ:

Цыпленки вареные,
Цыпленки жареные,
Цып-лен-ки тоже
Хочутъ жить.
Зачѣмъ ты вареный,
Зачѣмъ ты жареный.

И такъ далѣе... Ему было лѣтъ восемнадцать. Онъ былъ совершенно не интеллигентъ и тосковалъ, какъ умѣлъ. Вотъ и все.

Да, кстати о кастраціи. Когда я въ Петербургѣ заходилъ въ госпиталь (съ меня снимали рентгеновскій снимокъ, чтобы выяснить, какимъ образомъ рана не оказалась смертельной), тамъ я увидалъ одного офицера. Онъ тоже былъ кастрированъ раненіемъ. Къ нему ходила невѣста. Она ничего не знала. Онъ не рѣшился сказать ей, когда она пришла въ первый разъ, а потомъ все становилось труднѣй и труднѣй. И кругомъ никто не рѣшался сказать. Раненый просилъ доктора, чтобы сказалъ онъ, а докторъ просилъ сестру, а сестра не говорила.

Да вѣдь и не въ томъ дѣло было, чтобы сказать. Случай былъ слишкомъ нелѣпо тяжелъ.

Пріѣхалъ въ Тифлисъ. Хорошій городъ, «подъ Москву». На улицахъ стрѣльба, грузинскія войска въ восторгѣ, палятъ въ воздухъ, не могутъ не палить. Національный характеръ. Одну ночь провелъ среди грузинскихъ футуристовъ. Милыя дѣти, тоскующія по Москвѣ хуже «Чеховскихъ сестеръ».

Городъ спокоенъ, но разрушенъ, правда хлѣбъ кукурузный, но трамваи ходятъ, и люди еще не одичали.

Поѣхалъ въ Тавризъ. Поѣздъ лѣзъ все выше.

Вцѣпились въ горы деревья съ темно-золотыми листьями. Внизу, не то провожаетъ насъ, не то бѣжитъ навстрѣчу рѣчка. Поѣздъ лѣзетъ наверхъ, извиваясь отъ усилій.

Въ Александрополѣ прицѣпили къ другому поѣзду. Поѣхали до Джульфы. Пріѣзжаемъ — одинокая станція. Бѣжитъ подъ горой мутный Араксъ. На другой сторонѣ, домики изъ глины съ плоскими кровлями, мнѣ они кажутся домиками безъ крышъ. Ночь.

Пишу 22 іюля 1919 года. Когда я 10 этого мѣсяца пріѣхалъ изъ Москвы и привезъ одному близкому мнѣ человѣку хлѣбъ (10 фунтовъ), то этотъ человѣкъ заплакалъ — хлѣбъ былъ непривыченъ.

Такъ вотъ, — домики были безъ крышъ, люди немножко безъ головъ, но это было для нихъ издавна привычно.

Нашъ вагонъ опять отцѣпили. Потомъ составили новый поѣздъ, всего изъ 4-5 вагоновъ съ 2-мя паровозами, одинъ спереди, другой сзади.

Перевезли черезъ мостъ, поверхностно осмотрѣли на таможнѣ (персидскіе таможенцы, которые насъ боялись), и поѣздъ, надрываясь и тужась, началъ снова карабкаться въ высь.

Уже кругомъ не было рыже-золотого лѣса, а одни только красныя горы и красные уступы, оттѣненные снѣгомъ, снѣгъ на вершинахъ совсѣмъ близко. Поѣздъ, надрываясь, временами почти останавливался — казалось, что мы сейчасъ покатимся внизъ.

Кругомъ пустынно. Только арыкъ, проведенный на чьи-то поля съ самаго верха горъ, стремительно бѣжалъ намъ навстрѣчу, стараясь выкатиться изъ дна и береговъ.

Рѣдкими оазисами внизу виднѣлись кое-гдѣ сады. Станціи были пустынны. Влѣзли. Чувствуешь, что высоко, но ничего — плоско.

На станціи Сафьянъ, въ пунктѣ «Земскаго Союза» пообѣдали; отсюда поѣздъ шелъ въ Тавризъ, а мнѣ было нужно ѣхать въ Урмію, гдѣ былъ штабъ арміи. Или вѣрнѣе штабъ 7-го отдѣльнаго Кавалерійскаго Корпуса, такъ звали персидскую армію.

Пересѣлъ и очень скоро пріѣхалъ въ Шерифханъ.

Здѣсь я увидѣлъ нѣчто невиданное. Пустыня-солончакъ. Лежитъ громадное, явно мертвое, гладкое озеро-море. Въ воду тянутся длинные молы на сваяхъ. Нѣсколько большихъ черныхъ баржей грузятся чѣмъ то.

Но самое странное: на берегу нѣтъ жилыхъ зданій, не видно людей.

Одна пустыня. И пустынные склады. Лежатъ товары. Лежатъ мотки колючей проволоки. Видно нѣсколько амбаровъ. Десятокъ вагоновъ стоитъ на рельсахъ. Но портъ — мертвъ. Это главный портъ Урмійскаго озера, мѣсто съ громаднымъ, говорятъ, будущимъ. Противоположнаго берега не видно. А лѣвѣе виденъ островъ, зовутъ его Шахскій, тамъ была раньше шахская охота.

Переночевалъ въ фанерномъ домикѣ Земскаго Союза. Вышолъ утромъ. То же море и тѣ же внизу бѣлыя отъ соли сваи. Безлюдная тишина. Склады охраняются плѣнными турками. Такъ — вѣрнѣе. Ѣздятъ черезъ озеро двумя путями: или на баржѣ, которая буксируется катеромъ, или на катерѣ просто, если дѣло спѣшно. Всего пароходиковъ на озерѣ штукъ 7—10, изъ нихъ одинъ «Адмиралъ», довольно большой, въ родѣ тѣхъ пароходовъ, что ходятъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ, но съ двигателемъ внутренняго сгоранія. Пароходы привозены изъ Каспійскаго моря и здѣсь собраны.

Поѣхалъ въ Урмію на маленькомъ катерѣ. Ѣхать верстъ 60 — 70.

Надъ озеромъ летаютъ фламанго, розовѣющія при взлетѣ. У нихъ розовыя подкрылья. Машина стучитъ и рѣжетъ еще не мятыя волны.

Въ соленое озеро, всегда пустынное, пустынное при халдеяхъ, при ассирійцахъ, всегда окраинное, затащили флотъ, воткнули сваи, распугали птицъ и все для войны.

Ѣдущій со мной корпусный интендантъ разсказываетъ, какъ трудно кормить армію. «До озера — ничего, желѣзная дорога, потомъ перегрузка на баржахъ, барки выручаютъ, можно везти на нѣкоторыхъ сразу до 30 000 пудовъ до пристани, ихъ на озерѣ штукъ пять; потомъ перегрузка на конный или воловый транспортъ, потомъ въ горахъ перегрузка на верблюдовъ, муловъ или ишаковъ — и такъ каждый футъ».

И вотъ въ Персію оказались согнаны чуть ли не всѣ верблюды, лошади, ослы, мулы и быки Кавказа и Туркестана. Намъ ихъ увезти оттуда не удалось.

Насъ въ Сѣверной Персіи тысячъ до шестидесяти, на фронтѣ тысячъ пять, а остальные составляли команды транспорта и охраны путей; вѣдь нужно охранять четыреста верстъ пути отъ фронта до Шерифхана, и въ результатѣ армія голодаетъ.

Катеръ подошелъ къ пристани... Скалы уже не красныя, а сѣрыя... Пустынно, виденъ только одинъ маленькій глиняный домикъ. Это Геленджикъ.

Вышли на берегъ. Глухо, какъ у глухого забора.

Бродятъ какія-то дѣти, почти голыя, въ лохмотьяхъ, обращенныхъ уже въ безформенныя пряди.

Не сталъ ждать автомобиля, попросилъ лошадей, подобралъ компанію и загремѣли по камнямъ въ Урмію.

Дорога вырвалась изъ солончака и пошла полями, обнесенными глиняными стѣнами. Какъ фабричныя трубы, торчатъ въ полѣ пирамидальные тополя съ вѣтвями, будто приполонутыми къ стволу.

Ѣхали довольно долго вдоль глухой глиняной стѣны, мимо бѣдныхъ кладбищъ съ памятниками изъ осколковъ камня, поставленныхъ дыбомъ. Потомъ повернули въ кирпичныя ворота, и въѣхали въ городъ Урмію. За городской стѣной виднѣлись красныя горы, небо было высоко, на горахъ лежалъ сверкающій снѣгъ. Подъѣхали къ сѣрой стѣнѣ, черезъ двери и узкій коридорчикъ вошли въ дворикъ. Громадныя виноградныя лозы со стволами изогнутыми, крѣпкими и толстыми, подымались по стѣнамъ, образуя зеленую сѣтку надъ всѣмъ дворомъ. Въ глубинѣ двора стоялъ одноэтажный домъ съ громадными окнами, переплетъ которыхъ оклеенъ коленкоромъ. Я вошелъ черезъ темныя сѣни въ комнату.

Бѣлыя стѣны. Потолокъ сдѣланъ изъ бревенъ, положенныхъ на полъ-аршина одно отъ другого. Между бревнами перекинуты тонкія дощечки, къ дощечкамъ прикрѣплены плетеныя маты.

Комната залита разсѣяннымъ свѣтомъ, проникшимъ черезъ коленкоръ.

Здѣсь встрѣтилъ Таска и еще одного своего стараго знакомаго, нѣкоего Л. Л. былъ въ паникѣ, онъ пріѣхалъ на востокъ, и ждалъ востока, пестраго, какъ павлиній хвостъ, а увидѣлъ востокъ глиняный, соломенный, и войну совершенно обнаженную. Нигдѣ не была такъ ясна подкладка войны, ея грабительская сущность, какъ въ персидскихъ щеляхъ. Непріятеля не было. Гдѣ-то были турки, но они отдѣлены отъ насъ горами съ непроходимыми перевалами, гдѣ верблюдъ проваливался въ снѣгу по-ноздри. Конечно, турки только съ невѣроятными усиліями могли проникнуть къ намъ, какъ они и сдѣлали въ 1914 году.

Но дѣло было не въ нихъ. Дѣло было въ Персіи, занятой русскими войсками уже 10 лѣтъ.

Мы пришли въ чужую страну, заняли ее, прибавили къ ея мраку и насилію свое насиліе, смѣялись надъ ея законами, стѣсняли ея торговлю, не давали ей открывать фабрикъ, поддерживали шаха. И для этого нами держались войска, держались даже послѣ революціи. Это былъ имперіализмъ, и главное — это былъ русскій имперіализмъ, т.-е. имперіализмъ глупый. Мы провели въ Персію желѣзную дорогу, создали въ Урмійскомъ озерѣ флотъ, провели колоссальное количество дорогъ по долинамъ, проложили дороги черезъ перевалы, въ которыхъ со временъ Адама не было никакихъ дорогъ, кромѣ ишачьихъ тропъ, гдѣ

курды только кострами выжигали самыя тяжолыя мѣста и выковыривали потомъ раскрошенный камень чуть ли не ногтями.

Денегъ въ Персію было убито много. И все это было безполезно, все это былъ крѣпостной балетъ. Мы жали и душили, но не ѣли трупъ.

Февральская революція не улучшила положенія въ Персіи. Прежде всего мы именно здѣсь были перепутаны съ Англіей всякими договорами: вѣдь Персія была одна изъ частей предполагаемой добычи, а кромѣ того, революція, отведя въ общемъ отъ Персіи угрозу поглощенія нами, замѣнила одного тупого, но организованнаго насильника государства мелкими вспышками русской насильнической воли. Люди государства-насильника, были сами насильниками. Если бы въ Персіи произошелъ потопъ и мнѣ бы пришлось стать Ноемъ, строить ковчегъ и въ немъ спасать чистыхъ и честныхъ, просто честныхъ и активно честныхъ людей, я не сталъ бы строить большой посудины.

Пошли мы съ Л. смотрѣть городъ. Весь городъ вымощенъ. Исторія этой мостовой такая:

Нѣкій генералъ приказалъ персамъ вымостить улицу. За неисполненіе приказа домохозяина прибивали къ косяку двери ножомъ за ухо.

Такъ-вотъ городъ вымощенъ. Кругомъ идутъ однѣ и тѣ же глиняныя, въ два человѣческихъ роста вышиной, стѣны. Въ стѣнахъ низкія двери, воротъ нигдѣ нѣтъ. Нѣсколько мечетей съ невысокими минаретами и куполами, въ изразцахъ. На одномъ минаретѣ свилъ гнѣздо аистъ. Священную птицу не трогаютъ. Вдоль всѣхъ улицъ быстро

бѣжитъ вода по каналамъ-арыкамъ. На перекресткахъ кладбища, — пыльныя, бѣдныя и маленькія. Памятники — просто куски камня, поставленные дыбомъ. Прохожихъ мало. Рѣдко проходятъ закрытыя чернымъ покрываломъ персіанки. Изъ подъ покрывала видны концы грубыхъ солдатскихъ кальсонъ. Ходятъ персы. Попадаются ассирійцы. Маленькіе ослики съ грузомъ кирпича на спинахъ трусятъ на улицѣ, погонщикъ кричитъ «Хабарда» — это везутъ матеріалъ для починки базара послѣ погрома. Когда хотятъ заставить ослика немного свернуть, то соскакиваютъ съ него и упираются ему въ бокъ. Идемъ къ базару. Прохожихъ все больше и больше. Глиняныя стѣны смѣняются лавками, торгующими то пестро раскрашенными колыбелями, то вяленымъ, очень сладкимъ виноградомъ и миндалемъ. Вотъ и входъ въ базаръ. Базаръ состоитъ изъ многихъ туннелей съ острымъ сводомъ, въ которомъ кое-гдѣ пробиты отверстія. По бокамъ лавки почти пустыя. Въ красномъ мануфактурномъ ряду почти всѣ двери, закрывающія магазины, изъ свѣжаго, не успѣвшаго потемнѣть дерева. Здѣсь былъ главный погромъ. Хозяева посудныхъ лавокъ сидятъ, сверлятъ черепки, оставшіеся послѣ погрома, и скрѣпляютъ ихъ между собою при помощи цемента и маленькихъ желѣзныхъ скобочекъ. Товара мало, нѣтъ привоза, да и боятся показывать, что есть. Тихо стучатъ копыта, подвозящихъ кирпичъ осликовъ. Одинъ рядъ занятъ сапожниками. Они тутъ же шили сапоги. На окраинахъ базара, въ большихъ и глубокихъ лавкахъ, вили изъ шерсти веревки и валяли круглымъ камнемъ на болванкахъ шапки, расширяющіяся кверху, какъ митры.

Въ другомъ проулкѣ выбивали ударами молотка на грубой красной и синей ткани маленькой дубовой доской, величиной въ двѣ ладони, узоръ черной краской. Цѣлый улей, по вездѣ лежитъ еще не убранный глиняный мусоръ.

Посмотрѣли, какъ жарятъ надъ углями, раздуваемыми вѣеромъ изъ плетенки, какъ пекутъ лавашъ — тонкій, точно картонъ хлѣбъ, который дѣлаютъ, намазывая тѣсто на внутреннія стѣнки печи, — и пошли домой.

Въ эту же ночь Л. уѣхалъ въ Питеръ. Уѣхалъ на фронтъ и Таскъ. Я остался одинъ. Наши войска были единственной силой въ Персіи, и я долженъ былъ ими руководить.

А сейчасъ пишу это 30 іюля 1919 года, на караулѣ, съ винтовкой, поставленной между ногъ. Она не мѣшаетъ мнѣ. Я думаю, что я сейчасъ такъ же безсиленъ, какъ и тогда, но на мнѣ не тяготѣетъ отвѣтственность. — Теперь разскажу, что это была за страна, въ которую я попалъ.

Арзейбейджанъ и часть Курдистана — вотъ мѣста, занятыя нашими войсками. Населеніе смѣшанное. Персы, армяне, татары, курды, айсоры-несторіане, евреи — вотъ составъ этого населенія. Всѣ эти племена жили съ испоконъ вѣка другъ съ другомъ довольно плохо. Потомъ пришли русскіе, стали жить по новому. Еще хуже.

На другой день послѣ пріѣзда пошелъ знакомиться съ армейскимъ комитетомъ. Произвелъ онъ на меня впечатлѣніе очень тяжелое. Совершенно сѣрые люди, которые сами не знаютъ, что дѣлать. Предсѣдателемъ былъ сперва товарищъ Степаньянцъ — армянинъ; предсѣдателемъ онъ былъ плохимъ и дѣла комитета запуталъ чрезвычайно.

Вмѣсто него былъ избранъ Геоббекіанъ, впослѣдствіи товарищъ предсѣдателя краевого совѣта. Этотъ былъ

хуже. Съ нимъ нельзя было знать, что будетъ черезъ нѣсколько минутъ; въ одной и той же рѣчи онъ кидался отъ кадетовъ до большевиковъ.

Забавна была его манера посреди рѣчи останавливать оратора и говорить: «Я вамъ разъясню, товарищъ», а потомъ гналъ рѣчь на часъ. Такъ и говорилъ одинъ. А дѣло шло къ Учредительному Собранію. Нужно было въ невѣроятно разбросанной арміи съ маленькими командами провести выборы. Предсѣдателемъ выборной комиссіи избрали одного солдата толстовца, который внезапно оказался дѣльнымъ человѣкомъ.

А остальной комитетъ, — да проститъ онъ меня за плохую о немъ память, — занялся устройствомъ любительскихъ спектаклей.

Вѣдь это было понятно. Такъ тоскливо жить: безъ газетъ, безъ женщинъ, при замкнутости персидскаго населенія; ну, вотъ и образовалось что-то вродѣ дачной труппы съ невѣроятно дачнымъ репертуаромъ.

Играли въ большомъ глиняномъ сараѣ, темномъ и обставленномъ бѣдно, бѣднѣе чѣмъ театръ каторжниковъ въ «Мертвомъ Домѣ». Репертуаръ былъ водевильный. Солдатъ набиралось туча. По мысли устроителей театръ долженъ былъ быть передвижнымъ.

А въ тихомъ городѣ съ глиняными стѣнами, съ дверями всегда закрытыми, было неладно.

Всю ночь гремѣли выстрѣлы. Стрѣляли въ воздухъ. Были пьяные; вино находили у ассирійцевъ и у евреевъ, а можетъ быть и у мусульманъ.

Въ пограничномъ городѣ Ушнуэ произошелъ погромъ, все было разбито и растащено. Выѣхалъ Таскъ; ему уда-

лось найти роту, случайно не принявшую участія въ погромѣ и при ея помощи отобрать награбленное, а полкъ, въ наказаніе, оставить на позиціи безъ смѣны.

Боевъ нигдѣ не было.

Готовили выборы. Перевыбрали армейскіе комитеты. Армія слабѣла и распадалась.

Персія привычно страдала.

Власть шаха ничтожна въ Персіи. Онъ раздаетъ, правда, свои земли, и вся земля въ странѣ — его земля, но это только слова. Скорѣй ханы соглашаются признавать себя — его вассалами.

Я не берусь объяснить этотъ странный, давно себя пережившій, но не разрушенный строй. Кажется, ханы отдаютъ деревни въ аренды. Или, сильный и вооруженный человѣкъ, живущій въ деревнѣ, организованно грабитъ ее, и удѣляетъ часть ханамъ.

Крестьяне-крѣпостные въ томъ смыслѣ, что они въ рукахъ господина пока живутъ на его землѣ. Имъ предоставляется проводить воду съ высокихъ горъ, чистить арыки, стоя по колѣни въ быстро текущей водѣ, жариться на солнцѣ. Эмиграція развита очень сильно: идутъ въ Баку, въ Туркестанъ, идутъ куда глаза глядятъ — всюду, гдѣ кормятъ.

Въ городахъ живетъ купечество, богатое, по своему образованное; дѣтей своихъ они учатъ въ школахъ французской миссіи. Они тоже имѣютъ свои деревни. Появленіе буржуазіи не разрушило крѣпостного права.

Кажется, однако, у хановъ есть уже наслѣдники. Персидскую революцію проповодили купцы и армяне. Это была революція меньшинства. Отряды въ тридцать-сорокъ

человѣкъ свободно проходили всю страну. Теперешній губернаторъ Урміи самъ былъ въ такомъ отрядѣ вмѣстѣ съ здѣшними милліонерами братьями Мансуурьянцами.

У персовъ была конституція, о которой они говорили, что она либеральнѣе швейцарской. Губернаторъ революціонеръ, т.-е. участникъ персидской революціи. Онъ тоже имѣетъ свои деревни и крѣпостныхъ. Правда, въ Персіи были персидскіе казаки, части на службѣ шаха, рекрутируемыя изъ персовъ подъ командой нашихъ инструкторовъ.

Персидскіе казаки, вѣрнѣе, люди, которые пользовались ими, какъ своимъ оружіемъ, встрѣчали среди населенія почти единодушную ненависть. Но они зависѣли не отъ губернатора, а прежде отъ русскаго правительства.

Сейчасъ же, кажется, ни отъ кого не зависѣли.

При нашемъ отходѣ они попытались на насъ напасть.

Конечно, губернатора никто не слушался. Онъ просилъ у насъ 10 кубанскихъ казаковъ «чтобы его слушались». Но слушались его ханы-курды, такъ какъ они были сильнѣе, каждый имѣлъ по нѣсколько десятковъ всадниковъ, а одинъ изъ нихъ, Синко, имѣлъ большой отрядъ. Это одна изъ ошибокъ русской дипломатіи. Великій князь Николай Николаевичъ въ ту эпоху, когда строилъ себѣ дворецъ въ Ленкоранской долинѣ и замышлялъ создать въ Арменіи казачество, рѣшилъ привлечь на русскую сторону одного изъ курдскихъ вождей. Выборъ палъ на Синко, хана племени, сидящаго въ районѣ Кущинскаго перевала, связывающаго Хой Дальманскій районъ съ Урмійскимъ. Синко были даны винтовки и даже пулеметы, что и сдѣлало его постоянной нашей угрозой. Онъ принималъ уча-

стію въ рѣчахъ христіанъ и въ концѣ-концовъ смѣялся надъ нами, говоря, что «мои сто сорокъ всадниковъ разгонятъ вашъ полкъ».

Не слушались армяне, хотя они были лойяльны, но лойяльны потому, что они представляли собою въ Персіи аристократію. У нихъ была крѣпкая организація «Дашнакцутюнъ». Не знаю, былъ ли «Дашнакцутюнъ» гдѣ-нибудь на Кавказѣ соціалистической партіей типа нашихъ эсеровъ, но въ Персіи это было могучее общество самообороны.

Айсоры, христіане-несторіане, тоже представляли нѣчто вродѣ государства. Они считали себя прямыми потомками древнихъ ассирійцевъ, и говорили на арамейскомъ языкѣ. Одна часть ихъ была старыми насельниками окрестностей Урміи. Когда-то они занимали весь край. Постепенно курды вырѣзали ихъ. Сейчасъ число ихъ пополнилось горными аширетными ассирійцами, людьми дикими, споконъ вѣковъ живущими въ самомъ центрѣ Курдистана, въ районѣ Джоламерка въ Ванскомъ вилаетѣ; родственные имъ Якобиты жили вокругъ Мосула.

Въ горахъ жили они родами подъ предводительствомъ меликовъ — князей, каждой деревней управлялъ священникъ, всѣ же мелики были подчинены патріарху Востока и Индіи, Маръ-Шимуну, черноглазому, румяному сирійцу съ сѣдой головой. Санъ патріарха наслѣдственный и переходитъ онъ отъ дяди къ племяннику. Преданіе выводитъ родъ патріарховъ отъ Симона, брата Господня.

Несторіане знали славное прошлое. Когда православные оттѣснили въ 7-мъ вѣкѣ ихъ изъ Сиріи, они, перейдя черезъ горы, пришли въ Персію и были здѣсь приняты

радушно, какъ враги Византіи. Здѣсь они развили литературную дѣятельность и распространили свое вліяніе на Сибирь, Индію и особенно на Туркестанъ. Бывали и въ Китаѣ, гдѣ осталось и сейчасъ нѣсколько совершенно ассимилировавшихся несторіанскихъ семей.

Тимуръ оттѣснилъ ихъ въ горы Курдистана, тамъ они жили теперь, дичая. Они черноволосы, семитообразны и румяны.

Миссіонеры несторіанъ заходили въ Индію и тамъ появились цѣлыя христіанскія колоніи. На сѣверѣ они прошли Сибирь, на востокѣ достигли до Японіи. Шрифтъ, изобрѣтенный ими, легъ въ основу монгольскаго алфавита, а кажется и корейскаго. Можетъ быть, они были народомъ Іоанна Индійскаго, помощи котораго ждали крестоносцы. Сейчасъ это было маленькое племя, загнанное въ тѣ горы, которыя даже на подробнѣйшихъ нѣмецкихъ картахъ показаны просто пятнами. Турки глодали племя, а оно все держалось. Главнымъ селеніемъ ихъ былъ Орамаръ. Но Орамаръ былъ занятъ курдами еще въ 1914 году. Когда же русскія войска, создавъ изъ ассирійцевъ дружины, ушли, бросивъ ихъ на произволъ судьбы, участь племени стала ужасной. Докторъ Шедъ, глава американской миссіи, говорилъ мнѣ, что свыше 40.000 было вырѣзано, сложено кострами и сожжено. Оставшіеся сѣли въ бестъ американской миссіи. Но персы подсыпали въ хлѣбъ желѣзныхъ опилокъ, и моръ прошелъ среди спасшихся. Въ 1916 году развѣдывательный отрядъ русскихъ казаковъ съ ассирійской дружиной Ага-Петроса-Элова ходили на Орамаръ, т.-е. въ расположеніе непріятеля болѣе чѣмъ на триста верстъ. Дорога была трудна. Мулы не

могли ввозти горныхъ орудій. Ихъ внесли айсоры на рукахъ. Кавалерія ловчилась, какъ могла, айсоры шли гребнемъ горы, потому что смыслъ горной войны въ томъ, кто займетъ командующую высоту. Предлагаю сравнить съ описаніемъ способа веденія войны у Кардуховъ (Ксенофонтъ, кн. 4).

Орамаръ былъ обойденъ, взятъ и ограбленъ. Лошадей кормили виноградомъ, ословъ изюмомъ. Маръ-шимунъ и епископы — они носятъ чалмы, накрученныя на красныя фески — ходили въ атаку въ штыки и дорѣзывали плѣнныхъ. Нашъ Урмійскій консулъ Никитинъ участвовалъ въ экспедиціи и, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ, что въ мѣстности нѣкогда занятой ассирійцами, а нынѣ уже курдской, онъ нашелъ маленькій каменный храмъ безъ оконъ и украшеній. Его звали храмъ Маріи-Мемъ. Этотъ храмъ не былъ разрушенъ курдами. Мало того, они оставили даже въ живыхъ родню христіанъ — священниковъ храма. Объяснилось это тѣмъ, что, по преданію, подъ этимъ храмомъ былъ заключенъ Великій Змій, который вышелъ бы, если бы храмъ разрушили. Змій одинъ разъ въ жизни каждаго хранителя храма показывался ему, но теперешніе хранители храма Змія еще не видѣли.

Жили изгнанные ассирійцы, голодали, грабили, возбуждая жгучую ненависть персовъ. Одѣтые въ маленькія войлочныя шапки, въ штаны, широкіе, какъ шаровары, сшитые изъ маленькихъ кусочковъ ситца и подвязанные выше щиколотки веревками, въ цвѣтномъ жилетѣ ходили они по базарамъ. Религія, которая связывала айсоровъ, уже давно ослабѣла и сохранилась только въ формѣ противопоставленія себя, какъ христіанъ мусульманъ.

Въ Урміи работали религіозныя миссіи, русская, нѣмецкая, французская, американская, всѣ онѣ охотились за душами бѣдныхъ несторіанъ и, конечно, преслѣдовали политическія цѣли. Миссіи вмѣшивались въ гражданскія дѣла и тяжбы, тоже представляя собою суррогатъ государства. Благодаря этому создалось такое положеніе, что миссія оказывала покровительство своимъ новымъ единовѣрцамъ. Изъ-за этого нѣкоторые мѣняли вѣру по два, три раза. Въ одной семьѣ бывали представлены чуть ли не всѣ христіанскія вѣроисповѣданія.

Странно выглядѣла французская миссія въ Урміи. Большой монастырь съ колоннами, съ людьми въ черныхъ сутанахъ и круглыхъ шапкахъ съ помпонами. Это было самое крупное сооруженіе въ городѣ.

Русская миссія, построенная, между прочимъ, на незаконно отнятой отъ частныхъ владѣльцевъ землѣ, выглядѣла большимъ новымъ монастыремъ съ кирпичными красными стѣнами. Во время моего пребыванія миссія уже заглохла, епископъ уѣхалъ, вліяніе пало.

Всѣ эти организаціи работали среди урмійскихъ айсоровъ, горные ашиpретные айсоры держались крѣпче.

Въ районѣ Урміи айсоры жили давно; они появились здѣсь не позднѣе седьмого вѣка. Но въ наше время отношеніе персовъ съ ними рѣзко обострилось. Главной причиной было участіе айсоровъ въ войнѣ. Ассирійцы имѣли партизанскую дружину, которая дралась на нашей сторонѣ. Съ нами ихъ связывало христіанство, а также и тяготѣніе къ нашимъ союзникамъ. Ассирійцы по своему народъ энергичный, многіе изъ нихъ ѣздили въ Америку,

гдѣ даже издавался ассирійскій журналъ. Я помню, мнѣ показали айсора, который шелъ по улицѣ въ своемъ національномъ костюмѣ, въ лоскутныхъ штанахъ и башмакахъ изъ невыдѣланной шкуры, и сказали, что онъ докторъ философіи американскаго университета.

Вотъ эти фантастическіе люди и имѣли свою партизанскую дружину, дружину страшную по тысячелѣтней ненависти къ курдамъ и персамъ. Предводителемъ дружины партизанъ былъ нѣкій Ага-Петросъ-Эловъ, черноволосый человѣкъ съ низкимъ лбомъ, курчавыми волосами и широкой выпуклой грудью. Штаны изъ діагонали и форменная тужурка съ краснымъ кантомъ дѣлали его похожимъ на телеграфиста. Эловъ имѣлъ шумное прошлое. Консулъ показалъ мнѣ печатную характеристику его въ секретномъ оффиціальномъ изданіи министерства иностранныхъ дѣлъ. Не помню ея наизусть и привожу по памяти довольно точно.

«Ага-Петросъ-Эловъ, тотъ самый, который былъ въ такомъ-то году въ Урміи турецкимъ консуломъ, а въ такомъ-то году управлялъ такой-то мѣстностью въ Турціи и разорилъ населеніе неслыханными поборами, въ бытность въ Америкѣ сидѣлъ въ Филадельфіи на каторгѣ. Въ настоящее время держитъ сторону Россіи и состоитъ нашимъ нештатнымъ драгоманомъ. Пользоваться его услугами съ крайней осторожностью».

Ага-Петросъ со своей дружиной оказалъ намъ большія услуги при походѣ на Орамаръ. Случайно мнѣ пришлось спасти ему жизнь черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Урмію. Пьяные солдаты 8-го пограничнаго полка арестовали его на улицѣ и грозили приколоть. Я

отнялъ его отъ нихъ, сказавъ, что арестовываю его, и привезъ на свою квартиру. Онъ хорошо говорилъ по-французски и англійски и плохо по-русски.

Дружину его мы не кормили и ничего ей не давали, кромѣ винтовокъ и патроновъ. Да и винтовки отпускались неважныя, трехзарядныя французскія «Лебель» безъ дульныхъ накладокъ. Такой винтовкой можно сжечь руку, если взять ее неосторожно послѣ стрѣльбы. Эта дружина испортила, и безъ того, по существу, плохія, отношенія между персами и айсорами. Но во всякомъ случаѣ Ага-Петросъ былъ смѣлымъ и, по своему, честнымъ человѣкомъ. Съ нимъ случались такія вещи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, до вступленія на русскую службу, будучи вызванъ персидскимъ губернаторомъ по какому-то обвиненію, арестовалъ самого губернатора, и заставилъ у хановъ признать губернаторомъ его — Агу. Шахъ вызвалъ Петроса къ себѣ, но онъ не поѣхалъ, благоразумно полагая, что дома лучше и самъ вызвалъ шаха. Наконецъ за уходъ съ поста шахъ прислалъ ему звѣзду. Таковъ былъ этотъ нештатный драгоманъ. Да, я забылъ еще сказать: онъ не былъ меликомъ — княземъ старшиной, но на службѣ его состоялъ одинъ меликъ по имени Хаму. Партія Маршимуна косилась на Петроса, считая его выскочкой.

Третьей, а по численности второй группой населенія, были курды. Они жили въ мирное время на границѣ между Турціей и Персіей. Вѣрнѣе, Турція и Персія граничили съ землями, въ которыхъ они жили. Часть ихъ была въ турецкомъ подданствѣ, часть въ персидскомъ. Всего курдовъ около двухъ милліоновъ. Въ восьмидесятыхъ

годахъ они пытались создать свое государство. Починъ шелъ отъ персидскихъ курдовъ. Но культурный уровень курдовъ не даетъ имъ возможности создать крупную организацію. Живутъ они до сихъ поръ кланами. Скотоводство, широко развитое у нихъ, а отчасти и земледѣліе, позволяло имъ жить въ мирное время богато. Наши солдаты говорили, что «курды богаче казаковъ».

Но сейчасъ они были совершенно разорены, страшно пострадавъ отъ войны. Прежде всего оттого, что война закрыла имъ пути кочевья.

Раньше они зимою гнали скотъ въ Мессопотамію, а лѣтомъ переходили въ горы отъ жары.

Война закрыла пути. Часть стадъ осталась въ долинахъ и гибла отъ жары, часть — пропала въ горахъ.

Кромѣ того, русскіе пришли въ Курдистанъ съ ненавистью къ курдамъ, унаслѣдованной отъ армянъ, ненавистью, у армянъ понятной.

Формула «курдъ — врагъ» лишала мирныхъ курдовъ, и даже дѣтей, покровительства законовъ войны.

Генералъ, взявшій Соложбулакъ (забылъ его имя) — гордо называлъ себя: «такой-то истребитель курдовъ».

При всей своей храбрости, курды не могли оказывать сопротивленія намъ. Они все еще не живутъ племенами даже, а кланами, разобщенными между собой.

Послѣ февральской революціи среди курдовъ было большое движеніе въ сторону соглашенія между свободными курдами и свободной Россіей. Происходили большія сходбища и были посланы къ намъ люди для переговоровъ.

Посланные вернулись, говоря: «Русскіе свободны, но свободу они понимаютъ по-русски».

Я знаю, какъ жестоки курды, но Востокъ вообще жестокъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, около Джеламерка айсоры сняли кожу съ нѣсколькихъ англичанъ, раздражившихъ ихъ неосторожнымъ списываніемъ надписей. А курдовъ я видѣлъ не въ то время, когда они рѣзали персовъ и засовывали отрубленныя половыя части въ ротъ убитаго врага, а въ то время, когда ихъ разсѣянно — отъ скуки убивали тоскующіе русскіе. Курды умирали съ голоду и ѣли уголь и глину вокругъ Соложбулака, когда-то цвѣтущаго.

Такъ же бѣдствовали курды въ долинахъ Мергевара и Тевгевара.

Впрочемъ, совсѣмъ не такъ, — изъ этой долины, въ которой когда-то жило богатое племя, имѣвшее тамъ 200.000 барановъ и тысячъ 40 крупнаго скота, жители были изгнаны. Здѣсь стояли забайкальскіе казаки. Называли ихъ въ армейскомъ комитетѣ «желтой опасностью» не только за желтые лампасы. Широколицые, крѣпко-смуглые, на маленькихъ лошаденкахъ, способныхъ ѣсть буквально корни, — забайкальцы были храбры и жестоки, какъ гунны.

Впрочемъ, я думаю, не зная точно гунновъ, что жестокость забайкальцевъ была болѣе задумчивая.

Одинъ персъ говорилъ мнѣ: «Когда они рубятъ, они, по всей вѣроятности, не думаютъ, что рубятъ, а считаютъ, что они хлещутъ».

Въ непоколебимости забайкальцевъ мнѣ пришлось убѣдиться.

Я пріѣзжалъ въ Гердыкъ, нашъ постъ въ Мергеварѣ.

Широкая долина. На пригоркѣ — разрушенное курдское укрѣпленіе. Рядомъ ним, много ивой. Съ горы падаетъ водопадъ высоко-высоко, разбиваясь въ пыль.

Съ другой стороны долины, изъ горы бьетъ струя воды, толщиной въ обхватъ. Безлюдіе и тишина. Ночью лаютъ шакалы. Лисицы, сѣрыя лисицы — ловятъ съ берега форелей въ рѣкѣ.

Я пріѣхалъ просить забайкальцовъ, чтобы не мѣшали имъ возвращать курдовъ въ ихъ родныя мѣста, гдѣ они могли бы питаться когда-то посѣяннымъ и еще не вполнѣ осыпавшимся просомъ.

Я говорилъ имъ о дѣтяхъ, бродящихъ вокругъ лагерей, о томъ, что мы все равно уходимъ. И не добился ничего.

Въ географическомъ единствѣ, называемомъ Россіей, живутъ разные — люди.

Кстати, вся эта долина принадлежала одному армянину Манусурянцу, кажется; и ханъ ея ему принадлежалъ.

Такъ пропадали курды въ Персіи. Сами персы были къ нимъ враждебны изъ-за религіозныхъ разногласій. Персы были шіиты, послѣдователи Гусейна, курды были сунниты; другъ къ другу эти мусульманскія секты относятся, какъ католики относились къ протестантамъ (въ эпоху гугенотовъ).

Немногимъ лучше было положеніе курдовъ въ Турціи. Турки пользовались ими, какъ боевымъ матеріаломъ, причемъ держали ихъ, какъ нерегулярныя части, не на пайкѣ, а на подножномъ корму.

Всѣ эти племена, персы, курды, айсоры, армяне ненавидѣли другъ друга. Временами у всѣхъ, изъ чувства самосохраненія, появлялось желаніе примириться.

При мнѣ былъ устроенъ даже праздникъ «примиренія народовъ». Собрались знатнѣйшіе представители каждой національной группы и поклялись въ прекращеніи междоусобной войны. Было даже трогательно, всѣ цѣловались, а оружіе было оставлено при входѣ.

Не знаю, откуда оно взялось, предполагалось, что мы разоружили населеніе.

Въ честь этого событія было рѣшено учредить ношеніе особой зелено-бѣлой розетки.

Все это было продѣлано очень серьезно, лукаво и наивно. Они не вводили въ свои отношенія еще ироніи.

Меня на праздникѣ поразили муллы съ красными бородами, своими неторопливыми, благородными движеніями. Они двигаются красивѣе, чѣмъ европейцы.

Русскія власти были представлены въ Персіи консуломъ, командующимъ арміей, комиссаромъ и комитетами, а на мѣстахъ каждымъ комендантомъ этапа, изъ которыхъ многіе занимались вымогательствомъ у населенія, и каждымъ солдатомъ съ винтовкой.

Въ городѣ было неспокойно, всю ночь слышалась стрѣльба — одинъ изъ признаковъ, что гарнизонъ уже распустился. Со всѣхъ сторонъ тянулись сѣрыя скучныя жалобы. Армія тихо гнила. Я тосковалъ на Востокѣ, какъ тосковалъ въ Палестинѣ Гоголь, пережидая дождь на скучной станціи Назаретъ. Главная жалоба была на фуражъ. Громадные транспорта голодали. Сѣно, заготовленное гдѣ-то въ горахъ въ районѣ Дизы Геверской,

было заготовлено неумѣло, или слишкомъ хитро. Его не успѣли вывезти въ свое время. Не хватало веревокъ, курдъ-ханъ Симко не далъ перевозочныхъ средствъ. Началась осень. Забили ключи, и сѣно погибло. Таскъ долго разслѣдовалъ эту исторію, перессорился со всѣми, но виновнаго не нашелъ. Резервомъ для поставки фуража оказался Хой-Дильманскій районъ. Районъ этотъ богатъ, но расположеніе неудобно — на правомъ флангѣ нашего фронта. Самана — соломы, смятой и скрученой при молотьбѣ въ особыхъ персидскихъ молотилкахъ, — люцерны и сѣна было заготовлено довольно много, но его нужно было прессовать, а рабочая рота, которая стояла въ Диламѣ, на прессовкѣ саботировала, прессовала плохо, и ломала прессы. Грузчики работали нехотя, голодные. транспорта тоже.

На лѣвомъ флангѣ въ Банѣ лошади ѣли дубовый листъ и кору, грызли изгороди и дохли табунами. А конныя части въ нашей арміи преобладали. Упадокъ работоспособности сказывался во всемъ. Мы послали изъ аркома на всѣ пристани своихъ людей въ качествѣ наблюдателей — помогло мало. Положеніе осложнилось тѣмъ, что на многихъ пристаняхъ погрузочныя и этапныя команды состояли изъ нѣмцевъ-колонистовъ и тамъ было сильно германофильское отрицаніе войны.

Наемныя команды персовъ могли бы выручить, но населеніе уговаривало ихъ бросать работу и не помогать русскимъ. Падежъ лошадей тяжко сказался на нашей кавалеріи. Она состояла изъ казаковъ, т.-е. изъ людей на собственныхъ лошадяхъ — значитъ, особенно чувствительныхъ.

Ко всему этому, въ арміи возникъ вопросъ о валютѣ, который скоро и сталъ центральнымъ.

Для того, чтобы было яснѣе дальнейшее, скажу нѣсколько словъ о персидскихъ деньгахъ, «собачкахъ», какъ ихъ называли наши солдаты. Собачками персидскія деньги звали потому, что на нихъ вычеканено изображеніе льва.

Денежной единицей являлся кранъ — серебряная монета меньше нашего полтинника, стоила она раньше копѣекъ 30.

Пятикранщикъ назывался полу-туманомъ, по величинѣ онъ былъ больше рубля и чеканился раньше въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ. Стоилъ пятикранщикъ 1 р. 50 к. — 1 р. 80 к.

Послѣ того, какъ мы перестали ввозить въ Персію товары, нашъ кредитный рубль упалъ, было рѣшено платить нашимъ войскамъ персидской валютой, считая полъ-тумана за 1 р. 80 к.

Значитъ, уплата жалованья валютой была для войскъ очень выгодна. Но серебра, необходимаго для этой уплаты, у насъ не было. О валютѣ поговорили и забыли, а рубль все падалъ и падалъ. Я самъ видѣлъ на перевалѣ Кущинскаго ущелья осликовъ, хурджины — переметныя сумки которыхъ были туго набиты кредитками. Это былъ не очень дорогой товаръ. Дѣло осложнялось тѣмъ, что нѣкоторыя тыловыя части получали жалованье валютой.

Вопросъ обострялся. Въ немъ были заинтересованы всѣ. Значитъ, задерживающіе центры не работали.

Особенно требовательнымъ былъ третій пограничный полкъ. Громадный полкъ четырехбаталіоннаго состава. Наконецъ, съ трудомъ достали серебра на одну оплату, на

остальную сумму выдали, по предложенію Таска, сберегательныя книжки, въ которыхъ была написана недостающая сумма, какъ вкладъ. Тогда появилось новое затрудненіе. Нельзя представить себѣ ничего причудливѣе курса денегъ въ Персіи. Мелкое серебро имѣло свой курсъ, рубли — свой. Даже золото имѣло курсъ не по вѣсу, а по чеканкѣ, такъ что одинъ и тотъ же вѣсъ золота въ турецкихъ лирахъ стоилъ гораздо больше, чѣмъ тотъ же вѣсъ въ русскихъ золотыхъ. Мелкія русскія кредитки ходили по своему курсу. Сторублевки и пятисотрублевки имѣли опять другой курсъ, думская тысячерублевка свой, только что вышедшія керенки тоже свой. Кромѣ того, курсъ русскаго рубля измѣнялся буквально по два раза въ день, въ зависимости отъ послѣдняго телеграфнаго сообщенія изъ Тавриза. Кстати сказать — русскій банкъ въ Тавризѣ русскихъ денегъ не принималъ. Получалось такое положеніе, что каждый разъ при размѣнѣ солдатъ чувствовалъ себя обманутымъ, да и въ дѣйствительности былъ обманутъ.

Какъ только жалованье серебромъ было выдано, всѣ солдаты бросились мѣнять серебро на бумажный рубль, чтобы везти деньги домой. Банкиры-сарафы — моментально взвинтили рубль до 15 копѣекъ (шай) и выше, и солдаты, считая себя обиженными, устроили рядъ погромовъ, — впрочемъ, погромы были перманентны.

Опишу одинъ изъ нихъ. Уже давно по городу шли слухи, что погромъ будетъ. Какой-то солдатъ еврей предупредилъ объ этомъ соотечественника на базарѣ. Однажды утромъ, зимой, когда на камняхъ лежалъ снѣгъ, я вышелъ въ городъ. Арыки замерзли. Страшные персидскіе нищіе,

почти голые курды изъ разоренныхъ мѣстъ, жались, замерзая у стѣнъ. Прохожихъ почти не было. Знакомый персъ, пробѣгая, закричалъ мнѣ —

«Грабятъ базаръ!»

Я жилъ напротивъ штаба, бросился къ командиру, князю Вадбольскому. Онъ подтвердилъ мнѣ извѣстіе. Вадбольскій былъ смѣлымъ и честнымъ человѣкомъ. Сейчасъ онъ растерялся. Кого отправить на погромъ? Нѣтъ дисциплинированныхъ частей! Каждая сама будетъ грабить. Вызвали изъ пригорода забайкальцевъ, но всѣ знали, что это рискованное забрасываніе костра дровами. Можно было отправить еще кубанцевъ, кубанцы не грабили, по крайней мѣрѣ, въ Персіи, но они держались хитраго хохлатски-казацкаго нейтралитета, и грабежу не помѣшаютъ. Больше же всего они боялись испортить отношеніе съ пѣхотой. Ихъ программа максимумъ — попасть домой. Я метнулся въ арком. Арком сидѣлъ въ полномъ составѣ и совѣщался о мѣрахъ борьбы съ погромами вообще. На погромъ въ частности никто итти не хотѣлъ. Всѣ боялись и особенно страшила мысль о томъ, чтобы разогнать погромщиковъ оружіемъ. А между тѣмъ, армейскій комитетъ вмѣстѣ съ полковымъ комитетомъ города составилъ бы группу человѣкъ въ 150, т.-е. являлся уже силой. Я сказалъ комитетчикамъ, что пойду одинъ. Таскъ былъ въ отъѣздѣ.

Пошелъ на базаръ. У входа толпилось нѣсколько человѣкъ. Два три испуганныхъ перса-полицейскіе, да нѣсколько французскихъ офицеровъ, наблюдавшихъ за всѣмъ съ видомъ спокойнаго презрительнаго недоумѣнія. Мимо нихъ сгибаясь пробѣгали солдаты, неся въ охап-

кахъ всякую рухлядь и торяя ее. Въ самомъ базарѣ было темно отъ пыли и стоялъ крикъ... гау, гау, гау... какъ въ банѣ. Мною овладѣло слѣпое и тупое бѣшенство. Я взялъ доску и съ крикомъ побѣжалъ по темному туннелю, ударяя встрѣчныхъ. Разбитыя ставни магазиновъ висѣли на петляхъ. Люди рылись во внутренностяхъ темныхъ лавокъ, выкидывая оттуда длинныя полосы матерій, какъ кишки. Нищіе подхватывали куски и прятали.

Громили башмачниковъ. Инструменты, колодки, куски кожи, разрозненныя туфли изъ желтой кожи валялись на землѣ.

Нѣсколько персовъ, сидя на корточкахъ передъ своими взламываемыми лавками, голосили высокимъ безумнымъ голосомъ, царапая себѣ лицо. Базаръ гремѣлъ отъ ударовъ камнями по дверямъ, гулкимъ какъ барабаны. Отъ пыли, поднятой взломщиками, хотѣлось кашлять и выплюнуть внутренности. Я гналъ передъ собою толпу, безумную и слѣпую, какъ самъ я.

Въ ковровомъ ряду было всего больше народу. Одинъ, въ кожаной курткѣ, очень высокій и плотный, взламывалъ крѣпкія двери маленькимъ ломомъ. Я бросился къ нему и ударилъ его неловко. Онъ отступилъ и не побѣжалъ отъ меня, а пустилъ въ меня ломомъ. Я получилъ ударъ въ плечо и сразу, автоматически, началъ стрѣлять въ него не цѣлясь, разъ за разомъ, не попадая. Этимъ я нарушилъ какой-то погромный неписанный законъ.

Погромщики были не вооружены винтовками и поэтому считали, что съ моей стороны допустимо бить ихъ доской, но недопустимо стрѣлять.

На выстрѣлъ сбѣжались люди.

Дѣло было на перекресткѣ туннелей. Я побѣжалъ. Это не доказываетъ большой храбрости.

И все казалось сномъ. У меня еще раньше былъ такой кошмаръ, будто я бѣгу по узкому, низкому коридору съ выбѣленными стѣнами, переходящими въ потолокъ. Похоже немножко на корридоры Александринскаго театра, только разъ въ пять уже и ниже. Кругомъ двери и двери. Ровный бѣлый свѣтъ, а сзади погоня. Бѣжишь и прячешься за двери.

Я вспомнилъ и вновь пережилъ уже наяву этотъ кошмаръ въ сѣрыхъ туннеляхъ Урмійскаго базара.

За мною бѣжали съ крикомъ. На поворотѣ, съ двухъ сторонъ стрѣлами сходящихся туннелей, набѣжали двѣ толпы. Я скинулъ короткую шубу, которая была одѣта на меня и бросилъ ее назадъ.

Успѣлъ даже вынуть изъ кармана документы.

Двѣ волны загнулись и встрѣтились у шубы, вцѣпились въ нее, полупозабывъ меня.

Я выигралъ нѣсколько шаговъ и бросился въ узкій проходъ. Три-четыре человѣка побѣжали за мною.

Я, не глядя, выстрѣлилъ назадъ. Они исчезли. Я выскочилъ изъ базара.

Было холодно. Падалъ снѣгъ и таялъ. Мостовая блестѣла, мокрый фонарь на кронштейнѣ висѣлъ совсѣмъ, какъ въ Петербургѣ.

Базаръ гудѣлъ.

Я обошелъ базаръ и опять вернулся къ выходу.

Пріѣхали широколицые забайкальцы. Плоскость висковъ почти не образовала угла съ плоскостью лица. Не знаю, гдѣ начинали округляться ихъ головы.

Они стояли и спокойно прятали въ сумки разбросанныя матеріи, жалкую, грубую персидскую набойку...

Я велѣлъ имъ выйти.

Пришли сѣтющіе кубанцы. Видъ спокойныхъ людей, въ чорныхъ шубахъ, не принимающихъ участія въ погромахъ, проходящихъ мимо погромщиковъ съ полу-насмѣшливой, полу-снисходительной усмѣшкой, нѣсколько разсасывалъ погромъ.

Персы не сопротивлялись; онѣ знали, что если бы они убили или ранили хоть одного солдата, то погромъ перешелъ бы на городъ.

Пришелъ отрядъ айсоровъ, они услыхали, что меня убили.

Ихъ пустить тоже нельзя, такъ же какъ и дашнаковъ, — нельзя ссорить ихъ с нашими войсками.

Наконецъ, пришли комитетчики. Конечно, безъ оружія.

Имъ тоже дали знать, что я убитъ.

Мы взяли доски и пошли по проходамъ разгонять людей. Громили уже часа четыре.

Мы бѣгали по галлереямъ, вытаскивали изъ лавокъ солдатъ, выбрасывали ихъ оттуда пинками. А мѣстами громилы оказывались въ большинствѣ.

Комитетъ держался чисто демократической программы.

Помню... Въ воздухѣ пыль. Гремятъ выбиваемыя двери. Одинъ милый, очень честный и смѣлый когда-то, комитетчикъ стоитъ на широкомъ и высокомъ карнизѣ, тянущемся вдоль всѣхъ лавокъ, и кричитъ:

«Товарищи, что вы дѣлаете! Развѣ такъ борются съ капитализмомъ? Съ капитализмомъ нужно бороться организованно!»

А иногда три-четыре человѣка окружали одного, у котораго рубашка раздулась отъ поднапиханныхъ туда вещей, и лепетали взволнованно: «Брось, брось, куда тебѣ эта дрянь, брось».

Было странно. Бѣжитъ человѣкъ съ кинжаломъ въ рукѣ и съ обезумѣвшими глазами, поймаешь его, вытрясешь и у него оказываются: двѣ позолоченныя рамочки, два сапога съ лѣвой ноги и нѣсколько горстей кишмиша.

Князь Вадбольскій однажды, между прочимъ, вѣрно сказалъ мнѣ: «Пассивно честныхъ среди солдатъ — 75 %, но они нейтральны».

Одного такого «нейтральнаго», бьющагося въ истерикѣ, вели два солдата подъ-руки, а онъ кричалъ:

«Грабятъ. Позоръ... Я большевикъ... позоръ... Я вамъ не вѣрю».

Но большинство пассивныхъ все же относилось къ погрому, какъ къ озорной игрѣ.

Мы забаррикадировали всѣ входы, кромѣ одного и вытѣснили всѣхъ изъ базара.

Вечеромъ обходили команды, отбирали награбленное. Настроеніе у всѣхъ озлобленное противъ насъ: «Грабить нельзя. А насъ мучить можно?»

Меня солдаты очень жалѣли. Какъ же, у человѣка, изза какихъ-то персовъ, шуба пропала! Шуба дорога. А человѣкъ хорошій. Усердно искали шубу.

Приблизительно такъ были ограблены Ушкус, Шерифхане, многія мѣстности и по два — по три раза.

Дильманъ грабили позднѣе, уже при отходѣ нашихъ войскъ въ Россію, но грабили не проходящія войска, а

гарнизонъ города. Городъ былъ раздѣленъ на участки, каждая команда громила свой кварталъ. Для освѣщенія городъ зажгли.

Городъ Хой былъ ограбленъ войсками, идущими черезъ него въ Джульфу при эвакуаціи Персіи.

Тавризъ не грабили. Тавризскій базаръ — міровой; это большой городъ, въ которомъ товары лежатъ горами. Онъ такъ великъ и запутанъ, что сами торговцы, попавъ въ незнакомую часть, берутъ проводника изъ нищихъ.

Нѣсколько разъ погромщики входили въ базаръ, но уже не выходили... Ихъ тамъ растаскивали и, по всей вѣроятности, расщипывали по кусочкамъ.

Тавризъ не разгромили.

Но судьба курдскаго города, стоящаго на турецкой территоріи, богатаго Соложбулака, который когда-то былъ значительнымъ торговымъ центромъ и лежалъ на караванной дорогѣ, была печальна. Его разграбили до крыши, то-есть, до тла, такъ, какъ глиняныя стѣны никто не грабитъ, но безъ крыши онѣ расплываются при дождѣ и отъ нихъ остаются только валики. Крышу же сняли и продали.

Я не говорилъ еще о томъ, какъ информировали насъ изъ Петербурга. Посылали намъ все время сводку о демократическомъ совѣщаніи.

Помню, позовутъ ночью. Идешь узкимъ переулкомъ, входишь черезъ дворъ, покрытый уже почти обнаженными виноградными лозами, въ помѣщеніе телеграфа. Одна стѣна, какъ вообще въ Персіи, изъ стекла (т.-е. она была изъ колонкора, ну, а мы вставляли стекла безъ замазки), за окнами темно.

Подходишь къ Бодэ. Это — аппаратъ прямого провода съ Тифлисомъ. Сверкая въ темнотѣ, кружится грузило регулятора, медленно опускается гиря механизма. Стучитъ что-то, ползетъ лента со словами.

Иногда аппаратъ сбивается, начинаетъ печатать: т-т-т-т-чччч-ввв...

Изъ аппарата ползетъ бѣлой макароной какая-то болтовня. Перебиваешь: «Скажите, что у васъ, какъ большевики?.. пришлите бѣльо войску, валюту»...

Аппаратъ тихо теркаетъ: «тер... тер... тер... Терещенко говоритъ... демократтія»... Бѣлая глиста ползетъ...

Терещенко ползъ черезъ аппараты до октября...

Потомъ смятеніе, сообщеніе о переворотѣ, о томъ, что фронтъ и рада «стоятъ на точкѣ зрѣнія Временнаго Правительства»... потомъ, потрясающая телеграмма разгоняемыхъ почтовиковъ... потомъ, сообщеніе о взятіи Керенскимъ Петрограда... потомъ... лента изъ Россіи оборвалась, какъ та телеграмма, что въ романѣ Уэльса посылалъ безсмертный изобрѣтатель Каварита съ луны.

Мы остались одни...

Армейскій Комитетъ вынесъ о большевикахъ рѣзкую резолюцію. Со стороны большевиковъ тогда говорилъ только одинъ изъ аркома, — засѣданіе было общее — аркома и полковыхъ комитетовъ, — нѣкій товарищъ, кажется, Новомыскій. Онъ сказалъ: «Товарищи, у насъ нѣтъ ни мануфактуры, ни кожерни, какъ же воевать?» Это былъ хорошій человѣкъ, который впослѣдствіи много помогъ намъ. Но вѣру въ народъ, я думаю, онъ оставилъ въ Персіи...

Таскъ и я повисли въ арміи комиссарами несуществующаго правительства.

Топоръ о Таскѣ.

Ефромъ Таскъ былъ старый партійный работникъ, меньшовикъ. Спеціальностью его въ партіи являлась установка подпольныхъ типографій.

Такого рода предпріятія требуютъ колоссальной выдержки, и выдержка у Таска была.

Много сидѣвшій по тюрьмамъ, много разъ бѣгавшій, онъ пронесъ черезъ всю жизнь одну мысль, — онъ былъ типичный революціонеръ-профессіоналъ, въ лучшемъ и самомъ чистомъ значеніи этого слова.

Мнѣ—диллетанту — прямо страшно было смотрѣть на его упорство и преданность идеѣ. Его недостаткомъ являлась вспыльчивость много мученнаго человѣка, поэтому для непосредственной работы съ массами онъ былъ не годенъ.

Но вся техника съѣзда, резолюцій и весь тотъ организованный опытъ, который лежитъ за этой техникой, были ему прекрасно извѣстны.

Послѣ рѣзкой резолюціи, которую вынесъ армейскій комитетъ, послѣ телеграммы о перемиріи, которую мы получили, при томъ положеніи, когда войска были русскія и правительство закавказское и солдаты хотѣли домой, вести дѣло было безумно тяжело. Проще всего было уѣхать. Въ сосѣдней арміи комиссара арестовали. Насъ не трогали.

Таскъ собралъ съѣздъ, сумѣлъ возбудить къ нему вниманіе и привлечь силы. Засѣданіе было публичное, происходило оно въ помѣщеніи театра.

На съѣздъ уже пріѣхали большевики; ихъ было около трети, изъ нихъ помню только одну фамилію Бабуришвили

Нужно было на чемъ-то сговориться.

Въ то время Учредительное Собраніе не было еще разогнано, мы и сговорились на Учредительномъ Собраніи и на признаніи Закавказскаго правительства, съ тѣмъ, однако, что мы считаемъ одной изъ его задачъ борьбу съ Калединымъ, какъ представителемъ русской реакціи. Перемиріе признали, какъ фактъ — о немъ уже была телеграмма изъ штаба фронта, но рѣшили ждать конца переговоровъ. Во всякомъ случаѣ, механизмъ арміи былъ сохраненъ.

Къ этому времени меня вызвали въ Соложбулакъ.

Мы получили телеграмму, что въ Соложбулакѣ погромъ; кромѣ того, произошли безпорядки на почвѣ формированія національныхъ войскъ; изъ одного стрѣлковаго дивизіона вызвали грузинъ въ тылъ, для формированія какого-то національнаго полка; оставшіеся русскіе тоже поѣхали въ тылъ. Одновременно изъ этого же района, но уже съ фронта, пришла слѣдующая телеграмма: Афанская колонна грозненскаго полка рѣшила идти въ тылъ, о чемъ насъ извѣщаетъ, чтобы мы приняли соотвѣтствующія мѣры для охраны бросаемаго имущества.

Выѣхалъ ночью. Промелькнули высокія стѣны американской миссіи, домъ русскаго полковника Штольдера, командира персидскихъ казаковъ.

Домъ Штольдера стоялъ за городомъ, окна были освѣщены изнутри яркимъ свѣтомъ спиртовыхъ лампъ.

Мы на «Тальботѣ» легко вошли въ прекрасную лунную персидскую ночь. Луна висѣла высоко. Небо, персидское небо, легко возносилось. Это очень воздушное просторное небо.

У канавы горѣла подожженная кѣмъ-то старая головастая ива, какими обсажены здѣсь всѣ дороги. Горѣло драгоцѣнное здѣсь дерево. Это, вѣдь, доброе дѣло мусульманина — выкопать колодезь и посадить дерево. Кто-то нашъ, прохожій, поджогъ.

Огонь выбѣгалъ чуть-чуть, тихо облизывая края старыхъ трещинъ и нарушая покой голубого свѣта и синеголубыхъ рѣзкихъ тѣней.

Кругомъ на десятки десятинъ, въ засохшей сѣрой землѣ лежали лозы. Виноградники тянулись, какъ у насъ поля. Мы ѣхали, объѣзжая бродами высокіе своды полуразрушенныхъ крутыхъ персидскихъ мостовъ.

Дорога подымалась. Земля кругомъ заострѣла ребрами мелкихъ камней, черно-бѣлыми подъ луной обвалами.

Потомъ тѣни посѣрѣли, подулъ вѣтеръ, встало солнце. Мы опять спустились и поѣхали берегомъ Урмійскаго озера. Къ утру были въ Гайдеребатѣ.

Среди камней стоятъ юрты, наполовину вкопанныя въ землю, нѣсколько землянокъ, длинныя двухскатныя крыши которыхъ видны мѣстахъ въ десяти.

Сѣрое зданіе европейско-тропическаго вида изъ сѣраго необожженнаго кирпича. Громадная желѣзная баржа разгружается у мола. На берегу лежатъ штабелями рельсы узкоколейки, скрѣпленные желѣзными шпалами.

Отсюда должна была пойти конно-желѣзная дорога на Рапандузское ущелье въ сторону Мосулы. Я думаю, что рельсы пригодились туркамъ.

Вотъ и весь Гейдеребатъ.

Подъ однимъ маленькимъ навѣсомъ, совершенно открытымъ со всѣхъ сторонъ, у костра изъ сухой травы, грѣлись нищіе.

Мы тогда такъ втерлись въ лямку войны, такъ приносились къ своимъ сапогамъ, что могли смотрѣть на этихъ нищихъ спокойно, какъ на стѣнку, такъ, какъ мы смотрѣли на всю Персію, а сейчасъ на околѣвающую Россію.

Было очень холодно. Я, во френчѣ, надѣтомъ на гимнастерку и свитеръ, въ буркѣ сверхъ непромокаемаго пальто, — мерзъ. Курды были почти голы.

У нѣкоторыхъ вся одежда состояла изъ войлочнаго плаща странной формы, онъ былъ скроенъ такъ, что на плечахъ получались какія-то торчащія вверхъ, умоляющія культяпки.

Мы привыкли къ нищимъ. Вокругъ всѣхъ стоянокъ бродили дѣти лѣтъ пяти, въ одной черной тряпочкѣ, вродѣ рубашки; глаза ихъ гноились и были усѣяны мухами.

Нагибаясь, они машинальнымъ жестомъ усталаго животного перебирали мусоръ, ища чего-нибудь съѣдобнаго. Ночью они собирались къ кухнямъ и грѣлись. Немногія изъ нихъ, и преимущественно старшія, были приняты въ команды въ качествѣ подручныхъ; прочія умирали тихо и медленно такъ, какъ можетъ умирать безмѣрно стойкое человѣческое существо.

Выѣхали изъ Гейдеробата. Ѣхали то вновь проложенными дорогами, на которыхъ все еще копошились персы и курды подъ наблюденіемъ нашихъ саперовъ, ѣхали и прямо солончакомъ. Въ одномъ мѣстѣ автомобиль забуксовалъ, и мы съ трудомъ, подкладывая подъ колеса сухую траву, выбрались изъ соленаго болота.

По дорогѣ попадались разрушенныя деревни.

Я видалъ много разрушенія. Видалъ сожженныя Галицiйскія села и дома, обращенныя чуть ли въ непрерывную дробь, но видъ персидскихъ развалинъ былъ новъ для меня.

Когда съ дома, построеннаго изъ глины съ соломой, снимаютъ крышу, домъ обращается просто въ кучу глины.

А дорога все шла, безконечная, какъ война, вѣдь всѣ военныя дороги — тупики.

Въ солончакахъ встрѣтилъ табуны лошадей. У насъ, какъ я писалъ, не хватало фуража; лошадей, выбившихся изъ силъ, нечѣмъ было поддерживать. Кормить — не стоило, убить — не хватало жалости; ихъ выгоняли въ голую степь на подножный кормъ. Они медленно умирали. А я ѣхалъ мимо.

Кстати о жалости. Мнѣ описали слѣдующую картину. Стоитъ казакъ. Передъ нимъ лежитъ голый брошенный младенецъ курденокъ. Казакъ хочетъ его убить, ударитъ разъ и задумается, ударитъ второй и задумается.

Ему говорятъ: «Убей сразу», а онъ: «Не могу — жалко».

Пріѣхалъ въ Соложбулакъ. Городъ небольшой въ котловинѣ. Когда-то онъ славился своими шубами, тисненными золотомъ.

Погромъ кончился: все было выгромлено.

Пришелъ въ армейскій комитетъ. Собралъ полковые. Началъ говорить.

Мнѣ раздраженно отвѣчали, что курды — враги. «Курдъ — врагъ», это поговорка русскаго солдата въ Персіи. Тутъ же спохватываются и говорятъ, что они не за погромъ.

Узналъ страшныя вещи. Громили, кромѣ кубанцевъ и одной санитарной команды, всѣ... въ общемъ и цѣломъ.

У насъ въ транспортахъ служили, — на правахъ вольнонаемныхъ что ли, — молокане со своими троечными упряжками.

Ассоціаціи такія: молокане, духоборы, бѣлая армія, мистицизмъ, еще что-нибудь... Даже вотъ эти молокане тоже грабили. Грабили артиллеристы.

Командиръ дивизіи, во время погрома, заперся въ своемъ домѣ и не выходилъ.

Да, не пропадутъ въ исторіи нѣкоторые обычаи персидско-курдскихъ погромовъ.

Когда начинали грабить, то курды — Саужбулакъ курдскій городъ — выходили съ женами на крыши, не беря съ собой вещей и оставляли городъ на волю погромщиковъ. Этимъ они избѣгали насилій. Конечно, не всегда.

Скорбь и стыдъ пыли погромовъ легли на мою душу, и «печаль, какъ войско негровъ, окровавила мое сердце». (Эта вторая часть фразы изъ чьего-то перевода персидскаго лирика).

Я не хочу плакать одиноко и скажу еще нѣчто слишкомъ тяжелое, чтобы скрывать.

Въ армейскомъ комитетѣ одинъ солдатъ энергично доказывалъ, что у голодающаго населенія ничего нельзя брать.

Нужно сказать, что армія наша, въ противоположность нѣкоторымъ корпусамъ Кавказской, не голодала; хлѣба давали не менѣе $1\frac{1}{2}$ фунта, баранины избытокъ. Исключенія составляли сторожевыя охраненія на перевалахъ.

Этотъ солдатъ привезъ изъ продовольственной командировки образцы курдскаго голоднаго хлѣба. Хлѣбъ былъ сдѣланъ изъ угля и глины, съ прибавкой очень маленькаго количества желудей.

Его не хотѣли слушать.

Можно представить, какъ ненавидѣли курды наши реквизиціонные отряды, тѣмъ болѣе, что многія дивизіи заготовляли провизію хозяйственнымъ способомъ, т.-е. контроля не было.

Одинъ такой отрядъ курды окружили. У начальника, нѣкоего Иванова, который долго защищался шашкой, оторвали голову и дали ее играть дѣтямъ.

И дѣти играли ею три недѣли.

Такъ сдѣлало курдское племя. А русское племя послало на курдовъ карательный отрядъ и взяло за головы убитыхъ выкупъ скотомъ, разграбило виновныя и нѣсколько невиновныхъ деревень.

Мнѣ разсказывали люди, которыхъ я знаю, что когда наши ворвались въ деревню, то женщины, спасаясь отъ насилья, мазали себѣ каломъ лицо, грудь и тѣло, отъ пояса до колѣнъ. Ихъ вытирали тряпками и насиловали.

Я собралъ гарнизонъ на митингъ за городомъ и добивался отъ него принципіальнаго осужденія погрома, но, по совѣсти говоря, не добился.

Изъ толпы все время перебивали меня. «Здѣсь спокonъ вѣка звѣри жили, насъ привезли — и мы озвѣрѣли. Зачѣмъ мы здѣсь?»

А я имъ говорилъ, что они здѣсь не надолго; но кровь, пролитая ими, не пройдетъ даромъ, и труденъ будетъ обратный путь на родину черезъ эту кровь.

А кто виноватъ? Виноваты тѣ, кто ихъ привелъ туда, и, уже позабытое, но не искупленное, преступленіе войны.

Прошелся по городу. На углу нѣсколько солдатъ играютъ, подкидывая носками ногъ кошку съ привязанной къ ея хвосту жестянкой изъ-подъ керосина.

Длинная вереница курдовъ сидитъ на корточкахъ, ожидая пріема у нашего врача. Женщины изрѣдка проходятъ по городу. Лица у нихъ не закрыты. Проходятъ рослые и стройные красавцы курды въ чалмахъ, навернутыхъ на остроконечную шапку съ черной кистью. Ихъ рубашки подпоясаны широкимъ поясомъ изъ длиннаго-длиннаго куска матеріи.

А кругомъ — разгромъ, какія-то сальныя тряпки, которыми побрезговали громилы, валяются на полу.

На улицѣ сидитъ курденокъ и поетъ:

«Ночка темная, боюся,
Проводи меня Маруся».

При бѣломъ свѣтѣ умираетъ человѣкъ, корчась и извиваясь; его обнаженная спина и лопатки ужасны. Прохожіе переступаютъ черезъ него.

Ночью далъ Таску паническую телеграмму:

«Осмотрѣлъ части Курдистана. Во имя революціи и человѣколюбія, требую отвода войскъ».

Эта телеграмма не очень понравилась, вѣдь наивно и забавно требовать отвода войскъ во имя человѣколюбія. А я былъ правъ.

Мы, вѣдь, все равно уходили, и пребываніе войскъ въ Курдистанѣ было безполезно. Лучше выводить войска, чѣмъ сдѣлать то, что сдѣлали: — заставить войска убѣжать, да еще бросить запасы.

Я не хочу сейчасъ быть умнѣе самого себя и скажу просто, что думаю.

Мы напрасно такъ умны и такъ дальновидны въ политикѣ. Если бы мы, вмѣсто того, чтобы пытаться дѣлать исторію, пытались просто считать себя отвѣтственными за отдѣльныя событія, составляющими эту исторію, то, можетъ быть, это вышло бы и не смѣшно.

Не исторію нужно стараться дѣлать, а біографію.

Я выѣхалъ изъ Соложбулака и берегомъ ручья поѣхалъ въ Афанъ.

По дорогѣ увидалъ все то же: разрушенныя деревни и убитыхъ людей; сосчиталъ восемь труповъ.

Я видѣлъ много труповъ на своемъ вѣку, но эти поразили меня своимъ бытовымъ видомъ. Вѣдь не въ войнѣ убили ихъ. Нѣтъ, какъ собакъ убили, пробуя винтовку.

Шофферъ осторожно велъ машину, временами восклицая: «Вотъ, кажется, ишакъ дохлый; нѣтъ, опять человѣкъ». Ему было тяжело, у него были шофферные нервы. Шофферы нервны.

Потомъ увидѣлъ еще три трупа, но уже положенные ногами вмѣстѣ, по-курдскому, кѣмъ-то перенятому, обычаю дѣлать изъ труповъ придорожныя украшенія. На лицѣ одного трупа сидѣла ощетинившаяся кошка и неумѣло рвала щеки своимъ маленькимъ ртомъ...

Но вотъ мы обогнали артиллерію, — горную батарею, идущую изъ Соложбулака на смѣну. Сильные мулы несли

ловко налаженную батарею. Изъ всѣхъ уголковъ этой укладки торчитъ курдская утварь и тряпки — добыча Соложбулакскаго погрома.

Такъ проѣхалъ я вдоль батареи, сдѣлавъ смотръ ввѣренныхъ мнѣ войскъ.

Пріѣхалъ въ Афанъ.

Узкая горная щель чуть расширялась. Двѣ юрты, два-три балагана, землянки, рѣчка, стадо рыжихъ барановъ. Голыя горы кругомъ. Тамъ за горами курды.

На краю горы наши сторожевыя укрѣпленія.

Поговорилъ съ полковымъ командиромъ. Это былъ, насколько я помню, очень уважаемый солдатами человѣкъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что на почвѣ обостренія вражды съ курдами, солдаты, или часть солдатъ, сожгли, не помню живыми или мертвыми, трехъ курдовъ, мирныхъ работниковъ здѣшняго земскаго пункта. А теперь, поэтому, еще болѣе боятся курдовъ.

Кстати, часть полка голосовала за с.-р., другая часть за большевиковъ, не помню точнаго подсчета голосовъ.

Пошелъ къ полку, сказалъ имъ: «Товарищи, я ѣхалъ къ вамъ и видалъ по дорогѣ восемь труповъ. Зачѣмъ вы убиваете людей». Мнѣ отвѣтилъ кто-то: — «Плохо считалъ, ихъ тамъ больше». Я сказалъ имъ: «Приказывать я не имѣю силы, просить не хочу; сообщаю вамъ — вы, несмотря ни на какія постановленія, не уйдете отсюда, пока вамъ этого не позволятъ. Дорога далека; если хотите, идите на свой страхъ, безъ баржей, — попробуйте. Общій же отходъ начнется скоро». И уѣхалъ. Они, не знаю изъ-за меня или сами по себѣ, дождались общаго бѣгства.

И я поѣхалъ обратно, осматривая по пути части кубанцовъ. Лошади у нихъ въ такомъ состояніи, что можно было лишь мечтать о томъ, чтобы повести ихъ на-поводу. Имъ слѣдовало идти въ тылъ, въ первую очередь, такъ какъ отходъ кавалеріи облегчалъ намъ отходъ фуража. Пріѣхалъ въ Урмію. Здѣсь мнѣ сказали, что началась уже демобилизація, по приказанію Пржевальскаго (начальника штаба фронта), отпустили солдатъ до тридцати лѣтъ.

А между тѣмъ, какъ ни странно, нѣкоторые, отпущенные въ отпускъ, все же возвращались, говоря, что въ Россіи плохо, очень плохо.

Пріѣхалъ изъ Кіева отъ Казачьей Рады высокій, какъ жердь, казакъ, съ маленькой головой, стриженой подъ машинку. Онъ былъ комиссаромъ казачьихъ войскъ.

Россія начинала разлагаться на первоначальныхъ множителей. Мы казака приняли враждебно. Но онъ не смущался, ходилъ сидѣть къ намъ, пилъ чай въ прикуску и что-то обмозговывалъ по своему.

Я думаю, что его миссіей было ускорить отходъ кубанцовъ.

Кубанцы торопились домой. Я помню день отъѣзда одной части, стоявшей въ городѣ. Пригласили музыкантовъ, достали кувшинъ вина и танцовали въ присядку часа два, не переставая.

Потомъ сѣли съ трудомъ на лошадей и поѣхали уже, какъ трезвые.

На противоположной сторонѣ стояли и смотрѣли ласково персы.

А впрочемъ, въ Дильманскомъ погромѣ приняли участіе и черноморцы.

Уже охрану штаба несли ассирійцы. Къ этому времени въ корпусахъ Кавказской арміи остались одни штабы.

Въ армейскомъ комитетѣ появились большевики — Бабуришвили, какой-то еще зубной врачъ и матросъ Салтыковъ.

Флотилія была ненадежная въ отношеніи работы, а она была необходима для отхода.

Въ ней завелись интриги. Одинъ офицеръ, Хатчиковъ, привлекъ на свою сторону команду, предложивъ объединить всѣ суда въ одну флотилію, т.-е. присоединить къ военнымъ судамъ суда желѣзной дороги и земскаго союза, а потомъ остаться въ Персіи и возить частные грузы.

Покамѣсть же онъ предложилъ начать возить кишмишъ и сухіе фрукты съ берега на берегъ, одновременно съ казенными грузами.

А вѣдь шла эвакуація, значитъ, — дѣло сводилось просто къ захвату судовъ.

Конечно, исторія эта безмѣрно обогатила бы Хатчикова, такъ какъ золото въ Персіи есть.

Въ связи съ этимъ намѣреніемъ, Хатчикову удалось добиться избранія себя на должность командира флотиліи, хотя въ нашей арміи выборнаго начала еще не было.

Мы вели съ этой затѣей ожесточенную борьбу, назначали свои комиссіи; но комитетъ флотиліи заявлялъ о неподсудности его нашему сухопутному вліянію.

Мы обжаловали дѣло въ Центрокаспій, который и отозвалъ Салтыкова и Хатчикова.

По свѣдѣніямъ, которыя я получилъ отъ комиссарбалтъ Пенкайтиса, Хатчиковъ впослѣдствіи принималъ участіе въ передачѣ нашего Каспійскаго флота англичанамъ.

Такимъ образомъ, его торгово-промышленныя наклонности нашли свое примѣненіе.

А войска уходили. Предполагалось перенести штабъ на другой берегъ озера и уже на линію желѣзной дороги, но этого нельзя было сдѣлать, чтобы не увеличить тяготѣнія войскъ къ отходу въ тылъ.

Въ связи съ уходомъ опять обострился вопросъ о размѣнѣ валюты. Уходящіе забайкальцы арестовали новаго предсѣдателя армейскаго комитета, выбраннаго на армейскомъ съѣздѣ, товарища Татіева, очень честнаго и набожно вѣрующаго въ мировую революцію человѣка.

Они требовали, чтобы имъ размѣняли валюту по курсу 9 шай рубль. Бросились къ губернатору и онъ, угрожая купцамъ палками, добился такого размѣна. Татіевъ былъ освобожденъ.

*

На нашемъ фронтѣ вопросъ о перемиріи не былъ очень остеръ. Съ противникомъ соприкосновенія мы почти не имѣли. Зима размела насъ и турокъ съ горъ въ долины. Только кое-гдѣ держались сторожевыя охраненія.

Состояніе турецкой арміи было плохое, питалась она одной жареной пшеницей и о наступленіи не думала. Петроградское правительство уже заключило перемиріе съ турками.

Необходимо было оформить состояніе, о чемъ мы получили приказъ отъ Краевого Совѣта.

Мы отправили къ туркамъ аэропланъ, который сбросилъ прокламаціи съ предложеніемъ начать переговоры. Кромѣ того, отправили радіотелеграмму. Совѣщаться, въ общемъ, нужно было больше всего о демаркаціонной линіи.

Турки отвѣтили намъ радіо на нѣмецкомъ языкѣ съ предложеніемъ пріѣхать для переговоровъ въ Моссулъ.

Отправились полковникъ Эриъ, Таскъ и Салтыковъ, котораго арκомъ готовъ былъ отправить куда угодно, только подальше.

Я не любилъ Салтыкова съ его самоувѣренностью и щегольствомъ.

Остался съ Татіевымъ управлять арміей. У меня было ощущеніе, которое я зналъ раньше по французской борьбѣ. Борешься съ человѣкомъ во много разъ сильнѣе себя. Еще сжимаешь ему руки, сопротивляешься, но сердце уже сдало. Сопротивляешься, но не дышишь.

А нужно было изображать тормозъ.

Татіеву было легче. Получивъ случайно проскочившую къ намъ телеграмму, какъ была принята вѣсть о мирномъ предложеніи Россіи въ Берлинѣ, уже забытую теперь телеграмму о слезахъ на улицахъ съ радости, онъ говорилъ мнѣ тихимъ голосомъ съ грузинскимъ акцентомъ: «Вы увидите, наша революція спасетъ миръ».

Я пишу сейчасъ въ 12 часовъ ночи 9 августа.

Венгрія пала. Банкометъ сгребаетъ со стола нашу ставку.

У меня болитъ голова, весь день я хочу спать, у меня острое малокровіе, если я сейчасъ быстро встану со стула, голова закружится, и я упаду.

Я могу писать только ночью. Я знаю, что это значитъ. Это масло сгорѣло и, къ ночи, когда не работаютъ задерживающіе центры, горитъ фитиль...

Жилъ я такъ.

Проснешься утромъ въ маленькой бѣлой комнатѣ. Морозъ — это выдуло тепло черезъ окно съ стеклами, вставленными безъ замазки. Но солнце свѣтитъ. Топитъ маленькую желѣзную печку дровами изъ тополя, становится тепло, уютно и пахнетъ смолой.

Это лучшій моментъ дня.

Встаешь и получаешь кучу телеграммъ, все объ одномъ: о развалѣ, требующемъ немедленнаго отхода и не дающемъ уйти.

Уже сбѣгаютъ отдѣльныя команды въ Джульфу и стараются нахрапомъ проскочить въ Россію.

Образуется пробка. Поѣзда, идущіе къ намъ съ провизіей, захватываются; грузъ скидывается; вагоны гонятся обратно.

Сбѣжала Дильманская рабочая рота.

Прокляли рельсы, по которымъ она поѣдетъ и задержали ее.

Ведемъ разные переговоры съ здѣшнимъ персидскимъ обществомъ.

Характерный случай хитроватой простоватости персидскаго человѣка.

Когда наши ѣхали въ Моссулъ для переговоровъ, то персидскій губернаторъ предлагалъ вмѣсто этого устроить переговоры въ Урміи и довольно нерѣшительно, но серьезно говорилъ, что со своей стороны Персія требуетъ Багдада, какъ когда-то ей принадлежащаго города. Къ

сожалѣнію, Багдада дать мы ему не могли. Айсоры же были увѣрены, что Таска въ Моссулѣ или убьютъ, или отправятъ въ Константинополь заложникомъ.

Пока же мы ждали Таска и ходили къ персамъ въ гости.

Однажды позвали меня къ здѣшнему демократу Аршану-Дамаюну. Мы шли дворами долго. Слуга съ фонаремъ, кланяясь, сопровождалъ насъ. Вдоль стѣнъ послѣдняго прохода стояли слуги въ грубыхъ башмакахъ и въ бѣдной полувоенной персидской формѣ и бросали намъ подъ ноги цвѣты.

Мы вошли въ комнаты.

Ослѣпительный, уже отвычный для насъ, свѣтъ многихъ лампъ съ двойными фитилями (въ Персіи почти не видно горѣлокъ типа — луна) рѣзалъ глаза. На стѣнахъ пестрѣли ковры.

Гости, во фракахъ, съ поразительно бѣлымъ бѣльемъ, въ маленькихъ чорныхъ персидскихъ шапочкахъ, сидѣли и разговаривали съ офицерами французской миссіи, въ тугихъ сѣрыхъ мундирахъ изъ хорошаго чистаго сукна.

Висѣла люстра съ свѣчами, хрустальная люстра, а подъ ней садовые стеклянные, внутри посеребренные шары.

Еще не стиранныя бѣлыя скатерти изъ коленкора хрустѣли и показывали свои штемпеля и неснятые этикеты.

Мы, т.-е. комитетчики — все солдаты и я, пришли грязные, трепанные, усталые, а главное — виноватые.

Начался обѣдъ. За стеклами зурнилъ громадный туземный оркестръ «Тоску по родинѣ».

На столѣ стоялъ хорошій фарфоръ и хрусталь. Въ Персіи много хорошаго фарфора.

Коньякъ Шустова или Сараджова, жидкое кислое молоко и безъ конца — кушаній.

Говорили рѣчи... Сладко жмурился губернаторъ, говоря: «Чохъ, чохъ якши». Переводчикъ армянинъ дашнакцатюнъ, милый и почти сумасшедшій (гордящійся тѣмъ, что онъ былъ въ той группѣ, которая когда-то вошла съ бомбами Оттоманскій банкъ, какъ залогъ автономіи Арменіи, и была выманена оттуда вмѣстѣ со своими чемоданчиками и бомбами только обманнымъ поручительствомъ Франціи), — переводчикъ давалъ вольный переводъ рѣчей, вставляя въ нихъ аршинами всѣ свои мысли и надежды и захлебывался отъ восторга.

Сосѣдъ переводилъ мнѣ программу партіи, которая называла себя соціалъ-демократами.

Ея первымъ пунктомъ было — «крѣпостное право не отмѣняется». Я провѣрилъ переводъ у одного товарища, оказалось, что это такъ.

Дальше шли пункты о борьбѣ съ нищенствомъ.

Я всталъ съ поднятой въ рукѣ рюмкой. Я, глядя на рукавъ своего обтрепавшагося френча, началъ говорить, прерывая рѣчь длинными паузами, въ которыхъ журчалъ переводчикъ.

Говорилъ сперва о томъ, что намъ ничего не надо отъ Персіи, кромѣ ея счастья, и о томъ, что мы, вмѣстѣ со своими погромами, все-же больше всѣхъ уважаемъ страну.

Въ концѣ рассердился и пожелалъ Персіи соціальную революцію.

Музыка зурнила «Тоску по родинѣ».

Другой вечеръ я провелъ у Ага-Петроса на званомъ обѣдѣ, по случаю присылки Моршимуну ордена святого Владимира на шею.

Пройти въ домъ Петроса нужно было черезъ длинные проходы, каждый проходъ замыкался глинянымъ валомъ, въ которомъ дорога доходила до двери и поворачивалась.

Такой домъ не возьмешь внезапно.

На послѣднемъ дворѣ — стадо утокъ и гусей. Это можно найти въ домѣ почти каждаго перса.

Металлическое гаганье птицъ сперва часто будило меня ночью.

Сада во дворѣ Петроса не было.

На верху стѣны сидѣлъ, сжавшись отъ холода — была ночь — павлинъ. Тяжелый, пышный, даже при лунѣ, хвостъ рѣзко выдѣлялся на блѣдной глинѣ.

Приглашены были исключительно ассирійцы.

Слуги въ цвѣтныхъ носкахъ ходили безъ шума.

Вѣтеръ парусилъ коленкоръ оконъ.

Пріѣхалъ Вадбольскій. Вообще-же онъ жилъ затворникомъ и никуда не выходилъ.

Вадбольскій провелъ церемонію возложенія ордена «трепетными руками», съ небрежной почтительностью.

По моему, онъ хорошо зналъ востокъ, и его здѣсь уважали.

Взволнованный патріархъ, съ румянымъ лицомъ, блисталъ глазами, голова его страшно сѣдая, сѣдина совершенно серебряная, а ему только 20 лѣтъ.

Впослѣдствіи его обманомъ заманилъ къ себѣ курдъ Симко и убилъ.

Въ залѣ стояли винтовки въ козлахъ.

У дружинниковъ отбирали оружіе, когда они приходили домой.

Всѣ были озабочены.

Я оттого такъ много пишу объ айсорахъ, что считалъ возможнымъ создать изъ нихъ силу.

Вѣрнѣе, — я не видѣлъ другихъ возможностей создать силу.

Кромѣ того, нужно было спасать людей, связавшихъ свою судьбу съ Россіей.

Интересно, какъ создаются легенды.

Петросъ, или какой-то православный священникъ айсоръ, тотъ, кажется, который на одномъ пріемѣ у губернатора все время, съ манерой странствующаго монаха, говорилъ, что не нужно сердиться на айсорскихъ «бѣдныечковъ», сказалъ мнѣ:

«Вы знаете, къ Вадбольскому приходили наши женщины и сказали ему: — Нашихъ мужей мы вамъ отдаемъ; но велите убить насъ, только не оставляйте на убой персамъ».

Конечно, къ Вадбольскому никто съ такими словами не приходилъ; но ихъ всѣ думали и слышали сказанными.

Армяне и айсоры предлагали намъ слѣдующее. Они просили, чтобы мы оставили два полка въ качествѣ ядра, вокругъ котораго можно было бы формировать національныя дружины. Взять два полка было неоткуда.

А оружіе и инструкторовъ дать было можно.

Оружія у насъ были запасы, инструкторами оставались многіе офицеры и унтеръ-офицеры, не ждущіе отъ Россіи для себя ничего хорошаго.

Я былъ сторонникомъ поспѣшнаго, панически поспѣшнаго формированія.

Русскія войска оружіе отдавали очень неохотно, но я зналъ способъ.

Нужно было только давать отпускъ всей командѣ, напримѣръ, командѣ ружейнаго парка, она уѣзжала и оружіе можно было брать.

Кстати, объ оружіи. Среди солдатъ твердо сложилось убѣжденіе, что есть приказъ уходить съ ружьями. Говорили, что въ Россію не пропускаютъ солдатъ безъ винтовокъ.

Краевой же совѣтъ, на мои повторные запросы о разрѣшеніи отпускать солдатъ съ оружіемъ, отвѣчалъ приказаніемъ разоружить демобилизованныхъ. А какъ ихъ разоружить?

Я предлагалъ, считаясь съ тѣмъ, что винтовки все равно будутъ увезены, разрѣшить этотъ увозъ, но вписать каждому солдату въ его документы, что при немъ находится винтовка номеръ такой-то, и столько-то патроновъ, которые онъ обязанъ зарегистрировать въ своемъ Волостномъ Совѣтѣ.

Это я хотѣлъ сдѣлать для того, чтобы ослабить продажу винтовокъ.

Винтовка, да еще русская, на востокѣ—драгоцѣнность. Въ началѣ за винтовку давали 2.000—3.000 руб., за патронъ на базарѣ платили 3 руб., на станціи Каморлю за такой-же патронъ давали бутылку коньяку.

Для сравненія съ этими цѣнами, приложу цѣну на женщинъ, увозенныхъ изъ Персіи и съ Кавказа нашими солдатами.

Женщина въ Феодосіи, напримѣръ, стоила, при покупкѣ ея навсегда, 15 руб. употребленная и 40 руб. неупотребленная.

Такъ уже какъ не продать винтовку!

Пушки продавали. Но кого, впрочемъ, сейчасъ этимъ удивишь?

Мнѣ регистрировать увозъ винтовокъ не дали, а велѣли ему противиться.

Во всякомъ случаѣ, оружіе для національныхъ дружинъ достать было можно.

Армянскія части формировалъ товарищъ Степаніанцъ, бывшій предсѣдатель армейскаго комитета, а потомъ офицеръ для порученій при комиссарѣ.

Степаніанцъ, при знакомствѣ съ нимъ, производилъ впечатлѣніе не очень развитого человѣка.

Родился онъ въ Россіи и, казалось, былъ мало связанъ съ здѣшними армянами.

Но онъ выросъ у меня на глазахъ, какъ только дѣло дошло до защиты своего народа. Я удивлялся, глядя на его рѣшительность и авторитетность.

У армянъ есть то, что можно встрѣтить, пожалуй, еще только у евреевъ, — національная дисциплина.

Дашнакцатюны располагались въ домѣ Манусаріанца, какъ въ своемъ собственномъ.

Хозяинъ держалъ поводъ коня Степаніанца.

Когда нужно было собрать армянъ-дезертировъ, было вывѣшено слѣдующее объявленіе: «Вамъ, дезертирамъ-армянамъ, приказываемъ явиться къ такому-то числу; неявившіеся будутъ убиты къ такому-то числу».

И, конечно, ближайшіе родственники убили бы не-явившихся.

Изъ-за формированія происходили тренія между Моршимуномъ и Петросомъ.

Но въ результатѣ, они примирились на томъ, что Петросъ сталъ начальникомъ штаба Моршимуна.

Петросъ волновался. «Это не война, стоять Урмія, когда Гердыкъ нѣтъ!» А изъ Гердыка уже ушли войска. Онъ послалъ въ Гердыкъ десятокъ своихъ людей.

Люди уходили, запасы бросались, бросалось оружіе, сахаръ — громадное количество сахара.

Мы возвращали Курдистану все награбленное.

Я хотѣлъ подарить наши склады изъ тѣхъ, которые нельзя было вывезти, формируемымъ войскамъ.

Они вывезли бы ихъ какъ-нибудь. И имущество, все-же, осталось бы въ рукахъ нашихъ друзей.

Кстати, изъ-за формированія я, въ концѣ концовъ разошелся съ вернувшимся Таскомъ.

Онъ говорилъ, что формированіе, да еще производимое такъ поспѣшно, приведетъ къ авантюрамъ въ стилѣ Принцъ Видъ. Я очень огорчился, такъ какъ не видѣлъ другихъ путей.

Таскъ имѣлъ оріентацію на Россію, на отводъ нашей арміи, по возможности, цѣлой домой. Моя оріентація была мѣстная.

Если бы при мнѣ былъ хоть одинъ близкій человѣкъ, если бы я не стремился къ тому-же обратно къ библіотекамъ, я никуда бы не поѣхалъ и сталъ бы отсиживаться на Востокѣ.

А на востокѣ была еще черта, которая меня съ нимъ примиряла. — Здѣсь не было антисемитизма.

Въ арміи уже говорили, что Шкловскій — жидъ, какъ объ этомъ сообщилъ мнѣ, съ видомъ товарища по профессіи, офицеръ изъ евреевъ, только что выпущенный изъ военнаго училища, съ которымъ я встрѣтился у казначея.

А въ Персіи евреи не подъ ударомъ, впрочемъ, такъ же, какъ и въ Турціи.

Говорятъ они здѣсь, кажется, на языкѣ, происшедшемъ изъ арамейскаго, въ то время, какъ евреи русскаго Кавказа говорятъ на какомъ-то татарскомъ нарѣчіи.

Когда англичане взяли Іерусалимъ, ко мнѣ пришла депутація отъ ассирійцевъ, принесла 10 фунтовъ сахару и орамарскаго кишмиша, и сказала такъ.

Да, еще два слова прежде. На столѣ стоялъ чай, потому что пришедшихъ гостей нужно какъ-нибудь угостить:

«Нашъ народъ и твой народъ будутъ снова жить вмѣстѣ, рядомъ. Правда, мы разрушили храмъ Соломона тогда-то, но послѣ мы же возстановили его».

Такъ они говорили, — считая себя потомками ассирійцевъ, а меня евреемъ.

Въ сущности говоря, они ошибались — я не совсѣмъ еврей, а они не потомки ассирійцевъ.

По крови они евреи-арамейцы.

Но въ разговорѣ было характерно ощущеніе непрерывности традиціи — отличительная черта здѣшнихъ народовъ.

Въ городѣ было неспокойно. Пьяные солдаты ходили, стрѣляли ночью въ воздухъ, носили въ крови зародыши погромовъ.

Разъ ко мнѣ ночью, просто на свѣтъ, вбѣжалъ персъ, за которымъ гнались два солдата съ винтовками, — они были пьяны.

Мнѣ пришлось самому взять револьверъ и проводить перса до дома.

Бывали странныя исторіи. Однажды утромъ пришли къ намъ — Таскъ былъ еще на переговорахъ въ Моссулѣ — босые, очень грязно одѣтые, люди — изъ нихъ двое или трое съ винтовками.

«Вы кто?» — «Мы арестованные съ гауптвахты». — «Да кто же васъ пустилъ?» — «Пришли сами». А часовые говорятъ: «Арестованные рѣшили итти къ вамъ, какъ же намъ ихъ держать». Среди арестованныхъ были осужденные на каторжныя работы.

Жаловаться имъ было на что. Въ гауптвахтѣ было грязно, грязно такъ, что арестованные зимою разбивали стекло въ окнахъ, а безъ стеколъ было холодно. Бани и бѣлья не было. Держали безъ допроса очень долго, мѣсяцами.

На другой день пришли провѣрять списокъ арестованныхъ. Оказывается, арестовывалъ кто хотѣлъ: и слѣдователь, и контръ-развѣдка, и начальники частей, и комендантъ, и армейскій комитетъ.

И, пожалуй, можно сказать, что людей, арестовавъ, забывали. Не по жестокости, а по безпорядку и небрежливому отношенію къ людямъ.

Отдѣльно сидѣли курды. Держали ихъ въ подвалѣ. Звался онъ Курдскій подвалъ. Это была полутемная и сѣрая комната съ тяжелымъ запахомъ. Въ ней сидѣли курды, главнымъ образомъ, по обвиненію въ шпіонствѣ.

У нѣкоторыхъ курдовъ были дѣти, очевидно, имъ некуда было ихъ дѣвать, и они сидѣли вмѣстѣ съ отцами въ ямѣ.

Больше всего меня удивляло, почему арестованные не разошлись.

Я, навѣрно, знаю, что конвойнымъ не пришло бы въ голову стрѣлять.

А они не расходились. Очевидно, остались еще какія-то правовыя эмоціи.

*

Результаты выборовъ въ Учредительное Собраніе по персидской арміи были, приблизительно, такіе. Двѣ трети голосовъ получилъ списокъ с.-р., треть — большевики; меньшевики же и кадеты получили по нѣсколько десятковъ.

Ничтожное количество голосовъ, полученное кадетами, объяснялось тѣмъ, что въ небольшихъ командахъ, въ одну-двѣ сотни человѣкъ, всѣ знаютъ другъ друга, и если бы офицеръ проголосовалъ за кадетовъ, то можно было бы съ точностью сказать, что офицеры-кадеты, а это, по тѣмъ временамъ, было небезопасно.

*

Вотъ, я описываю все бѣдность и бѣдность. И усталъ отъ нея.

Неужели не было тогда въ нашей арміи, среди сотенъ тысячъ человѣкъ, ничего хорошаго, свѣтлаго?

Было. Но положеніе нашей арміи, отсутствіе въ ней всякой иллюзіи, самозащиты, глубокій упадокъ духа, всеобщій саботажъ, какъ средство кончить войну, — все это выдѣляло не лучшую, а худшую сторону людей.

Виноватъ, конечно, не русскій народъ, или народъ виноватъ не въ первую голову.

Я думаю, что каждая армія, поставленная въ такія условія и въ такой моментъ, вела бы себя такъ же.

Мы назначили особыхъ комиссаровъ пристаней. Людей наблюдающихъ за посадкой. Люди эти не разбѣгались, хотя имъ было и очень тяжело.

Не плохо работала санитарная часть.

Во всѣхъ частяхъ были люди, которые дѣлали какое-то дѣло, которое они считали общимъ.

Но армія, не поддерживаемая инстинктомъ самосохраненія народа, болѣла, а больные рѣдко выявляютъ лучшее, что въ нихъ есть.

Что можно отмѣтить, такъ это хорошее отношеніе солдатъ другъ къ другу, — другъ для друга они не были волками.

Но самое главное, что люди, хоть и плохо, но ждали очередей, терпѣли, фактически не сдерживаемые уже ничѣмъ.

Было еще терпѣніе въ дорогѣ, большое, все переносящее, во имя слова «домой».

Но я отвлекся.

Я велѣлъ уничтожить все вино въ городѣ. Формальное право, — которое меня, очень мало интересовало, — я имѣлъ потому, что въ прошломъ году нашими властями было запрещено выдѣлывать вино...

Вино уничтожала особая комиссія изъ персовъ и нашихъ комитетчиковъ.

Когда уничтожали вино въ главномъ винномъ гнѣздѣ, у нѣкоего Джапаридзе, то вода въ канавѣ была розовая, и громадная толпа сосредоточенно смотрѣла на алую струю, бѣгущую изъ-подъ стѣны большого сѣраго, безобразнаго дома.

При уничтоженіи вина не обошлось безъ недоразумѣній.

Здѣсь слишкомъ пахло виномъ и деньгами.

Пьянство сократилось, но не уничтожилось. Вино подвозили съ лѣваго берега озера.

Между тѣмъ, голодъ въ странѣ усиливался.

Уже заурядным стало видѣть на улицѣ умирающихъ.

Люди дрались изъ-за отбросовъ, выкидываемыхъ изъ штабной кухни.

Къ обѣду на нашемъ дворѣ собирались голодныя дѣти.

Разъ утромъ я всталъ и отворилъ дверь на улицу, что-то мягкое отвалилось въ сторону. Я посмотрѣлъ нагнувшись... Мнѣ положили у двери мертваго младенца.

Я думаю, что это была жалоба.

Къ консулу приходили женщины депутаціей чего-то просить. Но что онъ могъ сдѣлать, онъ — консулъ неизвѣстно какого государства, чуть ли не страны голубыхъ антилопъ.

Приговоренный смотрѣть, я смотрѣлъ, какъ персы подавали милостыню своимъ нищимъ; двѣ изюминки или одну миндалинку.

Больше дѣлала американская миссія, — фактически только она и кормила населеніе.

Часто къ доктору Шеду сѣдому старику — главѣ миссіи, приходили караваны верблюдовъ съ серебромъ.

Я не знаю насколько виновны были въ голодѣ мы — русскіе.

По всей вѣроятности, мы были виновны тѣмъ, что войной создали бѣженство и помѣшали воздѣлыванію полей, какъ выселеніемъ жителей, такъ и, это главное, спутать систему орошенія.

Всѣ поля здѣсь даютъ урожай только при искусственномъ орошеніи.

Поле дѣлятъ маленькими валиками на куски и затопляютъ по частямъ.

Въ пользованіи водой соблюдается строгая очередь, установленная и строго разработанная мѣстными обычаями.

Наши войска, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствующихъ въ своихъ интересахъ, а иногда и сами думая установить справедливость, — вмѣшивались въ это распредѣленіе.

Нѣкоторая часть полей, въ результатѣ, осталась безъ воды.

Кромѣ того, годъ былъ, кажется, вообще неурожайнымъ.

Мы же, со своей стороны, реквизировали ячмень — пшеницу мы ввозили изъ Россіи — и ничего не сдѣлали для снабженія населенія.

Англичане поступили бы иначе, они достали бы хлѣбъ и накормили голодныхъ.

Впрочемъ, персы находили, что мы лучше англичанъ.

— «Вы грабите, англичане — сосутъ».

Къ этому времени начали появляться на территоріи нашей арміи нѣкоторыя мѣста, не признающія нашего армейскаго совѣта, а также и моей власти, происхожденіе которой мнѣ самому было неясно.

Отдѣлился Тавризъ и пытался созвать свой армейскій съѣздъ. Потомъ отдѣлился Хой и объявилъ о своемъ автономномъ существованіи, но скоро передумалъ.

По крайней мѣрѣ я получилъ оттуда телеграмму о погромахъ.

Отходъ предполагалось вести такъ: часть войскъ должна была идти пѣшкомъ на Джульфу, а часть изъ Соложбулака, напримѣръ, по правому берегу озера, считая отъ Урміи — на Тавризъ. Прежде вышедшія части должны были останавливаться на условленныхъ мѣстахъ и охранять дорогу, пропуская заднихъ.

Такимъ образомъ предполагалось охранять всю дорогу до Петровска что-ли.

Такое движеніе называется «идти перекатами».

Конечно ничего не вышло.

Уже первые отправленные полки стремились уйти какъ можно дальше отъ Персіи.

Очень многіе хотѣли идти въ Ставропольскую губернію.

Сравнительно благополучно прошла одна дивизія, — я забылъ ея номеръ. Она шла походнымъ порядкомъ, имѣла вагоны посрединѣ, и прошла, не потерявъ ни одного человѣка.

Одиночные люди, уѣзжающіе по приказамъ о демобилизаціи всѣхъ до 30-ти лѣтняго возраста, конечно, стремились уѣхать какъ можно дальше. И угоняли у насъ вагоны. Вагоны же у насъ были съ специальными тормозами, а ихъ угоняли подъ Ростовъ.

На вѣткѣ Шерифхане-Сафьянъ осталось только четыре вагона.

А на Джульфу двигались еще части четвертаго, кажется, корпуса Кавказской арміи.

Захватывались вагоны, идущіе къ намъ съ провіантомъ.

Штабъ еще работалъ, но неувѣренно. Да и во что было вѣрить?

Въ Урмію, неожиданно для насъ, пріѣхала жена Степаніанца съ ребенкомъ. Привезла съ собой газеты. Это была русская, очень типичная курсистка. Она принесла съ собой атмосферу довольно обывательскаго оптимистическаго большевизма. Но выходило у нея все какъ-то не очень убѣдительно.

Я не видѣлъ главнаго: революціоннаго подъема; можетъ быть ошибался, можетъ быть ошибаюсь сейчасъ; я все время видѣлъ спадъ, пониженіе энергіи.

Не въ гору — подъ гору шла революція.

А какъ сформировался этотъ спадъ, то было почти безразлично.

Но если бы насъ спросили тогда: «за кого вы, за Каледина, Корнилова или за большевиковъ?» — мы съ Таскомъ выбрали бы большевиковъ.

Впрочемъ, въ одной комедіи арлекинъ на вопросъ: «предпочитаешь-ли ты быть повѣшеннымъ или четвертованнымъ?» отвѣтилъ: «Я предпочитаю супъ».

Таскъ все не ѣхалъ. Разъ мы получили радіо отъ Эрна, гдѣ приводились турецкія условія перемирія. Эрнъ спрашивалъ санкцію Вадбольскаго. Ему отвѣтили — подписывайте!

Пріѣхалъ Таскъ. Пріѣхалъ, кажется, верхомъ. Распадъ арміи сказался на автомобиляхъ: ему не выслали машины.

Отъ Шейхинъ-Горусинъ, куда его проводили турки, онъ шелъ пѣшкомъ мимо телеграфной линіи, столбы которой были спилены на дрова, и только четыре ряда проволоки тянулись въ пыли.

Турки видѣли, что мы никого не послали за своими. Мы уже и не представлялись, что мы армія.

Передаю отрывки разсказа Таска.

Вершить мирные переговоры, говоря отъ лица безсильнаго, — тяжелое дѣло.

Когда они ѣхали къ туркамъ, то тѣ ихъ встрѣтили на перевалѣ.

Туркамъ миръ — счастье. Они цѣловали нашихъ и смѣялись отъ радости.

Турецкіе солдаты, оборванные и худые, смотрѣли на нихъ, улыбаясь...

Ѣхали знаменитымъ Ранандузскимъ ущельемъ, предполагаемымъ путемъ нашего наступленія на Моссулъ.

Это глубокое и ровнокрасое ущелье. Въ одномъ мѣстѣ, съ самаго края стѣны горъ, падаетъ полотно водопада. Вода, разбиваясь о камни, гейзеромъ летитъ вверхъ, облаками пѣны.

По дорогѣ заѣзжали въ Ардебиль, круглый городъ съ высокой стѣной. Въ городѣ одна улица — площадь посерединѣ.

Выѣхали въ Мессопотамію. Стали встрѣчаться табуны лошадей, тощихъ и со сбитыми спинами. Автомобилю приходилось лавировать между конскими трупами.

Въѣхали въ Моссулъ. Нѣмцы, тогдашніе хозяева и нашихъ и турокъ, встрѣтили парламентеровъ сухо и тутъ же предложили подписать договоръ о перемиріи, содержащій, въ числѣ прочихъ условій, немедленное очищеніе Персіи.

Конечно, мы должны были очистить Персію и знали, что уйдемъ изъ нея, но не хотѣли сдѣлать это по-нѣмецкому приказанію.

Я, къ сожалѣнію, не помню всѣхъ нѣмецкихъ условій.

Кое-что можно было бы возстановить по тифлисскимъ газетамъ; архивъ нашего штаба, я думаю, пропалъ.

Всѣ подробности можно узнать по-нѣмецкимъ газетамъ или у Ефрема Таска.

Представителемъ турокъ, и очень любезнымъ представителемъ, былъ Халимъ паша.

Слава Халимъ паши на Востокѣ — громкая. Это тотъ самый Халимъ-паша, который, при отходѣ отъ Эрзорума, закопалъ четыреста армянскихъ младенцевъ въ землю.

Я думаю, что это по-турецки значитъ «хлопнуть дверью».

И съ этимъ человѣкомъ, очень милымъ по внѣшности, нужно было вести переговоры.

Турки радовались миру. Халимъ паша съ горечью говорилъ о томъ, что имъ приходилось воевать уже десять лѣтъ.

Между прочимъ, Таскъ былъ у него на пріемѣ.

Докторъ, изъ овреевъ, сидѣлъ на полу и, играя на чемъ-то въ родѣ цитры, пѣлъ.

Халимъ-паша въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ подпѣвалъ, щелкая пальцами, и подносилъ пѣвцу рюмки водки.

Тотъ цѣловалъ руку господина.

Халимъ-паша съ восторгомъ говорилъ объ аннулированіи долговъ: «это очень хорошо, это мнѣ нравится; мы тоже не хотимъ платить».

Въ городѣ были русскіе плѣнные, запуганные и тянущіеся при видѣ нѣмецкаго солдата.

Наши пробовали говорить съ ними. Одни изъ плѣнныхъ были настроены монархически, другіе робко — республикански...

Когда парламентеры возвращались домой, то женщины увозенныя изъ Арменіи, прорвались къ нимъ, схватили ихъ лошадей за ноги и хвосты и кричали: «Возьмите насъ съ собой, убейте насъ». А тѣ молча уѣзжали...

Нашимъ пришлось испытать Брестъ до Бреста.

Я сказалъ Таску, что я уѣзжаю. Онъ не спорилъ.

Айсоры очень горевали, мнѣ было самому тяжело уѣзжать, но мнѣ казалось возможнымъ сдѣлать что-то въ Питерѣ, а остаться нужно было навсегда, такъ какъ съ арміей идти я не хотѣлъ. Уже былъ близокъ конецъ.

И былъ конецъ декабря.

★

Въ тысяча семьсотъ которомъ-то году, кажется, при Екатеринѣ I — для нихъ это не важно, — пестрыя крысы изъ средне-азіатскихъ степей, собравшись въ стаи, толпы, тучи, переселились въ Европу.

Они шли плотной, ровной массой. Хищныя птицы, собравшись со всего свѣта, летали надъ ними; тысячи погибли, погибли милліоны, сотни милліоновъ шли впередъ.

Они дошли до Волги, бросились и переплыли. Рѣка сносила ихъ, вся Волга до Астрахани пестрѣла трупами; но они переплыли ее и вступили въ Европу.

Они заняли все, разсѣиваясь и становясь невидимыми.

Я вмѣстѣ съ небольшой стайкой, сѣлъ на барку въ Геленжикѣ.

Усталый солдатъ — комендантъ узналъ меня и началъ разсказывать про то, какъ только-что прошелъ полкъ.

Солдаты, занявъ мѣста на баржѣ, хотѣли выбрасывать за бортъ ящики съ патронами, говоря, что они имъ мѣшаютъ и все равно не нужны. Ихъ съ трудомъ уговорили.

Желѣзная баржа наполнилась. Люди лежали, почти молчали, ждали катера.

Пришелъ катеръ, зацѣпилъ насъ и потащилъ.

Я сидѣлъ на палубѣ.

Геленжикъ уходилъ. Моторъ стучалъ.

Зажгли фонарь, его отраженіе колебалось въ водѣ.

Пріѣхали въ Шерифхане. Здѣсь уже собирались въ одну кучу люди, ѣдущіе въ Россію со всѣхъ пристаней озера.

На путяхъ стояло четыре вагона, набитые такъ, что рессоры прогнулись и повисли.

Влѣзъ не глядя. Вагонъ былъ классный, но ободранный.

До отхода поѣзда было еще неопредѣленно далеко.

Со мной заговорили. Ѣхали солдаты развѣдывательной команды одного полка. Я зналъ этихъ людей, они славились своей смѣлостью въ поискѣ барановъ.

Состояла эта команда изъ амнистированныхъ уголовныхъ; я зналъ, какъ они изъ огня вынесли своего тяжело раненаго товарища.

Мы тихо говорили о курдахъ, и въ послѣдній разъ я слыхалъ слова: курдъ — врагъ.

Разсвѣтало. На крышѣ вагона возились тяжелые голуби, это влѣзали на нее все новые и новые пассажиры.

Стало свѣтло. Слышенъ былъ голосъ завѣдующаго посадкой: «Товарищи, вы ѣдете на вѣрную смерть, нельзя такъ перегружать вагона; слѣзьте, товарищи»!

Мы глухи, какъ мордва.

Наконецъ, подали паровозъ, и насъ потащили.

Ѣхали до Сафьяна, покорно тѣснясь и терпя.

На Сафьянѣ была пересадка. Еще работалъ питательный пунктъ Земскаго Союза.

Составили поѣздъ изъ багажныхъ платформъ. Тормозные вагоны были давно угнаны.

Мы тронулись, и вагоны застучали все громче и громче, напирая другъ на друга, все разгоняясь, толкаясь, какъ будто стараясь перескочить другъ черезъ друга.

Всѣ сидѣли, повернувшись къ своимъ мѣшкамъ.

Быстро мелькающіе верстовые столбы рифмовали дорогу. Паровозъ растерянно свистѣлъ.

На этомъ спускѣ, ужасномъ спускѣ въ Джульфу, крушенія были очень часты. Когда одинъ поѣздъ выскочилъ изъ закругленія, то взгромоздившіеся другъ на друга вагоны образовали гору въ десять саженъ высоты.

Дошли до Джульфы.

Здѣсь сливалась волна, идущая изъ четвертаго корпуса, съ нашей волной. Туча людей ждала поѣзда.

Поѣздъ пришелъ. Мы не рвали другъ друга зубами, нѣтъ. Мы брикетами прессовывались въ вагоны.

Нервное возбужденіе, сопровождающее всѣ такія переселенія, дѣлало всѣхъ выносливыми.

Подъ Александрополемъ не то туннель, не то проволока срѣзала ѣхавшихъ на крышѣ.

Здѣсь сливалась наша волна съ идущими изъ Саракамыша.

Не много можетъ сказать крыса, прошедшая даже черезъ всю Азію. Она не знаетъ даже, та ли она самая крыса, которая вышла изъ дому.

Въ Александрополѣ многіе солдаты садились въ порожніе вагоны, идущіе въ Саракамышъ или Эрзерумъ, чтобы, сдѣлавъ въ нихъ путь до фронта, потомъ ѣхать въ Россію.

Вокзалъ былъ цѣлъ. Желѣзныя линіи рельсъ гипнотизировали, вокзалъ уже былъ внѣ вниманія.

Встрѣтилъ солдатъ, которые меня знали, съ ними попалъ въ поѣздъ.

Доѣхалъ до Тифлиса, или вѣрнѣе до Нафтлуга (передаточный пунктъ). Въ Тифлисъ насъ не пускали, боясь погрома.

Пѣшкомъ пошелъ въ городъ.

Тифлисъ переживалъ лихорадочные дни. Быстро обнажались границы, и сейчасъ онъ былъ городъ безоградный.

Нашествіе турокъ становилось фактомъ завтрашняго дня, опасность отъ нашихъ войскъ была фактомъ сегодняшняго.

Люди метались.

Съ одной стороны, спеціальныя медицинскія комиссіи освобождали поголовно всѣхъ русскихъ солдатъ гарнизона; съ другой стороны, газеты, которыя, конечно, до фронта и не доходили, просили солдатъ дождаться на фронтѣ прихода національныхъ войскъ.

А фронтъ обнажался, обнажался отъ солдатъ, какъ Таврическій садъ отъ листьевъ въ осенній вѣтреный день.

Націонализмъ — армянскій, грузинскій, мусульманскій и даже случайный здѣсь — украинскій, цвѣлъ пышными цвѣтами яркихъ шапокъ и штановъ на всѣхъ улицахъ, а въ газетахъ — шовинистическими строками.

Не видно было только націонализма великорусскаго, онъ проявился въ формѣ озлобленнаго саботажа.

Помню русскую кухарку на улицѣ; она смотрѣла на какія-то войска, или вѣрнѣе отрядъ въ пестрой формѣ, идущій по улицѣ, и говорила:

«Что, посидѣли на русской шеѣ, теперь попробуйте сами».

Образованіе Закавказскаго правительства, какъ я это видалъ уже на фронтѣ, очень усилило тягу солдатъ домой, давъ ей новый мотивъ.

А образовано было правительство не отъ радости, а съ отчаянія.

Въ обращеніи съ большевиками мѣстные люди старались перенять пріемы большевиковъ.

Когда на фронтовомъ съѣздѣ оказалось, что большевики имѣютъ свыше половины голосовъ, то съѣздъ раскололся, а меньшая половина была признана національными властями правомочной.

Но, конечно, фронтовый съѣздъ арміи, пробѣгающей мимо, не былъ авторитетенъ.

Съ организаціей національныхъ войскъ дѣло обстояло такъ

Офицерствомъ городъ былъ переполненъ.

Даже въ Кіевѣ, при Скоропадскомъ, я не видѣлъ такого количества серебряныхъ погонъ.

Солдатскіе же кадры создавались съ трудомъ. Особенно туго шло дѣло у грузинъ.

Изъ грузинскихъ войскъ вполнѣ боеспособны были только части красной гвардіи, организуемой изъ партійныхъ меньшовитскихъ кадровъ.

Во всякомъ случаѣ, и армянскія войска,—правда, наспѣхъ собранныя дружины,—поразительно быстро потеряли Эрзорумскую крѣпость.

Дѣло осложнилось тѣмъ, что между армянами и грузинами существовало много спорныхъ вопросовъ.

Территоріальное ихъ разграничиваніе было, почти, невозможно.

Въ это же время образовались опасныя для всѣхъ мусульманскія части, изъ превосходнаго въ боевомъ отношеніи матеріала.

На нихъ косились, но сдѣлать ничего не могли.

Кавказъ самоопредѣлялся.

Спектакль «Россія» кончался, всякій торопился получить свою шапку и платье.

Военно-грузинская дорога была занята ингушами и осетинами, которые ловили автомобили, составляя изъ нихъ коллекцію.

Черкесы спустились съ горъ и напали на терскихъ казаковъ, уже лѣтъ сто или больше сидѣвшихъ на ихъ землѣ.

Грозный былъ осажденъ.

Съ горъ Дербента спускались люди на Петровскъ.

Татары посматривали на Бакинскую желѣзную дорогу, пока еще охраняемую регулярными мусульманскими частями.

Въ Елисаветполѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ было можно, татары рѣзали армянъ. Армяне рѣзали татаръ.

Кто-то рѣзалъ русскихъ переселенцевъ въ Муганьской степи.

Русскій центръ въ Тифлисѣ, маленькій захудалый центрикъ, хотѣлъ послать въ Мугань вагоны съ оружіемъ.

Но украинцы, которые имѣли въ Тифлисѣ свой отрядъ, заявили, что 75°/₀ поселенцевъ Мугани—украинцы, и что посылка имъ оружія со стороны русскихъ есть фактъ насильнической обрусительной политики, и задержали вагоны, арестовавъ ихъ.

Муганьскіе переселенцы были вырѣзаны безпрепятственно, такъ что теперь нельзя установить ихъ національности, даже путемъ плебисцита.

Отношеніе къ русскимъ проѣзжающимъ эшелонамъ было такое. Сперва ихъ не трогали.

Мусульмане иногда останавливали поѣзда и требовали выдачи армянъ. На этой почвѣ иногда происходили бои.

Потомъ, слухи изъ Персіи, съ одной стороны, стрѣльба нашихъ изъ вагоновъ и наша очевидная слабость раздразнила аппетиты, и начали уже устраивать крушенія и русскимъ эшелонамъ. Но сперва я докончу о томъ, какъ ушли наши войска изъ Персіи.

Въ декабрѣ, или въ концѣ ноября, я былъ въ Кіевѣ, въ гетманскихъ войскахъ, что кончилось угономъ мною броневика и грузовика съ пулеметомъ въ красную армію. Но объ этомъ и о странныхъ перестрѣлкахъ на Крещатикѣ, и о другомъ многомъ странномъ, когда-нибудь послѣ.

Однимъ словомъ, здѣсь въ Кіевѣ я нашелъ Таска. Лежалъ онъ въ нетопленной квартирѣ и еле говорилъ: у него была чрезвычайно сильная ангина.

Петлюровцевъ и гетманцовъ онъ ненавидѣлъ одинаково сильно. Странно было видѣть такого энергичнаго человѣка не въ дѣлѣ.

Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

Штабъ перевели на линію желѣзной дороги.

Въ то время, когда наши войска отходили изъ Урміи, персидскіе казаки напали на насъ. Въ бою приняла участіе часть жителей. Съ нашей стороны дрались айсоры. Ага-Петросъ поставилъ пушки на Еврейской горѣ и уничтожилъ часть города. Персидскіе казаки были вырѣзаны, при чемъ погибъ Штольдоръ — ихъ командиръ и его дочь: зять Штольдора застрѣлился.

Въ горахъ наши войска, уже демократизированныя, съ выборнымъ началомъ и съ полками, обратившимися въ комки, были окружены курдами. Около Волчьихъ воротъ горѣли вагоны. При свѣтѣ ихъ было видно, какъ нападающіе, отнявъ отъ какого-нибудь нашего убитаго солдата винтовку, дрались изъ-за нея между собой.

Когда взошло солнце, то вся мѣстность вокругъ оказалась покрытой трупами.

Нечѣмъ было топить костры, жгли бѣльо и ковры, поливая ихъ нефтью.

Нѣсколько словъ о бѣльѣ. Мы просили въ свое время, чуть ли не со слезами, у корпусного интенданта достать бѣлье для арміи. Нужда была очень острая. Намъ отвѣчали — нѣтъ. Все вышло.

А потомъ, когда добрались до складовъ, бѣлье оказалось. Спрашивали: что это? «Это неприкосновенный запасъ».

Это былъ неприкосновенный запасъ косности.

Его и жгли.

Мука и масло были. Срывали желѣзо съ крышъ домовъ, пекли на этихъ листахъ блины.

Не было вагоновъ, — сбросили съ платформъ цистерны.

Не было паровозовъ. Таскъ самъ поѣхалъ за ними въ Александрополь, взявъ двѣ роты солдатъ. Тамъ дали что-то 8 или 10 штукъ.

Нужно было ѣхать обратно. Солдаты говорятъ: «Не хотимъ». — «Какъ не хотите, вѣдь товарищи ждутъ». — «Не хотимъ». Машинисты сказали, что они попытаются поѣхать и безъ охраны.

Паровозы засвистѣли, солдаты стояли мрачнымъ строемъ. Паровозы тронулись, вдругъ кто-то закричалъ: «Садись» и сразу, во много голосовъ: «Садись!.. садись!» — и вся толпа бросилась въ медленно тронувшіеся локомотивы.

Паровозы были доставлены.

Къ этому времени произошло новое несчастье. Было сброшено въ Араксъ нѣсколько вагоновъ съ динамитомъ, а потомъ кто-то бросилъ туда же бомбу, желая глушить рыбу. Произошелъ страшный взрывъ.

Взрывъ уничтожилъ нѣсколько сотъ человѣкъ, и то случайно такъ мало: высокіе крутые берега рѣки отразили главный ударъ.

Черезъ нѣсколько дней Таскъ поѣхалъ на развѣдку пути въ вагонѣ, прицѣпленномъ къ паровозу.

Курды устроили крушеніе. Крушенія они устраивали очень часто, несмотря на то, что изъ сосѣднихъ деревень были взяты заложники.

Купэ Таска было раздавлено, а самъ онъ контуженъ. Скоро онъ пришелъ въ себя и былъ принесенъ на станцію, но оказалось, что онъ потерялъ возможность говорить.

Войска пошли безъ него.

Ѣхать подъ знакомъ Краснаго Креста онъ не рѣшился, а нанялъ проводника, чтобы тотъ обвелъ его кругомъ черезъ Горную Арменію.

Въ горахъ уже ждали нападенія курдовъ. Армяне, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ, вернувшихся съ фронта, держали правильное сторожевое охраненіе. Нашихъ приняли очень недовѣрчиво, и, подъ конвоемъ, провели въ село.

Село состояло изъ сакель, полувкопанныхъ въ стѣну горы. Нашихъ устроили ночевать въ одной изъ этихъ сакель. Тутъ же грѣлись ягнята; въ углу рожала женщина.

Послѣ ряда мытарствъ, пройдя около 300 верстъ горами, наши вышли опять на линію желѣзной дороги, сдѣлавъ, считая по воздушной линіи, меньше 30 верстъ.

Здѣсь они были перехвачены татарами, но предводитель отряда, учитель, пропустилъ ихъ впередъ, и они вышли снова въ армянское расположеніе.

Такъ проходилъ и такъ кончился русскій Анабазисъ или вѣрнѣе Катабазисъ, отходъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, идущихъ такъ же, какъ и товарищи Ксенофонта, по путямъ Курдистана, и къ тому же идущихъ тоже съ выборнымъ начальствомъ.

Произошли ли курды отъ кардуховъ Ксенофонта или нѣтъ, ихъ нравы остались прежними.

Но духъ пробивающихся на родину воиновъ измѣнятся. Можетъ быть, все объясняется тѣмъ, что воины Ксенофонта были воины-профессіональные, а наши — воины по несчастію.

Еще одинъ разсказъ, совсѣмъ небольшой.

Недѣли три тому назадъ я встрѣтилъ въ вагонѣ поѣзда, идущаго изъ Петрограда въ Москву, одного солдата персидской арміи.

Онъ разсказалъ мнѣ еще подробность про взрывъ.

Послѣ взрыва, солдаты, окруженные врагами, ждущіе подвижного состава, занялись тѣмъ, что собирали и составляли изъ кусковъ разорванныя тѣла товарищей.

Собирали долго.

Конечно, части тѣла у многихъ перемѣшали.

Одинъ офицеръ подошелъ къ длинному ряду положенныхъ труповъ.

Крайній покойникъ былъ собранъ изъ оставшихся частей.

Это было туловище крупнаго человѣка. Къ нему была приставлена маленькая голова, и на груди лежали маленькія, неровныя руки, обѣ лѣвыя.

Офицеръ смотрѣлъ довольно долго, потомъ сѣлъ на землю и сталъ хохотать... хохотать... хохотать...

Въ Тифлисѣ, — я возвращаюсь къ своему пути, — было сдѣлано одно преступленіе.

Послали броневой поѣздъ куда-то разоружать солдатъ, и убили пулеметнымъ огнемъ нѣсколько тысячъ.

Броневой поѣздъ ѣздилъ вообще по линіи, какъ-то самоопредѣлившись, и его обвиняли во многихъ убійствахъ.

Я всунулся въ вагонъ и поѣхалъ на Баку.

Вся станція разнесена буквально вдребезги.

Били ее, очевидно, ожесточенно и долго.

Воды на станціи не было.

Слѣды крушенія попадались довольно часто.

Я вспоминаю сейчасъ другую дорогу: караванный путь черезъ Куцинскій перевалъ на Дильманъ.

Этотъ путь шелъ черезъ земли курдскаго хана Симко...

Туда я ѣхалъ ночью на автомобилѣ. Дорога была усѣяна съ обѣихъ сторонъ костями.

Два-три скелета еще имѣютъ нѣсколько кусковъ кроваваго мяса.

Глаза волковъ блестѣли при свѣтѣ фонарей совсѣмъ низко надъ землей. По три пары рядомъ. Одна пара повыше, другая ниже. Волки были довольны.

Обратно у меня сломался автомобиль подъ Дильманомъ, у той скалы, на которой есть барельефъ, изображающій какихъ-то всадниковъ, очевидно эпохи Селевкидовъ.

Я, изъ упрямства, пошелъ пѣшкомъ. Было уже лунно. Караваны по ночамъ тамъ не ходили, боясь грабежей.

Я прошелъ всю дорогу, слушая рѣчку, то поднимаясь надъ ней, то идя по водѣ.

Шелъ, вспоминая рисунки дѣтскихъ книгъ, изображающихъ путь каравана.

И въ самомъ дѣлѣ, только лошадиными и верблюжьими костями отмѣчены эти пути.

Такъ же былъ отмѣченъ путь нашихъ эшелоновъ.

Перевернутые вагоны какъ-то правильно размѣряли путь.

Ѣдущіе офицеры были уже безъ погонъ.

Отъ Баку я поѣхалъ на крышѣ. Было холодно и неспокойно, хотя я и былъ привязанъ къ отдушинѣ.

Подъ станціей Хосавюртомъ намъ сказали, что всѣ водокачки уничтожены.

Мы наливали воду въ паровозъ котелками.

Начальникъ станціи — усталый, затерянный въ степи, ошеломленный всѣмъ этимъ потокомъ самихъ по себѣ идущихъ людей.

Онъ намъ сказалъ: «Только что прошелъ въ сторону «Червонной» — (можетъ ошибаюсь въ названіи) — поѣздъ. Если хотите ѣхать, поѣзжайте; но я не совѣтую».

Мы конечно, поѣхали. Мнѣ удалось попасть въ вагонъ. Проѣхали верстъ двадцать. За окнами — снѣжная буря. Въ вагонахъ темно.

Вдругъ, ударъ.

Сундучки, сумки, все летитъ; но не на полъ — весь полъ покрытъ мозаикой изъ людей, — а на головы.

Поѣздъ остановился.

Почти всѣ въ вагонѣ сидятъ спокойно, боясь потерять свое мѣсто.

Я вылѣзъ изъ вагона, спрашиваю: «что?» Говорятъ — крушеніе.

Оказалось, что впереди насъ шелъ другой поѣздъ.

У него чего-то не хватало, кажется, дровъ. Машинистъ оставилъ составъ и поѣхалъ на станцію.

Кондукторъ забылъ выставить фонарь.

Мы врѣзались въ задніе вагоны.

Передъ нашимъ паровозомъ лежала какая-то куча досокъ и торчащихъ колесъ.

Слышно было лошадиное жалобное ржаніе, кто-то стоналъ.

Всѣ бросились къ локомотиву. «Цѣлъ ли паровозъ?»

Изъ паровоза шелъ паръ, онъ сипѣлъ.

Вторая мысль — очистить путь и ѣхать, ѣхать.

Разбитыми лежало передъ нами штукъ пять двухъосныхъ вагоновъ.

Громадный американскій, съ желѣзнымъ остовомъ, товарный вагонъ не былъ разбитъ, а только стоялъ дыбомъ. Изъ него былъ виденъ свѣтъ.

Спрашиваемъ: «живы?» — «Всѣ живы, только одному голову размозжило».

Нужно расчищать путь.

А всѣ люди, отдѣльные люди, — кому командовать?

Стоимъ, смотримъ.

Выручилъ кондукторъ. Началъ приказывать.

Достали у казаковъ, ѣдущихъ на переднемъ поѣздѣ, веревокъ и начали валить вагоны въ стороны. Очищая путь, берегли только одинъ путь изъ двухъ — путь домой.

Работали немногіе, но усиленно. Станы колесъ одергивались однимъ рывкомъ.

Раскачавъ, повалили на бокъ стоящій дыбомъ вагонъ. Изъ-подъ обломковъ вынули раненыхъ.

Въ это время къ переднему поѣзду подошелъ паровозъ, и онъ тронулся.

Попробовали нашъ. Онъ запищалъ, но тронулся.

Свистокъ. Идемъ по вагонамъ. Въ темнотѣ сидятъ неподвижные люди. «Ѣдемъ?» — «Ѣдемъ».

Къ утру были у станціи Червонная.

Это уже начинались казачьи станицы.

На платформѣ виденъ — бѣлый хлѣбъ.

Кругомъ, кудрявыми деревьями, стоятъ кверху распущенные столбы дыма.

Горятъ аулы, станицы горятъ.

Сѣдые казаки, съ берданками за плечами, ходятъ по вагонамъ и просятъ патроновъ и винтовокъ.

Молодые еще не пріѣхали, станицы почти безоружны.

Правда, недавно казаки разграбили какой-то аулъ и пригнали оттуда скотъ, но сейчасъ ихъ ограбили.

Вызываютъ охотниковъ остаться на защитѣ. Предлагаютъ двадцать пять рублей суточныхъ.

Два-три человѣка остаются.

Когда, нѣсколько дней передъ нами, ѣхала горная артиллерія, въ это время какъ-разъ нажимали чеченцы.

Населеніе на колѣняхъ просило батарею задержаться и отогнать огнемъ непріятеля. Но она торопилась.

И мы проѣхали мимо. Оружія не было почти ни у кого.

Ѣдемъ дальше. Днемъ дымные, ночью огненные столбы окружаютъ нашу дорогу. Россія горитъ.

Петровскъ, Дербентъ, потомъ опять станицы.

Россія горитъ. Мы бѣжимъ.

Около Ростова, у Тихорѣцкой, наша группа раскололась: одни пошли на Царицынъ, обходя Донъ, другіе поѣхали прямо.

Черезъ земли войска Донского ѣхали тихо. Сжавшись, сидѣли на вокзалѣ. Кадеты осматривали солдатъ. Продавали какую-то газету, гдѣ были напечатаны расписки въ

полученіи нѣмецкихъ милліоновъ, подпись — Зиновьевъ, Горькій, Ленинъ.

Проѣхали. У Козлова услыхали стрѣльбу. Кто-то въ кого-то стрѣлялъ. Не отошли отъ поѣзда. Мы бѣжали.

Много битый начальникъ станціи не давалъ паровоза. Нашли и взяли дежурный. Изъ публики вызвался машинистъ. Все жаловался, что не знаетъ профили пути.

Поѣхали — довезъ. Великъ Богъ бѣгущихъ.

Въѣхали въ Москву. Москва ли это?..

Гора снѣга. Холодъ. Тишина. Черныя дыры пробоинъ, мелкая оспа пулевыхъ слѣдовъ на стѣнахъ.

Я торопился въ Петербургъ.

Былъ январь. Я вылѣзъ изъ поѣзда, прошелъ черезъ знакомый вокзалъ.

Передъ вокзаломъ возвышались горы снѣга, льду.

Было тихо, было грозно, глухо.

Отъ судьбы не уйдешь, я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Я кончаю писать. Сегодня 10 августа 1919 года.

Вчера на Кронштадскомъ рейдѣ, англичане потопили крейсеръ «Память Азова».

Еще ничего не кончилось.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛЪ

Начинаю писать 20 мая 1922 г. въ Райвола (Финляндія).

Конечно, мнѣ не жаль, что я цѣловалъ и ѣлъ, и видалъ солнце; жаль, что подходилъ и хотѣлъ что-то направить, а все шло по рельсамъ. Мнѣ жаль, что я дрался въ Галиціи, что я возился съ броневиками въ Петербургѣ, что я дрался на Днѣпрѣ. Я не измѣнилъ ничего. И вотъ, сидя у окна и смотря на весну, которая проходитъ мимо меня, не спрашивая про то, какую завтра устроить ей погоду, которая не нуждается въ моемъ разрѣшеніи, потому, быть можетъ, что я не здѣшній, я думаю, что такъ же долженъ былъ бы я пропустить мимо себя и революцію.

Когда падаешь камнемъ, то не нужно думать, когда думаешь, то не нужно падать. Я смѣшалъ два ремесла.

Причины, двигавшія мною, были внѣ меня.

Причины, двигавшія другими, были внѣ ихъ.

Я — только падающій камень.

Камень, который падаетъ и можетъ въ то же время зажечь фонарь, чтобы наблюдать свой путь.

. . . .

Въ серединѣ января 1918 года я пріѣхалъ изъ Сѣверной Персіи въ Петербургъ. Что я дѣлалъ въ Персіи, написано въ книгѣ «Революція и фронтъ».

Первое впечатлѣніе было: — какъ бросились къ привезенному мною бѣлому хлѣбу.

Потомъ городъ какой-то оглохшій.

Какъ послѣ взрыва, когда все кончилось, все разорвано.

Какъ человѣкъ, у котораго взрывомъ вырвало внутренности, а онъ еще разговариваетъ.

Представьте себѣ общество изъ такихъ людей.

Сидятъ они и разговариваютъ. Не выть же.

Такое впечатлѣніе произвелъ на меня Петербургъ въ 1918 году.

Учредительное собраніе было разогнано.

Фронта не было. Вообще все было настежь.

И быта никакого, одни обломки.

Я не видалъ Октября, я не видалъ взрыва, если былъ взрывъ.

Я попалъ прямо въ дыру.

И тогда пришелъ ко мнѣ посланный отъ Григорія Семенова.

Григорія Семенова я видѣлъ и раньше въ Смольномъ.

Это человѣкъ небольшого роста, въ гимнастеркѣ и шароварахъ, но какъ-то въ нихъ не военный, со лбомъ довольно покатымъ, съ очками на небольшомъ носу, и ростъ не большой. Говоритъ дискантомъ и рассудительно. Внушаетъ своимъ дискантомъ. Верхняя губа коротка.

Тупой и пригодный для политики человѣкъ. Говорить не умѣетъ. Напримѣръ, увидитъ тебя съ женщиной и

спрашивают: — «Это ваша любимая женщина». Какъ-то не по живому, въ родѣ канцелярскаго: «имѣющая быть посланной бумага». Не знаю — понятно ли. Если не понятно, то идите разговаривать съ Семеновымъ; отъ него васъ не покоробитъ.

Такъ вотъ — пришелъ ко мнѣ человѣкъ и говоритъ:

«Устрой у насъ броневой отдѣлъ, мы разбиты вдребезги, сейчасъ собираемъ кости».

Дѣйствительно, — разбиты.

Части на манифестаціи за Учредительное Собраніе не вышли.

Пришла одна только маленькая команда въ 15 человѣкъ съ платкомъ — «Команда слухачей привѣтствуетъ Учредительное Собраніе».

Между тѣмъ, уже много мѣсяцевъ къ Петербургу ползъ одинъ броневой дивизіонъ машинъ въ десять.

Ползъ онъ хитро, шагъ за шагомъ, съ одной мыслью — быть къ созыву Учредительнаго Собранія въ Питерѣ.

Я въ этомъ дивизіонѣ не работалъ. И въ нашемъ дивизіонѣ была возможность достать машины. Но не было людей, некому было вызвать.

И какъ-то случилось, что машины, на которыхъ ждали люди, не выѣхали. Поговорили, поспорили и не рѣшили приказать.

Висѣлъ плакатъ черезъ улицу — «Да здравствуетъ Учредительное Собраніе», пошли съ такимъ плакатомъ люди, дошли до угла Кирочной и Литейнаго.

Здѣсь въ нихъ начали стрѣлять, а они не отрѣляли и побѣжали, бросивъ плакатъ.

Изъ палокъ плаката дворники сдѣлали потомъ наметельники.

Все это было безъ меня, и я пишу объ этомъ съ чужихъ словъ.

Но наметельники самъ видалъ, именно тѣ, отъ плаката.

По пріѣздѣ въ Питеръ я поступилъ въ Комиссію, названія которой не помню. Она должна была заниматься охраной предметовъ старины и помѣщалась въ Зимнемъ Дворцѣ.

Здѣсь же принималъ Луначарскій.

Я былъ посланъ, кажется, во дворецъ Николая Михайловича, гдѣ хозяйничалъ товарищъ Лозиміръ, рыжій молодой человѣкъ въ пиджакѣ.

Дежурный взводъ былъ вооруженъ дамасскимъ оружіемъ, персидскія миніатюры лежали на полу. Въ углу нашелъ икону, изображающую императора Павла въ видѣ архистратига Михаила. Работа кажется Боровиковскаго.

Завязано въ газету и перевязано бичевкой.

Но больше было не грабежа, а обычнаго желанія войска, занявшаго непріятельскій городъ и стоящаго по квартирамъ, по своему использовать брошенное добро: забить разбитое окно хорошимъ ковромъ и растопить печку стуломъ.

Народу въ Зимній ходило много. Иногда же Зимній пустѣлъ совершенно. Значитъ въ этотъ моментъ дѣла большевиковъ были плохи. Интеллигенція саботировала, продавала на улицахъ газеты, колола ледъ.

Искала работы.

Одно время всѣ дѣлали шоколадъ.

Сперва жарили все, что можно жарить на какаовомъ маслѣ, которое продавали съ фабрикъ, а потомъ научились дѣлать шоколадъ. Продавали пирожныя. Открывали кафе. Это — тѣ, которые были богаче, и все это послѣ, къ веснѣ.

А главное — было страшно.

Итакъ — пришли ко мнѣ и сказали: «Мы готовимся сдѣлать возстаніе, у насъ есть силы, сдѣлайте намъ броневой дивизіонъ».

Познакомили меня съ тѣмъ, который руководилъ прежде броневымъ дивизіономъ, пріѣхавшимъ въ Питеръ.

Меня солдаты моей части очень любили; узость моего политическаго горизонта, мое постоянное желаніе, чтобы все было вотъ сейчасъ хорошо, моя тактика, — а не стратегія, — все это дѣлало меня понятнымъ солдатамъ.

Въ броневой школѣ я былъ инструкторомъ, проводилъ съ солдатомъ время съ 7 утра до 4 дня, и мы были дружны. Я подалъ Луначарскому отставку въ очень торжественной формѣ, которая его вѣроятно удивила и началъ формировать броневой дивизіонъ. Задача захватить броневыя машины, — по существу дѣла, — возможная. Для этого нужно имѣть своего человѣка при машинахъ, лучше — при всѣхъ машинахъ, но — во всякомъ случаѣ — человѣка, который могъ бы помочь въ заправкѣ и заводкѣ машинъ, подготовить ихъ. Потомъ нужно прійти и взять машины.

Захватывались броневыя машины уже не одинъ разъ.

Ихъ захватили въ февральскую революцію. Захватили большевики 3-5 іюля, отбили тогда же у большевиковъ

наши шофферы, пріѣхавъ на учебномъ броневомъ «Осетинѣ» съ жестяной бронной. Работали на испугъ.

Захватили большевики во время октября, когда всѣ были растеряны и нейтральны.

Должны были захватить броневики «правыя» команды дивизіона до юнкерскаго возстанія, но юнкера, которые дѣйствовали самостоятельно, ихъ перехватили.

Въѣхавъ подъ предводительствомъ Фельденкрейца въ Михайловскій манежъ на грузовикѣ, наша команда изъ школы шофферовъ опоздала на полчаса.

Такимъ образомъ, это предпріятіе технически возможное.

Я пошелъ къ своимъ старымъ шофферамъ, они были вездѣ, гдѣ были машины, въ Михайловскомъ манежѣ, въ Скотинигъ Рингѣ на Каменноостровскомъ, въ броневыхъ мастерскихъ. Впослѣдствіи большевики неоднократно передвигали машины съ мѣста на мѣсто, напримѣръ, — одно время сосредоточили ихъ въ Петропавловской крѣпости, но наши люди слѣдовали за своими машинами, а если ихъ удаляли, то мы посылали другихъ.

Дѣло въ томъ, что среди шофферовъ очень мало большевиковъ, почти нѣтъ, такъ что первые комиссары въ броневыхъ частяхъ или назначались со стороны, или изъ слесарей, а то изъ уборщиковъ.

Шофферъ — рабочій, но рабочій особенный, онъ — рабочій одиночка. Это не человѣкъ стада: владѣніе сильной и особенно бронированной машиной дѣлаетъ его импульсивнымъ. 40 и 60 лошадиныхъ силъ, заключенныя въ машинѣ, дѣлаютъ человѣка авантюристомъ. Шофферы наслѣдники кавалеріи. Изъ моихъ же шофферовъ многіе

кромѣ того сильно любили Россію, и ничего больше Россіи. Такимъ образомъ, у меня всегда были свои люди въ броневыхъ частяхъ.

Дальше шло «окруженіе гаражей», т. е. мы снимали вокругъ гаража квартиры, чтобы имѣть возможность, собравшись маленькими группами, незамѣтно выйти потомъ и войти въ гаражъ.

Что мы думали дѣлать дальше?

Мы хотѣли стрѣлять. Бить стекла. Мы хотѣли драться.

Я не умѣлъ дѣлать шоколада.

А шофферы кромѣ того не любили уже начинающій слагаться типъ комиссара; они возили его и ненавидѣли.

Они хотѣли стрѣлять.

Хуже шло въ другихъ частяхъ организаціи. Старой арміи уже не было.

Въ бытность мою въ комиссіи Зимняго Дворца ѣздилъ я по полкамъ принимать послѣдніе остатки музеевъ.

Большинство полковъ разошлось, растащивъ вещи. Какая-то организація, изъ которой я зналъ одного Филоненко, посылала своихъ людей.

Это были полки Волынскій, Преображенскій и еще какой-то, который я забылъ, и отдѣльно — Семеновскій; его комплектовалъ кто-то мнѣ неизвѣстный и такъ умѣло, что полкъ не былъ разоруженъ до самаго перехода на сторону Юденича.

Организація, къ которой я принадлежалъ, не считала себя партійной; это все время подчеркивалось. Скорѣе это были остатки комитета по защитѣ Учредительнаго Собранія, такъ, что въ ней люди были по мандату частей,

а не партій. Безпартійность организаціи особенно подчеркивалъ Семеновъ.

Комплектованіе полковъ шло довольно успѣшно.

Когда большевики потребовали у этихъ полковъ сдачи оружія, тѣ отказались.

Ночью большевики пришли.

Полки стояли не вмѣстѣ, а разбросано, гдѣ одинъ баталіонъ, гдѣ другой. Ночевали въ полку не всѣ, многіе пошли спать домой, это спокойнѣй. Большевистскія части подошли кажется къ волынцамъ.

Часовой закричалъ «въ ружье», но вооруженнаго сопротивленія не послѣдовало.

Были ли большевистскими тѣ части, которыя разоружили волынцовъ?

Это напоминаетъ какой-то примѣръ изъ латинскаго экстемпорала: «Не гуси ли были тѣ птицы, которыя спасли Римъ?»

Но, можетъ-быть, эти части и были не большевистскими. По крайней мѣрѣ броневикъ, посланный противъ волынцовъ, имѣлъ шофферами совсѣмъ не большевиковъ. Волынцы и преображенцы разошлись. Волынцы, передъ уходомъ, взорвали казармы. Хвостъ старой арміи былъ ликвидированъ.

Начали создавать Красную Армію, одновременно разоружая Красную гвардію. Организація рѣшила влипать въ Красную Армію своихъ людей; людей рѣшили посылать двухъ родовъ: крѣпкихъ и бойкихъ, которые должны были быть у начальства на хорошемъ счету, а среди товарищей пользоваться авторитетомъ и плаксъ, которые должны были деморализовать части своими жалобами.

Очень хитро придумали.

Но посылать было, кажется, некого.

Удалось занять, главнымъ образомъ, штабныя мѣста.

Такимъ образомъ, знали, что дѣлается въ Красной Арміи, но, пожалуй, больше ничего не могли сдѣлать. Была, правда, одна своя артиллерійская часть. Впрочемъ, я связей не зналъ, занятый броневиками. Мы ждали выступленія, оно назначалось неоднократно, помню одинъ изъ сроковъ — 1 мая 1918 года, потомъ еще одинъ срокъ: предполагаемая забастовка, организованная совѣщаніемъ уполномоченныхъ.

Забастовка сорвалась.

А мы собирались въ ночи, назначенныя на выступленіе, по квартирамъ, пили чай, смотрѣли свои револьверы и посылали вѣстовыхъ въ гаражи.

Я думаю, женщинѣ легче было бы родить до половины и потомъ не родить, чѣмъ намъ это дѣлать.

Страшно трудно сохранять людей при такомъ напряженіи, они портятся, загниваютъ.

Сроки проходили.

Я думаю, что у организаціи въ это время почти не было силъ, боевиковъ было человѣкъ двадцать. Имѣлись части, которыя должны были присоединиться, но всѣ знали, — кромѣ тѣхъ минутъ, когда не хотѣли знать, — что это страшно не надежно.

Работа въ заговорѣ — скверная, черная, подземная, грязная работа: въ подпольѣ встрѣчаются люди и въ темнотѣ не знаютъ, съ кѣмъ встрѣчаются.

Нужно отмѣтить, что мы не были связаны съ савинковцами.

Мы наталкивались за это время то на разныя безымянныя организаціи, «признающія Учредительное Собраніе», то на командировъ отдѣльныхъ частей, которые говорили, что ихъ люди пойдутъ противъ большевиковъ. Такъ встрѣтились мы съ мишшымъ дивизіономъ, который находился въ «матроской» оппозиціи къ большевикамъ.

Эти люди были связаны между собой судовой организаціей, а съ нами связались, кажется, черезъ рабочихъ завода, передъ которымъ они стояли. Конечно, они могли выступить такъ же, какъ и броневики, но большевикамъ удалось ихъ разоружить. При разоруженіи оказалось, что присланная команда не можетъ вынуть затвора изъ пушекъ, не умѣетъ: они начали колотить казенную часть орудія кувалдами. Значитъ, это не были матросы-спеціалисты; большевики не нашли ихъ достаточно надежными для посылки. Они были тоже очень слабы, но крепъ былъ въ ихъ сторону.

Большевики были сильны опредѣленностью и простотой своей задачи.

Красной арміи еще почти не было, но бытъ новой арміи уже слагался.

Это было время слѣдующее послѣ того, когда въ арміи совсѣмъ не было дисциплины. Набрали вольнонаемныхъ людей.

Кажется тогда части приписывались прямо къ сосѣднему совѣту.

Вообще это было время власти на мѣстахъ и террора на мѣстахъ.

Каждаго убивали на мѣстѣ.

На Петроградской сторонѣ въ части укралъ мальчикъ-красноармеецъ у товарища сапоги.

Его поймали и присудили къ разстрѣлу.

Онъ не повѣрилъ. Волновался, плакалъ, но не очень. Больше изъ приличія. Думалъ, что пугаютъ и хотѣлъ угодить.

Его отвели въ садъ лицея и пристрѣлили.

Потомъ посадили трупъ на извозчика, дали красноармейца въ провожатые — какъ пьяному — и отправили въ покойницкую Петропавловской больницы.

Люди, которые это сдѣлали безъ всякаго озлобленія, были страшны и своевременны для Россіи.

Они продолжали линію самосудовъ, тѣхъ самосудовъ, когда бросали въ Фонтанку воровъ.

Мнѣ разсказывалъ про самосудъ одинъ солдатъ.

«Тогда покойникъ и говоритъ», разсказывалъ онъ.

«Какъ это покойникъ говоритъ?»

«А тотъ, значитъ, котораго убьютъ сейчасъ, говоритъ».

Видите, какъ безповоротно.

Въ это время меня вызвали въ Чека, потому что ко мнѣ зашелъ Филоненко.

Филоненко я сейчасъ не люблю и тогда не любилъ, но помню, какъ на фронтѣ спалъ въ автомобилѣ, опершись на него. Этотъ нервный, непріятный и не надежный человѣкъ жилъ въ Петербургѣ подъ чужой фамиліей или подъ нѣсколькими чужими фамиліями.

Его выслѣдили и за нимъ ходили по пятамъ.

Онъ зашелъ ко мнѣ, ѣлъ у меня, пилъ кофе, а на другой день у моего дома стояло штукъ восемь чекистовъ.

Я раскланивался съ ними, проходя мимо нихъ. Они отвѣчали.

Меня вызвали въ Чека, допрашивалъ Отто.

Спросили: — знаю ли я Филоненко? Я отвѣтилъ, что знаю и признавалъ, что онъ ко мнѣ заходилъ.

Меня спросили — зачѣмъ? Я отвѣтилъ, что для справки о знакахъ «зодіака». Какъ это не странно, но это была правда.

Филоненко увлекался астрологіей.

Слѣдователь предложилъ мнѣ дать показаніе о себѣ.

Я разсказалъ ему о Персіи. Онъ слушалъ, слушалъ конвойный и даже другой арестованный, приводенный для допроса.

Меня отпустили. Я профессіональный разсказчикъ.

Арестовали моего отца и тоже скоро отпустили его. Кажется, всего держали два мѣсяца.

Между тѣмъ положеніе перемѣнилось. Сперва революція была чудесно самоувѣренная. Потомъ ударъ Брестскаго мира.

Но разъ я ждалъ чуда. Вѣдь большевики имѣютъ вѣру въ чудо.

Они дѣлаютъ чудеса, но чудеса плохо дѣлаются.

Вы помните, какъ въ сказкѣ чертъ перековывалъ стараго на молодого: сперва сжигаетъ человѣка, а потомъ возстанавливаетъ его помолодѣвшимъ.

Потомъ чудо берется продѣлать наученный дьяволомъ ученикъ; онъ умѣетъ сжечь, но не можетъ обновить.

Но когда большевики открыли фронтъ и не подписали мира, они вѣрили въ чудо долго, но сожженный не воскресъ.

И въ открытый фронтъ вошли нѣмцы.

Передъ подписаніемъ Брестскаго мира большевики снеслись телеграфно со всѣми крупными совѣтами, съ вопросомъ, заключать ли миръ.

Всѣ отвѣтили — не заключать. Особенно рѣшителенъ былъ Владивостокъ. Это выглядѣло ироніей.

Миръ былъ подписанъ.

Очевидно — звонили изъ любопытства.

Чудо не вышло и это уже знали.

Интересно отмѣтить, что на одномъ митингѣ въ Народномъ Домѣ, когда нѣмцы уже наступали на разоруженную Россію, Зиновьевъ умолялъ остатки нѣсколькихъ неразоруженныхъ полковъ старой арміи выступить «за отечество», не прибавляя даже за соціалистическое.

Они наивны, большевики, они переоцѣниваютъ силу стараго, они вѣрили въ «гвардію». Они думали, что люди любятъ «матушку Родину».

А ея не было.

И сейчасъ, когда они даютъ концессіи и множатъ купцовъ, они только перемѣнили объектъ вѣры, а все еще вѣрятъ въ чудо.

И если сегодня вы выйдете на Невскій, на улицы сегодняшняго прекраснаго, синенебаго Петрограда, на улицы Петрограда, гдѣ такъ зелена трава, когда вы увидите этихъ людей, новыхъ людей, которыхъ позвали, чтобы они создали чудо, то вы увидите также, что они сумѣли только открыть кафе.

Только прострѣленнымъ на углу Гребецкой и Пушкарской остался трамвайный столбъ.

Если вы не вѣрите, что революція была, то пойдите и вложите руку въ рану. Она широка, столбъ пробитъ трехъ-дюймовымъ снарядомъ.

И все же, если отъ всей Россіи останутся одни рубежи, если станетъ она понятіемъ только пространственнымъ, если отъ Россіи не останется ничего, все же я знаю — нѣтъ вины, нѣтъ виновныхъ.

И я виновенъ въ томъ, что не умѣю пропускать мимо жизнь, какъ погоду, виновенъ и въ томъ, что слишкомъ мало вѣрилъ въ чудо, — среди насъ есть люди, хотѣвшіе закончить революцію на второй день революціи.

Мы не вѣрили въ чудо.

Чудесъ же нѣтъ, и вѣра ихъ не производитъ.

И замкнутымъ кругомъ все вернулось на свои мѣста.

А «мѣстовъ» то и не оказалось!

Мои товарищи шофферы хотѣли драться съ нѣмцами въ Петербургѣ на Невскомъ.

Положеніе измѣнилось.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ переѣхалъ въ Москву. Считалось, что центръ тяжести работы долженъ быть перенесенъ туда же или на Поволжье.

Но я на Волгу ѣхать не могъ, такъ какъ моя организація была не перевозима.

Къ этому времени я связался еще съ броневиками.

Въ работѣ пришлось встрѣтиться мнѣ съ однимъ офицеромъ, я не знаю, гдѣ онъ сейчасъ.

У него были чудные, какіе-то вымытые глаза.

Израненъ онъ былъ страшно: у него не было куска черепа, были изранены и плохо срослись ноги и руки.

Въ бою (кажется 1918 года), ему какъ-то пришлось съ пушечной броневой машиной погнаться за броневымъ поѣздомъ, что является неправильнымъ, такъ какъ бронированный поѣздъ «въ общемъ и цѣломъ», какъ говорятъ большевики, сильнѣе автомобиля. Броневой поѣздъ началъ убѣгать, что тоже неправильно.

Автомобиль въ погонѣ въѣхалъ на платформу вокзала, но здѣсь былъ взятъ подъ огонь батарей; тогда шофферъ проломилъ тяжелой машиной широкія двери вокзальнаго буфета, проѣхалъ по столикамъ, проломилъ вторыя двери, съѣхалъ по лѣстницѣ и ушелъ черезъ площадь, обстрѣлявъ отрядъ кавалеріи.

Образованіе у него было военное, но онъ умѣлъ очень много понимать и, между прочимъ, превосходно оцѣнивалъ предметы искусства, т. е. зналъ, хороша ли вещь.

Я сблизился съ нимъ, — это былъ очень хорошій и честный человѣкъ.

Въ одномъ помѣщеніи, хранителемъ котораго онъ былъ, у него оказался остовъ пушечнаго броневика Гарфордъ, бронированный, какъ ломъ. Тогда мы сняли въ нѣсколькихъ гаражахъ части сломанныхъ броневиковъ и отремонтировали свои.

Шофферы утащили у непріятеля даже трехдюймовую пушку съ затворомъ, два пулемета, снаряды и ленты. Это очень трудно, такъ какъ снаряды тяжелые, носить ихъ нужно на себѣ подъ пальто или шубой по два за разъ и смотрѣть, чтобы они не бились другъ о друга и не звенѣли.

Затворъ принесли мнѣ такъ. Пришелъ низкорослый шофферъ. Досталъ изъ кармана вилку (не знаю ея техни-

ческаго названія), которая вынимаетъ изъ ствола пушки гильзу послѣ выстрѣла, подалъ мнѣ и спрашиваетъ, — «Викторъ, это затворъ?» — Нѣтъ, говорю. — «Ну, а это?» Онъ вобралъ въ себя животъ и изъ-за поясного ремня вынулъ тяжеленную, громадную штуку. Это былъ затворъ. Какъ онъ смогъ вобрать его въ себя — непонятно.

Броневикъ собрали и даже катались на немъ по двору, но въ ходъ его такъ и не пустили, хотя съ нимъ взятіе любого гаража при опытности нашей команды было дѣло совершенно вѣрное.

Ремонтировали машину открыто, среди бѣла дня и оттого, конечно, не попались.

Значитъ — я уѣхать не могъ.

Въ это время произошелъ провалъ. Организація не можетъ существовать годами и, со временемъ, конечно, проваливается.

А мы были такъ неосторожны, что даже устраивали собранія всей организаціи, съ рѣчами, съ преніями.

Попалась «красноармейская часть» организаціи при арестѣ на Николаевской улицѣ. Въ оттоманкѣ нашли фальшивые бланки.

Къ этому времени Семеновъ уже уѣхалъ на Волгу.

Арестованъ былъ Леппоръ, въ записной книжкѣ котораго нашли всѣ адреса и фамиліи, записанные шифромъ, который былъ прочитанъ Чекой черезъ два часа.

Былъ арестованъ на службѣ (въ Красной Арміи) — мой братъ.

Я убѣжалъ и поселился на окраинѣ города, не въ комнатѣ, а въ углу.

Паспортъ мнѣ выдали въ комиссаріатѣ по бланку одной части.

Къ этому времени въ организаціи появилось болѣе правое теченіе; мы сблизились съ Н. С., въ частности большую роль игралъ В. Игнатьевъ.

Организація распадалась: одни уѣхали въ Архангельскъ черезъ Вологду, другіе на Волгу.

Я предлагалъ взять тюрьму, — говорили, что это невозможно.

Я жилъ на Черной Рѣчкѣ въ квартирѣ одного садовника.

Это было время голода. Самъ я ѣлъ очень плохо, но не было времени думать объ этомъ.

Семья садовника питалась липовымъ листомъ и ботвой овощей; въ отдѣльной маленькой комнаткѣ этой же квартиры жила старая учительница. Я узналъ объ ея существованіи только тогда, когда пріѣхали увозить ея тѣло. Она умерла отъ голода.

Въ это время отъ голода умирали многіе. Не нужно думать, что это происходитъ внезапно.

Человѣкъ умѣетъ находить въ своемъ положеніи много оттѣнковъ.

Я помню, какъ удивлялся въ Персіи, что курды, лишенные своихъ домовъ, живутъ въ городѣ около стѣнъ его, выбирая мѣста, гдѣ въ стѣнѣ есть хоть маленькая впадина, хоть на четверть аршина.

Очевидно, имъ казалось, что такъ теплѣй.

И голодая, человѣкъ живетъ такъ: все суетится, думаетъ, что вкуснѣй, вареная ботва или липовый листъ,

даже волнуются отъ этихъ вопросовъ и такъ, тихонечко погруженный въ оттѣнки, умираетъ.

Въ это время въ Питерѣ была холера, но людей еще не ѣли.

Правда, говорили о какомъ-то почтальонѣ, который съѣлъ свою жену, но не знаю, была ли это правда.

Было тихо, солнечно и голодно, очень голодно.

Утромъ пили кофе изъ ржи. Сахаръ продавали на улицѣ, кусокъ 75 копѣекъ.

Можно было выпить стаканъ кофе или безъ молока или безъ сахара: на то и другое сразу не хватало денегъ.

На улицѣ же продавали ржаныя лепешки. Ѣли овсяную похлебку. Овесъ парили въ горшкѣ, потомъ пропускали черезъ мясорубку — «черезъ машинку», какъ тогда говорили — нѣсколько разъ, — это трудная работа, — затѣмъ протирали черезъ сито, — получалась похлебка изъ овсяной муки. Когда ее варятъ, за ней нужно смотрѣть, а не то она убѣжитъ, какъ молоко.

Передъ тѣмъ, какъ молоть овесъ, изъ него нужно выбрать «черненькія» — я не знаю, что это, очевидно, зерна какой-то сорной травы.

Для этого разсыпаютъ по столу овесъ, и вся семья выбираетъ изъ него мусоръ. Такъ около овса и возятся цѣлый день.

Изъ картофельной шелухи дѣлали очень невкусные, тонкіе, какъ персидскій лавашъ, коржики. Хлѣбъ выдавали по $^{1}/_{8}$, иногда $^{1}/_{4}$ въ день. Выдавали иногда сельдей.

Выдавали и такихъ сельдей, отъ которыхъ, по словамъ офиціальнаго объявленія, нужно было до ѣды отрѣзать конечности — голову и хвостъ — онѣ уже загнили.

Сроковъ мы уже не назначали; гдѣ-то на Востокѣ наступали чехи, гремѣло ярославское возстаніе; у насъ было тихо.

Я еще не распустилъ своихъ друзей.

Да, намъ было легко держаться вмѣстѣ, такъ какъ всѣ мы распадались на пять-шесть компаній, человѣкъ по 5—10, связанныхъ старой дружбой и родствомъ. Дѣла не было. Помню, разъ просили меня достать крытый автомобиль, очевидно, для экспропріаціи. Просилъ Семеновъ.

Я сказалъ объ этомъ одному шофферу.

Онъ пошелъ въ сосѣдній незнакомый гаражъ, выбралъ машину, завелъ, сѣлъ на нее и уѣхалъ.

Но экспропріація не была произведена.

Странна судьба этого шоффера. Онъ жилъ въ квартирѣ, гдѣ хозяйкой была одна старая, совершенно отцвѣтшая женщина. Она берегла его и кормила компотомъ. Въ результатѣ онъ на ней женился.

Бракъ на старой женщинѣ — судьба многихъ авантюристически живущихъ людей, я видалъ десятки примѣровъ.

Мнѣ было всегда отъ нихъ грустно. Мы даже знали это и предупреждали другъ друга — «не ѣсть компота».

Въ этомъ — какая-то усталость или жажда покоя.

Вообще, авантюризмъ кончается гніеніемъ.

Я помню, какъ послѣ пріѣзда изъ Персіи встрѣтился съ однимъ своимъ ученикомъ.

«Чѣмъ занимаетесь?»

«Налотами, господинъ инструкторъ, не хотите ли указать квартиру — 10%!»

Строго дѣловое предложеніе.

Его потомъ разстрѣляли.

Былъ шофферъ, какъ шофферъ.

На такую же штуку, какъ реквизиція спирта, т. е. вообще на полуграбежъ, готовы были почти всѣ. Законы были отмѣнены, и все пересматривалось.

Конечно, не всѣ увлекались этимъ.

Я зналъ шофферовъ, которые такъ и остались на своихъ машинахъ, не брали ничего, кромѣ керосина со своей машины и очень любили Россію, не спали ночи отъ мыслей о ней.

Такіе люди обычно были женаты на молодыхъ и имѣли дѣтей.

Разложеніе было, конечно, не среди однихъ шофферовъ.

Какъ-то зашолъ къ другу К.

Онъ мнѣ разсказалъ: «Знаешь, сейчасъ ко мнѣ пріѣхала компанія знакомыхъ. Спрашивали ломъ. Я говорю, вамъ длинный? — показываютъ руками, нѣтъ, вамъ такой. Такъ вамъ фомку нужно, такъ и скажите фомку. А зачѣмъ? Шкафъ ломать!»

И вотъ, одни ломали шкафы, другіе ушли на востокъ къ Врангелю и Деникину, третьи были разстрѣляны, четвертые ненавидѣли большевиковъ соленой ненавистью и оттого не гнили.

Къ большевикамъ ушло довольно много народу.

Я говорю о революціонной толпѣ, о тѣхъ людяхъ, которые въ общемъ исполняютъ приказанія, а не приказываютъ.

А я сидѣлъ на Черной Рѣчкѣ и писалъ работу на тему «Связь пріемовъ сюжетосложенія съ общими пріемами

стиля». Писалъ на маленькомъ кругломъ столикѣ. Книги для справокъ держалъ на колѣняхъ.

Прислали за мной и сказали, чтобы я ѣхалъ въ Саратовъ, дали билетъ.

Въ Питорѣ можно было оставаться только на гибель. Меня искали. Я уѣхалъ.

За себя я оставилъ К. и того человѣка, который прежде руководилъ дивизіономъ. К. не былъ арестованъ и потомъ, когда броневикъ былъ обнаруженъ у него, благополучно уѣхалъ на югъ.

Онъ говорилъ, что необходимо добиться національзаціи копей въ Донецкомъ бассейнѣ. Но все же офицерство привело его въ бѣлую армію.

Не знаю, какъ приняли его у Деникина въ Добровольческой арміи.

Я уѣхалъ.

Шофферы разошлись. Впослѣдствіи я потерялъ ихъ изъ виду.

Арестованные товарищи были разстрѣляны. Разстрѣлянъ былъ мой братъ. Онъ не былъ правымъ. Онъ въ тысячу разъ больше любилъ революцію, чѣмъ три четверти «красныхъ командировъ».

Онъ только не вѣрилъ, что большевики воскресятъ сожженную Россію. У него осталось двое дѣтей. Добровольческая армія была для него непріемлема, какъ стремящаяся вернуть Россію назадъ.

Почему онъ боролся?

Я не сказалъ самаго главнаго.

У насъ были герои.

И мы, и вы — люди. Вотъ я и пишу, какіе мы были люди.

Брата убили послѣ убійства Урицкаго.

Его разстрѣляли на полигонѣ у Охты.

Разстрѣливали его солдаты его же полка. Мнѣ разсказалъ это офицеръ, который его убивалъ.

Позднѣе убивали спеціальные люди.

Полкъ оказался дежурнымъ.

Братъ былъ внѣшне спокоенъ. Умеръ онъ храбро.

Имя его Николай, было ему 27 лѣтъ.

Въ разстрѣлѣ самое страшное, что съ убитаго снимаютъ сапоги и куртку. То-есть — заставляютъ снять, до смерти.

20 мая 1922 года

Продолжаю писать.

Давно не писалъ такъ много, какъ будто собираюсь умереть. Тоска и красное солнце. Вечеръ.

Пріѣхалъ въ Москву. Явка была на Сыромятникахъ. Она скоро провалилась.

Въ Москвѣ видалъ Лидію Коноплеву, это блондинка съ розовыми щеками. Говоръ — вологодскій. Она уже и тогда лѣвѣла. Кстати. Говорила, что въ деревнѣ, гдѣ она сельская учительница, крестьяне признаютъ большевиковъ.

Объ убійствѣ Володарскаго ничего не знаю, оно было организовано Семеновымъ отдѣльно. Узналъ о томъ, кто убилъ Володарскаго только въ мартѣ 1922 года изъ показаній Семенова.

Поѣхалъ въ Саратовъ. Съ подложнымъ документомъ. По документамъ этого типа было уже много проваловъ.

Организація въ Саратовѣ была партійная, эсеровская.

Главнымъ образомъ, занималась она переотправкой людей въ Самару.

Но были, очевидно, и планы мѣстнаго возстанія.

Я попалъ въ Саратовъ и закрутился въ нѣсколькихъ чрезвычайно сложныхъ явкахъ, измѣняемыхъ со днями недѣли.

Это не помѣшало имъ провалиться при помощи провокаціи.

Въ Саратовѣ жило довольно много народу.

Военной организаціей управлялъ одинъ полусумасшедшій человѣкъ, имя котораго забылъ, знаю, что онъ потомъ поѣхалъ въ Самару и былъ заколотъ солдатами Колчака при переворотѣ.

Жили мы конспиративно, но очень наивно, всѣ чуть ли не въ одной комнатѣ.

Жить въ этомъ подвалѣ мнѣ не пришлось, ужъ очень много набралось въ немъ народу.

Меня устроили въ сумасшедшій домъ подъ Саратовымъ, верстахъ въ 7 отъ города.

Это тихое мѣсто, окруженное большимъ и неогороженнымъ садомъ, освѣщеннымъ фонарями.

Я жилъ тамъ довольно долго.

Иногда же, не помню почему, спалъ въ стогу сѣна подъ самымъ Саратовымъ.

Въ сѣнѣ спать щекотно и сразу принимаешь очень негородской видъ.

А ночью проснешься и смотришь, выползши немного наверхъ, на черное небо со звѣздами, и думаешь о нелѣпости жизни.

Нелѣпость, идущая за нелѣпостью, выглядитъ очень обосновано, но не въ полѣ подъ звѣздами.

При мнѣ отправляли австрійскихъ плѣнныхъ на родину. Многіе изъ нихъ ѣхать не хотѣли. Прижились уже къ чужимъ бабамъ. Бабы плакали.

Кругомъ въ деревняхъ были возстанія, т. е. не отдавали хлѣбъ; тогда пріѣзжали красноармейцы на грузовикахъ.

Каждая деревня возставала отдѣльно; комитетъ въ Саратовѣ сидѣлъ тоже отдѣльно.

Комната была въ полуподвалѣ.

Старшіе жили гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Совѣщаться ѣздили за городъ на гору, но разъ поѣхавъ, убѣдились, что всѣ ѣдемъ на одномъ трамваѣ.

Городъ пустой, но хлѣба много, красноармейцы ходятъ въ широкополыхъ шляпахъ и сами боятся своей формы.

То-есть красноармейцы боятся своихъ шляпъ, потому что думаютъ, что онѣ имъ — въ случаѣ наступленія изъ Самары — помѣшаютъ прятаться.

Волга пустая. Съ обрыва видны пески и полосы воды. На берегу пустыя лавочки базаровъ.

Въ Саратовѣ я чувствовалъ себя не важно; меня скоро послали въ Аткарскъ.

Аткарскъ городъ маленькій, весь одноэтажный: два каменныхъ зданія — бывшая городская дума и гимназія.

Городъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна зовется пахатной, — обитатели ее пашутъ.

Такимъ образомъ, это полугородъ.

А противъ зданія Совѣта — бывшая гимназія — стояли пушки, изъ нихъ стрѣляютъ по «Пахотной сторонѣ», когда тамъ — «крестьянскія возстанія».

Улицы не мощеныя.

Домики крыты тесомъ. Хлѣбъ — полтинникъ фунтъ. Петербургскихъ узнают по тому, что они ѣдятъ хлѣбъ на улицѣ.

На базарѣ всѣ лавки закрыты. Нѣсколько бабъ продаютъ мелкія груши бергамоты. Какой-то неопредѣленный человѣкъ показываетъ панораму «О Гришкѣ и его дѣлишкахъ».

Посреди города садъ густой, въ немъ вечеромъ гуляютъ.

А посреди сада павильончикъ, въ немъ совѣтская столовая; можно обѣдать, но безъ вилокъ и ножей, руками.

Даютъ мясо и даже пиво. Офиціантъ не мылся съ начала имперіалистической войны.

На нахотной сторонѣ скирды хлѣба.

Въ городѣ ѣдятъ сытно, но очень скверно, масло суропное, мучительное.

И весь городъ одѣтъ въ одинъ цвѣтъ — синенькій съ бѣлой полоской, такъ выдали.

А вообще все пореквизировано, до чайныхъ ложекъ со стола.

Страшно голо все. И было, вѣроятно, все голо. Только раньше жили сытнѣе.

Остановился жить, т. е. дали мнѣ комнату черезъ Совѣтъ, у одного сапожника.

Сапожникъ съ двумя сыновьями раньше работалъ и имѣлъ ларекъ на базарѣ; арестовали его, какъ представителя буржуазіи, подержали, потомъ стало смѣшно, отпустили, только запретили частную работу.

Вотъ и жилъ потихонечку.

Я, благодаря связямъ, получилъ мѣсто агента по использованію военнаго имущества «негоднаго своимъ названіемъ», то-есть не могущаго быть использованнымъ по своему прямому назначенію.

Это — старые сапоги, штаны, старое желѣзо и вообще разный хламъ.

Долженъ былъ принять этотъ хламъ, его разсортировать и переслать въ Саратовъ. Я же предлагалъ устроить починочную мастерскую въ Аткарскѣ.

Мнѣ дали хлѣбные амбары до верху наполненные старыми сапогами и разной рванью.

Я взялъ своего хозяина съ его сыновьями, принанялъ еще нѣсколько человѣкъ, и мы начали работу.

Работа меня, какъ ни странно, интересовала.

Жилъ же я вмѣстѣ съ сапожниками, отдѣленный отъ нихъ перегородкой со щелками, спалъ на деревянномъ диванѣ, и ночью на меня такъ нападали клопы, что я обливался кровью.

Но какъ-то это не замѣчалось. Обратилъ на это вниманіе хозяинъ и перевелъ меня спать съ дивана на прилавокъ.

Я уже считалъ себя сапожникомъ.

Иногда меня вызывали въ мѣстное Чека, которое чуть ли не ежедневно провѣряло всѣхъ пріѣзжихъ.

Спрашивали по пунктамъ: кто вы такой, чѣмъ занимались до войны, во время войны, съ февраля до октября и такъ дальше.

Я по паспорту былъ техникъ, меня спрашивали по спеціальности, напримѣръ, названіе частей станковъ.

Я ихъ тогда зналъ. Держался очень увѣренно.

Хорошо потерять себя. Забыть свою фамилію, выпасть изъ своихъ привычекъ. Придумать какого-нибудь человѣка и считать себя имъ. Если бы не письменный столъ, не работа, я никогда не сталъ бы снова Викторомъ Шкловскимъ. Писалъ книгу «Сюжетъ, какъ явленіе стиля». Книги, нужныя для цитатъ, привезъ, расшивъ ихъ на листы, отдѣльными клочками.

Писать пришлось на подоконникѣ.

Разсматривая свой — фальшивый — паспортъ, въ графѣ измѣненія семейнаго положенія, нашелъ черный штемпель съ надписью, что такой-то такого-то числа умеръ въ Обуховской больницѣ. Хорошій разговоръ могъ бы получиться между мной и Чека: «Вы такой то?» — «Я» — «А почему Вы уже умерли?»

Въ городъ пріѣзжали двухпудники: это служащіе и рабочіе, которымъ совѣтъ разрѣшилъ привести себѣ по два пуда муки, было такое разрѣшеніе.

Они заполнили всѣ уѣзды.

Потомъ разрѣшеніе отмѣнили.

Одинъ человѣкъ застрѣлился. Онъ не могъ больше жить безъ муки.

Пріѣхалъ ко мнѣ одинъ офицеръ, бѣжавшій изъ Ярославля съ женой. И онъ, и жена его были ранены и скрывали свои раны.

Послѣ возстанія онъ, пріѣхавъ въ Москву, жилъ у Храма Спасителя въ кустахъ.

Онъ ѣлъ много хлѣба и былъ чрезвычайно блѣденъ.

Ярославль защищался, говорилъ онъ, отчаянно.

Я ходилъ обѣдать въ садъ, въ городѣ, гдѣ давали обѣдъ по мандату.

Вилокъ не было, ѣли руками. Обѣдъ съ мясомъ.

Тамъ былъ гимназистъ изъ гимназіи Лентовской, съ которымъ я подружился. Онъ жаловался, что въ ихъ гимназіи мало соціалистовъ.

Онъ былъ лѣтъ 17 и принималъ участіе въ карательной экспедиціи.

Сейчасъ у него были непріятности.

У города Баланды разстрѣлялъ онъ лишнихъ тринадцать человѣкъ, и на него разсердились.

Онъ рѣшилъ искать другого мѣста.

Развѣдчики съ того берега Волги переходили на нашъ и однажды, случайно, взяли Вольскъ, изъ котораго красноармейцы убѣжали.

Изъ Аткарска тоже убѣжалъ отрядъ, испугавшись грозы.

Они убѣжали въ оврагъ, захвативъ свои вещи.

Развѣдчики однако, не могли наступать на Саратовъ, такъ какъ ихъ было 15 человѣкъ.

А съ другой стороны наступали донскіе казаки, но они были плохо вооружены, и изъ-за Волги пришедшіе люди говорили, что бѣлые стрѣляли часто учебными патронами съ дробинкой, какъ на стрѣльбѣ въ цѣль. Такъ же разсказывали мнѣ красноармейцы.

Все было очень неустойчиво.

Про казаковъ говорили, что они бьютъ въ трещетки, чтобы изобразить выстрѣлы.

Въ бояхъ и усмиреніяхъ принимали участіе броневики, но я не могъ найти съ ними связи.

Моихъ учениковъ тамъ не было.

Въ Аткарскѣ узналъ о покушеніи на Ленина и объ убійствѣ Урицкаго.

Въ Саратовѣ произошелъ очередной провалъ, всѣ были арестованы.

Я пріѣхалъ и узналъ объ этомъ случайно; все же рѣшился зайти на одну квартиру, гдѣ зналъ, можно достать паспортъ.

Мой — я считалъ испорченнымъ.

Пришелъ. Пусто. Мнѣ открыла прислуга.

Большой ежъ ходилъ по полу, стуча своими тяжелыми лапами. Хозяина увезли. Не знаю, увидѣлъ ли онъ когда-нибудь своего ежа.

Я повторилъ обыскъ, нашелъ паспортъ, впрыгнулъ въ трамвай и въ тотъ же часъ уѣхалъ на нефтяномъ поѣздѣ въ Аткарскъ.

Тамъ я собралъ свои книги, по которымъ я писалъ статью «О связи пріемовъ сюжетосложенія съ общими пріемами стиля» (эта статья, какъ у киплинговской сказки о китѣ — «подтяжки, не забудьте пожалуйста подтяжки!») и отправилъ ихъ почтой въ Петербургъ.

А самъ уѣхалъ въ Москву.

Одѣтъ я былъ нелѣпо. Въ непромокаемый плащъ, въ матроскую рубашку и красноармейскую шапку.

Мои товарищи говорили, что я прямо просился на арестъ.

Ѣхалъ въ теплушкѣ съ матросами изъ Баку и съ бѣженцами, которые везли съ собой десять мѣшковъ съ сухарями. Это было все въ ихъ жизни.

Пріѣхалъ въ Москву, свѣдѣнія о провалѣ подтвердились, я рѣшилъ ѣхать на Украину.

Въ Москвѣ у меня украли деньги и документы въ то время, какъ я покупалъ краску для волосъ.

Попалъ къ одному товарищу (который политикой не занимался), красился у него, вышелъ лиловымъ. Очень смѣялись. Пришлось бриться. Ночевать у него было нельзя.

Я пошелъ къ другому, тотъ отвелъ меня въ архивъ, заперъ и сказалъ:

«Если ночью будетъ обыскъ, то шурши и говори, что ты бумага».

Прочелъ въ Москвѣ небольшой докладъ на тему «Сюжетъ въ стихѣ».

Въ Москвѣ я опять встрѣтилъ Лидію Коноплеву, блондинку съ розовыми щеками; она была недовольна, говорила, что политика партіи неправильная, народъ не за насъ и еще одну старую женщину, которая мнѣ все говорила: «И что мы дѣлаемъ, вѣдь ничего не выходитъ!» На другой день онѣ обѣ были арестованы.

Саратовская организація провалилась до провокаціи. Семеновъ былъ арестованъ въ Москвѣ въ кафе у Покровскихъ воротъ. При арестѣ отстрѣливался. Онъ вездѣ носилъ большой маузеръ на животѣ. Его привезли въ тюрьму, и во дворѣ онъ вытащилъ второй маленькій маузеръ, стрѣлялъ и ранилъ провокатора.

Его судили и оправдали по амнистіи.

Я поѣхалъ на Украину.

Ѣхало много народу. Въ Курскѣ всѣ служили: какая-нибудь старуха на улицѣ идетъ и она служитъ гдѣ-нибудь въ комиссаріатѣ. Въ Курскѣ спуталъ лавки и испугалъ людей.

Отъ Курска или Орла пересѣли на Льговъ, доѣхали до Желобовки, а тамъ сошли всѣ съ поѣзда и пошли пѣшкомъ на Украину.

Шли открыто, шло народу много, всѣ съ узелками черезъ плечо.

Идутъ навстрѣчу солдаты, останавливаютъ меня и одного маленькаго еврея въ необыкновенно длинной шинели.

«Идите за нами!»

Пошли, но не въ сторону станціи, а въ поле.

Вышли въ впадину. Тихо, вѣтеръ не дуетъ.

Была на мнѣ кожаная куртка съ дырочкой на животѣ: ее прострѣлило на мнѣ во время одной атаки на войнѣ.

Я пробовалъ часто эту дырочку пальцемъ.

А кожаная куртка была трепаная. Лежалъ я въ ней подъ всѣми автомобилями.

Сверхъ нее была короткая куртка изъ старой солдатской шинели, еще светеръ.

Говорятъ мнѣ — раздѣвайтесь!

Солдатъ посмотрѣлъ на меня задумчиво и сказалъ. «Вы, товарищъ, переодѣтый, у васъ съ собой деньги есть!»

Я вынулъ деньги и показалъ, было у меня съ собой денегъ 500 рублей царскими.

«Нѣтъ, это не то, у васъ деньги крупныя и заклеены они или въ голенищахъ, или...»

Онъ долго мнѣ объяснялъ, какъ прячутъ деньги и осматривалъ мои вещи.

Посмотрѣлъ на меня съ уваженіемъ и сказалъ: «Вы мнѣ все таки скажите, гдѣ спрятали деньги, мнѣ интересно».

Говорю: «Денегъ нѣтъ.»

«Ну, одѣвайтесь.»

Я одѣлся, а онъ осмотрѣлъ сврея, потомъ развернулъ мои вещи, но смотрѣлъ ихъ невнимательно и сказалъ:

«Ну, въ вещахъ ничего нѣтъ, я знаю, что никто въ вещахъ ничего не держитъ, все на себѣ.»

Потомъ разложилъ всѣ вещи и мои, и другого, отобралъ, что хотѣлъ. Тихо спокойно, но обидно даже. Просто, какъ въ магазинѣ.

У меня взялъ денегъ немного и куртку вмѣстѣ съ дырочкой.

Въ впадинѣ было тихо, поговорилъ я съ солдатомъ о третьемъ интернаціоналѣ, — разговоръ нашъ еще начался, когда онъ съ меня сапоги снималъ, — поговорилъ объ Украинѣ, и пошелъ онъ насъ провожать короткой дорогой.

Пошли, встрѣтились съ другимъ солдатомъ, но нашъ провожатый сказалъ ему — «осмотрѣны» и показалъ намъ въ поле: «Вотъ идите на тѣ тополя».

Шелъ дождь, подъ ногами была пашня, я брелъ долго, потерялъ своего путника, въ отдаленіи люди пахали, я удивлялся, глядя на нихъ.

Теперь знаю, что пахать нужно даже между двумя фронтами, даже подъ пулями, а на тѣхъ, которые идутъ и мечутся, не нужно и удивляться.

Пришелъ я къ проволочному загражденію, за нимъ нѣмецкій солдатъ.

Какъ тяжело было идти подъ нѣмца!

Собралъ всѣ слова, какія зналъ по-нѣмецки и сказалъ часовому. Онъ меня пропустилъ, и я попалъ въ маленькую деревушку, всю заваленную вещами и бѣженцами «Коренево».

Здѣсь было много желтыхъ булокъ, красной колбасы и синяго колотаго сахара.

Мы сѣли за самоваръ въ одной лачугѣ; я и какой-то офицеръ, убѣжавшій босикомъ изъ Россіи, пили чай съ сахаромъ и ѣли булки.

Всѣ аналогіи съ чечевичной похлебкой я знаю самъ, не подсказывайте!

Пріѣхавъ въ Харьковъ, побывалъ у родныхъ.

Въ Харьковѣ увидалъ своего старшаго брата, доктора Евгенія Шкловскаго.

Черезъ годъ онъ былъ убитъ.

Онъ велъ поѣздъ съ ранеными; напали на поѣздъ и начали убивать раненыхъ.

Онъ сталъ объяснять, что этого нельзя дѣлать. До революціи ему разъ удалось остановить въ г. Острогѣ холерный бунтъ. Здѣсь это было невозможно. Его избили, раздѣли, заперли въ пустомъ вагонѣ и повезли.

Фельдшеръ далъ ему пальто.

Его перевезли въ Харьковъ, здѣсь онъ отправилъ записку къ роднымъ.

Тѣ долго искали на путяхъ. Нашли, вымолили и положили въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ отъ побоевъ въ полномъ сознаніи. Самъ щупалъ, какъ останавливается его пульсъ.

Онъ сильно плакалъ передъ смертью.

Убили его бѣлые или красные.

Не помню, действительно — не помню. Убитъ былъ онъ не справедливо.

Умеръ 35-ти лѣтъ. Въ молодости былъ въ ссылкѣ, убѣжалъ. Въ Парижѣ кончилъ архитектурное отдѣленіе академіи.

Въ Россіи, вернувшись, сталъ врачемъ. Былъ удачливымъ хирургомъ. Служилъ въ клиникѣ Отто.

Какъ-то разъ, найдя на вокзалъ, и рѣшилъ ѣхать въ Кіевъ на нѣсколько дней. Уѣхалъ съ вокзала, не предупредивъ никого.

Кіевъ былъ полонъ людей. Буржуазія и интеллигенція Россіи зимовала въ немъ.

Нигдѣ я не видалъ такого количества офицеровъ, какъ въ немъ.

На Крещатикѣ все время мелькали Владимиры и Георгіи.

Городъ шумѣлъ, было много ресторановъ.

Я увидѣлъ, какъ нищій, вынувъ изъ сумы кусокъ хлѣба, предложилъ его извозчичьей лошади.

Лошадь отвернулась.

Это было время, когда на Украинѣ собралась вся русская буржуазія, когда Украина была занята нѣмцами, но нѣмцы не смогли ее высосать начисто.

На улицахъ развѣвались трехцвѣтные флаги. Это были штабы добровольческихъ отрядовъ Кирпичева и гр. Коллера и еще, кажется, подъ названіемъ «Наша родина».

А на одной улицѣ висѣлъ никогда прежде не виданный флагъ. Кажется желтый съ чернымъ, а въ окнѣ портреты Николая и Александры Феодоровны, то было посольство Астраханскаго войска.

Гетманскихъ войскъ почти не было видно, хотя разъ въ день проходили отряды русскихъ офицеровъ, смѣнившихся съ караула на гетманскомъ дворцѣ. У нихъ была своя форма съ маленькой кокардой и узкими погонами.

На постахъ стояли нѣмцы въ громадныхъ сапогахъ на толстой деревянной подошвѣ, сдѣланныхъ специально для карауловъ.

Пока я метался — наступила зима.

Городъ былъ русскій, украинцевъ не видно было совсѣмъ.

Выходили русскія газеты; изъ нихъ помню «Кіевскую Мысль», что то въ родѣ «Дня» и «Чертову Перечницу».

«Кіевская Мысль», конечно, выходила и раньше, но время было не ся, а «Чертовой Перечницы», Петра Пильскаго и Ильи Василевскаго (не-Буква).

Я думаю, что они еще издаютъ и сейчасъ гдѣ-нибудь «Чертову Перечницу» («Кузькина Мать» она же).

Былъ кабачекъ — «Кривой Джимми», кажется, а въ немъ — Агнивцевъ и Левъ Никулинъ, потомъ ставшій завѣдующимъ политической частью Балтъ-Флота, а сейчасъ членъ Авганской миссіи.

Здѣсь я встрѣтился съ нѣсколькими членами партіи с. р., которые въ это время были связаны съ Союзомъ Возрожденія Россіи, главой котораго былъ Станкевичъ.

Нѣмцы кончались. Они были разбиты союзниками, это чувствовалось.

Значитъ — накануне смерти была и власть Скоропадскаго, и даже съ этой точки зрѣнія нужно было что-то предпринимать.

Изъ Украины двигались Петлюровцы.

Но Союзъ Возрожденія, да и вообще весь Русскій Кіевъ, кромѣ большевиковъ, конечно, былъ связанъ волей союзниковъ.

Воля союзниковъ олицетворялась въ Кіевѣ именемъ консула, сидящаго, кажется, въ Одессѣ, фамилія его была Энно.

Энно не хотѣлъ, чтобы въ политическомъ положеніи Украины происходили перемѣны.

Въ Германіи уже была революція, нѣмцы образовывали совѣты, правда — правые, и готовились уѣзжать.

Уже шли поѣзда съ саломъ и сахаромъ изъ Украины для Германіи. Увозили автомобили русской арміи, прекрасные Паккарды.

Отступленіе нѣмцевъ не имѣло характера бѣгства.

На Украинѣ были слѣдующія силы: въ Кіевѣ Скоропадскій, поддерживаемый офицерскими отрядами, — офицеры сами не знали, для чего они его поддерживали, но такъ велѣлъ Энно.

Кругомъ Кіева Петлюра съ цѣлой арміей.

Въ Кіевѣ нѣмцы, которымъ было приказано французами поддерживать Скоропадскаго.

Такъ, по крайней мѣрѣ, выглядѣло со стороны.

И въ Кіевѣ же Городская Дума и вокругъ ея группа русскихъ соціалистовъ, связанныхъ съ мѣстными рабочими.

Они — хотѣли произвести демократическій переворотъ, но Энно не позволялъ.

А въ отдаленіи «васъ всѣхъ давить» голодные большевики.

Меня попросили поступить въ броневой дивизіонъ на случай. Я сперва пошелъ въ крѣпость, въ отрядъ Скоропадскаго.

Меня спрашивали тамъ, какъ прибывшаго изъ Россіи, будутъ ли большевики сопротивляться, а одинъ подпрапорщикъ все интересовался вопросомъ, кованы ли у большевиковъ лошади.

Я вышелъ изъ крѣпости по мосту и не помню, почему смѣялся.

Прохожій хохолъ остановился, поглядѣлъ на меня и съ искреннимъ восхищеніемъ сказалъ: «Вотъ хитрый жидъ, надулъ кого-то и смѣется». Въ голосѣ его только восхищеніе, безъ всякаго антисемитизма.

Но я не поступилъ непосредственно къ Скоропадскому, а выбралъ 4-ый автопанцырный дивизіонъ.

Команда была русская. Всѣ тѣ же шофферы, но болѣе большевистски настроенные. Заграничный воздухъ укрѣпляетъ большевизмъ.

Кругомъ была слышна только русская рѣчь.

Меня приняли хорошо и поставили на ремонтъ машинъ.

Одновременно со мной въ дивизіонъ поступило нѣсколько офицеровъ съ той же цѣлью, какъ и моя.

Петлюровцы уже окружили городъ. Слышна была канонада и ночью видны огни выстрѣловъ.

Стояла зима, дѣти катались со всѣхъ спусковъ на салазкахъ.

Я встрѣтилъ въ Кіевѣ знакомыхъ. Одни нервничали, другіе уже ко всему привыкли. Разсказывали про терроръ при предыдущихъ переворотахъ.

Хуже всѣхъ были украинцы: они разстрѣливали вообще большевиковъ, какъ русскихъ и русскихъ, какъ большевиковъ.

Одна знакомая художница (Давидова) говорила мнѣ, что у ея подруги, которая жила вмѣстѣ съ ней, разстрѣляли въ саду (украинцы разстрѣливали въ саду) мужа и двухъ братьевъ.

Та пошла, розыскала трупы своихъ, но хоронить было нельзя.

Она принесла на себѣ трупы въ квартиру Давидовой, положила на диванъ и такъ провела съ ними три дня.

Петлюровцы шли. Офицеры дрались съ ними неизвѣстно за что, нѣмцамъ было приказано мѣшать дракѣ.

А Кіевъ стоялъ съ выбитыми окнами. Въ окнахъ чаще можно было встрѣтить фанеру, чѣмъ стекла.

Послѣ этого Кіевъ брали еще разъ 10 всякіе люди.

Пока же работали кафе, а въ одномъ театрѣ выступалъ Армандъ Дюкло, предсказатель и ясновидящій.

Я былъ на представленіи.

Онъ угадывалъ фамиліи, записанныя на бумажкѣ и переданныя его помощнику. Но больше интересовались всѣ предсказаніями. Помню вопросы. Они были очень однотипны.

«Цѣла ли моя обстановка въ Петербургѣ?» спрашивали многіе.

«Я вижу, да я вижу ее, вашу обстановку», говорилъ Дюкло раздѣльно, идя пошатываясь съ завязанными глазами по сценѣ, «она цѣла».

Спросили одинъ разъ: «Придутъ ли большевики въ Кіевъ?»

Дюкло обѣщалъ, что нѣтъ.

Я его встрѣтилъ потомъ въ Петербургѣ — и это было очень весело! — онъ служилъ при культпросвѣтѣ одной красноармейской части въ ясновидящихъ и получалъ красноармейскій паекъ.

Я не былъ теперь на его представленіяхъ и не знаю, о чемъ его спрашивали. Но знаю, что «дуетъ вѣтеръ съ востока, и дуетъ вѣтеръ съ запада, и замыкаетъ вѣтеръ кругъ свой».

И въ странномъ быту, крѣпкомъ, какъ пластинчатая цѣпь Галя, долгомъ, какъ очередь, самое странное, что интересъ къ булкѣ равенъ интересу къ жизни, что все, что осталось въ душѣ, кажется равнымъ, все было равнымъ.

Какъ вода, въ которой есть льдинка, не можетъ быть теплѣй 0°, такъ солдаты броневого дивизіона по существу были большевиками, а себя презирали за службу Гетману.

А объяснить имъ, что такое Учредительное Собраніе, я не умѣлъ.

У меня былъ товарищъ, не скрою, что онъ былъ — еврей. По образованію онъ художникъ — безъ образованія.

Онъ жилъ въ Гельсингфорсѣ съ матросами, а въ царской службѣ былъ дезертиръ, а мнѣ очень жалко, что я въ іюнѣ наступалъ за Ллойдъ Джорджа.

Такъ вотъ этотъ художникъ въ Пермской губерніи сталъ большевикомъ и собиралъ налоги.

И говоритъ: «Если разсказать, что мы дѣлали, такъ было хуже инквизиціи», а когда крестьяне поймали одного его помощника, то покрыли досками и катали по доскамъ желѣзную бочку съ керосиномъ, пока тотъ не умеръ.

Мнѣ скажутъ, что это сюда не относится. А мнѣ какое дѣло. Я-то долженъ носить это все въ душѣ?

Но я вамъ дамъ и то, что относится.

Уже при послѣднемъ издыханіи власти пана Скоропадскаго, когда онъ самъ убѣжалъ въ Берлинъ, его пустой дворецъ еще охранялся.

Кстати о Скоропадскомъ.

Былъ Скоропадскій избранъ въ Гетманы.

Жилъ онъ тогда въ Кіевѣ, на обыкновенной лѣстницѣ, въ обыкновенной квартирѣ.

Шелъ по лѣстницѣ какой-то человѣкъ, кого-то искалъ и позвонилъ въ квартиру Скоропадскаго по ошибкѣ, открыла горничная.

Человѣкъ спрашиваетъ:

«Здѣсь живетъ такой-то?»

Горничная спокойно отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, здѣсь живетъ царь».

И закрываетъ дверь.

И это ничего не значитъ.

Такъ вотъ, въ послѣдніе дни Скоропадскаго (его уже не было, онъ убѣжалъ въ Берлинъ, а его защищали), поймали бѣлые, — кажется кирпичевская контръ-развѣдка, — одного украинца по фамиліи Ивановъ (студента), а сами-то кирпичевцы — офицеры были изъ студентовъ.

Поймали, допрашивали и долго пороли шомполами, пока тотъ не умеръ.

Ихъ не рѣшались на переворотъ, боясь розни русскихъ съ русскими. С. Р. въ Кіевѣ было довольно много, но партія была въ обморокѣ и сильно недовольна своей связью съ союзомъ Возрожденія.

Эта связь доживала свои последніе дни.

А меня, въ 4-омъ автопанцырномъ, солдаты считали большевикомъ, хотя я прямо и точно говорилъ, кто я.

Отъ насъ брали броневики и посылали на фронтъ, сперва далеко въ Коростень, а потомъ прямо подъ городъ и даже въ городъ на Подолъ.

Я засахаривалъ гетмановскія машины.

Дѣлается это такъ: сахаръ-песокъ или кусками бросается въ бензиновый бакъ, гдѣ, растворяясь, попадаетъ вмѣстѣ съ бензиномъ въ жиклеръ (тоненькое калиброванное отверстіе, черезъ которое горючее вещество идетъ въ смѣсительную камеру).

Сахаръ, вслѣдствіе холода при испареніи, застываетъ и закупориваетъ отверстіе.

Можно продуть жиклеръ шиннымъ насосомъ. Но его опять забьетъ.

Но машины все же выходили, и скоро ихъ поставили внѣ нашего круга работы въ Лукьяновскіе казармы.

Людей кормили очень хорошо и поили водкой.

А вокругъ города ночью блестали блески выстрѣловъ.

У Союза Возрожденія была своя часть на Крещатикѣ, но ее онъ не комплектовалъ и вообще велъ себя болѣе, чѣмъ неувѣренно.

Офицерство и студенчество было мобилизовано.

У Университета стрѣляли и убили за что-то студентовъ.

Гетманцы узнали объ измѣнѣ Григорьева, но все же вѣрили во что-то, главнымъ образомъ, въ доссантъ французовъ.

Опять сроки. Наконецъ рѣшеніе, что городская дума соберется и мы ее поддержимъ.

Ночью я собралъ команду, но несмотря на блески орудій кругомъ города, со мной пошло человѣкъ 15. Остальные сказали, что они дневальные.

Броневиковъ не было, они стояли въ штабѣ на Лукьяновкѣ.

Взялъ грузовикъ, поставилъ на нихъ пулеметы. Бунчужный (фельдфебель) хотѣлъ предупредить штабъ, я порвалъ проводъ.

Выѣхалъ на Крещатикъ, гдѣ должна быть военная часть Союза Возрожденія. Никого. Но узналъ, что сюда уже пріѣзжали добровольцы, хотѣли арестовывать.

Поѣхалъ въ казармы, гдѣ были наши части: сидитъ тамъ товарищъ латышъ. Люди у него готовы, но онъ не знаетъ, что дѣлать. Въ это же время наши же заняли Лукьяновскія казармы и арестовали штабъ.

Но мы объ этомъ не знали.

Дѣло въ томъ, что Дума не собралась, но рѣшилась. А нашъ штабъ разошелся, не предупредивъ насъ. Я искалъ его по всѣмъ квартирамъ. Нигдѣ нѣтъ никого. Распустилъ людей и поѣхалъ на Борщоговку къ заводу Гретера. Тамъ сидятъ рабочіе, хотятъ идти въ городъ, но спорятъ о лозунгахъ. Такъ и не пошли, хотя уже приготовили оркестръ.

Днемъ въ городъ вошелъ Петлюра.

Работой организаціи руководили въ Кіевѣ: сильно правый человѣкъ диктаторскаго вида въ ботфортахъ, очень старый человѣкъ и украинецъ, который потомъ сталъ большевикомъ.

Петлюровцы входили въ городъ строемъ.

У нихъ была артиллерія. Между собой солдаты говорили по-русски. Народъ встрѣчалъ ихъ толпами и говорилъ между собой громко во всеуслышаніе: «Вотъ гетманцы разсказывали — банды идутъ, какія банды, войска настоящія». Это говорилось по-русски и для лойяльности.

Бѣдные, имъ такъ хотѣлось восхищаться.

Когда я переходилъ черезъ ледъ изъ Россіи въ Финляндію, то встрѣтилъ въ рыбачьей будкѣ на льду одну даму; дальше пошли вмѣстѣ; когда мы съ ней попали на берегъ и насъ арестовали финны, то она все время хвалила Финляндію, отъ которой видала сажень десять.

Но бываетъ и худшее горе, оно бываетъ тогда, когда человѣка мучаютъ долго, такъ что онъ уже «изумленъ», то-есть уже «ушелъ изъ ума», — такъ объ изумленіи говорили при пыткѣ дыбой, — и вотъ мучается человѣкъ и кругомъ холодное и жесткое дерево, а руки палача или его помощника, хотя и жесткія, но теплыя и человѣческія.

И щекой ласкается человѣкъ къ теплымъ рукамъ, которыя его держатъ, чтобы мучить.

Это — мой кошмаръ.

Петлюровцы вошли въ городъ. Въ городѣ оказалось много украинцевъ; я уже встрѣчалъ ихъ среди полковыхъ писарей и раньше.

Я не смѣюсь надъ украинцами, хотя мы люди русской культуры въ глубинѣ души враждебны всякой «мовѣ». Сколько смѣялись мы надъ украинскимъ языкомъ. Я сто разъ слыхалъ: «Самоперъ поперъ на мордописню», что равно: «автомобиль поѣхалъ въ фотографію». Не любимъ

мы не нашего. И тургеневскіе «грае, грае, воропае» не отъ любви придуманы.

Но Петлюра, какъ національный герой, — герой писарской, и наша канцелярія его одобряла. Вошли украинцы, заняли городъ, кажется не грабили, стали украшать городъ, повѣсили французскіе и англійскіе гербы и сильно ждали союзныхъ пословъ. А солдаты разоружили добровольцевъ и одѣли на себя ихъ французскія броневыя каски.

Самихъ же добровольцевъ посадили въ Педагогическій музей; потомъ кто-то бросилъ бомбу, а тамъ оказался динамитъ, былъ страшный взрывъ, много людей убило и стекла домовъ повылетѣли кругомъ.

Нѣсколько дней провелъ въ части.

У насъ были новые офицеры, въ ихъ числѣ бунчужный, онъ оказался украинцемъ.

Говорили они мнѣ, что очень боятся большевиковъ. И на самомъ дѣлѣ ихъ войска были большевистскія.

Войска текли, какъ вода, выбирая себѣ политическое ложе, и скатъ былъ къ Москвѣ. Пока же шла украинизація.

Въ эти дни въ Кіевѣ погибли всѣ твердые знаки.

Приказали мѣнять вывѣски на украинскія.

Языкъ знали не всѣ, и у насъ въ частяхъ, и украинцы, присланные со стороны говорили о техническихъ вещахъ по-русски, прибавляя изрѣдка «добро» и иное что украинское.

Опять получилось «грае, грае, воропае».

Вотъ подлая закваска!

Приказали въ день передѣлать всѣ вывѣски на украинскія.

Это дѣлается просто. Нужно было твердый знакъ передѣлать на мягкій, а «и» просто на «і».

Работали, не покладая рукъ, вездѣ стояли лѣстницы.

Перемѣнили. При добровольцахъ ставили твердый знакъ на мѣсто.

Да, забылъ написать, какъ мы жили. Я жилъ въ ванной комнатѣ одного присяжнаго повѣреннаго, а когда уже нельзя было жить, поселился на квартирѣ, которая прежде была явочной, а теперь туда приходили съ явкой, но за ночлегъ брали рублей пять. Но спать можно было. Денегъ не было почти ни у кого, я же получалъ жалованье изъ части. Почти ни у кого не было второй рубашки.

И всѣ удивлялись, откуда заводятся вши, сразу такія большія?

Компанія была очень хорошая: помимо одного рыжебородаго, бывшаго министра Бѣлоруссіи, не знаю, какъ его фамилія, его у насъ звали Бѣлорусовымъ. Онъ былъ очень хорошій человѣкъ.

Союзъ Возрожденія надоѣлъ всѣмъ ужасно. Партія сильно косилась на свою военную организацію, а военная организація на партію.

Черезъ какія-то связи много народу поступило въ «варту» — полиція, — дѣло было боевое, такъ какъ громилы ходили отрядами съ пулеметами и давали бой.

Пробовалъ работать въ одной газетѣ, но первую же мою статью-рецензію взялся исправить Петръ Пильскій, я обидѣлся и не позволилъ печатать.

Въ редакціи узналъ я объ арестѣ Колчакомъ Уфимскаго Совѣщанія.

Сообщила мнѣ объ этомъ одна полная женщина, жена издателя, добавивъ: «Да, да, разогнали, такъ и нужно, молодцы большевики.»

Я упалъ на полъ въ обморокѣ. Какъ срѣзанный. Это первый и единственный мой обморокъ въ жизни. Я не зналъ, что судьба Учредительнаго Собранія меня такъ волновала.

Къ этому времени партія сильно лѣвѣла. Идешь по Крещатику, встрѣчаешь товарища.

«Что новаго?» Отвѣчаетъ: «Да вотъ признаю Совѣтскую власть!» И радостно такъ.

Не разъ и не два можно было остановить гражданскую войну въ Россіи. Конечно, это можно поставить въ вину большевикамъ. Но они не изобрѣтены, а открыты.

У насъ на собраніи правая часть говорила: «Перейдемъ на культурную работу», а перейти на культурную работу на партійномъ жаргонѣ значитъ то же, что въ войскахъ «становись, закуривай».

«Каюкъ», «тупикъ», — ну, значитъ, нужно что-нибудь дѣлать, вотъ и дѣлаешь дѣло безъ причинной связи, а если взять въ нашей филологической терминологіи: другого семантическаго ряда.

И я произнесъ рѣчь. Мое дѣло темное, я человѣкъ непонятливый, я тоже другого семантическаго ряда, я, какъ самоваръ, которымъ забиваютъ гвозди.

Я сказалъ: «Признаемъ эту трижды проклятую Совѣтскую Власть!»

Какъ на судѣ Соломона, не будемъ требовать половинки ребенка, отдадимъ ребенка чужимъ, пусть живетъ!

Мнѣ закричали: «Онъ умретъ, они его убьютъ!»

Но что мнѣ дѣлать? Я вижу игру только на одинъ ходъ впередъ.

Партія отказалась отъ своей военной организаціи, Германъ предложилъ ей (организаціи) переименоваться въ Союзъ Защиты Учредительнаго Собранія, собралъ кое-кого и поѣхалъ въ Одессу.

Другіе собирались на Донъ воевать съ Красновымъ.

А я собрался въ Россію, въ милый, грозный свой Петербургъ.

А публика изнывала.

Дарданеллы были открыты, ждали французовъ, вѣрили въ союзниковъ.

И уже не вѣрили, — но нужно же вѣрить во что-нибудь человѣку, у котораго есть имущество.

Разсказывали, что французы уже высадились въ Одессѣ и отгородили часть города стульями, и между этими стульями, ограничившими территорію новой французской колоніи, не смѣютъ пробѣгать даже кошки.

Разсказывали, что у французовъ есть фіолетовый лучъ, которымъ они могутъ ослѣпить всѣхъ большевиковъ, и Борисъ Мирскій написалъ объ этомъ лучѣ фельетонъ «Больная красавица». Красавица — старый міръ, который нужно лечить фіолетовымъ лучемъ.

И никогда раньше такъ не боялись большевиковъ, какъ въ то время. Изъ пустой и черной Россіи дулъ черный сквознякъ.

Разсказывали, что англичане — разсказывали это люди не больные — что англичане уже высадили въ Баку стада обезьянъ, обученныхъ всѣмъ правиламъ военнаго строя. Разсказывали, что этихъ обезьянъ нельзя распро-

пагандировать, что идутъ они въ атаки безъ страха, что они побѣдятъ большевиковъ.

Показывали рукой на аршинъ отъ пола ростъ этихъ обезьянъ. Говорили, что когда при взятіи Баку одна такая обезьяна была убита, то ее хоронили съ оркестромъ шотландской военной музыки, и шотландцы плакали.

Потому что инструкторами обезьяньихъ легіоновъ были шотландцы.

Изъ Россіи дулъ черный вѣтеръ, черное пятно Россіи росло, «больная красавица» бредила.

Люди собирались въ Константинополь.

Если не здѣсь, то гдѣ же я разскажу одинъ фактъ?

По пріѣздѣ изъ Россіи зашелъ я къ одному фабриканту, онъ былъ табачникъ, или это называется заводчикъ.

У этого человѣка въ Петербургѣ была мебель, и меня просили передать ему, что его мебель пропала.

Я зашелъ къ этому человѣку. У него на столѣ стоялъ мармеладъ и печенье, и тортъ, и булки, конфекты и шоколадъ, и дѣти за столомъ, и чистое бѣлье, и жена, и никто не былъ застрѣлянъ.

И сидѣлъ одинъ знаменитый русскій юмористическій писатель.

Писатель говорилъ: «Въ Россіи до тѣхъ поръ не будетъ порядка, пока въ каждомъ домѣ, на каждомъ дворѣ и въ квартирѣ не будетъ лежать по зарѣзанному большевику.»

Табачный фабрикантъ былъ спокоенъ. Его деньги были въ валютѣ. Онъ сказалъ: «А знаете вы, сколько получала работница въ Вильнѣ на моей фабрикѣ?» Писатель не зналъ. Фабрикантъ сказалъ: «Отъ пяти копѣ-

окъ въ день, и знаете ли, я не удивляюсь, что они взбунтовались (или, можетъ быть, онъ сказалъ: «я не удивляюсь, что они недовольны», не помню дословно).

Этотъ человѣкъ не былъ боленъ.

Итакъ, нѣмцы продавали на улицахъ мелкія вещицы, но увозили изъ Украины сало и хлѣбъ, и наши автомобили, которые я зналъ въ лицо: «Паккарды» и «Локомобили».

Поѣзда нѣмцевъ охранялись караульными въ длинныхъ шубахъ съ бараньими воротниками.

Мнѣ вспомнилось, что когда нѣмцы отступали «въ ту войну», они не забывали при отходѣ подмести полъ канцеляріи.

Меня пригласили къ одной дамѣ, она узнала, что я уѣзжаю. Дама жила въ комнатѣ съ коврами и со старинной мебелью краснаго дерева; мнѣ она и мебель показались красивыми. Она собиралась ѣхать въ Константинополь, мужъ ея жилъ въ Петербургѣ.

Она меня попросила отвезти деньги въ Россію, кажется, тысячъ семь, — это были тогда деньги.

Трудно быть не нарядным.

«Въ ту войну» я былъ молодой и любилъ автомобили, но когда идешь по Невскому и весна, и женщины уже по весеннему легко и красиво разодѣты, когда весна и женщины, женщины, трудно итти по улицѣ грязнымъ.

Трудно было и въ Кіевѣ идти съ автомобильными цѣпями на плечахъ среди нарядныхъ; я люблю шелковые чулки. А въ Петербургѣ, въ миломъ и грозномъ, было не трудно, тамъ, когда несешь большой черный мѣшокъ хоть съ дровами, то только гордишься тѣмъ, что сильный. Но и въ Петербургѣ теперь есть шелковые чулки.

Эта женщина меня смущала. Я взялъ у нея деньги, выковырялъ толстую ложку и черенокъ ножа и положилъ въ нихъ тысячорублевки.

Теперь весь вопросъ былъ въ томъ, — какъ поѣхать? Я пробылъ въ Кіевѣ еще нѣсколько дней, встрѣтилъ новый годъ въ пустомъ и черномъ зданіи Городской Думы, ѣлъ колбасу, но водки не пилъ.

На улицѣ встрѣтилъ плѣннаго, ѣхавшаго изъ Германіи, выменялъ у него костюмъ и документы (они состояли изъ одного листка), отдалъ свой костюмъ и рѣшилъ, что такъ можно ѣхать.

Пошелъ прощаться къ одной художницѣ, она сказала мнѣ, осмотрѣвъ:

«Такъ хорошо, но не смотрите никому въ глаза, по глазамъ узнаютъ».

И вотъ я влился въ голодное и грязное войско военнопленныхъ.

Идущіе изъ Австріи были одѣты въ разные безформенные военные обноски, идущіе изъ Германіи въ форменныя куртки съ желтой полосой на рукавѣ, иногда съ лампасами.

Плѣнные изъ Германіи были истощены еще болѣе австрійскихъ.

Попробовалъ ночевать въ баракѣ.

Странно было видѣть, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ мочились прямо на нары.

Кругомъ слышишь разговоры, порожденные безконечно нищенскимъ бытомъ. Слышишь разговоры о публичныхъ домахъ.

Говорятъ очень серьезно, что вотъ Терещенко устроилъ въ Кіевѣ для плѣнныхъ публичный домъ, гдѣ прислуживаютъ сестры въ бѣлыхъ халатахъ. А пришедшихъ сперва моютъ.

И не циническіе разговоры, просто мечта о хорошемъ, чистомъ публичномъ домѣ. Искали эти дома по всему Кіеву, вѣрили въ нихъ и разспрашивали другъ друга про адресъ.

Нужно вообще сказать, что наименѣе циническое, что я слышалъ въ арміи про женщинъ, это слова: «Безъ бабы какой бы ни былъ харчъ хорошій, все же чего-то не хватаетъ».

Другой отрывокъ изъ плѣннаго фольклора, это разсказъ про то, какъ плѣнный, ѣдущій въ Россію, встрѣчаетъ свою жену, ѣдущую съ плѣннымъ венгерцемъ къ нему на родину.

Солдатъ сперва снимаетъ съ венгерца золотые часы — образъ явно эпическій, — потомъ раздѣваетъ его, снимаетъ съ него нарядное платье, потомъ отбираетъ сундуки и, наконецъ, убиваетъ.

А жену везетъ въ Россію, говоря спутникамъ: «Я у ней допытаюсь, кому что продала, а потомъ убью!»

Разсказъ этотъ сложенъ внѣ Россіи, т. е. легендаренъ, что видно было изъ того, что всѣ цѣны на проданный женой скотъ были проведены по довоеннымъ нормамъ.

Поѣхали.

Я былъ одѣтъ и сравненъ во всемъ съ военноплѣнными, разницу составляли только шерстяной светеръ подъ курткой и кожаные сапоги на ногахъ.

Долго ѣхали по Украинѣ. Нѣмцы отнимали у насъ паровозы, мы молчали; я никогда не видѣлъ такихъ забитыхъ людей, какъ плѣнные.

Спали въ вагонахъ, къ утру оказывалось, что нѣсколько человѣкъ замерзло насмерть. Теплушки были безъ печекъ, а вмѣсто трубы дырка въ крышѣ, и въ полу дыры. Складывали изъ кирпича таганцы, покрывали отломанными буферами. Топили жмыхомъ. Въ дорогѣ давали ѣсть жидкое, но не было посуды.

Съ изумленіемъ увидалъ, какъ нѣкоторые плѣнные, не имѣя котелка, снимали съ ноги башмакъ съ деревянной подошвой и подавали его раздатчику, какъ посуду.

Дошли до границы, здѣсь намъ сказали, что нужно идти верстъ пятнадцать до русскаго поѣзда.

Шли, стуча деревянными башмаками, заходили въ хаты, намъ подавали, спрашивали, всѣ ли уже прошли, у многихъ были родственники въ плѣну или такъ «можетъ быть въ плѣну».

Я, если бы попалъ на необитаемый островъ, сталъ бы не Робинзономъ, а обезьяной, такъ говорила моя жена про меня; я не слыхалъ никогда болѣе вѣрнаго опредѣленія. Мнѣ не было очень тяжело.

Я умѣю течь, измѣняясь, даже становиться льдомъ и паромъ, умѣю вшиваться во всякую обувь. Шелъ со всѣми.

Отдалъ сосѣду шерстяное одѣяло, въ которое заворачивался.

Пришли. Россія.

Стоитъ поѣздъ — броневой, а на немъ красная надпись «Смерть буржуямъ»; буквы торчатъ, такъ и влѣза-

ютъ въ воздухъ, а броневикъ изшарпанный и пустой какой-то и непремѣнно пріѣдетъ въ Кіевъ.

Поѣздъ стоитъ. Влѣзаемъ. Холодно. Съ нами вмѣстѣ ѣдутъ инвалиды съ мѣшками; въ то время инвалидамъ разрѣшали въ Россіи возить провизію, это было для нихъ какъ бы рента. Инвалиды влѣзаютъ и вползаютъ въ трехногія теплушки, вваливаются черезъ край на брюхѣ. Одѣты хорошо. Инвалиды съ мѣшками, плѣнные ѣдутъ по чернымъ рельсамъ въ Россію. Россія поставила между тѣми и другими и многимъ другимъ плюсы, а въ итогѣ вывела большевиковъ. Ѣдемъ.

Дали по воблѣ безъ хлѣба. Грызем. Сало и сытость оборвались.

Плѣнные не разговариваютъ, не спрашиваютъ. Пріѣдомъ — узнаемъ.

Въ составѣ поѣзда были вагоны съ гробами съ черной надписью, написанной смолой, скорописью:

ГРОБЫ ОБРАТНО

Если умрешь, отвезутъ до Курска и похоронятъ въ «горѣломъ лѣсу». А гробы обратно. Берегите тару.

Доѣхали до какой-то станціи, видимъ пассажирскій поѣздъ. Народъ набитъ, напрессованъ. Лѣзутъ въ окна, а это опасно, могутъ снять сапоги, пока влѣзаешь.

Я ѣхалъ сперва на буферахъ; люди на крышахъ въ изобиліи; течетъ Россія медленно, какъ сапожный варъ куда-то.

Вштопорился, вкрутился въ вагонъ, влѣзъ. Сижу, чешусь.

Человѣкъ сидитъ предо мной. Спрашиваетъ. Отвѣчаю. Говоритъ: «Какъ это вы такъ опустились, другимъ можно, а вамъ стыдно».

Отмалчиваюсь.

«А я», говоритъ, «знаю, кто вы!»

«А кто?»

«А вы изъ петербургскихъ слесарей и, можетъ быть, Выборгской стороны».

Я сказалъ ему съ искреннимъ восторгомъ:

«Какъ это вы догадались!»

«Это моя спецiальность, я изъ Курской чеки».

И дѣйствительно, шуба и часы золотые, но мной не брезгалъ и утѣшалъ.

Ѣхалъ дальше.

Опять эшелонъ плѣнныхъ. Это уже за Курскомъ. Какой-то солдатъ сверху обмочилъ мой мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сахаръ фунтовъ двадцать. Сахаръ многiе плѣнные везли.

Ночью прiѣхали въ Москву, городъ темный, на вокзалѣ жгли книжки, а кругомъ плакаты съ золотыми буквами. Шли ночью черезъ городъ. Странно, совсѣмъ пустой.

Пришли въ какой-то переулокъ, ночевали на нарахъ.

На стѣнѣ плакатъ, изображающiй человѣка, у котораго вши на воротникѣ и подмышками. Смотрѣлъ съ большимъ вниманiемъ.

Утромъ выдали мнѣ документы на имя Iосифа Виленчика, лѣтнiе штаны, что-то вродѣ бушлата и пару бѣлья, ложку сахара и денегъ 20 рублей одной желтой керенкой.

Ушелъ къ товарищу филологу. Обрадовался мнѣ и спать положилъ, а вшей онъ не боялся, хотя у него сыпняка еще не было.

Настигъ позже и забылъ онъ во время болѣзни свою фамилію.

Сидѣли, разговаривали, топили каминъ верхами отъ шкафовъ, ящикомъ изъ подъ коллекціи бабочекъ и карнизами съ оконъ.

Зашелъ къ Крыленко, передалъ ему письмо отъ его сестры изъ Кіева (я ее въ Кіевѣ зналъ).

Говорю ему, что нѣтъ побѣдителей, но нужно мириться.

Онъ былъ согласенъ, но говоритъ, что — они побѣдители. И говорилъ, что скоро чрезвычаекъ не будетъ. И съ матерью Крыленко видѣлся, она жила въ саду на Остоженкѣ.

Вернулся въ казарму и поѣхалъ въ Петербургъ съ эшелономъ плѣнныхъ. Ѣдемъ.

Въ вагонѣ снялъ шапку, а у меня очень замѣтная голова, уже и тогда бывшая лысой, со лбомъ сильно развернутымъ.

Я снялъ шапку и легъ на верхнюю полку. Въ вагонъ вошли еще какіе-то люди, не плѣнные. Мы ругались съ ними. Голосъ у меня громкій.

Спустился внизъ, сѣлъ на скамейку. Вагонъ былъ третьяго класса, но теплушка и довольно хорошо освѣщенъ.

И вдругъ человѣкъ въ бѣломъ воротничкѣ, сидящій передо мной обратился ко мнѣ:

«Я знаю тебя, ты — Шкловскій!»

Я посмотрѣлъ, у него на груди замѣтилъ кусокъ синей матеріи. Такой знакъ носили сыщики, когда они стоя-

ли вокругъ моей квартиры. И лицо человѣка узналъ. Онъ стоялъ обыкновенно на углу.

Я и сейчасъ, когда пишу, охрипъ отъ волненія. А синюю ленточку хорошо помню, хотя больше ни отъ кого не слышалъ про чекистскую форму.

Я отвѣтилъ: «Я — Виленчикъ, ѣду изъ плѣна. Васъ не знаю, видите товарищей, я съ ними жилъ въ лагеряхъ три года».

Плѣнные не понимали въ чемъ дѣло, они думали, что вопросъ идетъ о правѣ проѣзда, кто-то разсѣянно сказалъ сверху:

— «Свой, отстань».

Вагонъ былъ деревянный, освѣщенный, воздухъ въ немъ казался мнѣ рѣдкимъ.

Я сказалъ шпику:

«Ну, разъ познакомились, давай чай пить вмѣстѣ, у меня есть сахаръ!»

Полѣзъ наверхъ, принесъ мѣшокъ, положилъ, взялъ чайникъ, пошелъ за кипяткомъ въ сосѣднее отдѣленіе и ничего не думая, прошелъ черезъ весь вагонъ на площадку.

На площадкѣ поставилъ чайникъ, ступилъ на подножку, прыгнулъ впередъ и побѣжалъ, больно ударяясь ногами о шпалы.

Если бы я наскочилъ на стрѣлку, то она бы меня такъ и разнесла.

И вотъ я увидалъ задній фонарь поѣзда.

Слегка мело. Шинель осталась въ вагонѣ. Я пошелъ съ рельсъ въ одну сторону. Мететъ, не видно ничего. Я пошелъ въ другую сторону. Шоссе.

Пошолъ по шоссе. Дѣло было у Клина.

Шелъ, пришелъ въ деревню. Постучался. Впустили. Сказалъ, что отсталъ отъ поѣзда, и что я работалъ въ Австріи на цивильныхъ работахъ и хочу купить полушубокъ изъ хорошей легкой овчины. Продали за 250 рублей.

Купилъ валенки, отдавъ за нихъ свитеръ, который сейчасъ же послали въ печь прожариваться. Вшей на мнѣ было очень много.

Потомъ пилъ чай. Чай былъ изъ березоваго наплыва, безъ вкуса и запаха, одинъ цвѣтъ. Такой наплывъ можно варить хоть годъ, его не убудетъ.

Взялъ лошадь, и везли меня къ утру на сосѣднюю станцію къ Москвѣ.

Здѣсь сѣлъ на дачный поѣздъ, доѣхалъ до Петровско-Разумовскаго и въѣхалъ въ Москву на паровикѣ.

Въ Москвѣ былъ Горькій, котораго я зналъ по «Новой жизни» и «Лѣтописи».

Пошелъ къ Алексѣю Максимовичу, онъ написалъ письмо къ Якову Свердлову. Свердловъ не заставилъ меня ждать въ передней. Принялъ въ большой комнатѣ съ цѣлымъ ковромъ на полу.

Яковъ Свердловъ оказался человѣкомъ молодымъ, одѣтъ въ суконную куртку и кожаные брюки.

Это было во время разгона Уфимскаго Совѣщанія и появленія группы Вольскаго. Свердловъ принялъ меня безъ подозрительности, я сказалъ ему, что я не бѣлый, онъ не сталъ расспрашивать и далъ мнѣ письмо на бланкѣ центральнаго исполнительнаго комитета, въ письмѣ онъ написалъ, что проситъ прекратить дѣло Шкловскаго.

Въ это время, еще до попытки отъѣзда изъ Москвы, встрѣтилъ Ларису Рейснеръ; она меня приняла хорошо и просила, не могу ли я помочь ей отбить Федора Раскольникова изъ Ревеля. Познакомился съ какимъ-то членомъ реввоенсовѣта.

У меня была инерція, къ большевикамъ я относился хорошо и согласился напасть на Ревель съ броневиками, чтобы попытаться взять тюрьму.

Предпріятіе это не состоялось, потому что матросы, которые должны были ѣхать со мной (подъ командой Грицая), разъѣхались кто куда, а больше въ Ямбургъ за свининой. Нѣкоторые же болѣли сыпнякомъ.

Федора Раскольникова просто вымѣняли у англичанъ на что-то.

Пока же я съ Рейснеръ поѣхалъ въ Питеръ съ какимъ-то фантастическимъ мандатомъ, ею подписаннымъ.

Она была комморомъ. Комиссаромъ морского генеральнаго штаба.

Одновременно съ моимъ дѣломъ, Горькій выхлопоталъ отъ Ц. К. обѣщаніе выпустить бывшихъ великихъ князей; онъ уже вѣрилъ, что терроръ кончился и думалъ, что великіе князья будутъ у него работать въ антикварной комиссіи.

Но его обманули; въ ту ночь, когда я ѣхалъ въ Москву, великіе князья были разстрѣляны петербургской чекой. Николай Михайловичъ при разстрѣлѣ держалъ на рукахъ котенка.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, пошелъ къ Еленѣ Стасовой въ Смольный; она служила въ Чека, и мое дѣло было у нея; я пришелъ къ ней въ кабинетъ и передалъ ей за-

писку. Стасова — худая блондинка очень интеллигентнаго вида. Хорошаго вида. Она мнѣ сказала, что она меня арестуетъ и что записка Якова Свердлова не имѣетъ силу приказа, такъ какъ чека автономна — или кажется — такъ сказала:

«Свердловъ и я, оба мы члены партіи, онъ мнѣ не можетъ приказать». Я сказалъ, что ее не боюсь, вообще просилъ меня не запугивать. Стасова очень мило и дѣловито объяснила мнѣ, что она меня не запугиваетъ, а просто арестуетъ. Но не арестовала, а выпустила, не спросивъ адреса и посовѣтовавъ не заходить къ ней, а звонить по телефону. Вышелъ съ мокрой спиной. Позвонилъ къ ней черезъ день, она мнѣ сказала, что дѣло прекращено. Все очень довольнымъ голосомъ.

Такимъ образомъ, чека хочетъ меня арестовать въ 1922 году за то, что я дѣлалъ въ 1918 году, не принимая во вниманіе, что это дѣло прекращено амнистіей по Саратовскому процессу и личной явкой меня самого. Давать же показанія о своихъ прежнихъ товарищахъ я не могу. У меня другая спеціальность.

Въ началѣ 1919 года я оказался въ Питерѣ. Время было грозное и первобытное. При мнѣ изобрѣли сани.

Первоначально вещи и мѣшки просто тащили за собой по тротуару, потомъ стали подвязывать къ мѣшкамъ кусокъ дерева. Къ концу зимы сани были изобрѣтены.

Хуже было съ жилищемъ. Городъ не подходилъ къ новому быту. Новыхъ домовъ построить было нельзя. Строить хижины изъ льда не умѣли.

Сперва топили печки стараго образца мебелью, потомъ просто перестали ихъ топить. Переселились на кух-

ню. Вещи стали дѣлиться на два разряда: горючія и негорючія. Уже въ періодъ 1920-1922 типъ новаго жилища сложился.

Это небольшая комната съ печкой, прежде называемой времянкой, съ желѣзными трубами; на сочлененіяхъ трубъ висятъ жестянки для стеканія дегтя.

На времянкѣ готовятъ.

Въ переходный періодъ жили ужасно.

Спали въ пальто, покрывались коврами; особенно гибли люди въ домахъ съ центральнымъ отопленіемъ.

Вымерзали квартирами.

Дома почти всѣ сидѣли въ пальто; пальто подвязывали для тепла веревкой.

Еще не знали, что для того, чтобы жить, нужно ѣсть масло. Ѣли одинъ картофель и хлѣбъ, хлѣбъ же съ жадностью. Раны безъ жировъ не заживаютъ, оцарапаемъ руку, и рука гніетъ, и тряпка на ранѣ гніетъ.

Ранили себя неумолимыми топорами. Женщинами интересовались мало. Были импотентами, у женщинъ не было мѣсячныхъ.

Поздиѣе начались романы. Все было голое и открытое, какъ открытые часы; жили съ мужчинами потому, что поселились въ одной квартирѣ. Отдавались дѣвушки съ толстыми косами въ 5 ½ часовъ дня потому, что трамвай кончался въ шесть.

Все было въ свое время.

Другъ мой, человѣкъ, про котораго въ университетѣ говорили, что онъ имѣетъ всѣ признаки геніальности, жилъ посреди своей старой комнаты между четырьмя стульями, покрытыми брезентомъ и коврами. Залѣзетъ,

надышетъ и живетъ. И электричество туда провелъ. Тамъ онъ писалъ работу о родствѣ малайскаго языка съ японскимъ. По политическимъ убѣжденіямъ онъ коммунистъ.

Лопнули водопроводы, замерзали клозеты. Страшно, когда человѣку выйти некуда. Мой другъ дорогой, но тотъ, который подъ коврами, говорилъ, что онъ завидуетъ собакамъ, которымъ не стыдно.

Было холодно, топили книгами. Въ темномъ «Домѣ Литераторовъ» отсиживались отъ мороза; ѣли остатки съ чужихъ тарелокъ.

Разъ ударилъ морозъ. Морозъ чрезвычайный, казалось, что такого мороза еще не было никогда, что онъ, какъ потопъ.

Вымерзали. Кончались.

Но подулъ теплый и влажный вѣтеръ, и дома, промерзшіе наскводь, посеребрили свои стѣны объ этотъ теплый воздухъ. Весь городъ былъ серебряный, а прежде была серебряная одна Александровская колонна.

Рѣдкими пятнами выдѣлялись на домахъ темныя стѣнки комнатъ, немногихъ комнатъ, въ которыхъ топили.

У меня дома было семь градусовъ. Ко мнѣ приходили грѣться и спали на полу вокругъ печки. Я сломалъ передъ этимъ одинъ одиноко стоящій сарай. На ломку позвали меня шофера. Они же подковали мои сани желѣзомъ. Жили они краденымъ керосиномъ.

Итакъ началась оттепель. Я вышелъ. Теплый западный вѣтеръ.

Навстрѣчу вижу ѣдетъ мой другъ, завернутый въ башлыкъ, въ пледъ, еще во что-то, за нимъ санки, въ санкахъ мотокъ въ моткѣ, его дѣвочка.

Я остановилъ его и сказалъ: «Борисъ, тепло», — онъ уже самъ не могъ чувствовать.

Я ходилъ грѣться и ѣсть къ Гржебину. При мнѣ Госиздатъ переслалъ Гржебину письмо Мережковскаго, въ которомъ онъ просилъ, чтобы революціонное правительство (Совѣтское) поддержало его (Мережковскаго), человѣка, который былъ всегда за революцію и купило бы его собраніе сочиненій. Собраніе сочиненій уже было продано Гржебину. Письмо это вмѣстѣ со мной читали Юрій Анненковъ и Михаилъ Слонимскій. Я способенъ продать одну рукопись двумъ издателямъ, но письма бы такого не написалъ.

Умирали, возили трупы на ручныхъ салазкахъ.

Теперь стали подбрасывать трупы въ пустыя квартиры. Дороговизна похоронъ.

Я посѣтилъ разъ своихъ старыхъ друзей. Они жили въ домѣ на одной аристократической улицѣ, топили сперва мебелью, потомъ полами, потомъ переходили въ слѣдующую квартиру. Это — подсѣчная система.

Въ домѣ, кромѣ нихъ, не было никого.

Въ Москвѣ было сытнѣй, но холоднѣй и тѣснѣй.

Въ одномъ московскомъ домѣ жила военная часть; ей было отведено два этажа, но она ихъ не использовала, а сперва поселилась въ нижнемъ, выжгла этажъ, потомъ переѣхала въ верхній, пробила въ полу дырку въ нижнюю квартиру, нижнюю квартиру заперла, а дырку использовала, какъ отверстіе уборной.

Предпріятіе это работало годъ.

Это не столько свинство, сколько использованіе вещей съ новой точки зрѣнія и слабость.

Трудно неподкованными ногами, ногами безъ шиповъ, скользить по проклятой укатанной землѣ.

Въ ушахъ шумитъ, глохнешь отъ напряженія и падаешь на колѣни. А голова думаетъ сама по себѣ «О связи пріемовъ сюжетосложенія съ общими пріемами стиля». «Не забудьте, пожалуйста, подтяжки». Въ это время я кончалъ свою работу. Борисъ свою. Осипъ Брикъ кончилъ работу о повторахъ, и въ 1919 году мы издали въ издательствѣ «Имо» книгу «Поэтика» въ 15 печатныхъ листовъ по 40.000 знаковъ.

Мы собирались. Разъ собрались въ комнатѣ, которую залило. Сидѣли на спинкахъ стульевъ. Собирались во тьмѣ. И въ темную прихожую со стукомъ входилъ Сергѣй Бонди съ двумя липовыми кардонками, связанными вмѣстѣ веревкой. Веревка врѣзалась въ плечо.

Зажгли спичку. У него было лицо (бородатое и молодое) Христа, снятаго съ креста.

Мы работали съ 1917 года по 1922, создали научную школу и вкатили камень въ гору.

Жена моя (я женился въ 1919 или 1920 году, при женитьбѣ принялъ фамилію жены Корди, но не выдержалъ характера и подписываюсь Шкловскій) жила на Петербургской сторонѣ.

Это было очень далеко.

Мы рѣшили переѣхать въ Питеръ.

Насъ пригласилъ въ свою квартиру одинъ молодой коммунистъ.

Жилъ онъ на Знаменской.

По происхожденію былъ онъ сыномъ присяжнаго повѣреннаго, имѣвшаго шахты около Ростова на Дону.

Отецъ его умеръ послѣ октябрьскаго переворота. Дядя застрѣлился. Оставилъ записку: «Проклятые большевики».

Онъ жилъ теперь совсѣмъ одиноко. Это былъ хорошій и честный мальчикъ. Въ его комнатѣ понравился мнѣ письменный столъ изъ краснаго дерева.

Мы вели хозяйство вмѣстѣ, ѣли хлѣбъ, когда былъ, ѣли конину. Продавали свои вещи. Я умѣлъ продавать свои вещи съ большей легкостью, чѣмъ онъ. Меньше жалѣлъ. Когда было холодно, ходилъ по его квартирѣ и стучалъ топоромъ по мебели, а онъ огорчался.

Началъ наступать Юденичъ. Коммунистовъ мобилизовали, отправили на фронтъ.

Башкиры бѣжали, онъ бросалъ въ нихъ бомбы.

Его ранили въ плечо при атакѣ.

Положили въ лазаретъ, рана не заживала отъ недостатка жировъ.

Наконецъ, немного затянулась.

Поѣхалъ на фронтъ опять, фронтомъ въ этотъ разъ оказалась мѣстность подъ Петербургомъ. Гдѣ-то у Лембалова.

Наступали зеленые. Потомъ перевели ближе къ Петербургу.

Сидѣлъ въ штабѣ. Заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. Лежалъ въ баракѣ, черезъ крышу капала вода, среди больныхъ были безумные, они залѣзали подъ кровать и бредили.

У мальчика уже останавливалось сердце.

Сердце останавливалось, и нужно было впрыснуть камфору. Камфоры не было.

Сидѣлка или сестра ходила по лазароту. Мальчикъ былъ красивый, хорошій типъ лаунтонисиста съ широкой грудью. Она вспрыснула ему камфору, послѣднія, самыя послѣднія ампулы въ лазаретѣ. Онъ выздоровѣлъ.

Шевелилась Финляндія. Нужно было сдѣлать послѣдное усиліе.

— «Товарищи, сдѣлаемъ послѣдное усиліе!» кричалъ Троцкій.

Коммунистъ поѣхалъ на фронтъ. Былъ снѣгъ. Снѣгъ и елка или сосна. Разъ ѣхалъ онъ на лошади по этому снѣгу вмѣстѣ съ товарищемъ, ѣхалъ, ѣхалъ.

Потомъ остановился, слѣзъ съ лошади, сѣлъ на камень. Сидѣнье на камнѣ изображаетъ отчаяніе въ эпосѣ (смотри А. Весселовскій, томъ 3), сѣлъ на настоящій камень и заплакалъ. Онъ ѣхалъ съ товарищемъ.

Товарищъ вскочилъ на лошадь и погналъ ее гономъ на квартиру за кокаиномъ.

Нужно было сдѣлать послѣднее усиліе. Коммуниста взяли и отправили на фронтъ противъ Польши.

Сперва наступали. Потомъ отрѣзало. Попалъ въ плѣнъ. Выбросилъ свои бумаги чекиста. Онъ былъ чекистъ.

Документъ нашли, но фотографическая карточка та..ъ испортилась, что коммунистъ не былъ узнанъ.

Плѣнныхъ били, а утромъ рѣшили разстрѣлять. Ночью еврей-бундовцы, стоявшіе у плѣнныхъ на часахъ, выпустили ихъ. Они бѣжали и попали въ плѣнъ въ другую часть.

Здѣсь били, но не разстрѣляли.

Посадили въ плѣнъ, держали въ тюрьмахъ годъ. И за годъ солдаты не сказали, что онъ чекистъ.

Я долженъ это написать.

Проходя мимо, совали ему банку консервовъ изъ-за спины и говорили: «Возьми, товарищъ».

Кормили его тоже солдаты и офицеры. Били его поляки страшно, главнымъ образомъ, по икрамъ: говоритъ, побои по икрамъ не видны.

Было холодно, пальцы отморозилъ. Пальцы ампутировали.

Плѣнная красная сестра насиловалась, польскіе офицеры заразили ее сифилисомъ. Она жила съ ними.

Заражала, потомъ отравилась морфіемъ. Оставила записку: «Проституировала, чтобы заражать».

А я теоретикъ искусства, я камень падающій и смотрящій внизъ, я знаю, что такое мотивировка!

Я не вѣрю въ записку.

А если и вѣрю, то скажите мнѣ, неужели мнѣ нужно, чтобы польскіе офицеры заражались?

Били долго. Потомъ вымѣняли его большевики на ксендза.

Въ это время мы въ Петербургѣ уже считали его мертвымъ.

Онъ пріѣхалъ. Пришелъ ко мнѣ въ остроконечной шапкѣ съ молчаливымъ вѣстовымъ позади.

Сталъ сутулымъ. Смотрѣлъ страшно. Онъ проѣхалъ черезъ всю Россію при новой экономической политикѣ.

Ночью спалъ у меня на диванѣ.

Мнѣ ночью часто снится, что у меня на рукахъ взрывается бомба.

Со мной разъ былъ такой случай.

Мнѣ ночью снится иногда, что падаетъ потолокъ, что міръ рушится, я подбѣгаю къ окну и вижу, какъ въ пустомъ небѣ плыветъ послѣдній осколокъ луны.

Я говорю женѣ: «Люся, не волнуйся, одѣвайся, міръ кончился».

Коммунистъ спалъ ужасно, онъ кричалъ и плакалъ, и грезилъ во снѣ.

Мнѣ было очень жалко его.

Онъ жилъ въ маленькомъ городкѣ подъ Петербургомъ, денегъ у него было мало, но въ городкѣ можно было достать водку за хлѣбъ и гимназистки занимались проституціей.

Я думаю, что ночью спать съ нимъ рядомъ страшно.

За нѣсколько дней до моего побѣга изъ Россіи, я получилъ письмо отъ коммуниста. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Особый отдѣлъ поссорился съ губернской чекой, коммунистъ избилъ агента чека на улицѣ, поймавъ его на томъ, что онъ слѣдитъ за нимъ.

Его арестовали и предъявили ему обвиненіе въ 16 пунктахъ, въ томъ числѣ, что, прійдя изъ плѣна (голымъ), онъ самовольно взялъ рубашку и гимнастерку.

Вотъ и все о коммунистѣ. Теперь его уже выпустили.

Голодалъ я въ это время и поступилъ съ голоду инструкторомъ въ автомобильную школу на Семеновскій.

Школа была въ такомъ состояніи, что продукты возили на себѣ. Ни одного автомобиля. Классы не топлены. Жизнь команды сосредоточена вокругъ лавки. Выдавали хлѣбъ, одинъ фунтъ въ день, селедку, нѣсколько золотниковъ ржи, кусокъ сахара.

Приносишь домой и странно смотрѣть на эти крошечныя порціи. Какъ будто смѣялись. Разъ выдали коровье мясо. Какой у него былъ поразительный вкусъ! Какъ будто въ первый разъ узналъ женщину. Что-то совсѣмъ новое. Еще выдавали мороженую картошку, а иногда павидлу въ кооперативѣ наркомпроса. Картошку — пудами, она была такая мягкая, что ее можно было раздавить въ пальцахъ. Мыть мерзлую картошку нужно подъ раковиной въ холодной проточной водѣ, мѣшая ее лучше всего палкой. Картофелины трутъ другъ друга и отмываются. Потомъ дѣлаютъ изъ нее форшмаки, но нужно класть много перца. Выдавали конину, разъ выдали ее много — бери сколько хочешь! Она почти тухла. Взяли.

Жарили конину на китовомъ жиру, т. е. его называли китовымъ, кажется это былъ спермацетъ (?); хорошая вещь для кремовъ, но стынетъ на зубахъ.

Изъ конины дѣлали бефъ-строгановъ съ ржаной мукой. Разъ достали много хлѣба и созвали гостей, кормили всѣхъ кониной и хлѣбомъ, сколько хочешь безъ карточекъ и по двѣ карамели каждому.

Гости впали въ добродушное настроеніе и жалѣли только, что пришли безъ женъ.

Въ это время уже вышла книга «Поэтика» на необычайно тонкой бумагѣ, тоньше пипифакса. Другой не нашли.

Изданіе было сдано въ Наркомпросъ, а мы получили по ставкамъ.

Въ это время книжные магазины еще не были закрыты, но книги распространялись наркомпросомъ. Такъ шло почти три года.

Книги печатались въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, въ общемъ не менѣе 10.000 и очень часто до 200.000; печаталъ почти исключительно Наркомпросъ, бралъ ихъ и отправлялъ въ Центропечать.

Центропечать разсылала въ Губпечать и такъ далѣе.

Въ результатѣ въ Россіи не стало книгъ вовсе. Пришлютъ, напримѣръ, въ Гомель 900 экземпляровъ карты звѣзднаго неба. Куда дѣвать? Лежитъ.

Нашу книгу въ Саратовѣ раздавали по красноармейскимъ читальнямъ. Громадное количество изданій было потеряно въ складахъ. Просто завалилось. Агитаціонную литературу, особенно къ концу, совсѣмъ скурили. Были города, напримѣръ, Житоміръ, въ которыхъ никто не видѣлъ за три года ни одной новой книги.

Да и печатать печатали книги случайныя, опять-таки кромѣ агитаціонныхъ.

Поразительно, насколько государство глупѣе отдѣльныхъ лицъ! Издатель найдетъ читателя и читатель книгу. И отдѣльная рукопись найдетъ издателя. Но если прибавить къ этому госиздатъ и полиграфическую секцію, то получатся только горы книгъ, въ родѣ Монблана изъ «250 дней въ царской ставкѣ» Лемке, книги, засланныя въ воспитательные дома, остановленная литература.

Какіе невѣроятные разсказы слышать приходилось! Собираютъ молоко. Приказъ привести молоко къ такому-то дню туда-то. Посуды нѣтъ. Льютъ на землю. Дѣло подъ Тверью. Такъ разсказывалъ мнѣ предсѣдатель одной комиссіи по сбору продналога (коммунистъ). Наконецъ, нашли посуду, сельдяныя бочки. Наливаютъ въ нихъ молоко и везутъ, привозятъ и выливаютъ. Самимъ

смотрѣть тошно. То же съ яйцами. Подумать только, что два-три года Петербургъ ѣлъ только мороженую картошку.

Всю жизнь нужно было привести въ формулу и отрегулировать, формула была привозена готовой заранѣе. А мы ѣли гнилую картошку.

Въ 1916 году служилъ я въ Авіаціонной школѣ при Политехническомъ Институтѣ; пришла разъ къ намъ бумага.

Бумага имѣла совершенно серьезный видъ, напечатана циркулярно всѣмъ школамъ и всѣмъ ротамъ. Написано было въ ней: «неуклонно слѣдить за тѣмъ, чтобы авіаціонные механики умѣли отличать трубку для бензина отъ трубки для масла у двигателя «Гномъ».

Это такое же приказаніе, какъ если разослать по всѣмъ деревнямъ циркуляръ, чтобы не путали коровъ съ лошадьми. Оказалось, однако, что это не мистификація.

Нѣсколько словъ о ротативномъ двигателѣ «Гномъ».

«Гномъ» необыкновенный, парадоксальный двигатель. Въ немъ колѣнчатый валъ стоитъ на мѣстѣ, а цилиндры, съ прикрѣпленнымъ на нихъ пропеллеромъ, вращаются.

Я не хочу сразу объяснять вамъ детали этой машины, скажу просто, что и масляная трубка, и трубка для бензина идутъ въ ней черезъ колѣнчатый валъ.

Двигатель этотъ смазывается или, вѣрнѣе, смазывался (сейчасъ на немъ уже почти, развѣ только на типѣ Моносупонъ или Ронъ, никто не летаетъ) касторовымъ масломъ. Масла идетъ на него очень много, оно подъ вліяніемъ центробѣжной силы даже выбрасывается черезъ клапаны въ головкахъ цилиндровъ.

Если подойти къ такому двигателю на мѣстѣ его работы, то рискуешь оказаться забрызганнымъ масломъ.

И пахнетъ двигатель сладкимъ пряннымъ запахомъ горѣлой касторки.

Такимъ образомъ, расходъ масла въ этомъ двигателѣ приближается къ половинѣ расхода бензина. Точно не помню. Наши механики спутали трубки.

Тогда масло пошло черезъ колѣнчатый валъ въ кратеръ двигателя, а отсюда черезъ клапаны въ поршняхъ въ камеру сжатія, а бензинъ пошелъ по масляной трубкѣ черезъ колѣнчатый валъ на шатуны и отсюда черезъ поршневой палецъ на стѣнки цилиндровъ, какъ смазка. И представьте себѣ, двигатели шли. Они шли на смазкѣ изъ бензина. Шли они оттого, что были расчитаны приблизительно, безъ всякой экономіи, «валяй больше», и бензинъ все же попадалъ въ свое мѣсто и взрывался. Такимъ способомъ шли они минутъ по пяти.

Потомъ сталь машины принимала цвѣтъ гнилой воды, поршень заѣдало, и машина останавливалась навсегда.

Вызвали французовъ-механиковъ, тѣ посмотрѣли и не знаю, упали ли они въ обморокъ или заплакали.

Тогда разослали циркуляръ.

Большевики вошли въ уже больную Россію, но они не были нейтральны, нѣтъ, они были особенными организующими бациллами, но другого міра и измѣренія. Это какъ организовать государство изъ рыбъ и птицъ, положивъ въ основаніе двойную бухгалтерію.

Но механизмъ, который попалъ въ руки большевиковъ и въ который они попали бы, такъ несовершененъ, что могъ работать и наоборотъ.

Смазка вмѣсто горючаго.

Большевики держались и держатся, и будутъ держаться, благодаря несовершенству механизма ихъ управленія.

Впрочемъ, я несправедливъ къ нимъ. Такъ несправедливо глухой считаетъ безумными танцующихъ. У большевиковъ была своя музыка.

Все отступленіе построено на пріемѣ, который въ моей «поэтикѣ» называется задержаніемъ.

Профессоръ Тихвинскій незадолго до своего ареста разсказывалъ при мнѣ: «Вотъ взяли Грозный, мы телеграфировали сейчасъ же, чтобы нефть грузили изъ такихъ-то источниковъ и не грузили бы изъ такихъ-то. На телеграмму нашу не обратили вниманія. Накачали въ цистерны нефть съ большимъ содержаніемъ парафина, пригнали въ Петербургъ, здѣсь холоднѣе, она застыла, изъ цистернъ не идетъ. Раньше ею пользовались только въ районѣ закаспійскихъ дорогъ. Теперь у насъ заняты цистерны, мы не можемъ вернуть порожняка, подвозъ прекратили. Нефть приходится изъ цистерны чуть ли не выковыривать и неизвѣстно, что съ ней потомъ дѣлать.»

Такіе разсказы приходилось слышать каждый день. Если бы разсказать, что дѣлали въ одномъ автомобильномъ дѣлѣ.

Спросятъ, а какъ Россія позволила?

Есть бродячій сюжетъ, который разсказывается въ Сѣверной Африкѣ бурами про кафровъ и въ Южной Россіи евреями про украинцовъ.

Покупатель принимаетъ у туземца мѣшки съ мукой.

Говоритъ ему: «Ты записывать не умѣешь, такъ я буду давать тебѣ за каждый принесенный мѣшокъ новый двугривенный, а потомъ въ концѣ я заплачу тебѣ за каждый двугривенный по 1 руб. 25 копеекъ. Туземецъ приноситъ 10 мѣшковъ и получаетъ 10 двугривенныхъ, но ему ихъ жалко отдавать, они новенькіе, онъ крадетъ два и отдаетъ только восемь. Продавецъ зарабатываетъ на этомъ 2 руб. 10 коп.»

Россія украла много двугривенныхъ у себя. Понемножку съ каждаго вагона. Она погубила заводы, но получила съ нихъ приводные ремни на сапоги.

А пока что, пока еще не все кончилось, она понемногу крадетъ. Нѣтъ вагона, который прошелъ бы отъ Ревеля до Петербурга цѣлымъ. — Этимъ и живутъ.

И вотъ я не умѣю ни слить, ни связать все то странное, что я видѣлъ въ Россіи.

Хорошо ли тревожить свое сердце и разсказывать про то, что прошло?

И судить, не вызвавъ свидѣтелей. Только про себя я могу разсказать, и то не все.

Я пишу, но берегъ не уходитъ отъ меня, я не могу волкомъ заблудиться въ лѣсу мыслей, въ лѣсу словъ, мною созданныхъ. Не пропадаютъ берега, жизнь кругомъ, и нѣтъ кругомъ словеснаго океана, и не загибаются кверху его края. Мысль бѣжитъ и бѣжитъ по землѣ и все не можетъ взлетѣть, какъ неправильно построенный аэропланъ.

И вьюга вдохновенія не хочетъ скрутить мои мысли и не беретъ богъ шамана съ земли. Облизываю губы, онѣ безъ пѣны.

И это все потому, что я не могу забыть про судъ, про тотъ судъ, который завтра начнется въ Москвѣ.

Жизнь течетъ обрывистыми кусками, принадлежащими разнымъ системамъ.

Одинъ только нашъ костюмъ, не тѣло, соединяетъ разрозненные миги жизни.

Сознаніе освѣщаетъ полосу соединенныхъ между собой только свѣтомъ отрѣзковъ, какъ прожекторъ освѣщаетъ кусокъ облака, море, кусокъ берега, лѣсъ, не считаясь съ этнографическими границами.

А безуміе систематично, во время сна все связно.

И съ осколками своей жизни стою я сейчасъ передъ связнымъ сознаніемъ коммунистовъ.

Но и моя жизнь соединена своимъ безумьемъ, я не знаю только его имени.

И вы, друзья послѣднихъ годовъ, мы ростили съ Вами, среди моремъ пахнущимъ улицъ Петербурга, простого и трогательнаго, мы ростили свои работы, ненужныя, кажется, никому.

Я продолжаю дѣлать продольный разрѣзъ своей жизни.

Уже къ веснѣ я заболѣлъ желтухой, кажется на почвѣ отравленія дурнымъ жиромъ въ столовой (платной) авто-роты.

Сдѣлался совсѣмъ зелено-желтымъ, яркимъ, какъ канарейка. И желтые глаза.

Но хотѣлось двигаться, думать, шевелиться. Нужно было доставать дрова, возить эти дрова на себѣ.

Было холодно, дрова дала мнѣ сестра и дала еще хлѣбъ изъ ржаной муки съ льнянымъ сѣменемъ.

Въ квартирѣ ея меня удивила темнота. Она не была на бронированномъ кабелѣ.

Въ темной дѣтской, при свѣтѣ бензиновой свѣчи, — это такой металлическій цилиндръ съ асбестовымъ шнуромъ, вродѣ большой зажигалки, — сидѣли и ждали тихія дѣти.

Двѣ дѣвочки: Галя и Марина.

Черезъ нѣсколько дней сестра умерла внезапно. Я былъ испуганъ.

Сестра моя Евгенія была мнѣ самымъ близкимъ человѣкомъ, мы страшно похожи лицомъ, а ея мысли я могъ угадывать.

Отличалъ ее отъ меня снисходительный и безнадежный пессимизмъ.

Умерла она 27 лѣтъ отъ роду.

Имѣла хорошій голосъ, училась, хотѣла пѣть.

Не нужно плакать, нужно любить живыхъ!

Какъ тяжело думать, что есть люди, которыя умерли, а ты не успѣлъ сказать имъ даже ласковаго слова.

И люди умерли одинокими.

Не нужно плакать.

Зима 1919 года сильно измѣнила меня.

Въ концѣ зимы мы всѣ испугались и рѣшили бѣжать изъ Петербурга.

Сестра, умирая, бредила, что я уѣзжаю и беру съ собой дѣтей моего убитаго брата.

Было страшно, отъ голода умерла моя тетка.

Жена моя со своей сестрой рѣшила ѣхать на югъ; въ Херсонѣ я долженъ былъ догнать ее.

Съ трудомъ досталъ командировку. Кіевъ былъ только что занятъ красными.

Жена уѣхала. Кажется, было первое мая.

Я не видалъ ее послѣ этого годъ, началъ наступать Деникинъ, отрѣзалъ югъ. Была весна. Въ городѣ дизентерія.

Я лежалъ въ лазаретѣ, въ углу умиралъ сифилитикъ.

Лазаретъ былъ хорошій, и я въ немъ началъ писать первую книжку своихъ мемуаровъ: «Революція и фронтъ».

Была весна. Ходилъ по набережнымъ. Какъ каждый годъ.

Лѣтомъ продолжалъ писать, въ Троицынъ день писалъ на дачѣ въ Лахтѣ.

Стекла дрожали отъ тяжелыхъ выстрѣловъ. Кронштадтъ весь въ дыму перестрѣливался съ Красной Горкой. Письменный столъ дрожалъ.

Мама стряпала пирожки. Молола пшеницу въ мясорубкѣ, муки не было. Дѣти радовались дачѣ, потому что у нихъ есть грядки.

Это не плохо, это инерція жизни, которая позволяетъ жить, а привычка повторять дни залѣчиваетъ раны.

Еще осенью во «Всемірной Литературѣ» на Невскомъ открылась студія для переводчиковъ.

Очень быстро она превратилась просто въ литературную студію.

Здѣсь читали Н.С. Гумилевъ, Л. Лозинскій, Е. Замятинъ, Андрей Левинсонъ, Корнѣй Чуковскій, Влад. Каз. Шилейко, пригласили позже меня и Б. М. Эйхенбаума.

У меня была молодая, очень хорошая аудиторія. Занимались мы теоріей романа. Вмѣстѣ со своими учени-

ками, я писалъ свою книжку о «Донъ Кихотѣ» и о Стерне. Я никогда не работалъ такъ, какъ въ этомъ году. Спорилъ съ Александрой Векслеръ о значеніи типа въ романѣ.

Такъ пріятно переходить отъ работы къ работѣ, отъ романа къ роману и смотрѣть, какъ они сами развертываютъ теорію.

Съ Невскаго мы скоро перешли на Литейную въ домъ Мурузи.

Студія уже отдѣлялась отъ «Всемірной Литературы».

Квартира была богатая, въ восточномъ стилѣ съ мраморной лѣстницей, все вмѣстѣ очень похоже на баню. Печку топили меньшевистской литературой, которая осталась отъ какого-то клуба.

Осенью наступалъ Юденичъ.

Съ Петропавловской крѣпости стрѣляли по Стрѣльнѣ.

Крѣпость казалась кораблемъ въ дыму.

На улицахъ строили укрѣпленія изъ дровъ и мѣшковъ съ пескомъ.

Изнутри казалось, что силъ сопротивленія нѣтъ, а снаружи, какъ я сейчасъ читаю, казалось, что нѣтъ силы для нападенія.

Въ это время дезертиры ѣздили въ городъ на трамваѣ.

И выстрѣлы, выстрѣлы были въ воздухѣ, какъ облака въ небѣ.

Въ гражданской войнѣ наступаютъ другъ на друга двѣ пустоты.

Нѣтъ бѣлыхъ и красныхъ армій.

Это — не шутка. Я видалъ войну.

Бѣлые дымомъ стояли вокругъ города. Городъ лежалъ, какъ во снѣ.

Семеновскій полкъ разрѣшился своей, три года подготовляемой, измѣной.

А ко мнѣ пришелъ одинъ мой товарищъ солдатъ и сказалъ:

«Послушай, Шкловскій, говорятъ на насъ и финляндцы будутъ наступать, нѣтъ, я не согласенъ, чтобы насъ третье Парголово завоевывало, я въ пулеметчики пойду.»

Осажденный городъ питался одной капустой; но стрѣлка манометра медленно перевалила черезъ ноль, вѣтеръ потянулъ отъ Петербурга, и бѣлые разсѣялись.

Настала новая зима.

Жилъ я тѣмъ, что покупалъ въ Питерѣ гвозди и ходилъ съ ними въ деревню мѣнять на хлѣбъ.

Въ одну изъ поѣздокъ встрѣтилъ въ вагонѣ солдата-артиллериста. Разговорились. Его вмѣстѣ съ трехдюймовой пушкой уже много разъ брали въ плѣнъ, то бѣлые, то красные. Самъ онъ говорилъ: «Я знаю одно — мое дѣло попасть».

Эту зиму я работалъ въ студіи и въ газетѣ «Жизнь Искусства», куда меня пригласила Марія Федоровна Андреева. Жалованье было маленькое, но иногда выдавали чулки. Но чѣмъ мнѣ заполнить зиму въ мемуарахъ такъ, какъ она была заполнена въ жизни.

Я рѣшилъ въ этомъ мѣстѣ разсказать про Алексѣя Максимовича Пѣшкова — Максима Горькаго.

Съ этимъ высокимъ человѣкомъ, носящимъ ежикъ, немного сутулымъ, голубоглазымъ, по виду очень сильнымъ, я познакомился еще въ 1915 году въ «Лѣтописи».

Необходимо написать еще до всякихъ словъ о Горькомъ, что Алексѣй Максимовичъ нѣсколько разъ спасъ мою жизнь. Онъ поручился за меня Свердлову, давалъ мнѣ деньги, когда я собирался умереть, и моя жизнь въ Питерѣ въ послѣднее время прошла между нѣсколькими учрежденіями, имъ созданными.

Пишу это все, не какъ характеристику человѣка, а прямо какъ фактъ моей біографіи.

Я часто бывалъ въ домѣ Горькаго.

Я человѣкъ остроумный и любящій чужія шутки, а въ домѣ Горькаго много смѣялись.

Тамъ былъ особый условный тонъ — отношенія къ жизни. Ироническое ея непризнаніе.

Въ родѣ тона разговора съ мачехой въ домѣ героя «Отрочество» Толстого.

У Горькаго въ «Новой жизни» есть статья о французскомъ офицерѣ, который въ бою, видя, что отрядъ его порѣдѣлъ, закричалъ: «Мертвые, встаньте!»

Онъ былъ французъ, вѣрящій въ красивыя слова. И мертвые, потому что въ бою многіе испуганные ложатся на землю и не могутъ встать подъ пули,—мертвые встали.

Прекрасна вѣра и неболзнь французовъ героизма. А мы умирали съ матерщиной. И мы, и французы боимся смѣшного, но мы боимся великаго, нарядного, какъ смѣшного.

И вотъ мы въ смѣхѣ кончаемся.

Жизнь Горькаго — длинная жизнь, изъ русскихъ писателей онъ умѣлъ, можетъ быть, одинъ, въ свое время вносить въ Россію нарядность героевъ Дюма, и въ первыхъ вещахъ его мертвые вставали.

Большевизмъ Горькаго, большевизмъ ироническій и безвѣрный въ человѣка. Большевизмъ я понимаю, не какъ принадлежность къ политической партіи. Горькій въ партіи никогда не былъ.

Мертвыхъ нельзя водить въ атаку, но изъ нихъ можно выложить штабели, а между штабелями проложить дорожки, посыпать песочкомъ.

Я ушелъ въ сторону, но все организующее человѣка лежитъ внѣ его самого. Онъ самъ мѣсто пересѣченія силъ.

Народъ можно организовать. Большевики вѣрили, что матеріалъ не важенъ, важно оформленіе, они хотѣли проиграть сегодняшній день, проиграть біографіи и выиграть ставку исторіи.

Они хотѣли все организовать, чтобы солнце ставало по расписанію, и погода дѣлалась въ канцеляріи.

Анархизмъ жизни, ея подсознательность, то, что дерево лучше знаетъ, какъ ему расти — не понятно имъ.

Проэкція міра на бумагѣ не случайная ошибка большевиковъ.

Сперва вѣрили, что формула совпадаетъ съ жизнью, что жизнь сложится «самодѣятельностью массъ», но по формулѣ.

Какъ дохлые носороги и мамонты, лежатъ сейчасъ въ Россіи эти слова, — ихъ много! — «самодѣятельность массъ», «власть на мѣстахъ» и ихтіозавръ «миръ безъ аннексій и контрибуцій», и дѣти смѣются надъ подохшими и не сгнившими чудовищами.

Горькій былъ искреннимъ большевикомъ.

Всемірная Литература. Не надо, чтобы русскій писатель писалъ, что хочетъ, надо, чтобы онъ переводилъ классиковъ, всѣхъ классиковъ, чтобы всѣ переводили и чтобы всѣ читали. Прочтутъ всѣ и все, все узнаютъ.

Не надо сотни издательствъ, нужно одно — Гржебина. И каталогъ издательства на сто лѣтъ, сто печатныхъ листовъ каталога на англійскомъ, французскомъ, индо-китайскомъ и санскритскомъ языкахъ.

И всѣ литераторы, и всѣ писатели по рубрикамъ подъ наблюденіемъ самого С. Ольденбурга и Александра Бенуа напомнятъ схемы, и родятся шкапы книгъ, и всякій прочтетъ всѣ шкапы, и будетъ все знать.

Тутъ не нужно ни героизма, ни вѣры въ людей.

Пусть не встанутъ мертвые, за нихъ все устроятъ.

Горькій и Ленинъ не даромъ встрѣтились вмѣстѣ.

Но для русской интеллигенціи Горькій былъ Ноемъ.

На ковчегахъ «Всемірная Литература», «Изд. Гржебина», «Домъ Искусствъ» спасались во время потопа.

Спасались не для контръ-революціи, а для того, чтобы не перевелись грамотные люди въ Россіи.

Большевики приняли эти концентраціонные лагери для интеллигенціи. Не разогнали ихъ.

Безъ этого интеллигенція выродилась бы и нахалтурилась на чисто. Большевики же получили бы тогда тѣхъ, которые не умерли — прохвостовъ, но въ полную собственность.

Такимъ образомъ Горькій былъ идеологически не правъ, а практически полезенъ.

У него манера связывать энергичныхъ людей въ связки — выдѣлять левитовъ. Послѣдней изъ этихъ связокъ

передъ его отъѣздомъ были «Серапіоновы Братья». У него легкая рука на людей.

Въ человѣчество Горькій не вѣритъ совершенно.

Людей Горькій любитъ не всѣхъ, а тѣхъ, кто хорошо пишетъ или хорошо работаетъ...

Нѣтъ, не пишется и не спится мнѣ.

И бѣлая ночь видна изъ окна, и заря надъ озимями.

А колокольчики лошадей, выпущенныхъ въ лѣсъ на ночь, звонятъ.

То-ло-ненъ... то-ло-ненъ.

Толоненъ фамилія сосѣдняго фина.

Нѣтъ, не пишется и не спится мнѣ.

И бѣлая ночь видна изъ окна, и заря надъ озимями.

И въ Петербургѣ дежуритъ въ небѣ богиня цитатъ, адмиралтейская игла.

А изъ окна «Дома Искусствъ» видитъ моя жена зеленые тополя и зарю за куполомъ Казанскаго Собора.

А тутъ Толоненъ...

Не быть мнѣ счастливымъ.

Не скоро сяду я пить въ своей комнатѣ за каменнымъ столомъ чай съ сахаромъ изъ стакановъ безъ блюдцевъ, въ кругу друзей и не скоро увижу кружки отъ стакановъ на столѣ.

И не придутъ ко мнѣ Борисъ Эйхенбаумъ и Юрій Тыняновъ, и не станутъ говорить о томъ, что такое «ритмико-синтаксическія фигуры».

Комната плыветъ одна, какъ «Плотъ медузы», а мы ищемъ доминанту искусства, и кто-то сейчасъ тронется впередъ своей мыслью, странно тряхнувъ головой.

Люся говоритъ тогда, «что онъ отжевалъ мундштукъ»; это потому, что такое движеніе головой и ртомъ дѣлаетъ верховая лошадь, трогаясь.

О, кружки отъ стакановъ на каменномъ столѣ!

И дымъ изъ трубъ нашихъ времянокъ! Наши комнаты были полны дымомъ отечества.

Милый, Люсинъ 1021 годъ!

Спишь подъ одѣяломъ и тигромъ, тигра купили въ совѣтскомъ магазинѣ, онъ бѣглый изъ какой-нибудь квартиры. Голову у него мы отрѣзали.

А Всеволодъ Ивановъ купилъ бѣлаго медвѣдя и сдѣлалъ себѣ шубу на синемъ сукнѣ: 25 фунтовъ, шить приходилось чуть ли не адмиралтейской иглой.

Спишь подъ тигромъ.

Люся встала и затапливаетъ печку документами изъ Центральнаго Банка. Изъ длинной трубы, какъ изъ ноздрей курильщика, подымаются тоненькія гадины дыма.

Встаешь, вступаешь въ валенки и лѣзешь на лѣстницу замазывать дырки.

Каждый день. Лѣстницу изъ комнаты не выносимъ.

А печника не дозовешься. Онъ въ городѣ самый нужный человѣкъ. Городъ отепляется. Всѣ рѣшили жить. — Слонимскому все не можемъ поставить печку.

Онъ ухаживаетъ за печникомъ. Тотъ его Мишей зоветъ, — весь домъ зоветъ Слонимскаго Мишей. И хвалятъ его за то, что онъ выпьетъ (Слонимскій), а не пьянъ.

А печки нѣтъ. И у Ахматовой въ квартирѣ мраморный каминъ.

Встаю на колѣни передъ печкой и раскрываю топоромъ полѣна.

Хорошо жить и мордой ощущать дорогу жизни.

Сладокъ последній кусокъ сахара. Отдѣльно завернутый въ бумажку.

Хороша любовь.

А за стѣнами пропасть, и автомобили, и вьюга зимой.

А мы плывемъ своимъ плотомъ.

И какъ послѣдняя искра въ пеплѣ, нѣтъ, не въ пеплѣ, какъ темное каменноугольное пламя.

А тутъ То-ло-непъ. Одно слово — Финляндія.

Земля вся распахана, и все почти благополучно.

Визы, миръ: — изгороди, границы, русскія дачи на боку и большевики — большевиковъ — большевикамъ — большевиками полны газеты.

Это они выдавились сюда изъ Россіи.

Итакъ, мы видимъ, что Горькій сдѣланъ изъ недовѣрчивости, набожности и ироніи, для цемента.

Иронія въ жизни, какъ краснорѣчіе въ исторіи литературы, можетъ все связывать.

Это замѣняетъ трагедію.

Но у Горькаго все это не на землѣ, а поставлено высоко, хотя отъ этого и не увеличено.

Это, какъ карточная игра офицеровъ-наблюдателей на днѣ корзины наблюдательнаго шара; 1600 метровъ.

А Горькій очень большой писатель. Всѣ эти иностранцы Роланы и Барбюсы и раздвижной Анатоль Франсъ съ ироніей букиниста не знаютъ, какого великаго современника они могли бы имѣть.

Въ основѣ, въ высотѣ своей, Горькій очень большой, почти никому неизвѣстный писатель съ большой писательской культурой.

О Коганахъ и Михайловскихъ. Это заглавіе статьи.

У женатыхъ людей есть мысли, которыя они думали при женѣ, передумали и не сказали ей ничего.

А потомъ удивляешься, когда она не знаетъ того, что тебѣ дорого.

А про самое очевидное не говоришь.

Сейчасъ я живу въ Райволѣ (Финляндія).

Здѣсь жили дачниками, теперь же оказалось, нужно жить всерьезъ. Вышло не хорошо и не умѣло.

Читать мнѣ нечего, читаю старые журналы за послѣдніе 20 лѣтъ.

Какъ странно, они замѣняли исторію русской литературы исторіей русскаго либерализма.

А Пыпинъ относилъ исторію литературы къ исторіи этнографіи.

И жили они, Бѣлинскіе, Добролюбовы, Зайцевы, Михайловскіе, Скабичевскіе, Овсянико-Куликовскіе, Несторы Котляревскіе, Коганы, Фричи.

И зажили русскую литературу.

Они, какъ люди, которые пришли смотрѣть на цвѣтокъ, и для удобства на него сѣли.

Пушкинъ, Толстой прошли въ русской литературѣ внѣ сознанія, а если бы осознали ихъ, то не пропустили.

Вѣдь недаромъ А. Ф. Кони говоритъ, что Пушкинъ дорогъ намъ тѣмъ, что предсказалъ судъ присяжныхъ.

Культа мастерства въ Россіи не было, и Россія, какъ тяжелая, толстая кормилица, заспала Горькаго.

Только въ послѣднихъ вещахъ, особенно въ книгѣ о Толстомъ, Горькій сумѣлъ написать не для Михайловскаго.

Толстой мастеръ и человѣкъ со своей обидой на женщинъ. Толстой, который совсѣмъ не долженъ быть святымъ, въ первый разъ написанъ.

Да будутъ прокляты книжки біографій Павленкова, всѣ эти образки съ одинаковыми нимбами.

Всѣ хороши, всѣ добродѣтельны.

Проклятыя посредственности, акціонерныя общества по нивелировкѣ людей.

Я думаю, что въ «Домѣ Ученыхъ» мы съѣли очень большого писателя. Это русскій героизмъ, лечь въ канаву, чтобы черезъ нее могло бы пройти орудіе.

Но психологія Горькаго не психологія мастера, не психологія сапожника, но психологія бондаря.

Онъ живетъ не тѣмъ и не въ томъ, что умѣетъ дѣлать. Живетъ онъ растерянно.

А люди вокругъ него!

Вернемся къ 1920 году.

Жили зимой. Было холодно. Жена была далеко. Женъ не было. Жили безбрачно. Было холодно. Холодъ заполнялъ дни. Шили туфли изъ кусковъ матеріи. Жгли керосинъ въ бутылкахъ, заткнутыхъ тряпками. Это вмѣсто лампъ. Получается какой-то черный свѣтъ.

Работали.

Живемъ до послѣдняго. Все больше и больше грузятъ насъ, и все носемъ на себѣ, какъ платье, и жизнь все такая же, не видно на ней ничего, какъ не видно по слѣду ноги, что несетъ человѣкъ.

Только слѣдъ — то глубже, то мельче.

Занимался въ студіи «Всемірной Литературы», читалъ о «Донъ Кихотѣ». Было пять-шесть учениковъ, ученицы

носили черныя перчатки, чтобы не были видны лопнувшія отъ мороза руки.

Вшей у меня не было, вши являются отъ тоски.

Къ веснѣ стрѣлялся съ однимъ человѣкомъ.

У евреевъ базарная, утомительная кровь. Кровь Ильи Эренбурга-Имитатора.

Евреи потеряли свое лицо и сейчасъ ищутъ его.

Пока же гримасничаютъ. Впрочемъ, еврейская буржуазія въ возрастѣ послѣ 30 лѣтъ крѣпка.

Буржуазія страшно крѣпка вообще.

Я знаю одинъ домъ, въ которомъ все время революціи въ Россіи ѣли мясо съ соусомъ и носили шолковые чулки.

Имъ было очень страшно, отца увозили въ Вологду рыть окопы, арестовывали, гоняли рыть могилы. Онъ рылъ. Но бѣгалъ и гдѣ-то зарабатывалъ.

Въ домѣ было тепло у печки.

Это была круглая обыкновенная печка, въ нее вкладывали дрова, и она потомъ становилась теплой.

Но это была не печка, это былъ остатокъ буржуазнаго строя. Она была драгоцѣнной.

Въ Питерѣ при «Непѣ» на окнахъ магазина вывѣшивали много надписей. Лежатъ яблоки и надъ ними надпись «яблоки», надъ сахаромъ «сахаръ».

Много, много надписей (это 1921 годъ). Но крупнѣй всего одна надпись.

БУЛКИ ОБРАЗЦА 1914 ГОДА

Печка была образца 1914 года.

Я съ однимъ художникомъ ходилъ къ этой печкѣ. Онъ рисовалъ мой портретъ; на немъ я въ шубѣ и светерѣ.

На диванѣ сидѣла дѣвушка. Диванъ большой, покрытъ зеленымъ бархатомъ. Похожъ на желѣзнодорожный.

Я забылъ про евреевъ.

Сейчасъ, только не думайте, что я шучу.

Здѣсь же сидѣлъ еврей, молодой, бывшій богачъ, тоже образца 1914 года, а главное, сдѣланный подъ гвардейскаго офицера. Онъ былъ женихомъ дѣвушки.

Дѣвушка же была продуктомъ буржуазнаго режима и поэтому прекрасна.

Такую культуру можно создать только имѣя много шолковыхъ чулокъ и нѣсколько талантливыхъ людей вокругъ.

И дѣвушка была талантлива.

Она все понимала и ничего не хотѣла дѣлать.

Все это было гораздо сложнѣй.

На дворѣ было такъ холодно, что рѣсницы прихватывало, прихватывало ноздри. Холодъ проникалъ подъ одежду, какъ вода.

Свѣта нигдѣ не было. Сидѣли долгіе часы въ темнотѣ. Нельзя было жить. Уже согласились умереть. Но не успѣли. Близилась весна.

Я присталъ къ этому человѣку.

Сперва я хотѣлъ придти къ нему на квартиру и убить его.

Потому что я ненавижу буржуазію. Можетъ быть завидую, потому что мелко буржуазенъ.

Если я увижу еще разъ революцію, я буду бить въ мелкія дребезги.

Это неправильно, что мы такъ страдали даромъ и что все не измѣнилось.

Остались богатые и бѣдные.

Но я не умѣю убивать, поэтому я вызвалъ этого человѣка на дуэль.

Я тоже полуеврей и имитаторъ.

Вызвалъ. У меня было два секунданта, изъ нихъ одинъ коммунистъ.

Пошелъ къ одному товарищу шофферу. Сказалъ: «Дай автомобиль, безъ наряда, крытый». Онъ собралъ автомобиль въ ночь изъ ломанныхъ частей. Санитарный, марка «Джеффери».

Поѣхали утромъ въ семь за Сосновку, туда, гдѣ пни.

Одна моя ученица съ муфтой поѣхала съ нами, она была врачемъ.

Стрѣлялись въ 15 шагахъ; я прострѣлилъ ему документы въ карманѣ (онъ стоялъ сильно бокомъ), а онъ совсѣмъ не попалъ.

Пошелъ садиться на автомобиль. Шофферъ мнѣ сказалъ: «Викторъ Борисовичъ, охота. Мы бы его автомобилемъ раздавили».

Поѣхалъ домой, днемъ спалъ, вечеромъ читалъ въ студіи.

Весна придвинулась. Бѣлые уходили изъ Украины.

Я поѣхалъ разыскивать жену.

Зачѣмъ я объ этомъ написалъ?

Я не люблю звѣрей въ ямѣ.

Это изъ сказки про разныхъ звѣрей, упавшихъ въ яму. Былъ тамъ медвѣдь, лиса, волкъ, баранъ, можетъ-быть. Они другъ друга не ѣли потому, что были въ ямѣ.

Когда голодъ всталъ на перекресткахъ улицъ вмѣсто городовыхъ, интеллигенція объявила общій миръ.

Футуристы и академики, кадеты и меньшевики, талантливые и неталантливые вмѣстѣ сидѣли въ студіяхъ въ «Всемірной Литературѣ» и стояли въ очереди «Дома Литераторовъ».

Здѣсь была большая сломанность.

Я всегда старался жить, не измѣняя темпа жизни, я не хотѣлъ жить въ ямѣ. Ни съ кѣмъ не мирился. Любилъ ненавидѣлъ. Все безъ хлѣба.

Для меня эта исторія сыграла еще вотъ какую роль.

Можно было ожидать, что меня убьютъ.

Поэтому я сидѣлъ на кухнѣ, гдѣ было всего теплѣй и писалъ. У мамы въ кухнѣ всегда хорошо вымытъ столъ. Когда пишешь за кухоннымъ столомъ, мѣшаетъ шкапчикъ. Сидишь по дамски, ноги въ бокъ.

Я написалъ за это время очень много, писалъ страницу за страницей, листъ за листомъ.

Къ дуэли я кончилъ свою основную книгу «Сюжетъ, какъ явленіе стиля». Издавать ее пришлось частями. Писана отрывками. Но вы не найдете мѣстъ склеекъ.

Писалъ и ѣлъ зайца.

Къ веснѣ въ Петербургъ привезли нѣсколько поѣздовъ съ битыми зайцами.

Вездѣ выдавали зайцевъ, по улицамъ носили зайцевъ, жарили въ квартирахъ зайцевъ.

Потомъ носили заячьи шапки.

Выдавали зайцевъ въ «Домѣ Литераторовъ». Стояли въ очереди. Давали по полтора зайца. Мы стояли въ очереди за зайцемъ. Этотъ заяцъ въ то время стоялъ въ очереди днями.

Серьезный заяцъ, большой.

Александръ Блокъ стоялъ въ очереди.

Я не сумѣю, по всей вѣроятности, показать въ своихъ записяхъ, сколько вѣситъ заяцъ и что такое хлѣбный паекъ. Онъ великъ, какъ самый большой вопросъ.

Антанта же, между прочимъ.

Нужно было ѣхать на Украину.

Продалъ всѣ права на всѣ свои книги Гржебину. Рукописи потомъ не сдалъ. Получилось тысячъ сорокъ.

Потомъ сталъ добывать командировку.

Совѣтскій строй пріучилъ всѣхъ къ величайшему цинизму въ отношеніи бумажекъ.

Если жить по правиламъ, то получился бы саботажъ.

Жили, какъ придется, но съ совѣтской мотивировкой.

Бронировались бумажками, цѣлые поѣзда ѣздили по линіямъ.

И это всѣ, рабочіе, интеллигенція и профессіоналы коммунисты.

Я взялъ какую-то командировку на возстановленіе связей съ Украиной. Получилъ ее съ трудомъ. Всѣ хотѣли ѣхать. Но въ дорогѣ за Москвой ее не спрашивали.

Передъ отъѣздомъ видалъ Семенова, онъ пріѣзжалъ агитировать на недѣлю. Сошлись, какъ мало знакомые, все уже умерло въ прошломъ. Показалъ онъ мнѣ съ гордостью мѣшокъ сухарей, который дали ему рабочіе Александровскаго завода.

Онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Германію, чтобы не встрѣчаться въ работѣ со старыми товарищами.

Я же поѣхалъ на Украину.

До Москвы порядокъ.

Отъ Москвы до Харькова тоже ничего.

Въ Харьковѣ черезъ знакомыхъ нашелъ бумажку на право ѣхать въ вагонѣ всеиздата.

Пошелъ на станцію. Поѣздъ гдѣ-то на путяхъ. На путяхъ грязно.

Съ трудомъ нашелъ свой вагонъ, въ немъ нѣсколько пачекъ газетъ и два проводника гимназиста.

Одинъ проводникъ, а другой такъ, его товарищъ.

Милыя дѣти, ѣдутъ, главнымъ образомъ, за мукой.

Поѣздъ шумѣлъ. Стучали въ теплушку. Лѣзли въ щели, всовывали проводникамъ въ руки деньги.

Лѣзли съ мандатами.

Поѣздъ наполнился людьми и сталъ похожимъ на красную колбасу. И вдругъ безъ звонка и не подходя къ станціи снялся съ мѣста и поѣхалъ.

А я безъ билета.

Но дѣло было не въ билетѣ.

Ѣхали, становились, вылѣзали, опять ѣхали.

Въ первыя сутки проѣхали 11 верстъ. Больше сидѣли рядомъ съ поѣздомъ на травѣ.

Въ вагонѣ былъ какой-то еврей съ большимъ брюхомъ.

На одной томительной остановкѣ онъ отозвалъ меня и попросилъ вдругъ, чтобы я надѣлъ на себя его поясъ съ деньгами.

Мнѣ все равно.

Я ѣду по своей звѣздѣ и не знаю на небѣ ли она, это фонарь въ полѣ. А въ полѣ вѣтеръ.

Я не знаю, нужно ли отбирать у старыхъ евреевъ пояса съ деньгами. А онъ шепталъ и потѣлъ отъ страха. Поясъ оказался на мнѣ. Въ немъ были керенки. Поясъ громадный, какъ пробковый, спасательный.

Неожиданно, но терплю. На боку лежать стало неловко.

Въ темномъ углу черноволосый украинецъ ухаживаетъ за совсѣмъ бѣленькой барышней.

Горячо и со вкусомъ говорятъ по-украински.

Поѣздъ ползетъ.

Ему — что?

Гимназисты-проводники разспрашиваютъ всѣхъ, о томъ, какъ, что, гдѣ цѣнится.

Оказывается, что въ Николаевѣ и около Херсона мука сильно дешевле.

Скажутъ имъ что нибудь такое, а они внезапно запоютъ.

«Славное море, священный Байкалъ». Кажется, это.

Вообще, что-то очень неподходящее, но въ ихъ исполненіи радостное.

А поѣздъ ползетъ.

А Украина-то длинная.

Съ нами ѣдутъ матросы. У нихъ большія корзинки съ «робой». По матросски это значитъ съ платьемъ. Когда приходитъ заградительный отрядъ, матросы берутъ свои плетеныя корзинки и бѣгутъ въ темноту. Корзинка бѣлая, плетеная быстро уходитъ и пропала. Значитъ въ кустахъ.

Сильный народъ.

У какой-то станціи въ степи поѣздъ стоялъ трое сутокъ. Можетъ быть четверо.

Поляки наступали съ Кіева.

Переѣзжали через взорванные мосты. Починены деревомъ. Опять будутъ взорваны. Разсказы о Махно.

Вошли разъ въ вагонъ трое.

Одинъ въ красныхъ штанахъ тропался и требовалъ отъ насъ документы. Говорилъ, что онъ офицеръ гвардейскаго полка и изъ здѣшной чеки.

И дѣйствительно, на немъ была мягкая офицерская фуражка. Двое другихъ сразу сѣли въ открытыхъ дверяхъ теплушки, свѣсивъ ноги на насыпь. У нихъ были маузеры. Поѣздъ шелъ.

Я сѣлъ тоже въ дверяхъ.

Въ лицо дулъ вѣтеръ.

Тихо заговорилъ со мной сосѣдъ.

«Зачѣмъ вы показали этому тропачу документы? Я начальникъ. Онъ не имѣетъ права спрашивать».

Я говорю:

«Откуда я знаю, мнѣ все равно».

«Вы всѣ всегда такъ».

Разговорились.

Украина тихо маршировала по шпаламъ рядомъ съ нами.

«Въ сосѣдней мѣстности», говоритъ сосѣдъ — называетъ мѣстность — «поймали бандита».

«Я вотъ ѣхалъ туда, у него большія деньги должно быть спрятаны, а тѣ дураки взяли его и разстрѣляли. Пропали деньги».

Я говорю:

«А какъ бы вы узнали про деньги». То-есть спрашиваю о пыткѣ. А сердце болитъ.

«Есть способы», вѣжливо отвѣчаетъ сосѣдъ, не отрицая вопроса.

Помолчали. Спрашиваетъ печально:

«Вы знаете Горькаго?»

«Знаю», говорю. «Скажите, почему онъ не сразу съ нами пошелъ?»

«Вотъ вы пытаете», говорю, «земля разорена, неужели не понимаете, что съ вами быть трудно?»

Разговоръ настоящій, не придуманный.

Память у меня хорошая.

Если бы память была бы хуже, я бы крѣпче спалъ ночью.

Человѣкъ, говорящій со мной имѣлъ видъ унтеръ-офицера, объѣздчика, а Горькій ему былъ нуженъ.

Передъ отъѣздомъ читалъ въ Петербургѣ въ «Домѣ Искусствъ» въ бѣломъ залѣ передъ зеркаломъ лекцію о «Тристрамѣ Шенди, Стерна и теоріи романа». Залъ былъ полонъ и возбужденъ формальнымъ подходомъ.

Друзья блестѣли глазами отъ радости. Я чувствовалъ себя въ упругой массѣ пониманія. Съ удовольствіемъ оглядывался въ зеркало.

И я, и объѣздчикъ, вѣдь мы въ этомъ украинскомъ морѣ, гдѣ поѣздъ идетъ шагомъ, какъ волъ, оба мы горожане.

Рѣшилъ сбѣжать съ поѣзда и пересѣсть на какой-нибудь другой поскорѣй.

Сѣли мы и еврей на высокія горы угля поѣзда, идущаго въ Николаевъ.

На одномъ уровнѣ съ нами, на крышѣ паровоза или на тендерѣ стоитъ пулеметъ. Кольтовскій. Ѣдемъ дальше.

Ѣхали ночь. Къ утру были черные, какъ черти.

Нашъ поѣздъ догналъ насъ. Вернулись на него.

Съ пересадками, везя съ собой сыпно-тифозныхъ, переѣхалъ въ Херсонъ. Сыпно-тифозныхъ было двое, они заболѣли въ дорогѣ и упросили насъ не высаживать ихъ. Довести до дома.

Въ Херсонѣ тихія и широкія улицы.

Широкія оттого, что ихъ такъ построили, зеленыя потому, что посадили деревья и тихія потому, что портъ не работаетъ.

Стоятъ безъ дѣла краны, на парусникахъ выдуты паруса. Вѣтеръ раздвинулъ нити ткани и ушелъ.

Брошены портовыя постройки.

Городъ, видавшій 16 кажется правительствъ, пустой.

Жену нашелъ въ Алешкахъ. Объ Алешкахъ слыхалъ еще въ дѣтствѣ, какъ о самомъ глухомъ углу. Никогда не думалъ сюда попасть.

Маленькій городъ за Днѣпромъ. Соломенныя крыши. Хлѣба и сала еще много. Сахару нѣтъ совсѣмъ.

Мѣсяцъ лежалъ въ гамакѣ. Кажется, цвѣлъ шиповникъ.

Пріѣхалъ перваго мая. Цвѣло все и уже отцвѣтало. Жена болѣла сильно.

За годъ, который мы прожили съ ней розно, ей пришлось тяжело.

При бѣлыхъ работы не было. Жила безъ теплаго платья, продавая вещи. Сейчасъ работала въ Алешковскомъ театрѣ по безбожно низкой цѣнѣ. Писала декораціи на сшитыхъ мѣшкахъ.

Разсказывала, какъ тоскливо было при бѣлыхъ въ Херсонѣ.

Они вѣшали на фонаряхъ главныхъ улицъ.

Повѣсятъ и оставятъ висѣть.

Проходятъ дѣти изъ школы и собираются вокругъ фонаря. Стоятъ.

Исторія эта не спеціально Херсонская, такъ дѣлали по разсказамъ и въ Псковѣ.

Я думаю, что я знаю бѣлыхъ. Въ Николаевѣ бѣлые разстрѣляли трехъ братьевъ Воискихъ за бандитизмъ, изъ нихъ одинъ былъ врачъ, другой присяжный повѣренный — меньшевикъ. Трупы лежали среди улицы три дня. Четвертый братъ, Владимиръ Воискій, мой помощникъ въ 8-ой арміи, ушелъ тогда къ повстанцамъ. Сейчасъ онъ большевикъ.

Вѣшаютъ людей на фонаряхъ и разстрѣливаютъ людей на улицѣ бѣлые изъ романтизма.

Такъ повѣсили они одного мальчика Полякова, за организацію вооруженнаго возстанія. Ему было лѣтъ 16-17.

Мальчикъ передъ смертью кричалъ: «Да здравствуетъ Совѣтская власть!»

Такъ какъ бѣлые — романтики, то они напечатали въ газетѣ о томъ, что онъ умеръ героемъ.

Но повѣсили.

Поляковъ сталъ героемъ мѣстной молодежи, и именемъ его создался мѣстный коммунистическій союзъ молодежи.

Бѣлые уходили, организовали отряды изъ подростковъ, отступили они еще зимой, барки замерзли въ Днѣпрѣ. Зима лютая въ 20 градусовъ. Гибли раненые. Мальчики разбѣжались. Ихъ потомъ привозили родители въ городъ, переодѣвши женщинами.

Когда бѣлые ушли, всѣ вздохнули свободнѣй. Но послѣ бѣлыхъ пришли не красные, но какой-то отрядъ, который не зналъ, какого онъ цвѣта.

Пробыли, не грабили, потому что въ городѣ управляли профессіональные союзы и были кое-какія силы.

Потомъ пришли красные. Жители говорили про нихъ, что они теперь поумнѣли по сравненію съ первымъ приходомъ.

Я лежалъ въ гамакѣ, спалъ цѣлый день, ѣлъ. Не понималъ ничего.

Жена болѣла.

Неожиданно зашевелилось. Въ городѣ показались солдаты. Кто-то началъ упаковываться. Пересталъ ходить пароходъ въ Херсонъ. Быстро построили къ пристани помостъ для скота.

Скотъ гнали черезъ городъ быстро, быстро, такъ нельзя гнать скотъ, онъ портится. Очевидно, бѣжали.

Зашевелились лазареты. Я понялъ, что происходитъ бѣгство. Поѣхалъ узнать въ чемъ дѣло въ Херсонъ.

Въ Херсонѣ сказали мнѣ друзья, что Врангель прорвалъ фронтъ и наступаетъ. Красныя части, долго простоявшія на Перекопѣ, разложились. Ихъ прорвали, и они бѣгутъ.

Я быстро проѣхалъ на лодкѣ обратно. У пристани уже кипѣло.

Рвались къ лодкамъ. На берегу лежали горы вещей. Какой-то комиссаръ съ револьверомъ въ рукахъ отбивалъ лодку отъ другого.

Жена не могла итти. Съ трудомъ довелъ ее до берега. Искалъ по деревнѣ лодку, нашелъ, и изъ болотистой Чайки или, можетъ быть, Конки осокой и кустами поѣхали мы къ Херсону.

Къ вечеру Алешки были заняты разъѣздомъ черкесовъ.

Началась лезгинка. Бѣлые народъ танцевальный.

А мы подплыли къ Херсонскому берегу. Не пускаютъ, стрѣляютъ даже. Говорятъ: «Вы панику наводите». Умолили часового.

Днѣпръ бѣжалъ, и было у него два берега — лѣвый и правый; на правомъ берегу были правые, а на лѣвомъ — лѣвые.

Все это, считая по теченію.

Лѣвый берегъ былъ обнаженъ. Не было никакихъ силъ, кромѣ баталіона чека.

Но правые не наступали, имъ было выгодно оставить Днѣпръ на флангѣ.

Начали мобилизацію профессіональныхъ союзовъ. Никто не идетъ. Начали партійную мобилизацію. Кажется, пошло мало.

А пушки уже били. Люблю громъ пушекъ въ городѣ и скачку осколковъ снарядовъ по мостовой. Это хорошо, когда пушки.

Кажется, что вотъ сегодня сойдемся и додеремся.

Жена лежала въ больницѣ, очень тяжело больная. Я ходилъ къ ней.

Объявили партійную мобилизацію меньшевиковъ и правыхъ эсъ-эровъ. Организація эсъ-эровъ въ Херсонѣ была легальная.

Незадолго до этого въ Херсонѣ были выборы въ совѣтъ. Меньшевиковъ съ эсъ-эрами прошло около половины.

На первомъ засѣданіи совѣта, послѣ выслушанія привѣтствія отъ мѣстнаго баталіона чека, коммунисты объявили, что совѣтъ рѣшилъ послать привѣтствія Ленину, Троцкому и красной арміи. Меньшевики объявили, что они вообще Ленина и Троцкаго не привѣтствуютъ, но принимая во вниманіе...

Дальше слѣдовало вѣроятно... «постольку, поскольку...»

Однимъ словомъ, они соглашались подписать привѣтствіе.

Но коммунисты парни ухватливые. Они внесли въ качествѣ наказа для совѣта программу партіи Р. К. П. Меньшевики за нее не голосовали. Тогда ихъ исключили изъ совѣта.

Мобилизація была произведена ихъ мѣстнымъ комитетомъ и была безъ энтузіазма. За нее были мѣстные партійные верхи, среди нихъ мои товарищи по Петроградскому совѣту перваго созыва — Всеволодъ Венгеровъ, работавшій въ мѣстныхъ профессіональныхъ организаціяхъ, и тов. Печерскій.

На мобилизацію меньшевиковъ откликнулись, главнымъ образомъ, мѣстные студенты, числомъ около 15 человѣкъ.

Эсъ-эры смогли мобилизовать кромѣ комитета еще нѣсколько рабочихъ.

Я не удержался и вписался къ меньшевикамъ. Именно къ нимъ, чтобы быть со знакомыми.

Сильно ругался на собраніи за мобилизацію. Всѣхъ насъ собрали и отправили на большихъ телѣгахъ на правый флангъ въ деревню Тегинку, верстахъ въ сорока отъ Херсона.

Для меня это было очень тяжело. Я надѣялся воевать въ городѣ или около города, чтобы имѣть возможность видать жену.

Но не первый разъ я садился на поѣздъ, не зная, куда онъ ѣдетъ. Эсъ-эровъ мобилизовалъ товарищъ Миткевичъ, крѣпкій и узкій человѣкъ. На войнѣ онъ былъ офицеромъ-подрывникомъ. Въ мѣстной группѣ эсъ-эровъ очень вліятельнымъ руководителемъ. Группа была легальная, но на платформѣ большинства партіи.

Поѣхали.

Ѣхали пустыми полями. Обгоняемъ большія телѣги съ евреями, уходящими отъ бѣлыхъ — отъ будущихъ погромовъ.

Ѣхали евреи въ земледѣльческую колонію Львово, гдѣ они скапливались въ такомъ количествѣ, что ихъ уже тамъ не били.

Самъ я въ этой колоніи не былъ. Говорятъ, что земледѣліе тамъ слабое. Стоятъ дома голые, огородовъ нѣтъ. А нравы особенные, львовскіе.

Ѣздятъ, напримѣръ, торговать отрядами на тачанкахъ, какъ Махно.

И на тачанкахъ, какъ у Махно, пулеметы.

Вокругъ Львова антисемитизмъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Почему — не знаю.

Въѣхали мы въ Тегинку.

Большое село съ церковью, а у церкви колокольня, а на колокольнѣ наблюдатель, внизу трехдюймовка.

Улицы широкія, вечеромъ катается на нихъ начальникъ роты, и можно завернуть тройку, не замедливъ хода на улицѣ.

Не улица прямо, а аэродромъ.

Дома разные стоятъ по сторонамъ. Нѣкоторые — старообрядцевъ. Народъ вообще сборный, говорятъ вродѣ, какъ на украинскомъ, а въ общемъ Новороссія, сбродочное мѣсто Россіи, безъ своего языка, безъ пѣсни, безъ орнамента, но живутъ люди «подъ нѣмца» съ черепичной крышей на домахъ.

Мясо ѣдятъ каждый день.

Работалъ надъ Теккереемъ. Взялъ съ собой его романъ.

Скучали мы. Рота вся русская. Петербургская рота, про Питеръ вспоминаетъ: «Голодно, говорятъ, а интересно».

Вечеромъ кричатъ «на молитву» и поютъ «Это есть нашъ послѣдній и рѣшительный бой».

Вы думаете, я написалъ эту строку? Я ее спѣлъ.

Былъ недавно за городомъ подъ Берлиномъ, обратно попалъ въ забастовку. Трамваевъ, извощиковъ нѣтъ, языка не знаю, иду по странамъ свѣта къ себѣ на Клейстштрассе, а народъ идетъ навстрѣчу, густой народъ, и ѣдутъ еще и на велосипедахъ. И нѣтъ ничего, только народу много, а сердце подымается. Сердце битое, разоча-

рованное. Сердце, которое я долженъ держать все время въ зубахъ, играетъ навстрѣчу толпѣ.

Большая сила.

Пѣли солдаты, кромѣ интернаціонала еще «Варяга» на мотивъ «Спаси Господи люди твоя», и состояли они, главнымъ образомъ, изъ военноплѣнныхъ.

Страшно знакомый народъ.

Не коммунисты, не большевики, даже просто русскіе солдаты. Насъ они встрѣтили хорошо.

Мучились они очень тѣмъ, что торчали на Украинѣ, гдѣ ихъ явно никто не хотѣлъ. Воюй тутъ со всѣми.

Говорили: «Если бы на этой Украинѣ да не уголь, къ чертямъ бы ее, хлѣба у насъ въ Сибири не меньше».

А тутъ какіе-то люди тоже дерутся.

Украинцы, или вѣрнѣе тѣ, кто жилъ въ Тегинкѣ, эти колонисты относились къ намъ терпѣливо.

Кормили мясомъ, сметаной, свининой. А если бы могли, то кормили бы свиней нами.

На дворахъ стояли сломанныя косилки. Лошадей мы гоняли по своимъ военнымъ дѣламъ. Населеніе было раздѣто. Не было мѣшковъ для хлѣба даже. Не въ чемъ было зерно возить.

Голодъ былъ уже подготовленъ.

Ночью разъ пришли бѣлые. Ихъ привезли крестьяне. Напали на насъ бѣлые ночью. Стояли мы по избамъ. Стрѣльба была. И ушли бѣлые на свой правый, бѣлый берегъ.

Ночнымъ дѣломъ стрѣляли другъ въ друга. Я служилъ себѣ тихо, больше стоялъ на часахъ у моста. Провѣрялъ у всѣхъ документы.

Одѣтъ былъ въ полотняную шапку съ полями — крестьяне называли ее шляпкой, въ зеленый костюмъ изъ суконной портьеры съ матросскимъ воротомъ и въ полотняное пальто изъ хорошаго плотнаго половика, съ пряжкой отъ почтового мѣшка.

Въ Петербургѣ не удивлялись, а крестьяне огорчались сильно.

Не то человѣкъ, не то барышня.

Одинъ разъ пошелъ на развѣдку.

Ѣхали сперва влѣво по берегу верстъ на пятнадцать.

Фронтъ рѣдкій, рѣдкій, человѣка три на версту.

Тамъ встрѣтили насъ кавказцы-кавалеристы въ черныхъ буркахъ. Театрально нагибаясь, говорили съ нами съ лошадей, скакали по берегу. Около темныхъ избъ никого.

А Днѣпръ тихій, и лодокъ не приготовлено.

Сѣли въ какую-то дрянь, весла достали, какъ зубочистки.

Поѣхали, начали тонуть, лодки дырявыя, а у насъ пулеметъ. Доплыли до тихой мели — высадились.

Пошли по рѣзкому рубленному камышу, а нога скользитъ въ деревянныхъ сандаліяхъ.

Идемъ, натыкаемся на пятнистыхъ, пріятныхъ на ощупь, шелковыхъ коровъ.

Доходимъ до рѣчки, не знаемъ, какъ перейти. Чепуха, посылаемъ развѣдку. Развѣдка не возвращается. Собираемся кучкой, куримъ, ругаемъ своего начальника.

Нашъ унтеръ-офицеръ заговариваетъ со мной о значеніи связи вообще. Куримъ. Пулеметъ трехногій стоитъ на пескѣ, какъ стулъ. Нѣтъ сторожевого охраненія. Впе-

чатлѣніе, что люди воюютъ не въ серьезъ, а взяли и отложили вдругъ войну въ сторону.

Розовой стала рѣка, пошли въ теплую воду, сняли тяжелую лодку, поплыли обратно.

Приплыли. Всю дорогу отчерпывали воду шапками.

Все не въ серьезъ.

Много ходилъ я по свѣту и видѣлъ разныя войны и все у меня впечатлѣніе, что былъ я въ дыркѣ отъ бублика.

И страшнаго никогда ничего не видѣлъ. Жизнь не густа.

А война состоитъ изъ большого взаимнаго неумѣнья.

Можетъ быть, это только въ Россіи. Скучалъ я сильно. Написалъ заявленіе, что пѣхотной службы не знаю, а знаю броневую, а на худой конецъ, — подрывное дѣло. Подрывники были нужны, меня вызвали въ Херсонъ.

Забылъ сказать, почему я былъ совершенно ненуженъ въ Тегинкѣ. У меня не было винтовки. Винтовокъ вообще не хватало. Поѣхалъ, посадили меня на телѣгу, со мной посадили еще арестованныхъ. Двухъ.

Одинъ большой, тяжелый, мѣстный начальникъ милиціи. Другой маленькій, тихій дезертиръ.

Я былъ вооруженъ шомполомъ, но былъ не одинъ, со мной ѣхалъ, въ качествѣ конвоя при арестованныхъ, маленькій солдатикъ изъ военноплѣнныхъ. У него винтовка, даже заряженная.

У него болѣли ноги, и онъ не могъ ни сидѣть на телѣгѣ, ни идти рядомъ. Какъ-то примостился на корточкахъ сзади.

Арестованный былъ взволнованъ, его сильно мяли въ Тогинкѣ, обвиняли и въ спекуляціи, и чуть ли не въ измѣнѣ. Самъ онъ говорилъ, что невиновенъ.

Былъ онъ роста большого, крупный, а кругомъ была степь. А за степью рѣка и бѣлые, и красныхъ въ степи было меньше, чѣмъ каменныхъ бабъ. Захочешь, не встрѣтишь.

И степь была уже не голая, а глухая отъ всходовъ, роту, полкъ можно спрятать.

Маленькій конвойный все уговаривалъ арестанта, что въ Херсонѣ его отпустятъ.

А мнѣ подмигивалъ на свою винтовку, разстрѣляютъ, молъ. И степь была кругомъ. Казалось, что стоитъ арестанту ударить меня и инвалида-конвойнаго и убѣжать, но арестантъ говорилъ о томъ, что онъ невиновенъ и сидѣлъ на телѣгѣ, какъ привязанный.

А я не понималъ его, какъ не понималъ Россіи.

Такъ и привезли мы его въ Херсонъ.

А другой былъ мальчишка, если его не разстрѣляли на второй день, то, вѣроятно, отпустили на третій.

Пріѣхалъ въ Херсонъ.

Въ Херсонѣ пушки стрѣляли и вошли въ бытъ.

Только базаръ нервничалъ и боялся.

Но — ничего, торговалъ, отъ пушекъ молоко не киснетъ.

Въ городѣ жили и торговали.

На стѣнахъ висѣли разстрѣлянные. По пятнадцати человѣкъ въ день. Порціонно.

И послѣднія пять фамилій еврейскія. Это — для борьбы съ антисемитизмомъ.

Пушки стояли въ городѣ. Было очень уютно. Но бабы пригорода за балкой у себя поставить батарею не разрѣшили.

Онѣ правы, конечно. Пройдутъ и бѣлые, и красные, и другіе многіе, не имѣющіе цвѣта, и еще будутъ стрѣлять, и все пройдетъ, а Забалка останется.

Началъ формировать подрывной отрядъ. Со дня на день долженъ пріѣхать Митковичъ.

Я послалъ запросы по полкамъ, взялъ нѣсколько мальчиковъ изъ комсомола.

Формированіе началось.

Отыскалъ помѣщеніе въ старой крѣпости. Искалъ подрывной матеріалъ среди брошенныхъ складовъ. Но динамитъ оказался уже вывезеннымъ. Слишкомъ поспѣшно. Удивляюсь, какъ не увезли и орудій.

Орудій было много. Морскія, дальнобойныя. Стрѣлять изъ нихъ не умѣли, не было таблицъ и целлулоидныхъ круговъ. Стрѣляли по аэропланамъ изъ спеціальной пушки, но не попадали. Аэропланы прилетали каждое утро. Въ синемъ небѣ были бѣлыми. Прилетали аккуратно.

Кружатся. Потомъ вдругъ хорошій ударъ. Какъ въ бубенъ. Бомба. Я встаю. Значитъ — семь часовъ, нужно ставить самоваръ. Дѣйствіе продолжается.

Съ какимъ-то воющимъ визгомъ медленно подымается изъ города красный аэропланъ.

Карабкается въ небо. Бѣлые аэропланы улетаютъ.

Начинается перестрѣлка. Бѣлые стрѣляютъ по бывшему губернаторскому дому. Тамъ военный комиссаріатъ и батарея рядомъ.

Стрѣляютъ бѣлые изъ трехдюймовки. Больше тыкаютъ. Домъ весь изстрѣлянъ, но въ немъ работаютъ. А я иду на службу.

Если воевать, такъ вотъ такъ. Въ гражданской войнѣ не стоитъ притворяться, что война настоящая и удобнѣе воевать изъ города.

Миткевичъ организовалъ отрядъ умѣло и крѣпко.

Онъ тоже, какъ и я, стоялъ на Днѣпрѣ заставой въ хуторомъ. Кругомъ враждебные крестьяне. Красные (въ данномъ случаѣ эсъ-эры) заняли барскій домъ и притворялись, что ихъ много. Одного держали поэтому у дверей и никого не пускали во внутрь.

Этихъ людей, съ которыми Миткевичъ уже пообстрѣлялся, онъ и привезъ въ Херсонъ.

У него была тоска по дѣлу, онъ крѣпко и цѣпко влюбился въ свой отрядъ. Какъ Робинзонъ влюбился бы во всякую бѣлую женщину, которую выбросило на его островъ.

Сколько людей, особенно среди евреевъ, въ старое время дѣйственныхъ для власти, видалъ я за свою жизнь, людей влюбленныхъ въ дѣло, которое имъ досталось.

Если поселить въ Россіи приблизительно при 10 градусахъ мороза въ одной квартирѣ мужчину и женщину съ разностью возраста отъ одного года до двадцати лѣтъ, то они станутъ мужемъ и женой. Я не знаю истины, болѣе печальной.

Если дать женщинѣ, не знающей мужа, мужчину, она вцѣпится въ него.

Человѣчество, въ общемъ, создано для суррогатовъ. Миткевичъ ѣлъ, пилъ и спалъ въ отрядѣ. Я тоже.

Вызвалъ я въ отрядъ своихъ друзей-меньшевиковъ изъ Тегники. Они были студентами-техниками. Пріѣхали усталые, мрачные, запуганные. На другой день послѣ моего отъѣзда было наступленіе на Казачій Лагерь, мѣстность на противоположномъ берегу рѣки.

Наступали крохотнымъ отрядомъ. Крестьяне приняли пришедшихъ суровымъ вопросомъ:

— «Когда же вы кончите?»

Вообще для русской революціи уже нужно привести заинтересованныхъ людей со стороны.

Венгеровъ, у котораго было больное сердце, часто ложился и потомъ снова вставалъ. Шли поперекъ деревни, перелѣзая черезъ заборы. Бѣлые медленно отступали. Въ это время наши наступали на Алешки. Планъ былъ самый элементарный. Лбомъ въ стѣнку. Собрали людей, больше матросовъ, посадили на два парохода, подвезли къ Алешкамъ. Дрались, лѣзли. Бѣлые отступили и ударили съ фланга. Побѣжали. Тонули, переплывая рукава рѣчокъ. Бросали сапоги и бушлаты. Къ ночи остатки отрядовъ вернулись мокрые, почти голые. Выбили нашихъ и изъ Казачьяго Лагеря. Но вернулись не всѣ. Венгеровъ сѣлъ въ лодку, отплылъ съ нѣсколькими солдатами и сестрой милосердія отъ берега. А на другой не вышелъ. Прибило трупъ сестры.

Мы считали Венгерова погибшимъ. Искали его, посылали развѣдчиковъ на тотъ берегъ. Ничего.

Жена его, какъ окаменѣлая.

Грустными пріѣхали студенты въ мой отрядъ и надорванными.

За день до отъѣзда приказали батальону, въ составѣ котораго они были, опять наступать.

Батальонъ уже почти растаялъ. Какъ-то расторялся.

Приказали наступать. Посадили на плоскодонный пароходъ «Харьковъ». На прощаніе выдали по полъ фунта сахара. Совсѣмъ похороны получились. Сахаръ — рѣдкость. Его даромъ не даютъ. Молчаливо поѣхалъ «Харьковъ». Лежали. Молчали.

На счастіе пароходикъ сѣлъ на мель, пробился на ней положенное количество времени и вернулся. А наступленіе было отмѣнено. Устроились мы въ крѣпости довольно чистенько. Нары, рогожи. Телефонъ. Митковичъ сжалъ интеллигентовъ крѣпко, а мнѣ ихъ было жаль, кромѣ того, я не виноватъ ни передъ кѣмъ и поэтому никого ни для кого не обижаю.

Поѣхалъ въ Николаевъ. Нѣтъ динамита. Началъ комбинировать. Въ результатѣ привезъ вагонъ съ секритомъ — какимъ-то норвежскимъ взрывчатымъ веществомъ, ракеты и дымовую завѣсу.

А на пакетахъ съ горючимъ составомъ дымовой завѣсы напили бикфордовъ шнуръ.

И открыли мы робинзонское подрывное хозяйство.

Учили бросать бомбы. Закладывать горны. Дѣлать запалы.

Солдаты поумнѣли и стали важными. Динамитъ и автомобиль измѣняютъ характеръ человѣка.

По вечерамъ занимался съ солдатами дробями.

По Россіи шли фронты, и наступали поляки, и сердце мое ныло, какъ ноетъ сейчасъ.

И среди всей этой непонятой мною тоски, среди снарядовъ, которые падаютъ съ неба, какъ упали они однажды въ Днѣпръ въ толпу купающихся, очень хорошо спокойно сказать:

«Чѣмъ больше числитель, тѣмъ величина дроби больше, потому что значитъ больше частей, чѣмъ больше знаменатель, тѣмъ величина дроби меньше, потому что значитъ нарѣзано мельче».

Вотъ это безспорно.

А больше я ничего безспорнаго не знаю.

На столѣ лежатъ кислыя зеленыя яблоки и мелкія одичавшія вишни. Запорты сады кругомъ, національзированы.

А собрать плодовъ не умѣютъ, только солдаты воруютъ: войска всегда ѣдятъ фрукты незрѣлыми. Если бы Адамъ былъ солдатомъ, то онъ съѣлъ бы въ раю яблоко зеленымъ.

Итакъ, я занимался ариѳметикой. Поручили намъ взорвать деревянный мостъ черезъ рукавъ Днѣпра.

Мостъ мѣшалъ переходить плавучей баттареѣ.

Я не знаю, можно ли взрывать деревянные мосты.

Мостъ имѣлъ средній пролетъ, очень изящной конструкціи, изъ нѣсколькихъ слоевъ досокъ пропитыхъ дубовыми шипами.

Сняли верхній настилъ.

Солдаты работали превосходно.

Одинъ большой, страшно сильный, такой большой, что мускулы на немъ не выдѣлялись, оказался мостовымъ рабочимъ.

Онъ снималъ шпалы, — какъ семечки лускалъ.

Студенты работали, очень стараясь.

Солдаты ихъ не любили за еврейство. Мнѣ мое еврейство прощали.

Я для солдатъ человѣкъ странный.

И вотъ сидятъ люди на сквозномъ мосту, дѣлаютъ одно дѣло и попрекаютъ другъ друга.

А одинъ еврей былъ у насъ изъ комсомола. Фамилія въ родѣ Брахманъ.

Поступилъ онъ добровольцемъ. Нужно здѣсь подѣлиться съ вами однимъ воспоминаніемъ.

На улицѣ города Соложбулага (въ Курдистанѣ), а городъ этотъ раньше славился листьями, шкурами и навлинами, увидалъ я разъ группу солдатъ.

Они весело подкидывали ударами сапогъ, тяжелыхъ сапогъ, персидскую кошку, съ привязанной къ хвосту жестянкой отъ керосина.

Кошка то притворялась мертвой и лежала, какъ дохлая, то вдругъ, собравъ всѣ силы, бросалась въ сторону прыжкомъ, но жестянка задерживала, и тутъ ее ударяли сапогомъ подъ животъ такъ, что она какъ-то натягивалась, летя въ воздухѣ.

Хозяинъ, персъ или курдъ, стоялъ въ сторонѣ и не зналъ, какъ отнять отъ солдатъ свою кошку.

Брахманъ былъ у насъ въ отрядѣ этой кошкой.

На войну онъ попалъ съ цѣлью сразу вылѣзть въ командные курсы. Но его вѣжливо поймали и сказали — «служи». И на резолюціи было написано: «Заставить служить».

И правы вѣдь.

Брахманъ боялся бомбъ.

Заставили бросать. Онъ пріучился. Отнеслись безъ удовлетворенія. А онъ былъ грязный, развелъ на себѣ вшей, растравилъ на паху раны, прикладывая листья табака.

Живой реализированный плакатъ за антисемитизмъ.

Но — какъ его травили!

Мы готовились взорвать мостъ. Поставили на ферму динамитъ. Въ серединѣ повѣсили колбасы изъ динамита. Взорвали.

Помню мгновеніе страшнаго удара. Мостъ раскололо, но обломки повисли.

И вдругъ пламя на одномъ крайнемъ бревнѣ...

Весь мостъ въ пламени черезъ минуту.

Вѣдь мы не хотѣли, намъ мѣшала только средняя ферма.

Громадный мостъ, который строили много лѣтъ, высотой около десяти сажень, горитъ, какъ куча щепокъ.

Бѣдный Миткевичъ!

Мостъ горитъ — демонстративно. И я приложилъ руку къ разрушенію Россіи.

На берегу собрался весь Херсонъ. Радъ. Вѣдь въ Россіи иногда и радуются такъ — «А у большевиковъ-то дровъ нѣтъ, вымерзнетъ въ эту зиму Россія». Хитрая таракапья нація, вѣритъ въ свою живучесть, думаетъ: «большевики то вымерзнутъ, а мы какъ нибудь къ веснѣ и отойдемъ».

И знаетъ нація, что со много. А мостъ подхватывается пламенемъ. Какъ будто въ небо его несетъ.

У моста, въ водѣ солдаты съ пожарными кишками. Не знаю, гдѣ достали. Поливаютъ его. Поминутно окуна-

ются. Одежда тлѣютъ. Публика на берегу — больше бабы — радуются: «Такъ его такъ, что на него смотрѣть. Жги Россію». А у насъ своя забота: опасность, что завалитъ обломками форваторъ.

Митковичъ лѣзетъ въ мостъ на лодкѣ съ шестами.

Хочетъ не дать запутаться обрушившимся обломкамъ въ сваяхъ такъ, чтобы закрылся проходъ. Но мостъ сгорѣлъ благополучно.

Хмурые мы возвращались домой. Вѣдь столько дерева сгорѣло!

А годъ-то былъ 1920, а не 1917, уже не пожарный годъ.

Вернулись въ Херсонъ.

Пароль въ городѣ въ эту ночь помню былъ «Дредноутъ».

Жили мы себѣ тихо, въ рвахъ старой крѣпости.

Бросали бомбы, взрывали иногда сразу пуда два секрита.

Взрывъ — это хорошо. Подожжешь шнуръ, отбѣжишь, ляжешь, смотришь.

Вспухаетъ на глазахъ земля.

Пузырь растетъ въ долю доли секунды, отрывается отъ почвы. Взлетаетъ темный столбъ. Весь крѣпкій. Твердый. Стоитъ большой. Потомъ смягчается, распадается въ дерево и падаетъ на землю чернымъ градомъ.

Красиво, какъ лошадиное ржаніе.

Подрывной матеріалъ у насъ былъ плохенькій.

А учить людей нужно было торопиться.

Земля вокругъ врангелевцевъ пухла пузыремъ, пузырь уже отдѣлялся отъ почвы.

Вдругъ встанетъ къ небу!

Во всякомъ случаѣ тогда придется при отступленіи взрывать мосты. Намъ приказали приготовить людей въ недѣлю.

Работали и днемъ, и ночью.

Приходилось учить работать въ условіяхъ, въ которыхъ работать нельзя. Напримѣръ, дѣлать взрывы, не имѣя бикфордова шнура.

Въ такихъ случаяхъ можно устроить взрывъ, вставивъ детонаторъ (запалъ) отъ ручной гранаты и къ чекѣ запала придѣлать бичевку.

Вытащить чеку, терка запала загорится и черезъ три секунды будетъ взрывъ.

У насъ были ручныя гранаты нѣмецкаго образца. Въ нихъ пружинку терки удерживаетъ гибкая пластина, закрѣпленная чекой.

Вытаскиваете чеку, держите пластинку въ ладони руки и, прижимая ее къ тѣлу бомбы, бросаете въ воздухъ, пластинка падаетъ, терка загорается. И взрывъ.

Такъ и сдѣлали. Вставили въ пудовую жестянку секрита запалъ, привязали къ чекѣ веревочку, спрятались за горку, потянули.

Ждемъ три секунды.

Тишина.

Потянули еще, къ намъ тогда притащилась и сама чека.

А взрыва нѣтъ. Можетъ-быть, испорченъ запалъ?

По уставу въ такихъ случаяхъ нельзя идти къ мѣсту неудачнаго взрыва. Нужно, кажется, ждать полчаса. Очень благоразумно.

Но тишина какая-то ужъ очень полная.

Встали и пошли гурьбой къ мѣсту взрыва (несостоявшагося).

Идемъ, вдругъ Миткевичъ присѣлъ на землю и говоритъ: «Шкловскій, дымокъ!».

И, дѣйствительно, запалъ пускаетъ свой тихій трехсекундный дымокъ. Значитъ, вдругъ загорѣлся.

Осталось двѣ секунды, можетъ-быть, одна.

Я подскочилъ къ секрету, вырвалъ запалъ и бросилъ его въ сторону, онъ взорвался въ воздухѣ.

А самъ сѣлъ на землю. Ногъ нѣтъ. Солдаты встаютъ съ земли. А ложиться не стоило, потому что воронки на всѣхъ бы хватило. Подходитъ ко мнѣ одинъ и говоритъ: «Вотъ такъ-то вы навѣрное и взорветесь!»

Къ вечеру это было убѣжденіе всей команды.

Произошло же, по всей вѣроятности, вотъ что. У насъ не было проволоки укрѣпить запалъ въ зарядѣ, чтобы онъ не былъ вырванъ вмѣстѣ съ чекой бичевкой.

Мы обложили запалъ камнями. Одинъ камешекъ какъ видно сперва помѣшалъ пластинкѣ отскочить, но потомъ какъ-то отвалился. Тогда запалъ загорѣлся.

Жена моя спрашивала каждый день:

«Ты не взорвешься»?

Я ходилъ въ зеленомъ костюмѣ изъ оконнаго драпри.

Идешь раннимъ утромъ по парку.

Посреди парка дубъ, подъ дубомъ могила. Изъ этой могилы каждое правительство вытаскиваетъ чужого покойника и закапываетъ туда своего.

Если бы я взорвался, то меня, я думаю, закопали бы туда.

Солдаты похлопотали бы, они меня очень любили.

А песокъ въ Херсонѣ горячій, жжетъ ноги, сапогъ то нѣтъ; носишь деревянные сандаліи съ петлями.

Одежда нищенствующихъ монаховъ. Когда идешь въ такихъ сандаліяхъ, то при каждомъ шагѣ какъ будто кто-то дергаетъ за ногу.

Но всѣ такъ ходятъ.

И кругомъ стукъ отъ сандалій по Херсону.

Такъ вотъ идешь по Херсону. Зелень. Зайдешь на базаръ.

Базаръ — то торгуетъ, то въ паникѣ мечется подъ обстрѣломъ бѣлыхъ.

Въ глиняныхъ кувшинахъ продаютъ молоко. Густое, топленое. Я питался имъ и абрикосами сперва въ счетъ Гржебинскихъ 40 тысячъ, но ихъ было трудно мѣнять. 10 тысячъ (я привезъ деньги четырьмя бумажками) никто не мѣнялъ. Или размѣняютъ на «ходей», на маленькія тысячи съ китайскими надписями, а ихъ не берутъ. Платилъ за размѣнъ 10 тысячъ двѣ. Приходилось продавать вещи. Я продалъ пальто. Потомъ хорошіе кожаные штаны, изъ моего замшеваго дивана. Ихъ знали всѣ ученики студіи Всемірной Литературы. Дерево отъ дивана я сжегъ.

Питался абрикосами и молокомъ. А на базарѣ скандалы. Зачѣмъ евреи свиное сало покупаютъ? Не надо имъ, по ихнему закону, покупать свиного сала. У русскихъ и такъ не хватаетъ. И вѣра у евреевъ такая. Зачѣмъ они нарушаютъ свою вѣру?

Занесешь молоко домой. Идешь паркомъ. Зелень, тѣнь, — холодно, лужайка и — солнце. Идешь и думаешь равсѣянно о своемъ.

Объ «Опоязѣ». «Опоязъ» это значитъ: «Общество изученія теоріи поэтическаго языка».

О томъ, что ясно для меня, какъ числитель и знаменатель. Думаешь и становишься разсѣяннымъ. Взорвался я отъ разсѣянности. Это случилось такъ.

У насъ не хватало запаловъ.

А нужны запалы, очень. И на случай отступленія, и для уничтоженія тѣхъ бомбъ, которыя въ насъ бросали бѣлые. Эти бомбы иногда сами не взрывались.

Я привезъ съ собой изъ Николаева какіе-то нѣмецкіе бѣлые цилиндрики. Сохранились они въ пороховомъ погребѣ, и я думалъ, что это запалы. Митке̇вичъ увѣрялъ, что нѣтъ. И дѣйствительно отверстіе для бикфордова шнура въ нихъ какъ будто и было, но ужъ слишкомъ широкое, можно мизинецъ всунуть и сдѣлано такъ, что края обжать нельзя.

Попросилъ приготовить мнѣ бикфордовъ шнуръ отъ дымовой завѣсы и пошолъ на край оврага дѣлать пробу.

Былъ хорошій день. Трава зеленая, небо синее. Въ отдаленіи нѣсколько лошадей и какой-то мальчикъ. Старые рвы кругомъ, а въ нихъ темные лазы и что въ нихъ внутри — неизвѣстно, вѣроятно просто темнота.

Началъ вставлять шнуръ въ цилиндрикъ, а онъ, въ родѣ круглаго металическаго пенала приготовишки толщиной, какъ окружность трехкопеечной монеты, а въ длину четверть аршина. Шнуръ въ отверстіи не держится: тонокъ.

Обмоталъ бумагой. Отмѣрилъ на двѣ секунды.

Чтобы ждать не было скучно.

Зажегъ папиросу. Бикфордовъ шнуръ зажигаютъ не отъ спички, а отъ папиросы. Все по закону. Закурилъ папиросу, взялъ цилиндрикъ въ руку и нагнулся съ папиросой къ нему. Въ теченіе четверти секунды не помню подробности.

Вѣроятно случайно зажегъ бумажку, которымъ былъ обернутъ бикфордовъ шнуръ.

Мнѣ разнесло въ сторону руки, подняло, ожгло, перевернуло, а воздухъ былъ набитъ взрывами. Цилиндръ разорвало у меня въ рукахъ. Едва успѣлъ блѣдно вспомнить о книгѣ: «Сюжетъ, какъ явленіе стиля», — кто ее безъ меня напишетъ?

Казалось, еще гремитъ взрывъ, еще не упали камни на землю. А я на землѣ. И лошади вижу скачутъ въ полѣ, мальчикъ бѣжитъ. А трава кругомъ въ брызгахъ крови.

Удивительно красна кровь на зеленомъ.

А руки и платье все въ клочьяхъ, въ дырьяхъ, рубашка черная отъ крови и черезъ ремни сандалій видно, какъ разворочены ноги, пальцы вывернуты и стоятъ дыбомъ.

Лежу на животѣ, и вижу, и визгъ уже вырвался изъ взрыва, а я правой рукой рву траву.

Я думаю, что солдаты прибѣжали черезъ минуту. Услыхали взрывъ и сказали.

— «Такъ и есть, Шкловскій взорвался»!

Пригнали телѣгу. Все скоро. Они съ этой телѣги картофель покупали. Кормили ихъ плохо, они покупали картофель и варили его вечеромъ.

Прибѣжалъ заводный и Матвѣевъ, тотъ большой, стали подымать меня на телѣгу. А я уже понимаю.

Пришелъ студентъ Никъ, прямо мертвый.

Положили меня на телѣгу и подъ голову подсунули мою полотняную шляпку колпачкомъ, съ мягкими полями.

Пришелъ Миткевичъ, блѣдный, какъ на пожарѣ моста. Наклонился надо мной задыхаясь.

У меня еще гремѣло въ ушахъ. Все тѣло трепетало. Но я знаю, какъ нужно себя вести, это ничего, что я не умѣю держать за обѣдомъ въ рукахъ ложку.

Я сказалъ ему:

«Примите рапортъ: предметъ, данный мнѣ на испытаніе, оказался запаломъ очень большой силы. Взрывъ произошелъ преждевременно, вѣроятно благодаря удаленію верхней оболочки бикфордова шнура. Используйте запалы»!

Все было сдѣлано, какъ въ лучшихъ домахъ, по правиламъ.

Есть правила, какъ долженъ вести себя раненый. Есть даже правила, что говорить умирая.

Повезли въ больницу.

Одинъ ученикъ — солдатъ, сидѣлъ у меня въ ногахъ и щупалъ ихъ, не холодѣю ли я.

Привезли меня въ лазаретъ. Поругались съ санитарами.

Все, какъ принято. Я лежалъ и печально узнавалъ вещи. Положили на столъ. Намылили.

Тѣло мое на костяхъ трепетало. Вотъ этого я еще не видалъ.

Оно билось мелкой дрожью. Не руки, не ноги, нѣтъ, — тѣло.

Подошла женщина — врачъ.

Знакомая изъ Петербурга. Не видались съ ней лѣтъ восемь. Начали занимать другъ друга разговоромъ.

Въ это время меня уже брили, это необходимо при перевязкахъ.

Говорилъ со знакомой о русскомъ великомъ поэтѣ Велемирѣ Хлѣбниковѣ.

Забинтовали по поясъ, положили на кровать.

Пришла на другой день сестра жены. Я не велѣлъ тревожить никого до утра.

Посмотрѣла на меня. Потрогала пальцемъ. Успокоилась немножко.

Пошла сказать Люсѣ, что у меня руки и ноги остались.

О томъ же, что я взорвусь было извѣстно заранѣе.

Вообще, живя, я какъ будто бы исполняю какую-то производственную программу.

Былъ я раненъ жестоко, въ ногахъ, въ груди сидѣли осколки.

Лѣвая рука пробита, пальцы изорваны, въ груди осколки.

Весь исцарапанъ, какъ когтями. Кусокъ мяса на ляжкѣ вырванъ.

А пальцы на ногѣ размозжены.

Осколковъ у меня вынимать было нельзя. Для того, чтобы вынуть, нужно было дѣлать надрѣзы, и рубцы стянули бы ногу.

Осколки выходили сами.

Идешь, немного колетъ. Скрипитъ бѣлье что-то. Остановишься, посмотришь, — маленькій бѣлый осколочекъ вылѣзъ изъ раны и торчитъ.

Вынешь. Ранка немедленно заживает.

Но — довольно о ранах.

Лежал и пах не свѣжим мясом. Время было жаркое.

Приходили ко мнѣ солдаты. Смотрѣли ласково. Занимали разговорами.

Пришел Миткевич, сказал, что написал в своем рапортѣ в штаб:

«Я получил множественныя слѣпыя раненія числом около 18».

Я одобрил, — число вѣрное.

Солдаты приносили мнѣ зеленыя яблоки и кислыя вишни.

Лежать было жарко. Лѣвая рука привязана к маленькой, алюминіевой рѣшеточкѣ. Сам весь в варкѣ.

С правой руки положили одного раненаго, — громаднаго роста человѣк, но не цѣльный, у него не хватало правой ноги по таз.

Грудь у него красивая, красивыя похудѣвшія руки.

Это мѣстный коммунист, Горбань. Ногу у него ампутировали давно, а заново ранен он был так.

Ѣхал с агрономом в байдаркѣ по землеустроительному дѣлу.

Поссорился, может-быть подрался. Агроном выстрѣлил в него в упор. Пробил челюсть и ранил язык.

Потом выбросил Горбаня на дорогу. Стрѣлял в него сверху.

Пробил мошонку, грудь, руку и уѣхал.

Лежалъ Горбань на землѣ подъ солнцемъ. Долго. Мычалъ въ лужѣ крови.

Шли мимо возы съ мужиками, не брали. А онъ и сказать ничего не можетъ. Мужики же ѣхали по своимъ дѣламъ.

Къ вечеру подобрали Горбаня милиціонеры.

Онъ никакъ не хотѣлъ умирать. Стоналъ, метался, задыхался.

А сѣдой врачъ стоялъ надъ нимъ и впрыскивалъ камфору каждые полчаса. Вливали въ Горбаня физіологическій растворъ соли. Всѣ очевидно искренно хотѣли, чтобы онъ выжилъ.

Выжилъ. Выходилъ его докторъ, а потомъ смотрѣлъ на него такъ любовно, какъ будто онъ самъ родилъ этого одноногаго человѣка.

Лежали мы съ нимъ рядомъ и подружились.

Говорить онъ сперва не могъ, говорили за него другіе, а онъ мычалъ утвердительно.

Горбань по профессіи кузнецъ. Былъ на каторгѣ, какъ с. р. Много его били.

Въ 1917 году выпустили. Пріѣхалъ въ Херсонъ.

При нѣмцахъ унесъ съ главной улицы прогуливавшагося провокатора, отнесъ къ своимъ. Тамъ провокатора убили.

Но нѣмцы поймали Горбаня и тоже повезли убивать.

Онъ разстегнулъ кожаную куртку и выпрыгнулъ изъ нея.

Куртка осталась, а онъ уплылъ, такъ прямо въ сапогахъ и брюкахъ.

Ранили его въ водѣ, но онъ доплылъ.

Жилъ въ степи. Въ домахъ не ночевалъ, а въ травѣ не найдеть.

Потомъ онъ дрался съ нѣмцами, съ греками (Херсонъ одно время занимали греки), съ бѣлыми.

Ранили его опять въ ногу. Перевязывать было некому.

Вѣдь у Махно, напримѣръ, въ отрядахъ сыпнотифозные при отступленіяхъ сами идутъ.

Рѣзали Горбаню ногу, чуть ли не перочинными ножиками.

Когда рѣжутъ ногу нужно разрѣзать мускулы, оттянуть мясо манжетой и подпилить кость.

Иначе кость потомъ прорываетъ культю.

Если вамъ не нравится описаніе, то — не воюйте, мнѣ, напримѣръ, по улицамъ Берлина ходить и инвалидовъ видать стыдно.

Горбаня оперировали неправильно и когда довезли до настоящаго доктора, то пришлось ему вырѣзать ногу начисто.

Послѣ этого, въ бою ему уже приходилось привязываться къ лошади веревками, а сбоку прикрѣпляли палку, чтобы было за что держаться.

Воевалъ онъ еще много.

Разсказывалъ онъ потомъ, уже въ Николаевѣ, какъ бралъ станціи «на шарапъ». Это значитъ: кто сколько схватитъ.

«И вѣдь достанется же каждому, можетъ-быть, по зимону и по парѣ бѣлья, а интересно».

Разсказывалъ, какъ рѣзалъ поѣзда съ бѣженцами. Одинъ поѣздъ вырѣзалъ начисто. Оставилъ въ живыхъ

одну еврейку пудовъ въ десять. Для рѣдкости. Потомъ началъ заниматься землеустройствомъ.

Планъ у него былъ соединять по десять хуторовъ въ одну экономію, пашни и склады врозь, а машины и ремонтъ вмѣстѣ.

Производило впечатлѣніе, что онъ это дѣло понимаетъ.

Про себя говорилъ съ радостной улыбкой:

«И я теперь кулачекъ... у меня одного хлѣба сколько... пріѣзжай ко мнѣ, профессоръ, абрикосы ѣсть!»

Къ Горбаню приходило много народу, сидѣли, занимали его разговоромъ. Ко мнѣ приходили студенты изъ отряда, солдаты...

И вотъ изъ кусковъ составленный, но совершенно правдивый разсказъ про то, какъ защищался Херсонъ отъ нѣмцевъ. Вообще все, что я пишу въ этой книжкѣ — правда. Фамиліи нигдѣ не измѣнены.

Ушли солдаты съ фронта. Ѣхали поѣздами, на поѣздахъ, подъ поѣздами. Нѣкоторые остались на рельсахъ.

Но иждивеніемъ русскаго Бога, — Бога великаго и многомилостиваго, — вернулись многіе домой. Съ винтовками.

И все еще была въ народѣ вѣра въ себя, революція продолжалась.

Пришли люди въ Херсонъ. Портъ не работаетъ. Дѣлать въ Херсонѣ нечего. Пошли къ городской думѣ.

Тамъ были люди грамотные — рѣшили — устроить «національныя мастерскія».

Стояли за городомъ Херсономъ и въ самомъ городѣ крѣпостные валы. Солдаты никому не нужны, и валы никому не нужны. Пускай срываютъ солдаты валы.

Срывали валы солдаты плохо. Ссорились съ Думой. А Дума собралась тайкомъ и рѣшила позвать нѣмцевъ.

Называется это «классовымъ самосознанiемъ».

Нѣмцы прiѣхали въ количествѣ небольшомъ и заняли городъ.

Солдаты любили Россiю, хотя и ушли съ фронта, собрались вмѣстѣ и разбили нѣмцевъ. Потомъ пошли убивать Думу.

Въ Думѣ очень испугались, но одинъ нашелся, взялъ съ кресла красную бархатную подушку, положилъ на нее ключи отъ несгораемаго шкафа и вынесъ осаждающимъ.

«Сдаемся — примите ключи города!»

А солдаты про «ключи города» слыхали.

Запутались совершенно. Ключи взяли, а думцевъ отпустили домой.

И тутъ появились диктаторы, диктаторы были изъ бѣглыхъ каторжниковъ, а одинъ изъ нихъ бѣглый румынскiй попъ. Въ Херсонъ было эвакуировано много румынъ. Сюда даже долженъ былъ прiѣхать и король.

Ѣздили диктаторы въ количествѣ трехъ на лошадяхъ по тротуару.

А на городъ наступали войска. Но Херсонъ не собралъ митинга, не избралъ офицеровъ. Рѣшили защищаться «вольно». Революцiя продолжалась.

Если наступали нѣмцы, кто-то посылалъ по городу автомобили, съ автомобилей трубили и бѣгали мальчишки по городу, и стучали въ двори и кричали: — «Нѣмцы, нѣмцы!»

Тутъ всѣ брали оружiе и бѣжали на окопы отбивать нѣмцевъ.

Сперва наступали австрійцы. Сдавались, какъ могли.

Вообще, я думаю трудно воевать съ безначальнымъ городомъ.

Потомъ пришли нѣмцы. Нѣмецкій полкъ, какъ брикетъ. Онъ не понялъ, что нельзя воевать со свободными людьми.

А передъ этимъ пришли съ деревень крестьяне воевать съ нѣмцемъ.

Но не повѣрили крестьяне, ушли и сказали: «У васъ не положительно устроено». Хозяева были, боялись за дома, — у нихъ было, что терять. И сердце крестьянъ не такъ горитъ. Нѣмцы наступали.

Горожане дрались у города, въ городѣ, поперекъ города. Заперлись въ крѣпость. Взяли нѣмцы и крѣпость. Наступилъ порядокъ.

Нѣмцы уже не разрѣшали ѣздить по тротуарамъ.

Искали повсюду оружія, даже въ выгребныхъ ямахъ; найдутъ, сожгутъ домъ.

Вотъ тутъ и убилъ кого-то Горбань. Было это при Гетманѣ.

Разбили нѣмцевъ французы. Кончился Скоропадскій. Кончился подлѣйшій періодъ исторіи Украины.

Но кромѣ нѣмцевъ были еще французы.

У нихъ тоже есть свое «классовое самосознаніе». Они рѣшили занять Украину.

Такъ какъ французовъ на это дѣло потратить хотѣли мало, то довѣренность на занятіе Херсона была дана грекамъ.

Всего видала Украина, правительствъ я думаю до 20.

Но о грекахъ въ Херсонѣ говорили съ наибольшей яростью.

«Мусорное войско».

«Кавалерія у нихъ на ослахъ».

И были тутъ еще англичане и еще кто-то, американцы, что ли, тѣ, ничего, говорятъ, — люди.

Греки заняли городъ и начали бояться. Боялись такъ сильно, что выселяли населеніе цѣлыхъ кварталовъ и набивали ими хлѣбные амбары у Днѣпра.

Запрутъ людей и не такъ страшно.

Загорѣлись разъ амбары и сгорѣло народу много.

Лежали на пожарищѣ разные куски человѣчьяго мяса.

Началъ наступать Григорьевъ. Сжалъ городъ такъ, что уже фронтъ шелъ около почты.

Григорьевцы, атакой перелѣзая черезъ стѣнки дворовъ, заняли городъ.

Греки ушли, оставивъ раненыхъ въ томъ лазаретѣ, гдѣ лежалъ я.

Пріѣхали къ этому лазарету утромъ люди на дровняхъ, пошли къ доктору.

Докторъ — сѣдой украинецъ Горбенко.

Большой докторъ, въ Херсонѣ было много излѣченныхъ имъ, и въ лазаретѣ почти вся прислуга изъ бывшихъ раненыхъ.

Пришли къ доктору григорьевцы и говорятъ, что сейчасъ перебьютъ они всѣхъ раненыхъ грековъ, но безпокоиться нечего, дровни уже приготовлены, — трупы увезутъ и бросятъ въ колодецъ въ крѣпости. Дѣйствительно, въ крѣпости былъ колодецъ. Шириной сажени въ три-двѣ въ поперечникѣ, а лижешь у края и посмотришь во внутрь, сходятся стѣнки, какъ рельсы на желѣзной дорогѣ, а въ концѣ вмѣсто дна мракъ.

Но докторъ Горбенко не отдалъ раненыхъ грековъ бросить въ этотъ колодецъ, и они остались живы.

Этотъ человѣкъ имѣлъ волю, по всей вѣроятности, потому, что онъ былъ хирургъ. При мнѣ онъ еще разъ отстоялъ человѣка. Принесли и положили рядомъ со мной раненаго непріятельскаго лазутчика. Лазутчикъ былъ раненъ смертельно ручной гранатой, брошенной въ него въ тотъ моментъ, когда онъ ползъ черезъ нашъ фронтъ.

Это громадный человѣкъ съ рыжей бородой. Какъ оказалось бѣглый къ бѣлымъ матросъ.

Уже наступала агонія. Руками онъ все время теребилъ одѣяло и, все захлебываясь, говорилъ: «Ой, мама, мама родная!», «Ой, ратуйте православные!».

Пришелъ изъ чека матросъ съ чернымъ чубомъ и какой-то декольтированный.

У прочихъ матросовъ грудь открыта, и у него-то выглядитъ, какъ декольтэ.

Всталъ на стулъ ногой и началъ допросъ.

— «Ну, что, скажи, много нашей братьи продалъ?»

Кажется, эти люди были раньше знакомы.

Рыжій метался и стоналъ, ему впрыскивали камфору, онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, и все время пальцы его были въ движеніи.

Черный быстро ушелъ.

Но въ двери лѣзли солдаты.

— «Дай его намъ!» Хотѣли убить.

Сестра, обращаясь ко мнѣ, уже конфузливо жала плечами: «Вы видите», но докторъ Горбенко прогналъ солдатъ, какъ куръ.

«Я докторъ, это мое дѣло».

III.

Къ вечеру, рыжій сталъ спокойнымъ, умеръ. Отнесли въ часовню.

Легко раненые изъ нашей палаты бѣгали смотрѣть на него.

Воронили трупъ.

Солдаты пришли и разсказывали мнѣ, что «бѣлый» — толстый, а... у него громадный. Такъ передъ тѣмъ, какъ сожгли трупъ Распутина въ топкѣ Политехническаго Института, раздѣли тѣло, воронили, мѣрили кирпичомъ.

Страшная страна.

Страшная до большевиковъ.

Мнѣ было очень грустно.

А бѣлые напирали.

Уже въ Херсонѣ какъ то скюзило. На нашемъ берегу все время происходили возстанія.

Ночью былъ отданъ приказъ увезти больныхъ въ Николаевъ.

Гробань не хотѣлъ ѣхать.

Пришелъ къ нему его товарищъ, председатель мѣстнаго совѣта и сказалъ: — «Нужно ѣхать, могутъ отрѣзать, крестьяне бунтуютъ кругомъ».

Ночью взяли насъ; солдаты уѣзжали очень неохотно, они вѣрили въ то, что Горбенко вылечитъ ихъ. Положили насъ въ телѣги, повезли на вокзалъ.

На вокзалѣ переложили въ вагоны, на полъ.

Прицѣпили къ утру къ поѣзду паровозъ и повезли.

Такъ уѣхалъ я изъ Херсона, не увидѣвъ жены.

Солнце жарило. Насъ не сопровождаетъ никто. Легко раненые ухаживаютъ за тѣми, кто не можетъ ходить. Нѣтъ воды.

Стрѣляютъ гдѣ-то, — бунтуетъ какая-то деревня.

Когда бунтуетъ деревня, то бьютъ въ ней набатъ и мечутся люди во всѣ стороны, защищаясь отъ войска.

Поле, по полю — скирды, за скирдами солдаты, наступаютъ на деревню.

А завтра возьмутъ. Но за деревней другая деревня и когда нибудь она тоже ударитъ въ набатъ.

Поле широкое, солдатская цѣпь, не то наступаетъ, не то отдыхаетъ.

Торопиться некуда. Цѣпь рѣдка, какъ зубья вилы.

А мимо ѣдетъ красный поѣздъ. Въ поѣздѣ на полу раненые пензенскіе красноармейцы, и бредитъ отъ жары Горбань, и равнодушно смотрю я на свою судьбу. Я — падающій камень — профессоръ Института Исторіи Искусствъ, основатель русской школы формальнаго метода (или морфологическаго). Я тутъ былъ какъ иголка безъ нитки, безслѣдно проходящая сквозь ткань.

Стрѣляли въ поѣздъ, звенѣли провода, тамъ гдѣ не были спилены столбы. Стрѣляли съ поѣзда.

Но путь не былъ разобранъ, и къ ночи мы пріѣхали въ Николаевъ. Медленно идутъ поѣзда съ ранеными.

Это я видѣлъ послѣднюю перестрѣлку, дальше будетъ мирно. Значитъ можно еще задержаться.

Бѣлые наступали по правому берегу Днѣпра и пытались дѣлать десанты около Ростова.

Въ районѣ Николаева-Херсона красныхъ силъ не было. Всѣ учрежденія свертывались, эвакуировались.

Полежали мы немножко въ Николаевскомъ госпиталѣ, потомъ положили насъ опять въ поѣздъ и повезли куда-то.

По дорогѣ раненые матросы возстанавливали справедливость и били заградительные отряды, торговали «робой» и шумѣли.

Рядомъ со мной лежалъ красный командиръ артиллеристъ, раненый въ ноги бомбой съ аэроплана. У кровати его стояли желтые сапоги, сдѣланные изъ сѣдельной кожи. Это ему сшили въ утѣшеніе. На остановкахъ онъ со стономъ одѣвалъ сапогъ на одну ногу, на другую туфлю.

И шелъ гулять съ барышнями. Находилъ ихъ быстро.

Кругомъ лежали раненые, немного бредили, немного стонали.

Поѣздъ шелъ, шелъ и уперся наконецъ въ Елизаветградъ.

Сняли насъ и повезли въ еврейскую больницу.

Командиръ артиллеристъ уже лежалъ, у него въ ногахъ началась гангрена, желтые сапоги поставили около кровати.

Я ходилъ на костыляхъ.

Въ этомъ мѣстѣ необходимо выяснить мою родословную.

Викторъ Шкловскій родился отъ преподавателя математики Бориса Шкловскаго, который преподаетъ еще и сейчасъ и отъ Варвары Карловны Шкловской въ дѣвичествѣ Бундель, отецъ ея Карлъ Бундель до конца своихъ дней не входилъ въ русскую церковь, даже когда тамъ отпѣвали его дѣтей. Дѣтей у него умирало много, и по закону они были православные.

Бабушка со стороны матери прожила со своимъ мужомъ 40 лѣтъ и не научилась говорить по нѣмецки. Я тоже не говорю, что очень печально, такъ какъ живу въ Берлинѣ.

Карлъ Бундель по русски говорилъ плохо. Хорошо зналъ латынь, но больше всего любилъ охоту.

Итакъ, Варвара Карловна Бундель родилась въ Петербургѣ отъ садовника Смольнаго Института, сына Веденскаго пастора Карла Бунделя, который безъ разрѣшенія родителей 17 лѣтъ женился на дочери одного діакона изъ Царского Села, Аннѣ Севастіановнѣ Каменоградской. Каменоградская же происходитъ отъ мастера гранильного завода. Двоюродный братъ моей матери Каменоградскій былъ діакономъ при Іоаннѣ Кронштадтскомъ до конца его дней.

Отецъ же мой, Борисъ Шкловскій, по крови чистый еврей.

Шкловскіе изъ Умани и въ уманскую рѣзню ихъ рѣзали.

Потомъ оставшіеся въ живыхъ ушли въ городъ Елизаветградъ, куда привезъ поѣздъ меня и раненыхъ красноармейцевъ.

Въ Елизаветградѣ жилъ мой прадѣдъ и былъ очень богатъ.

Умирая, оставилъ, по преданію, до ста внуковъ и правнуковъ.

У моего отца около пятнадцати братьевъ и сестеръ.

Дѣдъ мой былъ бѣденъ, служилъ лѣсникомъ у своего брата.

Сыновей, выросшихъ лѣтъ до 15 — 16, отправляли куда-нибудь искать судьбу.

Когда они ее находили, къ нимъ присылали ихъ братьевъ.

Къ дочерямъ же брали изъ числа мальчиковъ, играющихъ на улицѣ, но хорошаго еврейскаго рода, какого-нибудь 10-лѣтняго малого, женили его, растили, дѣлали его аптокарскимъ ученикомъ, а потомъ провизоромъ. Большаго ничего дѣлать было нельзя.

Семья получалась дружная и, по большей части, счастливая.

Бабушка моя научилась говорить по русски къ 60 годамъ.

Любила говорить, что она прожила первые 60 лѣтъ для дѣтей, а теперь живетъ для себя.

Въ семьѣ мнѣ разсказывали, что когда мой отецъ, который тоже женился очень рано, лѣтъ 18, пріѣхалъ съ первой своей женой и съ новорожденнымъ сыномъ въ Елизаветградъ, то бабушка кормила грудью въ это время своего послѣдняго ребенка.

Когда внукъ плакалъ, то бабушка, чтобы не будить молодую мать, брала его къ себѣ и кормила грудью вмѣстѣ съ дочкой.

Ѣздила бабушка заграницу, была въ Лондонѣ у своего сына Исаака Шкловскаго (Діонео), читала ему свою книгу воспоминаній.

Воспоминанія ея начинаются съ разсказовъ няньки и родителей о Гонте, кончаются на Махно.

Книга написана на жаргонѣ, мнѣ она переводила оттуда кусочки.

Написано спокойно. Россію она не разлюбила.

Есть одинъ хорошій моментъ. Приходятъ въ домъ офицеры и казаки грабить. Бабушка прячетъ руку съ обручальнымъ кольцомъ. Офицеръ говоритъ. — Не безпокойтесь, обручальныхъ колецъ мы не беремъ. — А мы беремъ, — сказалъ казакъ и снялъ кольцо съ ея руки.

На дняхъ я узналъ, что бабушка моя умерла въ Елизаветградѣ 86 лѣтъ отъ воспаленія легкихъ. Письмо пришло ко мнѣ въ Финляндію изъ Украины черезъ Данію.

Умерла она среди гибели города.

Голодаютъ сейчасъ въ Елизаветградѣ ужасно.

Читалъ и ея письмо, написанное за нѣсколько дней до смерти.

Она писала, что тяжело, но ходитъ она все еще прямо. Вѣрю, что умерла безъ отчаянія.

Я видалъ ее въ послѣдній разъ въ 1920. Ушелъ изъ лазарета и жилъ у нея.

Квартирка была вся ограблена. Черезъ городъ прошло десятокъ бандъ, погромовъ было чрезвычайно много. Запишу одинъ способъ. Тихій погромъ.

Организованные погромщики приходятъ на базаръ къ еврейскимъ лавкамъ. Становятся въ очередь. Объявляютъ: «Весь товаръ идетъ по довоенной цѣнѣ». Нѣсколько становятся за выручку принимать деньги.

Черезъ часъ или полчаса магазинъ распроданъ, вырученныя деньги передаются хозяину.

Онъ можетъ итти съ ними къ другому ларьку и купить на нихъ булку.

Но чаще были погромы обыкновенные.

Иногда во время погромовъ осматривали паспорта и выкрестовъ не трогали. Иногда оставляли обручальныя кольца.

Выносили мебель, рояли. Уносили сундукъ прислуги.

Убивали, преимущественно увозя на вокзалъ.

Но евреи прятались и имъ это какъ-то позволяли.

Однажды рабочіе завода Эльварти прекратили погромъ.

Городъ нѣсколько разъ самъ дрался съ наступающей бандой у старой крѣпости.

Бабушка сказала своимъ внукамъ, чтобы они шли и дрались.

Но рабочіе приняли евреевъ буржуевъ хмуро, не позволили имъ драться рядомъ съ собой.

Сейчасъ въ городѣ было тихо.

Лавки заперты. Базаръ торговалъ, но подъ страхомъ.

При мнѣ запретили вольную продажу хлѣба, не устроивъ городской выдачи. Даже странно.

Пріѣхали въ ночь два моихъ двоюродныхъ брата.

Чѣмъ-то спекулировали. Пріѣхали ночью на телѣгѣ.

Пошли въ городъ, купили свиную шкуру съ саломъ, муку, захватили меня съ собой, повезли все вмѣстѣ въ Харьковъ.

На станціяхъ выбѣгали, покупали яблоки мѣшками, помидоры корзинами. Говорили на жаргонѣ, но не на еврейскомъ, а на матроскомъ. «Шамать» — означало ѣсть, потомъ «даешь», «берешь», «каша» и т. д. Везли они провизію къ себѣ въ Харьковъ «шамать», а не продавать. Ѣхали съ пересадками, на крышахъ.

Ночевалъ въ агитаціонномъ пунктѣ на полу. Но какой-то будоновецъ уступилъ мнѣ мѣсто на столѣ. Спалъ. Со стѣны смотрѣли на меня Ленинъ и Троцкій. И надписи изъ Маркса и «Красной Газеты».

Братва спала на улицѣ на вещахъ.

Пріѣхалъ въ Харьковъ.

Изъ дома дяди, къ которому подвозли меня и помидоры, вышла моя жена въ красномъ ситцевомъ платьѣ и деревянныхъ сандаліяхъ. Она выѣхала изъ Херсона вслѣдъ за мной, но попавъ на мой поѣздъ. Искала меня въ Николаевѣ. Пріѣхала въ Харьковъ. Отсюда хотѣла вернуться на Елизаветградъ.

Въ Харьковѣ просидѣлъ два дня въ Наркомпродѣ, добивался разрѣшенія на провозъ двухъ пудовъ провизіи въ Питеръ.

Черезъ недѣлю мы были въ Петербургѣ.

Вокругъ города горѣли торфяныя болота.

Солнце стояло въ дыму.

Ссорился съ Люсей. Она говорила, что пасмурно, я что солнечно.

Я — оптимистъ.

Пріѣхали мы почти голые, безъ бѣлья.

Питеръ производилъ на меня впечатлѣніе послѣ Украины города, въ которомъ много вещей.

Въ Петербургѣ поселился я въ «Домѣ Отдыха» на Каменномъ Островѣ. Потяжелѣлъ на десять фунтовъ. Чувствовалъ себя спокойнымъ, какъ никогда.

Активная борьба съ бѣлогвардейцами, въ общемъ, не входитъ сейчасъ въ программу русскихъ интеллигентовъ,

но никто не удивился, когда я пріѣхалъ изъ какой-то командировки раненымъ.

Любили ли меня, разочаровались ли до конца въ бѣлыхъ, но никто не тревожилъ меня вопросами.

Осколки легко выходили изъ ранъ. Было жарко, но окна комнаты смотрѣли на Неву.

Я наслаждался постельнымъ бѣльемъ, обѣдомъ съ тарелокъ.

Разница между Петербургомъ и совѣтской провинціей больше чѣмъ между Петербургомъ и Берлиномъ.

Теперь начнется разсказъ про жизнь безъ событій, — о совѣтскихъ будняхъ.

Поселился я въ «Домѣ Искусствъ».

Мѣста не было. Взялъ вещи, положилъ ихъ въ дѣтскую коляску и прикатилъ къ «Дому Искусствъ»; изъ вещей главное, конечно, была мука, крупа и бутылки съ подсолнечнымъ масломъ. Въѣхалъ въ «Домъ Искусствъ» безъ разрѣшенія администраціи.

Жилъ въ концѣ длиннаго коридора. Его зовутъ Пястовскимъ тупикомъ, потому что въ концѣ онъ упирается въ дверь поэта Пяста.

Пястъ же ходилъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ — мелкая клѣтка, бѣлая съ чернымъ — ломалъ руки и читалъ стихи.

Иногда говорилъ очень хорошо, но въ серединѣ рѣчи вдругъ останавливался и замолкалъ на полминуты. Въ эти минуты какого-то провала, самъ Пястъ какъ-то отсутствуетъ.

Другое названіе коридора — «Змиій обезьянникъ».

На обезьянникъ онъ похожъ: всѣ двери темныя, трубы, отъ печурокъ надъ головой, вообще похоже. И желѣзная лѣстница вверхъ.

Потомъ — Елисѣевская кухня.

Вся въ синихъ съ бѣлымъ изразцахъ, плита посрединѣ.

Чисто въ кухнѣ, но тараканов много.

Маленькій свиненокъ ходитъ по кафельному полу, тихо похрюкивая. Питался онъ одними тараканами, но не раздобрѣлъ и его продали.

Рядомъ со мной въ обезьянникѣ жилъ Михаилъ Слонимскій.

Въ это время онъ еще не былъ беллетристомъ. Готовилъ работу «Литературные Салоны». Кончилъ только что біографію Горькаго.

Если у него былъ хлѣбъ, онъ ѣлъ его съ жадностью.

Еще дальше жилъ Александръ Гринъ, мрачный и тихій, какъ каторжникъ въ серединѣ своего срока. Гринъ сидѣлъ и писалъ повѣсть «Алые паруса», наивную и хорошую.

Мнѣ было тѣсно на узкой кровати. Я слегка голодалъ уже. Ѣсть приходилось одну гречневую кашу. Каждый день. Часто бывала рвота.

Не было письменнаго стола, а въ этомъ дѣлѣ я американецъ. Требовалъ столъ. Терроризировалъ домъ совершенно.

Но скоро меня перевели въ комнату наверху.

Въ ней было два окна на Мойку.

Куполъ Казанскаго Собора невдалекѣ и зеленыя вершины тополей.

Въ комнатѣ всѣ вещи крупныя.

Въ сосѣдней комнатѣ умывальникъ.

Здѣсь я сталъ жить лучше.

Отъ Украйны у меня еще остался сахаръ. Я ѣлъ его, какъ хлѣбъ. Если вы не были въ Россіи съ 1917 до 1921 года, вы не можете себѣ представить, какъ тѣло и мозгъ— не не какъ интеллектъ, а какъ часть тѣла — можетъ жалобно требовать сахара.

Оно проситъ его, какъ женщину, оно лукавитъ. Какъ трудно донести до дому нѣсколько кусковъ бѣлаго сахара! Трудно, сидя въ гостяхъ, гдѣ случайно на столѣ стоитъ сахарница съ сахаромъ, не забрать всего сахара въ ротъ и не сгрызть его.

Сахаръ и масло. Хлѣбъ не такъ притягателенъ, хотя я жилъ года съ мыслью о хлѣбѣ въ умѣ.

Говорятъ, что сахаръ и жиры нужны для работы мозга.

А о совѣтской воблѣ когда-нибудь напишутъ поэмы, какъ о маннѣ. Это была священная пища голодныхъ.

Этой осенью я былъ избранъ въ профессора Института Исторіи Искусствъ. Мнѣ это пріятно, я люблю Институтъ. Работать приходилось всю жизнь урывками. Въ 15 лѣтъ я не умѣлъ отличать часы, сейчасъ съ трудомъ помню порядокъ мѣсяцовъ. Какъ-то не уложились они въ моей головѣ. Но работалъ, по своему, много, много читалъ романовъ и знаю свое дѣло до конца.

Я воскресилъ въ Россіи Стерна, сумѣвъ его прочитать.

Когда мой другъ Эйхенбаумъ, уѣзжая изъ Петербурга въ Саратовъ, спросилъ у своего пріятеля профессора

англиста «Тристрема Шенди», Стерна на дорогу, — тотъ отвѣтилъ ему: «Брось, страшная скука». Сейчасъ для него Стернъ интересный писатель. Я оживилъ Стерна, понявъ его строй. Показалъ его связь съ Байрономъ.

Въ основѣ формальный методъ простъ. Возвращеніе къ мастерству. Самое замѣчательное въ немъ то, что онъ не отрицаетъ идейнаго содержанія искусства, но считаетъ такъ называемое содержаніе однимъ изъ явленій формы.

Мысль также противопоставляется мысли, какъ слово слову, образъ образу.

Искусство въ основѣ иронично и разрушительно. Оно оживляетъ міръ. Задача его — созданіе неравенствъ. Оно создаетъ ихъ путемъ сопоставленій.

Новыя формы въ искусствѣ создаются путемъ канонизаціи формъ низкаго искусства.

Пушкинъ произошелъ отъ малаго искусства альбомовъ, романъ изъ разсказовъ ужаса, вродѣ современныхъ Пинкертоновъ. Некрасовъ — изъ водевиля. Блокъ — изъ цыганскаго романса. Маяковскій — изъ юмористической поэзіи.

Все: и судьба героевъ, и эпоха, въ которой совершается дѣйствіе, все — мотивировка формъ.

Мотивировка формъ измѣняется быстрѣй самой формы.

Примѣръ мотивировки.

Канонъ начала 19 вѣка былъ въ разрушеніи обрамляющей новеллы въ романахъ и поэмахъ.

«Тристремъ Шенди» Стерна не дописанъ, «Сантиментальное Путешествіе» Стерна прервано на эротическомъ

мѣстѣ, въ серединѣ того же Сентиментальнаго Путешествія вставная новелла прорвана съ мотивировкой потерей листовъ рукописи; та же мотивировка у Гоголя «Шпонька и его тётушка», «Донъ Жуанъ» Байрона, «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, «Котъ Муръ» Гофмана не кончены.

Другой примѣръ: временная перестановка.

Такъ называемому, романтизму (понятіе несуществующее) соотвѣтствуетъ временная перестановка.

Обычна мотивировка, разсказъ.

То-есть съ середины романа дѣйствіе возвращается назадъ, путемъ чтенія найденной рукописи, сномъ или воспоминаніями героя (Чичиковъ, Лаврецкій).

Цѣль этого пріема торможеніе.

Мотивировка, какъ я уже говорилъ, разсказъ, рукопись, воспоминаніе, ошибка переплетчика (Имерманъ), забывчивость автора (Стернъ, Пушкинъ), вмѣшательство кошки спутавшей листья (Гофманъ).

Вопроса о безпредметномъ искусствѣ не существуетъ; есть вопросъ о мотивированномъ и о немотивированномъ искусствѣ. Искусство развивается разумомъ своей техники. Техника романа создала «типъ». Гамлетъ созданъ техникой сцены.

Я ненавижу Иванова-Разумника, Горнфельда, Василевскихъ, всѣхъ сортовъ, убійцу русской литературы (неудачнаго) Бѣлинскаго.

Я ненавижу всю газетную мелочь — критиковъ современности. Если бы у меня была лошадь, я ѣздилъ бы на ней и ею топталъ бы ихъ. Теперь стопчу ихъ ножками своего письменнаго стола.

Ненавижу людей, обламывающихъ остріе меча. Они губятъ созданное художникомъ.

Подумайте — Кони утверждаетъ, что значеніе Пушкина въ томъ, что онъ защищалъ судъ присяжныхъ!

Масло же человѣку совершенно необходимо. Моя маленькая племянница Марина, когда болѣла, все просила масла, хоть на язычекъ.

И я хотѣлъ масла и сахара все время.

Если бы я былъ поэтъ, я написалъ бы поэму о маслѣ, положивъ ее на цимбалы.

Сколько жадности къ жиру въ Библіи и у Гомера!

Петроградскіе писатели и ученые поняли теперь эту жадность.

Читалъ лекціи въ Институтѣ Исторіи Искусствъ.

Ученики работали очень хорошо. Холодно. У института, кажется, есть дрова, но нѣтъ денегъ ихъ распилить. Стынешь. Стынутъ портьеры и каменныя стѣны пышнаго зубовскаго дома. Въ канцеляріи пухнутъ отъ мороза и голода машинистки.

Паръ надъ нами.

Разбираемъ какіе-то романы. Говоришь внимательно и всѣ слушаютъ.

И слушаетъ насъ также морозъ и Сѣверный Полярный Кругъ. Эта русская великая культура — не умираетъ и не сдается.

Передо мною сидитъ ученикъ, изъ рабочихъ. Литографъ.

Съ каждымъ днемъ онъ становится прозрачнѣй. На дняхъ онъ читалъ докладъ о Фильдингѣ. У него просвѣчивали уши и не розовымъ, а бѣлымъ. Шелъ съ доклада,

упалъ на улицѣ. Подобрали, привезли въ больницу. Голодъ. Я пошелъ къ Кристи.

Онъ ничего не могъ дать.

Достали хлѣба товарищи, ученики. Ходили къ нему.

А онъ вылежалъ въ больницѣ, выползъ изъ нея. Продалъ книги, уплатилъ долги и опять ходитъ въ Институтъ.

А до Института катаетъ вагонетки съ угломъ и имѣетъ за это два фунта хлѣба и пять фунтовъ угля въ день. Глаза у него, какъ подводенные. И кругомъ почти у всѣхъ такъ.

Вы не думайте, что вамъ не нужны теоретики искусства.

Человѣкъ живетъ не тѣмъ, что онъ есть, а тѣмъ, что переваривает. Искусство нужно, какъ ферментъ.

Дома я топилъ печку бумагой.

Представьте себѣ страшный городъ.

Дровъ не выдаютъ. То-есть выдаютъ гдѣ-то, но очередь въ тысячу человѣкъ ждетъ и не можетъ дождаться. Специально заведена волокита, чтобы человѣкъ, обезсиленный, ушелъ. Все равно не хватитъ.

И выдаютъ-то одну вязанку.

Столы, стулья, карнизы, ящики для бабочекъ уже стоплены.

Мой товарищъ топилъ библіотекой. Но это страшная работа. Нужно разрывать книги на страницы и топить комочками.

Онъ чуть не погибъ той зимой, но докторъ, который пришелъ къ нему въ день, когда вся семья была больна, велѣлъ имъ всѣмъ поселиться въ крохотной комнатѣ.

Они подышали там и выжили. Въ этой комнаткѣ Борисъ Эйхенбаумъ написалъ книгу «Молодой Толстой».

Я плавалъ среди этого морознаго моря, какъ спасательный кругъ.

Помогало отсутствіе привычки къ культурѣ — мнѣ не тяжело быть эскимосомъ.

Я приходилъ къ товарищамъ и накачивалъ въ нихъ бодрости; думать же я могу при любыхъ условіяхъ.

Вернемся къ топкѣ печей.

Жилъ я въ спальнѣ Елисѣева. Въ углу стояла большая печка, расписанная глухарями.

Въ домѣ былъ прежде Центральный Банкъ. Выпросишь ключъ отъ банка, войдешь въ него, и начинаетъ кружиться голова.

Комнаты, комнаты, комнаты на Невскій и комнаты на Морскую, комнаты на Мойку. Отворенные несгораемые шкафы, весь полъ усѣянъ бумагами, квитанціонными книжками, папками. Топилъ печку почти годъ папкой.

У «Дома Искусствъ», правда, были дрова, но такія сырыя, что безъ папки ихъ нельзя было растопить.

Вотъ и ходишь по пустымъ комнатамъ, роешься въ бумагахъ.

Почему-то кружится голова. Почему-то тошнитъ.

А вечеромъ сидишь спиной къ печкѣ, за маленькимъ, круглымъ, Елисѣевскимъ мозаичнымъ столикомъ и пеешь.

Я люблю пѣть, когда работаю. Поэтъ Осипъ Мандельштамъ прозвалъ меня за это «веселымъ сапожникомъ».

Уже кругомъ образовался бытъ.

Выдали намъ въ «Домѣ Ученыхъ» по зеленымъ карточкамъ каждому одинъ мѣшокъ и одну деревянную чашку, запели мы саночки.

Вообще приспособили жизнь.

Большинство работало сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, получало возлѣ пайки. Насъ попрекали этими пайками. Самъ я сразу никогда два пайка не получалъ, но — не хорошо попрекать людей хлѣбомъ. У людей есть дѣти и они тоже хотятъ ѣсть.

У нѣкоторыхъ же кромѣ того, существовалъ психическій голодъ и культъ ѣды.

Зашелъ разъ къ одному довольно извѣстному писателю, его не было дома. Заговорилъ съ его сѣдоволосой и чернобровой женой. Она мнѣ сказала: «Въ этотъ мѣсяцъ мы съѣли двадцать пять фунтовъ свинины».

Она очень уважала себя за эту свинину, за то, что она у нихъ есть. Презирала тѣхъ, кто свинины не ѣлъ.

Съ этой свининой въ то время съѣдали много людей.

Я жилъ сравнительно легко, такъ какъ часть дровъ получалъ отъ «Дома Искусствъ».

Свинины не ѣлъ и о ней не думалъ.

Въ нижнихъ залахъ дома шли концерты.

Въ комнатѣ съ амурами на потолкѣ жилъ Акимъ Волынскій.

Онъ сидѣлъ въ пальто и въ шапкѣ и читалъ отцовъ церкви по гречески.

Вечеромъ пилъ чай на кухнѣ.

Я занимался вселеніемъ людей въ домъ. У насъ было два теченія: аристократическое, которое стремилось сжать количество «обдисковъ» — обитателей Дома Искусства, —

и я, который лазилъ по дому, находилъ квартиры и вселялъ въ нихъ новыхъ людей.

Появлялись новые люди.

Ходасевичъ Владиславъ въ мѣховой потертой шубѣ на плечахъ, съ перевязанной шеей.

У него шляхетскій гербъ, общій съ гербомъ Митцковича, и лицо обтянуто кожей, и муравиный спиртъ вмѣсто крови.

Жилъ онъ въ номерѣ 30; изъ окна виденъ Невскій вдоль. Комната почти круглая, а самъ онъ шаманитъ:

Сижу, освѣщаемый сверху,
Я въ комнатѣ круглой моей,
Смотрю въ штукатурное небо,
На солнце въ шестнадцать свѣчей.

Кругомъ — освѣщенные тоже —
И стулья, и столъ, и кровать.
Сижу и въ смущеньи не знаю,
Куда бы мнѣ руки дѣвать.

Морозныя бѣлыя пальмы
На стеклахъ беззвучно цвѣтутъ
Часы съ металлическимъ шумомъ
Въ жилетномъ карманѣ идутъ...

Когда онъ пишетъ, его носитъ сухимъ и горькимъ смерчемъ.

Въ крови его микробы жить не могутъ. — Дохнутъ.

По дому, закинувъ голову, ходилъ Осипъ Мандельштамъ. Онъ пишетъ стихи на людяхъ. Читаетъ строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжелыми. Каждая строка отдѣльно. И кажется все это почти шуткой, такъ нагружено все собственными именами и славянизмами. Такъ, какъ будто, писалъ Козьма Прутковъ. Эти стихи, написаны на границѣ смѣшного.

Возьми на радость изъ моихъ ладоней
Немного солнца и немного меда,
Какъ намъ велѣли пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрѣпленной лодки,
Не услыхать въ мѣха обутой тѣни,
Не превозмочь въ дремучей жизни страха.

Намъ остаются только поцѣлуи,
Мохнатые, какъ маленькія пчелы,
Что умираютъ, вылетѣвъ изъ улья.

Осипъ Мандельштамъ пасся, какъ овца по дому, скитался по комнатамъ, какъ Гомеръ.

Человѣкъ онъ въ разговорѣ чрезвычайно умный. Покойный Хлѣбниковъ назвалъ его «Мраморная муха». Ахматова говоритъ про него, что онъ величайшій поэтъ.

Мандельштамъ истерически любилъ сладкое. Живя въ очень трудныхъ условіяхъ, безъ сапогъ, въ холодѣ, онъ умудрялся оставаться избалованнымъ.

Его какая-то женская распущенность и птичье легкомысліе были не лишены системы. У него настоящая по-

вадка художника, а художникъ и лжетъ для того, чтобы быть свободнымъ въ единственномъ своемъ дѣлѣ, — онъ, какъ обезьяна, которая по словамъ индусовъ, не разговариваетъ, чтобы ее не заставили работать.

Внизу ходилъ, не сгибаясь въ поясницѣ, Николай Степановичъ Гумилевъ. У этого человѣка была воля, онъ гипнотизировалъ себя. Вокругъ него водилась молодежь. Я не люблю его школу, но знаю, что онъ умѣлъ по своему растить людей. Онъ запрещалъ своимъ ученикамъ писать про весну, говоря, что нѣтъ такого времени года. Вы представляете, какую гору слизи несетъ въ себѣ массовое стихотворство. Гумилевъ организовывалъ стихотворцевъ. Онъ дѣлалъ изъ плохихъ поэтовъ неплохихъ. У него былъ пафосъ мастерства и увѣренность въ себѣ мастера. Чужие стихи онъ понималъ хорошо, даже если они далеко выходили изъ его орбиты.

Для меня онъ человѣкъ чужой, и мнѣ о немъ писать трудно. Убивать его было не нужно. Никому. Помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ про пролетарскихъ поэтовъ въ студіи, которыхъ читалъ.

«Я уважаю ихъ, они пишутъ стихи, ѣдятъ картофель и берутъ соль за столомъ, стѣсняясь, какъ мы сахаръ».

Умеръ Гумилевъ спокойно.

У меня сидѣлъ въ тюрьмѣ смертникомъ одинъ товарищъ. Мы переписывались. Это было около трехъ или четырехъ лѣтъ тому назадъ. Письма выносилъ конвойный въ кобурѣ. Другъ писалъ мнѣ.

«Я подавляю въ себѣ желаніе жить, я запретилъ себѣ думать о семьѣ. Меня страшитъ одно — очевидно это была его манія — меня страшитъ, что мнѣ скажутъ — «сни-

мой сапоги», у меня высокіе шнурованные сапоги до колѣнъ (шоферскіе), я боюсь запутаться въ шнуровкѣ».

Граждане!

Граждане, бросьте убивать! Уже люди не боятся смерти! Уже есть привычки и способы, какъ сообщать женѣ о смерти мужа.

И ничего не измѣняется, только становится еще тяжелѣй.

Блокъ умеръ тяжелѣй, чѣмъ Гумилевъ, онъ умеръ отъ отчаянія.

Этотъ человѣкъ не былъ эстетомъ по складу: въ основѣ его прежняго мастерства лежало возстаніе цыганскаго романса. Онъ писалъ, используя банальный образъ.

Сила Блока въ томъ, что связанъ онъ съ простѣйшими видами лиризма; не даромъ онъ бралъ эпиграфы для стиховъ изъ романсовъ.

Онъ не былъ эпигономъ, потому что онъ былъ канонизаторомъ.

Старую человѣческую культуру онъ осудилъ. Осудилъ гуманизмъ. Парламентъ. Чиновника и интеллигента. Осудилъ Цицерона и призналъ Катилину. Революцію онъ принялъ.

Шейлока надули. Венеціанскій Сенатъ предложилъ ему фунтъ мяса Антоніо, но безъ крови. А вырѣзать мясо и совершить революцію безъ крови невозможно.

Блокъ принялъ революцію съ кровью. Ему, родившемуся въ зданіи Петербургскаго Университета, сдѣлать это было трудно.

Говоря про признаніе революціи, я не ссылаюсь на «двѣнадцать». «Двѣнадцать» — ироническая вещь, какъ ироничен во многомъ Блокъ.

Беру здѣсь понятіе «иронія» не какъ «насмѣшка», а какъ пріемъ одновременнаго воспріятія двухъ разнорѣчивыхъ явленій или какъ одновременное отнесеніе одного и того же явленія къ двумъ семантическимъ рядамъ.

Не поэзія Владиміра Соловьева, и не его философія и московскія зори 1901-2 года, о которыхъ такъ хорошо пишетъ Андрей-Бѣлый, выростили Блока.

Блокъ, какъ и Розановъ, возстаніе. Въ Розановѣ возстаніе того, что мы считали мѣщанскимъ — задней комнаты, хлѣва; а онъ воспринялъ какъ священное логово возстаніе «пара» надъ духомъ. Это въ народѣ иногда говорятъ, что у животныхъ нѣтъ души, а только паръ.

Въ Блокѣ возсталъ чистый лиризмъ. Банальная и вѣчная тема лиризма. По образу, по словосочетанію Блокъ примитивный поэтъ. Тема цыганскаго романса, который пѣлся улицей, къ мотивировкѣ которыхъ прибѣгали великіе поэты Пушкинъ, Аполлонъ Григорьевичъ, Фетъ — формы этого романса были вновь канонизованы Блокомъ.

Это онъ посмѣлъ, какъ Розановъ введшій въ свои вещи приходо-расходную книгу и тревогу о своихъ 35.000, нажитыхъ у Суворина, ввести пошлый образъ въ свою поэзію.

Но Блокъ не совершилъ до конца дѣла поднятія формы, прославленія ея. Камень, отверженный строителями, не легъ во главу угла. Онъ одновременно воспринималъ иногда свою тему, какъ уже претворенную и взятую, въ

то же время, какъ таковую, то-есть въ ея обыденномъ значеніи.

На этомъ онъ построилъ свое искусство.

Такъ Лѣсковъ, геніальный художникъ, создававшій до Хлѣбникова переживаемое слово, не смогъ дать его внѣ мотивировки. Только въ комическій сказъ онъ смогъ ввести новое слово; но что же дѣлать въ странѣ, въ которой Бѣлинскій упрекалъ Тургенева за то, что тотъ далъ въ своей вещи слово «зеленя» внѣ разговора дѣйствующихъ лицъ, а въ рѣчи автора.

У насъ не понимаютъ не изобразительнаго искусства.

«Двѣнадцать» — ироническая вещь. Она написана даже не частушечнымъ стилемъ, она сдѣлана «блатнымъ» стилемъ. Стилемъ уличнаго куплета въ родѣ Савояровскихъ. Неожиданный конецъ съ Христомъ заново освѣщаетъ всю вещь. Понимаешь число «двѣнадцать». Но вещь остается двойственной и расчитана на это.

Самъ же Блокъ принялъ революцію не двойственно. Шумъ крушенія стараго міра околдовалъ его.

Время шло. Трудно написать, чѣмъ отличался 1921 годъ отъ 1919 и 1918. Въ первые годы революціи не было быта или бытомъ была буря. Нѣтъ крупнаго человѣка, который не пережилъ бы полосы вѣры въ революцію. Минутами вѣрилось въ большевиковъ. Вотъ рухнетъ Германія, Англія и плугъ распашетъ ненужные никому рубежи! А небо совьется, какъ свитокъ пергамента.

Но тяжесть привычекъ міра притягивала къ землѣ, брошенный революціей горизонтально, камень жизни.

Полетъ превращался въ паденіе.

Мы, многіе изъ насъ радовались, когда замѣтили, что въ новой Россіи можно жить безъ денегъ. Радовались слишкомъ рано.

Мы вѣрили въ студіи красноармейцевъ. Одни повѣрили раньше, другіе позже. Еще въ февралѣ 1918 года говорилъ мнѣ одинъ скульпторъ:

«Вотъ я бываю въ Зимнемъ Дворцѣ, а они оттуда звонятъ — Псковская Коммуна — соедините меня, товарищи, съ телефономъ Псковской Коммуны! Хорошо. Майнъ — Ридъ прямо».

Когда Юденичъ подходилъ къ Петербургу, мой отецъ сказалъ мнѣ:

«Витя, нужно было бы пойти къ бѣлымъ и сказать имъ. — Господа, зачѣмъ вы съ нами воюете? Мы такіе же люди, какъ и вы, но только мы работаемъ сами, а вы хотите нанимать рабочихъ».

Для Блока все это было грознѣй. Но земля притягивала камень и полетъ превращался въ паденье. А кровь революціи превратилась въ бытъ.

Блокъ говорилъ: «Убійство можно обратить въ худшее изъ ремеслъ».

Блокъ потерпѣлъ крушеніе дѣла, въ которое онъ вложилъ свою душу.

Отъ старой дореволюціонной культуры онъ уже отказался. Новой не создалось.

Уже носили галифе. И новые офицеры ходили со стеками, какъ старые. Катьку посадили въ концентраціонный лагерь. А потомъ все стало, какъ прежде.

Не вышло.

Блокъ умеръ отъ отчаянія.

Онъ не зналъ отъ чего умереть.

Болѣлъ цынгой, хотя жилъ не хуже другихъ, болѣлъ жабой, еще чѣмъ-то и умеръ отъ переутомленія.

Съ «Двѣнадцати» — не писалъ.

Работалъ во «Всемірной Литературѣ», написалъ для какой-то секціи «Историческихъ картинъ» очень плохую вещь «Рамзесъ». Бытъ уже втягивалъ его. Но онъ предпочелъ смерть отъ отчаянія.

Передъ смертью бредилъ. Онъ хлопоталъ о выѣздѣ за-границу. Уже получилъ разрѣшеніе. Не знаю помогъ ли бы отъѣздъ. Можетъ быть Россія лучше на разстояніи. Ему казалось, что выносятъ уже вещи. Онъ ѣдетъ за-границу.

Иногда же садился и придумывалъ особое устройство шкафа для своей библіотеки.

Библіотека же его уже была продана.

Умеръ Блокъ.

Несли его до Смоленскаго Кладбища на рукахъ.

Народу было мало. Всѣ, кто остались.

Не вѣрующіе хоронили того, кто вѣрилъ.

Возвращался съ кладбища трамваемъ. Спрашиваютъ меня, кого это хоронили. «Блока», говорю, «Александра». «Генриха Блока?» переспрашиваютъ. И не разъ, много разъ такъ спросили за день.

Генрихъ же Блокъ былъ банкиромъ.

Смерть Блока была эпохой въ жизни русской интеллигенціи. Пропала послѣдняя вѣра.

Озлобились. Смотрѣли на своихъ хозяевъ волками. Не брали пищи изъ рукъ.

И можетъ быть стали больше любить другъ друга. Другъ друга беречь.

Хороша ли или нѣтъ наша культура, — нѣтъ другой!

Умеръ Блокъ. Похороненъ на Смоленскомъ, среди поляники. Надъ гробомъ ничего не говорили.

Слѣдующая зима была уже съ бытомъ. Въ началѣ зимы поставилъ печку. Трубы 20 аршинъ. Когда топишь — тепло. Бумагу уже не таскали изъ банка, дрова можно было купить. Купить возъ. Но возъ — это дорого. Обычно покупали мѣшокъ дровъ. Въ мѣшкѣ полѣнъ, кажется, пятнадцать. Простите, если ошибаюсь. И дрова обыкновенно сухія. Березовыя дрова, если кора на нихъ очень бѣлая, не покупайте, это свѣжесрубленныя.

Покупали дрова каждую недѣлю. Домой везешь на санкахъ.

Въ ту ночь, когда пришли меня арестовать, это было — 4 марта 1922 года — привезъ я къ дому уже поздно вечеромъ дрова на санкахъ. Задержался съ ними въ городѣ.

Передъ этимъ мнѣ снилось, что падаетъ на меня потолокъ.

Увидалъ съ Полицейскаго Моста, что моя комната и комната рядомъ съ ней — уборная Елисѣева (онъ въ ней на безколесномъ велосипедѣ катался) — большая комната въ четыре окна освѣщены.

Посмотрѣлъ я на освѣщенныя въ неурочное время окна и не поднялся наверхъ, а тихонько поѣхалъ къ знакомымъ вмѣстѣ съ дровами. Такъ и не былъ съ тѣхъ поръ ни дома, ни у родныхъ.

Въ ту зиму я получалъ академическій паекъ какъ писатель, значитъ голодать не приходилось. Былъ хлѣбъ, когда не приходило много гостей — хватало, было амери-

канское сало и даже горчица. Присылали продукты финны, чехи. Отъ чеховъ получили разъ по десяти фунтовъ сахару. Не знаю, какъ передать свой восторгъ! Городъ шумѣлъ. Сахаръ, сахаръ, десять фунтовъ! Объ этомъ и говорили другъ съ другомъ. Сахаръ я ѣлъ, когда онъ у меня былъ, ложками. Мозгъ требуетъ сахару и жиру и его ничѣмъ не уговоришь. Выдавали куръ, но больше сельдей. Сельди сопровождали всю мою совѣтскую жизнь.

Итакъ, было въ комнатѣ не холодно, хотя часто угарно, ѣсть было что. Работать можно было тоже. Въ это время я занимался издательствомъ. Издательство въ Россіи одинъ изъ видовъ спорта. При мнѣ для занятія имъ денегъ не требовалось.

Я началъ изданіе такимъ образомъ.

«Поэтику» помогъ издать мнѣ Владиміръ Маяковскій на деньги, взятыя въ Наркомпросѣ. Забавной была исторія съ маленькой книжкой «Розановъ». Я работалъ въ «Жизни Искусствъ». Изъ редакціонной коллегіи уже ушелъ. Кажется наша коллегія была просто распущена. Сдѣлано это было правильно. Съ газетой я дѣлалъ странныя вещи. Конечно, я не печаталъ въ ней контръ-революціонныхъ статей (я не хотѣлъ ихъ ни писать, ни печатать), но печаталъ академическія статьи. Статьи были сами по себѣ хороши, но не въ театральной газетѣ. Мѣсто имъ было въ спеціальномъ журналѣ. Но журналы не выходили. Отдѣльные номера «Жизни Искусства» получались очень цѣнные. Помню очень хорошія статьи Бориса Эйхенбаума «О трагическомъ», статьи Романа Якобсона, статьи Юрія Анненкова и рядъ своихъ статей «О Донъ Кихотѣ»; газета давала мнѣ возможность работать.

Послѣ измѣненія состава редакціи газета стала чисто театральной, но героическая пора ея прошла. Я далъ въ газету большую статью въ листъ о Розановѣ.

Это докладъ, который я только что читалъ въ «Опоязѣ». Смыслъ его — пониманіе Розанова не какъ философа, а какъ художника. На докладѣ присутствовалъ, случайно пріѣхавшій изъ Харькова, Столпнеръ. Столпнеръ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи, писать же онъ не умѣетъ, умѣетъ говорить. Избрали его въ профессора Харьковскаго Университета и выдали шубу съ бобровымъ воротникомъ по ордеру. Въ этой шубѣ и пріѣхалъ Столпнеръ въ Петербургъ за книгами. Толкнулся къ одному знакомому, къ другому, дома ихъ не было. Ночь наступала. Не волнуясь и считая, что поступаетъ очень благоразумно, вошелъ Столпнеръ въ чужой подъѣздъ, поднялся до верху и улегся спать вмѣстѣ съ шубой. Темно. Ночью открылась дверь, у которой спалъ Столпнеръ, вышелъ человѣкъ, наступилъ на него и спросилъ.

«Что это»?

Столпнеръ отвѣтилъ правду, хотя ему хотѣлось спать: «Профессоръ Харьковскаго Университета». Тотъ насѣкъ огонь изъ кремня зажигалки, провѣрилъ документы, впустилъ друга Розанова, философа Столпнера въ квартиру и разрѣшилъ ему спать въ нетопленой комнатѣ.

«Жизнь Искусства» въ это время выходила однимъ листкомъ.

«Розановъ» появлялся маленькими кусочками. Въ типографіи я просилъ сохранить наборъ. «Розанова» въ газетѣ такъ и не дотянули, а я переверсталъ его и тиснулъ маленькой книжкой. Эта книжка вышла въ тотъ моментъ,

когда печатать еще было нельзя. Разошлась быстро и я жилъ на нее. Разсказалъ я это для характеристики русскихъ издательствъ.

Я не былъ исключеніемъ. Издавали безъ денегъ очень многіе. Типографіи относились къ нимъ очень хорошо.

Привѣтъ типографіямъ. Въ наборныхъ было холодно, а шрифтъ холодитъ руки. Дымно. Головы наборщиковъ окутаны платками. Холодно такъ, что валъ печатной машины замёрзъ и не хочетъ итти плавно, а прыгаетъ накатывая краску. Краска..., нѣтъ краски, печатаемъ чуть ли не водой. А книги издавали не плохо. Умѣли работать люди. Въ типографіи любятъ книги, и хорошій метранпажъ не выпуститъ плохо сверстанной книги. Люди, которые умѣютъ работать всегда хорошіе люди.

Если бы Семеновъ не былъ полуинтеллигентомъ, если бы онъ имѣлъ свое мастерство, онъ не пошелъ бы доносить. А у него въ душѣ Торричеліева пустота и незанятыя руки, дѣлать ничего не умѣетъ, ему жалко не разсказать, что и онъ крутилъ политику.

Нѣтъ, ни шофферъ, ни слесарь не сдѣлалъ бы такъ.

Книгъ я издалъ довольно много, больше, конечно, своихъ. Передъ самымъ побѣгомъ выпустилъ изъ печати «Мелодику стиха» Эйхенбаума въ 15 печатныхъ листовъ. Бумагу намъ далъ Іоновъ въ долгъ. Часть изданія продана изъ разсчета на золотой рубль Украинскому Всеиздату, и мы бы, конечно, заплатили за бумагу. Но, къ сожалѣнію, Григорій Ивановичъ Семеновъ, не умѣющій работать, помѣшалъ работать Виктору Шкловскому, знающему свое ремесло.

Печатникамъ же и всей работающей Россіи мой привѣтъ!

Съ книгъ я жилъ, уже почти хорошо. Утромъ на печуркѣ кипятилъ какао, могъ кормить приходящихъ ко мнѣ. Жилъ я, конечно, хуже, чѣмъ живутъ въ Берлинѣ но богатые люди, но сало въ Россіи какъ-то драгоцѣннѣй, и свой черный хлѣбъ какъ-то бѣлѣй нѣмецкой булки.

Я даю свои показанія. Заявляю: я прожилъ революцію честно. Никого не топилъ, никого не топталъ, отъ голода ни съ кѣмъ не мирился. Работалъ все время. И если у меня былъ свой крестъ, то я носилъ его всегда подъ мышкой. Виновенъ же я передъ русской революціей за этотъ періодъ въ одномъ: кололъ дрова въ комнатѣ. Отъ этого отлетаютъ куски штукатурки въ нижнемъ этажѣ. Силы было еще достаточно, чтобы ходить колоть дрова и къ знакомымъ, ставить печки, помогать молодымъ поэтамъ издавать книжки, ручаясь въ типографіи.

— «Такой-то человѣкъ хорошій».

Уставалъ очень сильно. Спалъ днемъ на диванѣ подъ тигромъ. Иногда было тяжело, что нѣтъ времени работать. Книги писались на-спѣхъ. Не было времени заняться собой всерьезъ. Больше сказано, чѣмъ записано.

Письменный столъ въ Домѣ Искусствъ былъ хорошій. Съ мраморной доской и на витыхъ ножкахъ.

Но я за нимъ не работалъ, а работалъ въ углу у печки.

Поздно осенью случайно встрѣтилъ одного знакомаго айсора.

Вы помните маленькихъ черныхъ людей, которые сидятъ въ Россіи на углахъ съ сапожными щетками? Они

же водятъ обезьянъ по дворамъ. Древни они какъ булыжники мостовой; это айсоры — горные ассирійцы.

Разъ шелъ я по улицѣ и рѣшилъ вычистить сапоги. Подошелъ къ человѣку на углу, сидящему на низенькомъ вѣнскомъ стулѣ со спиленными ножками и, не глядя на него, поставилъ свою ногу на ящикъ.

Было еще не холодно, но я надѣлъ бѣлую заячью шапку и потъ щипалъ мнѣ лобъ.

Одинъ сапогъ уже былъ вычищенъ.

— Шкловскій, сказалъ чистильщикъ, когда я снялъ шапку.

— Шкловскій, — сказалъ онъ и положилъ сапожныя щетки на землю.

Я узналъ его, — это былъ айсоръ Лазарь Зервандовъ, командовавшій конной батареей въ ассирійскихъ войскахъ въ сѣверной Персіи.

Я посмотрѣлъ кругомъ.

Все было спокойно, только четыре черныя лошади рвались на Аничкиномъ мосту въ разныя стороны.

Айсоры или ассирійцы живутъ въ Мессопотаміи и въ Ванскомъ Вилайетѣ въ Турціи, въ Персіи же вокругъ Дильмана и Урміи и въ русскомъ Закавказьи. Раздѣляются они на маронитовъ и яковитовъ, живущихъ вокругъ мѣста, гдѣ была древняя Ниневія, а теперь городъ Моссулъ (откуда мусслинъ), нагорныхъ айсоровъ, которыхъ персы неправильно называютъ «джелу» (на самомъ дѣлѣ «джелу» названіе одного только горнаго ассирійскаго рода) и на персидскихъ айсоровъ.

По вѣроисповѣданію горные айсоры несторіане, то-есть не признаютъ Іисуса Богомъ, марониты и яковиты пе-

решли въ католичество, а въ Урмін за древне-христіанскими, но еретическими душами айсоровъ охотятся миссіи всѣхъ вѣроисповѣданій: англичане, американцы-баптисты, французы-католики, православные, нѣмцы-протестанты и еще кто-то.

Въ горахъ айсорскихъ миссій нѣтъ. Живутъ айсоры тамъ деревнями, управляемыми священниками, нѣсколько деревень вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ — кланъ, управляемый меликомъ — княземъ, а всѣ мелики слушаются патріарха Маръ-Шимуна.

Право на санъ патріарха принадлежитъ одному только роду, производящему себя отъ Симона, брата Господня.

Въ январѣ 1918 года пошли русскіе солдаты домой.

Айсорамъ домъ былъ въ Персіи, а которые и были изъ Турціи, все равно въ Персіи сидѣли, потому что дома курдъ зарѣжетъ.

Составилось у айсоровъ свое войско.

Еще при царѣ русскіе набрали два ассирійскихъ батальона. Часть айсоровъ не пошла въ батальоны, а осталась партизанскимъ отрядомъ подъ предводительствомъ одного бывалаго человѣка — Ага-Петроса.

Этого самаго Ага-Петроса отнялъ я разъ отъ солдатъ третьяго пограничнаго полка, которые его рѣзали.

Другъ мой Ага-Петросъ! увидимся ли мы когда-нибудь здѣсь на Востокѣ! потому что идетъ Востокъ отъ Пскова, а раньше шелъ отъ Вержболова и идетъ онъ непрерывно черезъ Индію на Борнео, Суматру, Яву до утконоса въ Австраліи.

Только посадили утконоса англійскіе колонисты въ банку со спиртомъ и сдѣлали въ Австраліи Западъ.

Нѣтъ, не увижу никогда я Ага-Петроса, такъ и умру на Невскомъ противъ Казанскаго собора.

Такъ писалъ я въ Петербургѣ; теперь мѣсто предполагаемой смерти измѣнено: я умру въ летучемъ гробу унтергрунда.

Ага-Петросъ былъ человѣкомъ плотнымъ, съ грудью необыкновенной, какъ-то нарочно выпуклой и съ свѣже чищеннымъ золотымъ Георгіемъ первой степени на ней.

Былъ Ага-Петросъ чистильщикомъ сапогъ въ Нью-Іоркѣ, а можетъ быть водилъ обезьяну по Буэносъ-Айресу.

Во всякомъ случаѣ, онъ сидѣлъ на каторгѣ въ Филадельфіи.

Потомъ дома былъ въ горахъ разбойникомъ; былъ у турокъ вице-губернаторомъ и сильно ограбилъ область; потомъ сталъ большимъ человѣкомъ въ Персіи. Какъ-то, рассердившись, арестовалъ урмійскаго губернатора, посадилъ въ подвалъ и отпустилъ, только обмѣнивъ шаху на звѣзду.

У насъ онъ состоялъ нештатнымъ драгоманомъ посольства и командовалъ партизанскимъ отрядомъ.

Ушли домой русскіе солдаты, какъ пролитая вода въ землю. Оружія оставили много.

Вооружились айсоры. Собрались національныя дружины армянъ.

Начали отбирать оружіе отъ персовъ.

Тутъ сказались старые счеты.

При первомъ отходѣ русскихъ изъ Персіи (въ 1914 году) мѣстное персидское населеніе вырѣзывало оставшихся айсоровъ за то, что они держали русскую сторону.

Айсоры заперлись въ бесть въ американскую миссію къ доктору Шеду, тогда персы подсыпали въ муку, изъ которой пекли въ миссіи для бѣженцевъ хлѣбъ, толченое стекло и желѣзные опилки. И вымерли люди сплошь, какъ рыба въ маленькомъ пруду отъ брошенной бомбы.

Партизанскій отрядъ Ага-Петроса еще больше увеличивалъ вражду персовъ къ айсорамъ, такъ какъ мы партизанъ не кормили, а своего хлѣба у нихъ не было, все вѣдь больше то былъ народъ пришлый.

Значитъ, грабежъ.

Ходили дружинники по базару, въ штанахъ изъ кусочковъ ситца, кожаныхъ бродняхъ, съ бомбой за широкимъ поясомъ, и персіянки показывали на нихъ дѣтямъ и говорили: «Вотъ идетъ смерть».

И я, будь я въ то время въ Персіи, встрялъ бы въ эту драку на сторону айсоръ.

Я не знаю почему.

Неужели потому, что я привыкъ видѣть на Измайловскомъ турецкія пушки на памятникѣ Славы?

Турки же меня навѣрно бы зарѣзали, и не по ошибкѣ, а по убѣжденію.

При отходѣ русскихъ произошла стычка, персы напали на послѣднихъ, отходящихъ русскихъ, айсоры напали на персовъ.

Ага-Петросъ (вспомнилъ его фамилію — Эловъ) поставилъ пушки на Еврейской горѣ (что сейчасъ же за городомъ Урміей) и выгромилъ городъ.

Вообще айсоры понимают значеніе занятія командующих высот.

Со стороны персов дрались персидскіе казаки, когда то выученные русскими инструкторами (помните Ляхова), и являющіеся опорой персидской контръ-революціи.

Въ данных же бояхъ они выступили не какъ представители партіи (шахской), а какъ представители націи.

Предводительствовалъ персами полковникъ Штольдоръ, человѣкъ очень вліятельный при персидскомъ дворѣ, армянами и айсорами командовалъ полковникъ Кондратьевъ, и оставшіеся на службѣ въ новыхъ національныхъ войскахъ русскіе офицеры и унтеръ офицеры.

Многіе изъ нихъ и сейчасъ въ Мессопотаміи. Разбрызганы по міру, какъ капли крови по травѣ.

Персы были разбиты. Штольдоръ съ дочерью взяты въ плѣнъ и затѣмъ зарѣзаны.

Началось обезоруживаніе персовъ.

Дѣйствовали артиллеріей и въ каждую деревню посылали по сорокъ, по пятьдесятъ снарядовъ.

Деревни въ Персіи глиняныя.

Отобрано было около тридцати тысячъ винтовокъ.

Тогда сказалъ курдъ Симко:

«Маръ Шимунъ пріѣзжай ко мнѣ: я тоже хочу сдать оружіе».

Курдъ Симко сидѣлъ на Кушинскомъ перевалѣ между Урміей и Дильманомъ.

Курды никогда не имѣли государства, живутъ родами и племенами.

Роды соединяются въ племена подъ предводительствомъ хановъ.

Синко не былъ ханомъ по рожденію.

Онъ возвысился умомъ и хитростью до ханскаго своего Кущинскаго престола, обошелъ бывшаго великаго князя Николая Николаевича, желавшаго привлечь на свою сторону часть курдовъ, получалъ отъ него винтовки и даже пулеметы и еще больше возвысился.

Синко обманывалъ насъ все время, и изъ-за него мы потеряли сѣно на Дозѣ Гаворской. Обѣщалъ дать верблюдовъ и не далъ. Насъ онъ уже не боялся. Говорилъ, что 40 курдовъ разгонятъ русскій полкъ.

Ага-Петросъ часто совѣтовалъ напасть на племя Синко зимой, потому что если зимой выгнать племя изъ домовъ въ горы, племя погибнетъ.

Написалъ Синко Маръ-Шимуну: «Пріѣзжай, возьми оружіе».

Маръ-Шимунъ взялъ съ собой триста всадниковъ на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, отнятыхъ отъ персовъ, взялъ брата, самъ сѣлъ въ фаэтонъ и поѣхалъ къ Синко.

Конвой въѣхалъ во дворъ Синко, Маръ-Шимунъ и братъ его вошли въ домъ.

Курды лѣзутъ на крыши и у курдовъ въ рукахъ винтовки.

Спрашиваютъ айсоры: «Зачѣмъ на крышу лѣзете?», а тѣ отвѣчаютъ: «Васъ боимся». «А винтовки зачѣмъ?». Молчатъ курды, зачѣмъ винтовки.

Выходитъ братъ Маръ-Шимуна.

Ругается, говоритъ: «Не нужно было ѣхать къ этой собакѣ, не будетъ добра, ѣдемъ домой, кто живъ быть хочетъ».

Нельзя домой ѣхать, патріарха бросить.

Остались айсоры.

Все это не я разсказываю, а Лазарь — чистильщикъ съ угла Караванной — командиръ конной батареи и членъ армейскаго комитета, а по убѣжденіямъ большевикъ.

Онъ потомъ пришелъ ко мнѣ чай пить.

Пришелъ спокойный. У насъ было засѣданіе «Опояза». Зорнандовъ снялъ съ себя тяжелую шинель, сѣлъ за столъ. Пилъ чай. Отъ масла отказался, потому что тогда былъ постъ. Потомъ, обратясь къ моему товарищу, сказалъ: «Шкловскій-то куда попалъ». Я для него въ Петербургѣ былъ экзотиченъ.

Дальше разсказываетъ Лазарь.

«Выбѣгаетъ самъ Маръ-Шимунъ, ругается».

Скомандовалъ офицеръ-инструкторъ Васильевъ: «На кони», а курды съ крыши залпъ, какъ звонокъ и еще залпъ, а потомъ пулеметомъ.

Вздыбились лошади, закричали люди и все перемѣшалось.

Поскакали, кто могъ спасаться, а больше осталось на мѣстѣ.

Отсталъ Лазарь, была у него высокая лошадь, испугалась она... и поскакалъ онъ послѣднимъ.

Видите, бѣжитъ пѣшкомъ патріархъ, пѣшкомъ, а грязь чуть не по колѣно.

Пѣшкомъ по грязи бѣжитъ Маръ-Шимунъ безъ винтовки.

Черезъ грудь у плеча рана — кровь.

Небольшая рана — лечить можно.

«Лазарь», — говоритъ патріархъ и лошадь за стремя беретъ, «Лазарь, эти дураки меня бросили».

Хотѣлъ Лазарь взять патріарха на лошадь, видитъ окрасилась кровью у того голова и упалъ Маръ-Шимунъ навзничь.

Курды съ крышъ такъ и кроютъ, такъ и кроютъ.

Залпомъ, залпомъ, а залпъ дружный какъ шопокъ.

Погналъ Лазарь лошадь, прошли остатки конвоя сквозь курдовъ въ пашки, а у околицы убили подъ Лазаромъ лошадь и самого ранили.

И тотъ другой, что сидитъ на углу Невскаго и Морской противъ «Дома Искусствъ» и торгуетъ гуталиномъ, тоже ушелъ, ушелъ сильно раненымъ.

Прибѣжали они въ сосѣднюю айсорскую деревню, говорятъ: «патріарха убили».

Не повѣрили сперва люди, а потомъ видятъ раны.

Побѣжали въ Урмію, собрали войска пятнадцать тысячъ, шли торопясь, а отъ Урміи до Кущинскаго перевала далеко и дорога въ гору, и отъ перевала до селенія Синко еще далеко и все горой.

Ночью пришли.

Искали трупъ.

Нашли тѣло патріарха.

Раздѣтъ, а не изуродованъ и голову не отрѣзали курды: значитъ не узнали.

Съ крышъ стрѣляли, стрѣляли.

Къ утру вырѣзали айсоры селеніе.

А Синко ушелъ.

Деньги разсыпалъ по дворцу золотые.

Бросились воины собирать золото, а ханъ ушелъ потайнымъ ходомъ.

Былъ Маръ-Шимунъ росту ниже средняго, носилъ фоску, округленную чалмой, и рясу, и старый арабскій, какъ онъ говорилъ, напорстный крестъ четвертаго вѣка.

Румянецъ у него былъ во всю щеку... темный, густой, и глаза ребенка, зубы бѣлые, и бѣлая, сѣдая голова и двадцать два года.

Ходилъ онъ самъ въ бою съ винтовкой въ атаку и жаловался только, что трехзарядныя французскія лебелевскія винтовки, которыми мы вооружили айсоровъ, не имѣютъ дульныхъ накладокъ и жгутъ въ штыковомъ бою руки.

Сердце у него было простое.

При нашемъ отходѣ попросилъ онъ отъ насъ винтовокъ и орудій (орудій ему дали штукъ сорокъ) и чина прапорщика для всѣхъ князей-меликовъ или право давать чинъ прапорщика, а для себя просилъ автомобиль.

Жаль, что не дали.

Хорошо бы выглядѣли прапорщицкіе погоны среди толпы людей въ войлочныхъ шапкахъ, въ широкихъ штанахъ, сшитыхъ изъ кусковъ цвѣтного ситца и подвязанныхъ веревкой ниже колѣна, въ храбромъ и наивномъ войскѣ, предводительствуемомъ Маръ-Шимуномъ, потомкомъ брата Христова Симона, — хорошо бы выглядѣли прапорщицкіе погоны.

Это не Лазарь говоритъ.

Остались айсоры безъ Маръ-Шимуна.

Снѣгъ на перевалахъ бываетъ глубокій: верблюду по ноздри.

Но стаялъ снѣгъ.

Турки прошли перевалы и подошли къ Урміи.

Полковникъ Кондратьевъ съ айсорской и армянской кавалеріей обошелъ турокъ и взялъ два батальона въ плѣнъ.

Положеніе какъ будто улучшалось. Жаловался мнѣ Лазарь на Ага-Петроса: «Пройдешь къ персу, а тамъ уже охрана Ага-Петроса стоитъ, много золота увезъ Ага-Петросъ изъ Урміи».

И еще жаловался.

«Ага-Петросъ думалъ больше про золото, занялъ участокъ фронта и сказалъ, что у него три тысячи человѣкъ, а у него было только триста человѣкъ, турки и прорвались».

Стояла въ горахъ конная батарея.

Пошли люди утромъ къ рѣчкѣ мыться. Видятъ на другомъ берегу мулы и вьюки.

И люди тоже идутъ мыться.

Турки.

Испугались другъ друга люди у рѣки.

А если бы увидали айсоры, какъ ночью прошли турки ущельемъ подъ ними, камнями могли бы задушить!

Турки прорвались.

Айсорская артиллерія была безъ снарядовъ.

Артиллерійскіе парки мы пытались вывести въ Россію, но бросили по дорогѣ за ненадобностью больше въ дѣло.

Кое-что осталось, но было выпущено въ артиллерійскомъ восторгѣ при обстрѣлѣ персидскихъ деревень.

Отступать на Россію было нельзя: путь былъ отрѣзанъ, да и на Тифлисъ уже шли турки.

Рѣшили итти къ англичанамъ на Багдадъ.

Поднялись всѣ айсоры и армяне, армяне шли подъ предводительствомъ Степаніанаса — русскаго армянина, петербургскаго студента, потомъ поручика, бывшаго одно время предсѣдателемъ армейскаго комитета.

Въ Персіи онъ быстро и въ мѣру одичалъ и оказался прирожденнымъ вождемъ.

Съ нимъ шла его жена, русская курсистка-медичка. Вышло изъ Урміи всего двѣсти пятьдесятъ тысячъ народу съ женщинами и дѣтьми. Впереди шелъ русскій отрядъ, сзади шли айсоры, бывшіе прежде на русской службѣ, по бокамъ, горами шли добровольцы изъ аширетныхъ (горныхъ) айсоровъ.

Посрединѣ же шелъ весь народъ съ женщинами и дѣтьми.

Дороги не было, а итти нужно было вдоль турецкаго фронта или, если вѣрно сказать, мимо турецкихъ и курдскихъ горъ.

Кругомъ были турки, и кудры, и персы, озлобленное коротковолное море мусульманъ, и выстрѣлы изъ-за камней, и бои въ ущельяхъ между скалъ, въ которыхъ протекаютъ быстрыя рѣчки по камнямъ, и камни со скалъ, и скалы, скалы, персидскія скалы, какъ сильныя волны каменнаго-каменной рябью покрытаго моря.

А дальше Востокъ, Востокъ отъ Пскова до утконоса, отъ Новой Земли до старой Африки, Востокъ восточный, Востокъ южный, Востокъ западный.

И въ это время на Волгу, идя съ Востока шли чехи.

И навстрѣчу имъ шли съ Запада на Востокъ русскіе, и въ это время горцы спустились съ горъ и рѣзались съ терцами и кубанцами.

И въ это время послѣ боевъ въ Германіи, плыли въ Африку изъ Франціи черные сенегальцы.

И должно быть пѣли.

Плыли и пѣли, пѣли и думали, а что думали — не знаю, потому что я не негръ. Подождите, — они сами скажутъ.

По всему Востоку отъ Иртыша до Ефрата били и рѣзали.

Айсоры шли. Потому что они великій народъ.

Вышли изъ ущелій и шли горами.

Воды не было. Двѣнадцать дней ѣли снѣгъ.

Лошади падали.

Тогда отняли лошадей отъ старыхъ мужчинъ и отдали молодымъ. Нужно было сохранить не людей, а народъ.

Потомъ оставили старыхъ женщинъ.

Потомъ стали бросать дѣтей.

Черезъ мѣсяцъ похода дошли до Багдадской англійской земли.

И было народу въ этотъ день двѣсти три тысячи человѣкъ.

Англичане сказали народу: «Становитесь здѣсь у нашей границы лагеромъ отдыхать и мыться три дня».

Стали среди персидской деревни.

День былъ спокойный.

На слѣдующую ночь напали турки, а съ крышъ стали палить по лагерю персы.

Англійскій отрядъ, посланный навстрѣчу народу, въ первый разъ видѣлъ, какъ стрѣляютъ справа и слѣва, и сзади, и какъ кричатъ тогда женщины и дѣти.

Когда лагерь смѣшался, вскочили англійскіе солдаты на голыхъ лошадей и хотѣли ускакать.

Полковникъ же Кондратьовъ велѣлъ поставить пулеметы и бить по бѣгущимъ, какъ по врагамъ.

Англичане остановились.

Имъ сказали: «Если вы пришли помогать, то помогайте или мы васъ убьемъ, потому что мѣсяцъ шли дорогой, которая непроходима, такъ какъ извѣстно всѣмъ, что нѣтъ дороги для каравана между Урміей и Хомоданомъ, а мы прошли этотъ путь съ женщинами.

Поэтому, если вы не поможете намъ мы васъ убьемъ изъ пулемета, такъ какъ мы двѣнадцать дней ѣли снѣгъ».

Англичане слѣзли съ коней и стали въ цѣпь.

Былъ бой.

Персы были выбиты изъ деревни, турки были охвачены и загнаны въ долину, и въ эту долину стрѣляли изъ пулеметовъ и въ нее стрѣляли изъ винтовокъ залпами.

Изъ нея не вышелъ никто.

Но генералъ турецкій былъ взятъ въ плѣнъ.

Ему сказали: «Зачѣмъ ты велѣлъ брать нашихъ дѣтей и бросать ихъ о землю?

Зачѣмъ нѣтъ у насъ больше домовъ?

Теперь мы тебя разстрѣляемъ».

Англичане говорили: «Нельзя убивать плѣннаго».

Айсоры отвѣтили: «Онъ нашего плѣна».

Генералъ не говорилъ ничего.

Его убили, но не обрѣзали у него ушей и не отрубили у мертваго голову, потому что среди айсоровъ были люди русской службы, а Лазарь былъ большевикъ.

Встали всѣмъ лагеремъ, пошли и пришли въ англійскую землю.

Тутъ узнали, что идетъ навстрѣчу другой отрядъ айсоровъ, пріѣхавшихъ изъ Америки.

Айсоровъ въ Америкѣ много, есть у нихъ тамъ даже двѣ газеты.

Узнавъ о бояхъ отъ Оромара до Урміи, положили они свои сапожныя щетки на землю и закрыли свои лавки, оставили свои дѣла, купили у американцевъ ружья за золото и поѣхали воевать за родину.

Если бы айсоры жили на Волгѣ и голодали, они бы ушли и дошли бы до Индіи.

Потому что айсоры великій народъ.

Ждали этого отряда.

Рѣшили итти съ нимъ жить къ англичанамъ въ Ниневію, на мѣсто древней Ассиріи къ Моссулу, откуда муслинъ.

Говорятъ, что тамъ такія змѣи, которыя прыгаютъ и могутъ пробить насквозь человѣка.

Обезьяны въ хвойномъ лѣсу, и дикіе лѣсные люди и жара такая, что одежда не просыхаетъ отъ пота.

Въ подвалахъ домовъ съ каменными дверями, поворачивающимися на каменныхъ шипахъ, въ подвалахъ домовъ, засыпанныхъ землею, ящики съ драгоцѣнными камнями.

И поэтому англичане ведутъ тамъ раскопки.

На раскопки Лазарь не попалъ.

Пришли къ нему и арестовали, какъ большевика.

Былъ онъ въ армейскомъ совѣтѣ, до отхода русскихъ, большевикомъ.

Арестовали еще нѣсколько русскихъ офицеровъ и солдатъ.

Сидѣли и думали, — зачѣмъ они ѣли снѣгъ и шли къ англичанамъ.

На Лазарѣ была хорошая куртка съ широкими, широ обыкновенныхъ, вахмистрскими погонами.

Англичане приняли его за генерала.

Отвели ему отдѣльную комнату.

Онъ попросилъ запиской ложки и посуду для всѣхъ арестованныхъ.

И это дали.

Еще дали ему двѣнадцать тумановъ.

Арестованные ничего не говорили и смѣялись.

На пятый день пришелъ русскій офицеръ англійской службы смотрѣть на генерала, посмотрѣлъ и сказалъ: «Ты не генералъ, а вахмистръ».

А Лазарь отвѣтилъ: «Почему мнѣ не быть въ плѣну генераломъ, когда меня называютъ».

Посадили его сперва въ карцеръ, а потомъ отправили въ Энзели, а въ Энзели выпустили и приказали ѣхать въ Россію.

Поѣхалъ въ Баку.

Въ Баку были бѣлые, они собирали національныя войска и велѣли всѣмъ воевать съ большевиками.

Собрали айсорскій отрядъ, но айсоры положили винтовки на землю.

Они не хотѣли воевать.

Тогда ихъ отправили на Ленкоранскій островъ.

Лежитъ Ленкоранскій островъ на морѣ противъ Баку.

Самъ онъ песчанный, а море кругомъ соленое.

Держали тамъ до этого плѣнныхъ турокъ.

Была у Лазаря жена.

Не знаю, сказалъ ли я, что онъ русско-подданный, хотя и имѣлъ домъ въ Урміи рядомъ съ французской миссіей.

Хорошій домъ съ длиннымъ ходомъ между сѣрыми стѣнами, съ внутреннимъ дворомъ, покрытымъ виноградомъ и рѣшетчатыми цвѣтными окнами, выходящими во дворъ.

Съ павлиномъ на крышѣ.

Красивый у павлина хвостъ.

И ночи въ Персіи красивы.

И надъ Урійскимъ озеромъ летаютъ фламинго.

Былъ Лазарь русско-подданнымъ. Когда началась война, отбывалъ онъ службу въ артиллеріи.

Взяли его, отправили въ Польшу. А изъ Польши, когда по всѣмъ арміямъ искали переводчиковъ, послали на кавказскій фронтъ.

Не видалъ Лазарь своей семьи четыре года.

Жену онъ оставилъ беременной.

Была его семья неизвѣстно гдѣ, думалъ онъ, что у родственника въ Эривани, а домъ былъ брошенъ въ Урміи, а самъ онъ сидѣлъ на островѣ Ленкоранѣ.

Море кругомъ соленое.

Пришли моремъ съ Волги большевики. Вотъ изъ Питера на миноносках ученикъ С. А. Венгерова, Федоръ Раскольниковъ; съ нимъ Лариса Рейсперъ. Наша жизнь хорошо взболтана. Еще съ нимъ былъ поэтъ Колбасьевъ; онъ сейчасъ живетъ въ Домѣ Искусствъ. Сняли Лазаря съ острова.

Поѣхалъ онъ въ Эривань.

Пошелъ къ родственнику, спрашиваетъ: «гдѣ жена?»

Отвѣчаетъ родственникъ: «поссорился я съ твоей женой и не знаю, гдѣ она, думаю, что уѣхала она изъ города».

Рѣшилъ Лазарь ѣхать въ Америку.

Пошелъ на рынокъ купить колбасу на дорогу.

Но дорогая тамъ была колбаса.

Стоитъ на рынкѣ маленькій мальчикъ.

Хорошій мальчикъ: похожій.

Спрашиваетъ Лазарь мальчика: «ты чей сынъ?»

Тотъ отвѣчаетъ: «Семеновъ».

«Значитъ, не мой».

Только звали брата его Семеномъ.

«А мать твоя кто?» — «Елена».

И у Лазаря жена Елена.

«А гдѣ она?»

«А вотъ тутъ въ очереди за мясомъ стоитъ».

«Покажи».

Повелъ мальчикъ — показалъ.

Стоитъ Лазарь.

Чужая.

Вдругъ заплакала женщина:

«Лазарь, да вѣдь это я же».

И побѣжала прочь.

Стоитъ Лазарь среди рынка, ничего не понимаетъ.

Прибѣжала Елена домой.

Спитъ Семенъ.

Схватила Семена за ухо.

«Вставай, Семенъ. Что дашь за радость? Лазарь пріѣхалъ».

Схватилъ Семенъ всѣ деньги, какія были въ домѣ и отдалъ Еленѣ.

Было денегъ двѣсти тысячъ.

Побѣжали они вдвоемъ къ Лазарю.

А третій братъ не побѣжалъ.

У него фаэтонъ былъ.

Пока Лазарь вставалъ, заработалъ онъ фаэтонъ.

Бросился онъ фаэтонъ запрягать.

Стоитъ Лазарь, ничего не понимаетъ.

Видитъ, бѣгутъ къ нему бѣгомъ Семенъ, и жена и мальчикъ.

А мальчикъ ему сынъ былъ, только выросъ онъ съ Семеновыми дѣтьми и привыкъ считать себя сыномъ Семена.

Потому что четыре года это много, а Урмія, Польша и Багдадъ — это далеко.

Бѣгутъ къ Лазарю братъ и жена, а сзади гонитъ фаэтонъ третій братъ, а на немъ студенческая фуражка.

. . . .

Ассирійцы народъ бродячій.

Титулъ Маръ-Шимуна: «Патріархъ Востока и Индіи».

Дѣйствительно, отъ седьмого что ли вѣка разошлись айсоры по всему свѣту.

Были они въ Японіи, и въ Индіи на Малабарскомъ берегу и въ Туркестанѣ на границѣ съ Китаемъ.

Шрифтъ ихъ легъ въ основу всѣхъ монгольскихъ шрифтовъ и въ основу корейскаго.

Есть айсорскія могилы у Тобольска.

Не даромъ жили айсоры на свѣтѣ.

Сейчасъ ходятъ они по всему свѣту чистильщиками сапогъ.

Нечего было дѣлать Лазарю. Перевезъ онъ свою семью въ Армавиръ, тутъ подобралась компанія айсоровъ и поѣхалъ онъ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Живутъ въ Петербургѣ айсоры.

Здѣсь Лазарь, здѣсь переводчикъ Маръ-Шимуна, здѣсь Хоша-Александръ, есть въ Петербургѣ даже одинъ ассиріецъ изъ рода Маръ-Шимуна, только тотъ не чиститъ сапогъ, а сидитъ на кровати и читаетъ книжки.

Стоитъ Лазарь на углу Невскаго и Караванной.

Холодно въ Петербургѣ.

Дуетъ по Невскому вѣтеръ.

И по Караванной дуетъ.

И дуетъ вѣтеръ съ Востока, и дуетъ вѣтеръ съ Запада, и замыкаетъ вѣтеръ круги свои.

А вотъ и рукопись самого Лазаря Зервандова; моего въ ней только разстановка знаковъ препинанія, да исправлены падежи. Въ результатѣ получилось похоже на меня.

РУКОПИСЬ ЛАЗАРЯ ЗЕРВАНДОВА.

Послѣ ухода изъ Персіи русскихъ, былъ вновь сформированъ ассирійскій отрядъ; во главѣ этого отряда стояли русскіе и ассирійскіе инструктора подъ руководствомъ полковника Кондратьева.

Отрядъ былъ сформированъ 29 января 1918 г. въ городѣ Урміи.

Состоялся митингъ въ присутствіи патріарха Маръ-Шимуна и персидскаго губернатора Этраттумай.

На митингѣ персы предложили ассирійцамъ сдать оружіе.

Ассирійцы отказались.

4 февраля на урмійскомъ базарѣ были убиты 10 горныхъ айсоръ и раздѣты до гола.

Потомъ произошло нападеніе на почту, былъ убитъ поручикъ Ивановъ.

— 8 февраля 1918 г. поднялись всѣ урмійскіе персы и окружили штабъ Ага-Петроса. Шелъ бой цѣлую ночь, на утро Петросъ послалъ донесеніе Маръ-Шимуну.

Маръ-Шимунъ отвѣтилъ: «съ персами не надо воевать».

Въ двѣнадцать часовъ дня былъ окруженъ штабъ корпуса, въ которомъ находился начальникъ отряда полковникъ Кузминъ.

Полковникъ Кузминъ послалъ донесеніе къ Маръ-Шимуну и просилъ помощи, чтобы спасти русскихъ инструкторовъ, которые находились въ штабѣ.

Персы лѣзутъ и кричатъ: «я Али», «я Али». Въ этотъ моментъ по приказанію начальника артиллерійской бригады, полковника Соколова, были выставлены 4 орудія на Чарбатской горѣ, на разстояніи трехъ верстъ отъ Урміи и 2 полевыхъ орудія надъ Догалинскими воротами.

Открыли огонь по толпѣ персовъ.

Но персы, несмотря на это, ворвались въ ограду штаба.

Товарищъ Лазарь Зервандовъ и нѣсколько карскихъ айсоровъ побѣжали туда, схватили пулеметы и ручныя бомбы и начали стрѣлять по персамъ и курдамъ.

Батареи продолжали огонь.

Персы начали разбѣгаться по улицамъ и куда ни побѣгутъ, тамъ взводъ ассирійцевъ, и были разбиты персы до одного человѣка. Цѣлую ночь шолъ по городу Урміи грабежъ и ломали двери, и таскали всѣ персидскіе ковры и имущество. Патріархъ Маръ-Шимунъ все посылалъ къ Ага-Петросу и полковнику Кузмину донесенія и говорилъ, что не надо воевать, а лучше сдаться, потому что мы на ихней персидской землѣ и не пришли съ ними воевать, а спасались отъ звѣрства горныхъ курдовъ.

Бой былъ.

12 февраля, въ 10 часовъ утра бросились бѣжать остатки персовъ и курдовъ въ американскую миссію, въ которой помѣщался докторъ Шедъ, — онъ же — американскій консулъ.

Американскій консулъ, и русскій консулъ Никитинъ и нѣсколько ассирійскихъ священниковъ начали ходить по городу и усмирять ассирійцовъ.

Въ 12 часовъ дня поручикъ Васильевъ (ассиріецъ карскій) и подпоручикъ Степаніанцъ (армянинъ дашнакъ) кончили бои съ персидскими казаками, которыми руководилъ полковникъ Штольдеръ.

Онъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Ассирійцы не считали его за плѣннаго, а считали за русскаго офицера и отправили на Гюлимханскую пристань, по дорогѣ встрѣтили его армяне и убили Штольдера съ женой и сыномъ.

16 февраля отправился изъ Урміи въ Дильманъ ассирійскій патріархъ. Сопровождали его инструктора.

Прибыли въ городъ Дильманъ 18 февраля. Разстояніе отъ Урміи до Дильмана 83 версты.

Дильманскіе персы уже знали, что урмійскіе персы и курды разбиты. Патріархъ былъ вызванъ на совѣщаніе съ Синко въ городъ Конишоръ.

Было рѣшено, что Синко — будто бы — заключаетъ миръ съ ассирійцами.

На это совѣщаніе и пріѣхали Маръ-Шимунъ, братъ патріарха Ага-Давидъ и 250 выборныхъ ассирійцевъ, подъ командой полковника Кондратьева. Во время совѣщанія курды заняли всѣ крыши и удобныя мѣста.

Выходитъ Ага-Давидъ и говоритъ: «Не стоитъ съ этой собакой бесѣдовать», онъ взялъ двухъ ассирійцевъ и уѣхалъ, а остальная кавалерія вся стоитъ и ожидаетъ Маръ-Шимуна.

Минутъ черезъ двадцать вышелъ патріархъ, и полковникъ Кондратьевъ скомандовалъ: «На коня!».

Не успѣли сѣсть, вдругъ съ крышъ раздался звукъ и залпъ, какъ звонокъ.

Стоявшіе ассирійцы смѣшались: кто на конѣ, кто подъ конемъ, а кто совсѣмъ остался.

Бросились бѣжать.

На мѣстѣ былъ убитъ поручикъ Зайцевъ и инструкторъ Сагулъ Матвѣевъ, и Скобцъ Тумазовъ.

Остальные бѣжали по улицамъ.

А самъ патріархъ бѣжитъ по грязи и кровь по спинѣ его точетъ.

Обогнали его Зига Ловкоовъ, Никодимъ Ловкоовъ, Сливо Исаевъ, Лазарь Зервандовъ, Иванъ Джибаевъ, Яковъ Абрамовъ, князь Лазаровъ. Не успѣли схватить патріарха, попала вторая пуля ему въ лобъ, и упалъ онъ на траву.

А курды все залпомъ и залпомъ по бѣгущимъ. У края города остались только: безъ коней Зига Ловкоовъ, раненый въ лѣвую ногу, Лазарь Зервандовъ, раненымъ въ голову и лѣвую руку, Сливо Исаевъ — раненъ въ лѣвый бокъ. Бѣдные товарищи вырвались побитые и раненые, а патріархъ Маръ Шимунъ такъ и остался въ грязи.

Это было въ пять часовъ вечера.

Курды и персы все старались, чтобы найти трупъ патріарха.

Потому что Симко получилъ отъ Тавризскаго губернатора офиціальную бумагу, что

если пришлютъ имъ голову Маръ Шимуна, то отвѣсятъ въ 20 разъ на золото.

Прибыли раненые въ ближайшее село Костробатъ и сообщили, что погибли всѣ и патріархъ и съ нимъ ассирійцы. Не вѣрили.

Минутъ черезъ нѣсколько пришолъ полковникъ Кондратьевъ раненый и сказалъ, что погибли всѣ.

Собрали войско и вступили съ Синко въ бой. Въ 9 часовъ вечера городъ Кеннюоръ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ.

Въ 12 часовъ ночи кинулись въ атаку и былъ взятъ трупъ Маръ Шимуна.

А Синко со своей шайкой удралъ въ Чарикало.

Дней черезъ двадцать появились въ Салматскомъ районѣ передовые турецкіе отряды въ составѣ трехъ батальоновъ.

Ассирійцы вступили въ бой и разбили турокъ на-голову.

25 марта 1918 г. вновь сдѣлали турки наступленіе, бой продолжался шесть дней, турокъ окружили и взяли въ плѣнъ 250 солдатъ при 2 офицерахъ.

Послѣ этого пріѣхалъ въ Урмію Ага Петросъ со своимъ отрядомъ и заявилъ полковнику Кондратьеву, что у него собрано 4 тысячи ассирійцевъ.

Мы сдѣлали общее наступленіе противъ турокъ, чтобы пробить дорогу къ русской гра-

ницѣ, а у Ага-Петроса оказалось всего 400 человѣкъ, плохо вооруженныхъ: не смогъ онъ поэтому исполнить своей задачи.

Задано ему было быть на лѣвомъ флангѣ и поддерживать связь съ армянами, которые наступали по Хойской дорогѣ.

На правомъ флангѣ ассирійцевъ у Башкалинской дороги былъ полковникъ Кондратьевъ, впереди была Ассирійская Конная Кадровая команда, во главѣ этой команды состояли товарищи: Лазарь Зервандовъ, Зига Левкоевъ, Никодимъ Левкоевъ, Иванъ Джибаевъ, Сливо Исаевъ, Иванъ Заевъ и князь Лазаревъ.

Заняли Котульское ущелье и продолжали наступать на русскую границу.

Дней черезъ 8 Ага-Петросъ со своимъ отрядомъ отступилъ на Урмію, турки прорвались въ тылъ ассирійцевъ.

Утромъ часовъ въ пять пошли умываться на рѣчку. На томъ берегу рѣчки стоитъ бивуакъ. Мы думали, что это Ага-Петросъ прибылъ къ намъ на помощь, а турки думали, что это ихъ войска...

Въ пять часовъ вечера мы получили бумагу отъ начальника отряда, что турки прорвались черезъ Ага-Петроса вглубь Салматскаго района.

А мы не могли отступать, потому что была уже ночь и дождь шелъ надъ нами. На разсвѣтѣ мы стали отходить изъ Котульскаго

ущелья, а вершины по краямъ дороги были заняты турками. Одни говорили: — нельзя отступать (надо сдаваться въ плѣнъ), а другіе мои товарищи говорили: «пока у насъ патроновъ хватитъ и кони у насъ всѣ хорошіе; арабской породы, можно сдѣлать налетъ».

Итакъ, дѣйствительно, накинулись на одну турецкую заставу и оказались они безъ патроновъ, открыли огонь изъ пулемета и скоро перестали, мы бросились въ атаку и порубили 34 турка, и захватили одинъ пулеметъ безъ патроновъ, поломали въ куски и бросились тикать.

Пріѣхали въ городъ Дильманъ, а ни айсоровъ, ни армянъ не видать, только все курды и персы грабятъ айсорскія села и гонятъ барашекъ, и видать трупы убитыхъ по дорогѣ и думали, всѣ айсоры погибли.

Мы начали безъ боя тикать, а впереди насъ видать далеко пыль до неба. Мы думали, что главный турецкій отрядъ наступаетъ.

Пріѣхали въ Хайтахты, тамъ ни русскаго коменданта, никого, только видать по дорогѣ дѣти плачутъ. Нельзя было ихъ взять, потому что ихъ было много. Было жалко смотрѣть.

Поднялись на Кущинскій перевалъ, дорога была перерѣзана курдскими разбойниками. Вступили въ бой противъ курдовъ и былъ убитъ вахмистръ Исаакъ Ивановъ. Не успѣли его взять, оставили на мѣстѣ.

Опустились съ Кущинскаго перевала, нашли отступающихъ айсоръ, спросили: «Гдѣ Ага-Петросъ?» «Уже три дня, какъ онъ въ Урміи».

Пріѣхали въ Урмію, пробыли 15 дней въ Урміи, и кругомъ начались передовыя стычки.

15 мая городъ Урмія былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ турками.

Видное дѣло — гибли русскіе и айсоры. Сдѣлали общее собраніе въ присутствіи русскихъ офицеровъ.

Ага-Петросъ говорилъ, что нужно сдаться туркамъ, потому что онъ имѣлъ письмо отъ командующаго 4 турецкой арміи Халила-паши.

А русскіе не желали, говорили: «Лучше погибать» и устроили флотилію на плотахъ и хотѣли переплыть Урмійское озеро на Шерифхане.

Были всѣ убиты персами, погибло 8 полковниковъ, и 32 офицера и солдаты. Начали турки и курды наступать. Айсоры всѣ бьются до послѣдняго. Боевой запасъ кончился, снарядовъ нѣтъ.

20 мая турки были въ 5 верстахъ отъ Урміи.

Айсоры сдѣлали второй митингъ и рѣшили: на русскую землю нельзя итти, потому что все Закавказье занято турками, а лучше прорваться на востокъ, можетъ быть соединимся съ англичанами.

Моментально были собраны войска, 4 тысячи кавалеріи подъ командой полковника Кондратьева, и 6 тысячъ пѣхоты подъ начальствомъ полковника Кузмина и артиллерійская бригада подъ начальствомъ полковника Соколова.

Въ пяти верстахъ отъ города около селенія Диза были выставлены 24 орудія въ рядъ.

А турки думали, что сегодня айсоры будутъ сдаваться.

Полковникъ Соколовъ приказалъ открыть огонь изъ 24 орудій.

Открыли ураганный огонь по турецкимъ позиціямъ.

Турки помѣщались на горѣ.

Были сбиты 4 турецкихъ орудія.

Начали мы общее наступленіе.

Всѣ попы и архіереи устроили на полѣ молебенъ, дѣло пошло дружно, были турки атакованы, и мы прорвали фронтъ.

А съ другой стороны Урміи турки вступали въ городъ.

А въ городѣ остались только американская и французская миссія и нѣсколько тысячъ айсоровъ.

По словамъ перебѣжчиковъ, всѣ оставшіеся были вырѣзаны курдами и турками.

А мы отступали по Гейдарабатской дорогѣ.

Впереди шла конница и четыре орудія, а въ тылу находились айсоры русско-подданные, а по бокамъ народа армяне и горные айсоры.

Турецкая кавалерія преслѣдовала.

Идутъ впереди сильные бои и сзади бой, все разбивается... села... деревни...

Отъ Гейдарабата до Солужбулага 60 верстъ.

Вся дорога была переполнена вьюками, баранами и народомъ.

Дорога узкая.

Вьюки падаютъ. Бросаютъ дѣтей и спѣшатъ впередъ, день и ночь ѣдемъ и ѣдемъ, ни отдыха... ничего и только слышимъ крикъ и шумъ, плачутъ бѣдныя дѣти.

Матерей и отцовъ нѣтъ. Одни дѣти спятъ на серединѣ дороги, а другія играютъ на краю дороги въ травѣ, но боятся змѣй, а змѣй тамъ было масса.

Мы держали дорогу на Ревандузъ.

Верстахъ въ 20 отъ Ревандуза узнали, что тамъ находится штабъ 4 Мосульской Арміи.

Повернули влѣво на Союнъ-Кало.

На 15 день какъ ушли изъ Урміи въ Союнъ-Кало встрѣтились съ англичанами. Одни изъ насъ радовались, что спаслись, а другіе плачутъ: ни дѣтей, ни родныхъ.

Англичане дали приказъ три дня отдыхать.

Черезъ три дня айсоры начали двигаться впередъ.

Въ четыре часа дня въ Сеюнъ-Кале возстали персы и начали стрѣлять съ крышъ по женщинамъ и дѣтямъ.

Англичане бросили свои сумки и пулеметы, сѣли на голыхъ лошадей. Видно дѣло плохо.

По приказанію полковника Куамина завернуть (остановить) англичанъ, поставили мы противъ англичанъ пулеметы, и завернули англичане.

Вмѣстѣ съ англичанами атаковали городъ Сеюнъ-Кале; и были выгнаны изъ города, согнаны въ одно глубокое ущелье персы и курды и окружены со всѣхъ сторонъ, и были уничтожены до одного, и городъ былъ сожженъ.

И отступили опять по безводной дорогѣ, то безъ хлѣба, то безъ воды, наконецъ дошли до Биджара, въ Курдистанѣ, 450 верстъ.

Потеряли въ дорогѣ одну восьмую часть народа: тотъ погибъ безъ воды, тотъ въ бою. Вступили въ Керманшахскую долину. Тамъ нѣтъ ни жилища, ничего.

Одни плодородные дремучіе лѣса.

Тамъ живутъ звѣри свободные.

Мы видѣли массу удавовъ и гадюкъ, какъ столбы, а обезьяны, какъ птицы на деревѣ.

Тамъ мы хлѣба не видали.

Воды много. Питались сладкими фруктами и орѣхами.

Прибыли въ городъ Керманшахъ.

Тамъ не тѣ народы какъ въ Урміи. Между ассирійцами и инструкторами тутъ произошли недоразумѣнія.

Горные и урмійскіе айсоры говорили, что нужно идти изъ Керманшаха на Хамаданъ всего 220 верстъ горами.

А русскіе инструктора шли по картѣ и держали на востокъ день и ночь.

Русско-подданные айсоры изъ Карска пошли съ русскими офицерами, и братъ патріарха съ ними.

Дошли до города Багдада, тамъ опять другой свѣтъ и другіе народы.

Лошадей мѣняли въ деревняхъ.

А народъ здѣсь моется не въ водѣ, а въ пескѣ, какъ куры.

Въ городѣ Багдадѣ пробыли всего 8 дней, повернули опять на Хамаданъ, шли 600 верстъ, прибыли въ Хамаданъ.

Были арестованы, какъ русскіе большевики: поручикъ Васильевъ, подпоручикъ Степаніанцъ, инструкторъ Лазарь Зервандовъ.

По приказанію англійскаго Главнокомандующаго были мы освобождены изъ-подъ ареста. Оружіе наше было очень хорошее — все отобрали.

Лазарь Зервандовъ.

Такъ написалъ Лазарь для меня. Я же напечаталъ это въ книжкѣ «Эпилогъ». Михаилъ Зощенко очень удачно спародировалъ эту вещь.

Зощенко — «Серапіонъ».

По серединѣ зимы въ нижнемъ этажѣ завелись «Серапіоновые братья». Происхожденіе ихъ слѣдующее. Въ студіи «Дома Искусства» читалъ Ев. Замятинъ. Читалъ просто, но про мастерство, училъ, какъ писать прозу.

Учениковъ у него было довольно много, среди нихъ Николай Никитинъ и Михаилъ Зощенко. Никитинъ маленькаго роста, бѣлокурый, мы его звали «человѣкомъ адвокатскаго пафоса». Это про домашнія дѣла. Находится подъ вліяніемъ Замятина. Возлежитъ на его правомъ плечѣ. Но пишетъ не подъ него, а сложнѣй. Зощенко — черноволосъ и тихъ. Собой красивый. Онъ на войнѣ отравленъ газами, имѣетъ сильный порокъ сердца. Это и дѣлаетъ его тихимъ. Человѣкъ онъ не самоувѣренный, все не знаетъ, какъ будетъ писать дальше? Хорошо началъ писать уже послѣ студіи у «Серапіоновъ». Его «Разсказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» очень хороши.

Тамъ есть неожиданныя фразы, поворачивающія весь смыслъ разсказа. Съ Лѣсковымъ онъ связанъ не такъ тѣсно, какъ это кажется. Можетъ писать внѣ Лѣскова, такъ напримѣръ, онъ написалъ «Рыбью самку». Когда его книгу дали въ типографію набрать корпусомъ, наборщики набрали ее самовольно цицеро.

«Очень хорошая книга», — говоритъ, — «пусть народъ читаетъ».

Въ серединѣ Серапіоновъ лежитъ Михаилъ Слонимскій. Прежде его всѣ уважали, онъ служилъ секретаремъ въ издательствѣ Гржебина и писалъ «Литературные салоны». Потомъ написалъ плохой разсказъ «Невскій проспектъ», потомъ началъ писать скэтчи и овладѣлъ техни-

кой нелѣпости. Пишетъ хорошо. Теперь его никто не уважаетъ, потому что онъ хорошій писатель. Помолодѣлъ до своихъ 23 лѣтъ. Лежитъ на кровати, иногда работаетъ двѣнадцать часовъ въ сутки. Въ дыму. До полученія академическаго пайка, какъ Никитинъ и Зощенко — голодалъ баснословно. Пафосъ его писанія: сложный сюжетъ безъ психологической мотивировки. Этажемъ ниже, въ обезьянникѣ, живетъ Левъ Лунцъ. Лѣтъ ему 20. Только что кончилъ университетъ по романо-германскому отдѣленію. Веніаминъ «Серапіоновъ». Впрочемъ у нихъ три Веніамина. Левъ Лунцъ, Володя Познеръ, который сейчасъ въ Парижѣ и настоящій Веніаминъ — Веніаминъ Каверинъ.

Лунцъ пишетъ все время и все время по разному. Часто хорошо. Обладаетъ какой-то дикой мальчишеской жизнерадостью.

Когда онъ кончилъ университетъ, «Серапіоны» въ домѣ Сазонова качали его. Всѣ. И мрачный тогда Всеволодъ Ивановъ кинулся впередъ съ боевымъ крикомъ киргиза. Чуть не убили, уронивъ на полъ. Пришелъ тогда къ нимъ ночью профессоръ Грековъ, провелъ пальцемъ по позвоночному лунцевскому столбу и сказалъ:

«Ничего, можно ноги не ампутировать».

Чуть, чуть не обезножили. Черезъ двѣ недѣли Лунцъ танцовалъ съ палкой. У него двѣ драмы, много комедій. И онъ плотно набитъ, есть что изъ него вынимать. Лунцъ, Слонимскій, Зильборгъ, Елизавета Полонская — мои ученики. Только я не учу писать; я имъ разсказалъ, что такое литература. Зильборгъ Каверинъ мальчикъ лѣтъ двадцати или меньше, широкогрудый, румяный, хотя до-

ма съ Тыняновымъ вмѣстѣ сидитъ часто безъ хлѣба. Тогда жуютъ неприкосновенный запасъ сухихъ кореньевъ.

Крѣпкій парень.

Писать началъ при мнѣ. Очень отдѣльный писатель. Работаетъ сюжетомъ. У него есть разсказъ «Свѣчи и щиты», въ которомъ люди играютъ въ карты, а у картъ свое дѣйствіе. Каверинъ — механикъ — сюжетный конструкторъ. Изъ всѣхъ «Серапіоновъ» онъ одинъ не сентименталенъ. Зощенко — не знаю, онъ тихо говоритъ.

Елизавета Полонская носила вмѣстѣ съ А. Векслеръ черныя перчатки на рукахъ, это былъ знакъ ихъ ордена.

Пишетъ стихи. Въ міру врачъ, человѣкъ спокойный и крѣпкій. Еврейка, не имитаторша. Настоящей густой крови. Пишетъ мало. У ней хорошіе стихи о сегодняшней Россіи, нравились наборщикамъ. Елизавета Полонская единственный «Серапіоновъ братъ» — женщина. Названіе общества случайное. Гофманомъ «Серапіоны» не увлекаются, даже Каверинъ, скорѣй уже Стивенсономъ, Стерномъ и Конандъ-Дойломъ.

Ходилъ еще по Петербургу Всеволодъ Ивановъ. Ходилъ отдѣльно, въ вытертомъ полушубкѣ, съ подошвами подвязанными веревочками.

Пріѣхалъ онъ изъ Сибири къ Горькому. Горькаго въ Петербургѣ не было. Пріютили Иванова пролетарскіе писатели. Они сами народъ голый. Писатели они не придворные. Дали они Иванову что могли — комнату. Ѣсть было нечего. Рядомъ былъ складъ макулатуры. Топилъ Ивановъ комнату бумагой, градусовъ въ 18. Согрѣется и не хочетъ ѣсть.

Пріѣхалъ Горькій, его прикрѣпилъ къ «Дому Ученыхъ» —и не на пасекъ, а на выдачи. Паекъ бы не дали: книгъ не имѣлъ человѣкъ. Горькій же познакомилъ Иванова со мной, я его передалъ «Серапіонамъ».

Самъ Всеволодъ человѣкъ росту большого, съ бородой по скуламъ и за подбородкомъ, косоглазый какъ киргизъ, но въ пенснэ. Прежде былъ наборщикомъ. «Серапіоны» приняли его очень ласково. Помню собрались въ комнатѣ Слонимскаго, топимъ печку задней стѣнкой стола. Сидитъ Ивановъ на кровати и начинаетъ читать:

«Въ Сибири пальмы не растутъ».

Всѣ обрадовались.

Ивановъ пишетъ теперь много, не всегда ровно. Мнѣ «Цвѣтные вѣтры» его не нравятся. Не по идеологіи, конечно. Какое мнѣ дѣло до идеологіи? Не нравится мнѣ, что слишкомъ всерьезъ написано «Кружевныя травы», какъ сказалъ Зощенко. Сжеманена вещь. А писатель не долженъ, давая вещи, напирать на себя. Нужна не иронія, но свободныя руки. Очень хорошъ разсказъ «Дите». Онъ развивается сперва, какъ будто по Бретъ-Гарду: грубые люди находятъ ребенка и ухаживаютъ за нимъ. Но дальше вещь развертывается неожиданно. Ребенку нужно молоко. Ему крадутъ киргизку съ младенцемъ, но чтобы хватило молока на своего ребенка, убиваютъ желтаго маленькаго конкурента.

Ивановъ женатъ, у него недавно родилась дочка.

Есть среди «Серапіоновъ» теоретикъ Илья Груздевъ, ученикъ Бориса Эйхенбаума и Ю. Тынянова.

Къ концу зимы пришелъ еще одинъ поэтъ Николай Тихоновъ. Изъ кавалористовъ красноармейцевъ.

Ему 25 лѣтъ, кажется, что у него пепельные волосы, а онъ на самомъ дѣлѣ сѣдой блондинъ. Глаза открытые, сѣрые или голубые. Пишетъ хорошіе стихи. Живетъ внизу, въ обезьяннинкѣ съ Всеволодомъ Рождественскимъ. Хорошо Тихоновъ разсказываетъ про лошадей. Какъ, напримѣръ, нѣмецкія лошади взятыя въ плѣнъ саботировали и измѣняли.

Еще есть Константинъ Фединъ. Тотъ изъ плѣна пришелъ, изъ германскаго. Революцію пропустилъ. Въ плѣну сидѣлъ. Хорошій малый, только традиціоненъ немного.

Вотъ я впустилъ въ свою книжку «Серапіоновъ». Жилъ съ ними въ одномъ домѣ. И я думаю, что главное политическое управленіе не разсердится на нихъ за то, что я пилъ съ ними чай. Росли «Серапіоны» трудно, если бы не Горькій, пропали бы. Алексѣй Максимовичъ отнесся къ нимъ сразу очень серьезно. Они въ себя больше повѣрили, Горькій чужую рукопись почти всегда понимаетъ, у него на новыхъ писателей удача.

Не вытопталась, не скокошилась еще Россія. Растутъ въ ней люди, какъ овесъ черезъ лапоть.

Будетъ жить великая русская литература и великая русская наука.

Пока «Серапіоны» на своихъ вечерахъ каждую пятницу ѣдятъ хлѣбъ, курятъ папиросы и играютъ послѣ въ жмурки. Господи, до чего крѣпки люди! И никто не видитъ, чѣмъ нагруженъ человѣкъ по его слѣду, только слѣдъ бываетъ то мельче, то глубже.

Не хватило пролетаріата, а не то сохранились бы еще металлисты.

Видалъ я въ Россіи и любовь къ машинѣ, къ настоящей матеріальной культурѣ сегодняшняго дня.

Въ зиму 1922 года шелъ я по Захарьевской. На Захарьевской помѣщается Автогужъ. Сейчасъ его уже нѣтъ, тамъ онъ, кажется, цѣликомъ ликвидированъ.

Ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ въ костюмѣ шоффера. «Здравствуйте» — говоритъ — «господинъ инструкторъ».

Называетъ свою фамилію. Ученикъ изъ школы шофферовъ.

«Господинъ инструкторъ» — говоритъ ученикъ и идетъ рядомъ со мной — «вы не въ партіи? Подъ партійнымъ въ Россіи подразумѣваютъ, обыкновенно, большевика.

«Нѣтъ», говорю, «я въ Институтѣ Исторіи Искусствъ».

«Господинъ инструкторъ» говоритъ ученикъ и идетъ рядомъ со мной, а зналъ меня только по школѣ, — «машины пропадаютъ, станки ржавѣютъ, готовыя отливки лежатъ брошены, я — въ партіи, я не могу смотрѣть. Господинъ инструкторъ, почему вы съ нами не работаете?»

Я не зналъ, что ему отвѣтить.

Люди, держащіеся за станки, всегда правы. Эти люди прорастутъ, какъ сѣмена. Разсказываютъ, что въ Саратовской губерніи взошелъ хлѣбъ отъ прошлогодняго посѣва. Такъ вырастетъ и новая русская культура.

Кончиться можемъ только мы, Россія продолжается.

Кричать же и торопить нельзя.

Въ 1913 году былъ въ циркѣ Чинизелли слѣдующій случай. Одинъ акробатъ придумалъ номеръ, состоящій въ томъ, что онъ прыгалъ съ трапеціи, надѣвъ петлю на шею. Шея у него была крѣпкая, узелъ петли приходился на затылкѣ, очевидно сама петля проходила подъ подбородкомъ, и онъ потомъ вынималъ изъ петли голову, лѣзъ вверхъ и дѣлалъ съ трапеціи публикѣ ручкой. Номеръ назывался «Человѣкъ съ желѣзной шеей». Разъ онъ ошибся, петля попала на горло, и человѣкъ повисъ повѣшенный. Началась паника. Принесли лѣстницы. Не хватаютъ. Полѣзли къ нему, но забыли взять съ собой ножъ. Долѣзъ до него акробатъ, а изъ петли вынуть не можетъ. Публика воетъ, а «Человѣкъ съ желѣзной шеей» виситъ и виситъ.

Съ галерки, въ одной верхней ложѣ встаетъ, между тѣмъ, человѣкъ купеческаго склада, крупный, по всей вѣроятности, добрый, протягиваетъ впередъ руки и кричитъ, обращаясь къ висящему:

«Слѣзайте — моя жена — плачетъ!» Фактъ.

Весна въ Петербургѣ 1922 года была ранняя. Послѣдніе годы весна всегда бываетъ ранняя, но мѣшаютъ морозы. Это отъ того, что мы принимаемъ каждую оттепель за весну.

Холодно, но хватаетъ силъ. Когда дуетъ теплый вѣтеръ, это — какъ птицы съ земли для Колумба.

Весна, весна, кричатъ матросы на палубахъ.

Эйхенбаумъ говоритъ, что главное отличіе революціонной жизни отъ обычной то, что теперь все ощущается. Жизнь стала искусствомъ. Весна — это жизнь. Я думаю,

что голодная корова въ хлѣву не такъ радовалась веснѣ, какъ мы.

Весна, то-есть оттепель — на самомъ дѣлѣ былъ лишь мартъ, — наступала.

Уже Давидъ Выгодскій, жившій въ квартирѣ № 56 Дома Искусствъ, открылъ окно на улицу, чтобы согрѣться.

И, дѣйствительно, чернила въ чернильницѣ на его письменномъ столѣ растаяли.

Вотъ въ такую теплую ночь и ушелъ я вмѣстѣ съ санками отъ освѣщенныхъ оконъ своей квартиры

Ночевалъ у знакомыхъ, имъ ничего не сказалъ. Утромъ пошелъ въ государственное издательство взять разрѣшеніе на выходъ книги «Эпилогъ».

Въ Госиздатѣ еще ничего не знали, но пришелъ туда случайно одинъ знакомый и сказалъ:

«У васъ засада».

Я жилъ въ Питерѣ еще двѣ недѣли. Только перемѣнилъ пальто. Ареста я боялся не сильно. Кому нужно меня арестовать? Мой арестъ дѣло случайное. Его придумалъ человѣкъ безъ ремесла Семеновъ.

И изъ-за него я долженъ оставить жену и товарищей.

Оттепель мѣшала уйти по льду.

Потомъ подморозило. На льду было туманно. Я вышелъ къ рыбачьей будкѣ. Потомъ отвели меня въ карантинъ.

Не хочу писать о всемъ этомъ.

Помню: легально пріѣхала въ карантинъ одна старуха 60-70 лѣтъ.

Она восхищалась всему. Увидитъ хлѣбъ.

«Ахъ, хлѣбъ». На масло и на печку она молилась.

А я спалъ цѣлый день въ карантинѣ.

Ночью — кричалъ. Мнѣ казалось, что въ рукѣ у меня рветъ бомба.

Ѣхалъ потомъ на пароходѣ въ Штетинъ. Чайки летѣли за нами.

По моему онѣ устроили слѣжку за пароходомъ.

Крылья у нихъ гнутся, какъ жесть.

Голосъ у нихъ, какъ у мотоциклетки.

Пора кончать книжку. Жалко, хоть и жалобно кончить со старухой, грѣющейся у чужого огня. Конецъ двухъ книгъ долженъ соединять въ себѣ ихъ мотивы. Вотъ почему я пишу здѣсь о докторѣ Шедѣ. Докторъ Шедъ, это американскій консулъ въ Урміи.

Докторъ Шедъ ѣздилъ по Урміи въ шарабанѣ. Всѣ четыре колеса шарабана были одинаковы. Надъ шарабаномъ на четырехъ палкахъ была укрѣплена крыша съ маленькими фестончиками. Шарабанъ былъ простой и четырехугольный, какъ спичечный коробокъ.

Шарабанъ былъ безъ фантазіи, гдѣ нибудь въ Америкѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, такіе шарабаны были, вѣроятно, обыкновенны.

Докторъ Шедъ самъ правилъ своимъ шарабаномъ, сидя на правой сторонѣ прямоугольной передней скамейки.

Сзади, спиной къ нему, сидѣла или его сѣдая жена, или рыжая дочь.

И жена и дочь были обыкновенныя.

У доктора Шеда были сѣдые волосы, а одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ.

Обыкновенный.

Ни пулемета, ни знамени на шарабанѣ доктора Шеда не было.

Жилъ докторъ Шедъ около Урміи, и шла глиняная стѣна американской миссіи на нѣсколько верстъ.

За стѣной не рѣзали, тамъ была Америка. Четырехугольный шарабанъ ѣздилъ по всей Сѣверной Персіи и по всему Курдистану.

Я увидалъ доктора Шеда въ первый разъ на совѣщаніи, когда мы требовали у персовъ пшеницы. Это былъ декабрь 1917 года.

Муллы въ зеленыхъ чалмахъ, гладя красныя бороды красными руками съ крашенными ногтями, ласково говорили намъ, что они пшеницы не дадутъ.

Толстый завѣдующій хозяйствомъ арміи генералъ Карновъ съ мягкимъ со складками животомъ, подъ мягкими складками сильно поношеннаго кителя, ласково говорилъ персамъ, что мы пшеницу возьмемъ. Ногти у него были не крашенныя, а обкусанныя.

Русскій консулъ Никитинъ (его убили потомъ, при отходѣ) нервничалъ и метался.

И тутъ среди насъ возникъ докторъ Шедъ въ черномъ сюртукѣ.

Чернымъ столбикомъ стоялъ онъ среди насъ. Волосы у него были мытые и пушистые.

Я сидѣлъ въ углу, френчъ мой былъ сильно поношенъ, и былъ безъ шубы, въ непромокаемомъ пальто съ обмызганными краями рукавовъ.

Стыдился ихъ и закрывалъ ладонями.

Шубу я бросилъ на погромѣ.

Здѣсь я былъ, какъ фальшивая мачта. Такую мачту ставятъ на кораблѣ послѣ бури, привязывая къ остатку срубленной старой настоящей мачты.

Я былъ комиссаромъ арміи.

И вся моя жизнь изъ кусковъ, связанныхъ однѣми моими привычками.

Докторъ Шедъ сказалъ:

«Господа! Вчера я нашелъ на базарѣ у стѣны, лежащаго шестилѣтняго мальчика, совершенно мертваго».

Не только Робинзонъ, если бы перенести его, въ его лохматой одеждѣ изъ шкуръ съ необитаемаго острова на Лондонскую улицу, былъ бы страненъ.

Страненъ былъ и докторъ Шедъ, считающій трупы на Востокѣ, гдѣ убитыхъ не считаютъ.

Разъ, въ дорогѣ на Кущинскомъ перевалѣ увидалъ я караванъ.

Верблюды шли размашистымъ шагомъ.

Ихъ спины подъ высокими вьючными сѣдлами казались похожими на спины борзыхъ.

Звенѣли колокола подъ мордами верблюдовъ. Рысью частили лошади, перебивая мельканіемъ своихъ ногъ широкіе взмахи ногъ мягко ступающихъ верблюдовъ.

Лошади ниже верблюда и со стороны видны на фонѣ однѣхъ верблюжьихъ ногъ.

Я спросилъ:

«Что везете?»

Мнѣ сказали:

«Серебро доктору Шеду».

Конвойныхъ почти не было.

Серебро шло къ доктору Шеду непрерывно, и никто не накладывалъ на него рукъ, потому что все мѣнялось и мѣнялись люди, ищущіе убѣжище за глиняной стѣной американской миссіи, но докторъ Шедъ кормилъ всѣхъ.

О горекъ чужой хлѣбъ, и круты чужія лѣстницы! Горьки были очереди «Дома Ученыхъ!»

А любителямъ синкротическихъ эпитетовъ скажу:

«Горька мраморная лѣстница «Дома Ученыхъ».

И горьки девять фунтовъ чешскаго сахара. И горекъ дымъ изъ щелей трубы моей печки. Дымъ разочарованья.

Но круче и горьче всего деревянныя лѣстницы Берлина. А пишу я здѣсь на ломберномъ столѣ.

Помню какъ раздавали паскъ въ Урміи у Дегалинскихъ воротъ.

Громадная толпа курдовъ, почти голыхъ въ лохмотьяхъ и въ полосатыхъ половикахъ, накинутыхъ на плечи (форма одежды, какъ извѣстно, встрѣчающаяся на Востокѣ), толпа рвалась къ хлѣбу.

Сбоку раздатчика стоялъ человѣкъ — или два, не помню — съ толстой нагайкой и умѣло умѣрялъ натискъ толпы, неспѣшными, но непрерывными тяжелыми ударами.

Когда русскіе ушли изъ Персіи, оставивъ армянъ и айсоръ на произволъ судьбы...

У судьбы же нѣтъ произвола, напримѣръ, если человѣка не кормить, то у него одна судьба — умереть.

Русскіе ушли изъ Персіи.

Айсоры защищались съ героизмомъ волка, кусающаго автомобиль за фары.

Когда же турки ихъ окружили, они прорвали кольцо и побѣжали всѣмъ народомъ къ англичанамъ въ Багдадскую землю.

Шли горами, и падали лошади, и падали вьюки, и бросали дѣтей.

Какъ извѣстно, брошенныя дѣти не рѣдкость на Востокѣ.

Кому извѣстно?

Не знаю, кто собираетъ извѣстія на Востокѣ.

А у судьбы нѣтъ произвола — брошенныя дѣти умираютъ.

Тогда докторъ Шедъ сѣлъ на свой четырехколесный шарабанъ и поѣхалъ вслѣдъ бѣгущему народу.

Хотя, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ?

Айсоры шли горами.

Въ этихъ горахъ нѣтъ дорогъ, а вся земля покрыта камнями, какъ будто прошелъ каменный дождь.

Лошадь на этихъ камняхъ за сто верстъ истираетъ подковы.

Когда въ 1918, голодомъ мѣченномъ, году зимой умирали люди среди обоевъ, покрытыхъ ледяными кристаллами, то трупъ брали и хоронили съ великимъ трудомъ.

Плакали по умершимъ только весной.

Весна же пришла, какъ всегда: съ сиренью и бѣлыми ночами.

Плакали по умершимъ только весной, потому что зимой очень холодно. Айсоры заплакали по своимъ дѣтямъ уже у Ниневіи, тогда когда почва подъ ихъ ногами сравнялась и смягчилась. Горько плакали весной въ Петербургѣ. Горько еще заплачетъ когда-нибудь оттаявшая Россія.

Вышла ссора между горными айсорами и урмійскими.

До этого они не враждовали.

Такъ иногда въ 1918, голодомъ мѣченномъ, году, среди обоевъ, притертыхъ льдомъ къ стѣнамъ, люди спали вмѣстѣ, потому что такъ теплѣй. Было такъ холодно, что они даже не ненавидѣли другъ друга.

До весны.

Урмійскіе айсоры хотѣли итти назадъ отомстить за разоренныя мѣста и зарѣзать Синко убійцу.

Бросая дѣтей, они знали, что Синко идетъ сзади. У горныхъ же уже перекипѣло сердце, и слишкомъ устали они, чтобы идти черезъ горы въ третій разъ.

У Ниневіи они были почти дома.

Турокъ уже не было.

Дрались съ одними курдами.

Для айсоровъ персы, какъ масло для ножа.

Урмійскіе айсоры шли быстро.

Синко бѣжалъ въ Тавризъ.

Айсоры обложили Тавризъ.

Тавризъ большой городъ, въ немъ очень много дверей въ глиняныхъ стѣнахъ улицъ.

Персидскіе города считаются не на количество жителей, а на число дверей. Двери низенькія, съ деревянными запорами, а что за ними неизвѣстно. Айсоры узнали бы; хотя они и сломали бы двери не изъ любопытства.

Тогда докторъ Шедъ сѣлъ на правую сторону передней скамейки своего шарабана.

Чернаго шарабана съ желтыми колосами. Докторъ Шедъ въ черномъ сюртукѣ, съ сѣдыми волосами проѣхалъ сквозь войско айсоръ въ городъ Тавризъ.

Докторъ Шедъ вывелъ, навстрѣчу войску съ ободранными ногами и сердцемъ — но однѣ только желѣзныя подковы лошадей стираютъ каменныя горы — три тысячи пятьсотъ дѣтей, подобранныхъ имъ тогда, когда онъ поѣхалъ вслѣдъ бѣгущему народу.

Докторъ Шедъ отдалъ дѣтей отцамъ, и самъ взялъ Синко рукой за руку, посадилъ его рядомъ съ собой на переднюю скамейку прямоугольнаго шарабана и увезъ судить въ Багдадъ къ англичанамъ.

Никто не преградилъ дорогу Шеду.

Нѣтъ, не нужно было мнѣ писать этого. Я согрѣлъ свое сердце. Оно — болитъ.

Жаль мнѣ Россію. Кто научитъ русскихъ вьючить на верблюдовъ полосатые вьюки и связывать шерстяными веревками длинныя змѣи каравановъ, которыя пойдутъ черезъ опустѣлыя поля Поволжья.

Докторъ Шедъ, я человѣкъ съ Востока, потому, что идетъ Востокъ отъ Пскова, а раньше отъ Вержболова и идетъ Востокъ, какъ и прежде, отъ русской границы до трехъ океановъ.

Докторъ Шедъ! Горьки лѣстницы изгнанія. Докторъ Шедъ! Пестрой крысой прошелъ я дорогу отъ Ушнуэ до Петербурга съ бѣгущими солдатами; я прошелъ дорогу отъ Жмеринки до Петербурга, въ голой толпѣ плѣнныхъ, идущихъ изъ Германіи.

Съ нами шелъ вагонъ съ гробами и на гробахъ было написано смоляной скорописью: «Гробы обратно».

А сейчасъ живу среди эмигрантовъ, и самъ обращаюсь въ тѣнь среди тѣней.

Горекъ въ Берлинѣ шницель по-вѣнски.

Я прожилъ въ Петербургѣ съ 1918 по 1922.

Именемъ Вашимъ, и именемъ доктора Горбенко, который не позволилъ народу убить раненыхъ грековъ въ Херсонѣ, и безыменнымъ именемъ шоффера, просящаго меня придти спасать станки, я кончаю эту книгу.

ОГЛАВЛЕНІЕ

В. ШКЛОВСКИЙ

ТЕХНИКА ПИСАТЕЛЬСКОГО РЕМЕСЛА

Издательство "Антиквариат"

1986

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Издательство "Антиквариат"

1986

ВИКТОРЪ ШКЛОВСКІЙ

ХОДЪ КОНЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Издательство "Антиквариат"

1986